НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны універсітэт

ПРАБЛЕМЫ ТЭОРЫІ І ГІСТОРЫІ СЛАВЯНСКАГА СЛОВАЎТВАРЭННЯ

Даклады Шостай Міжнароднай канферэнцыі
Камісіі па славянскаму словаўтварэнню
пры Міжнародным камітэце славістаў

Мінск / Беларусь 2 – 6 сакавіка 2003 г.

Мінск
ВТАА “Права і эканоміка»
2004

ББК 81.2
УДК 808.26-5
П 75

Рэцэнзенты:
доктар філалагічных навук А.Г. Задворная
кандыдат філалагічных навук І.У. Каліценя

Рэкамендавана да друку
Вучоным саветам Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі

Навуковыя рэдактары: А.А. Лукашанец
З.А. Харытончык

П 75 ПРАБЛЕМЫ ТЭОРЫІ І ГІСТОРЫІ СЛАВЯНСКАГА СЛОВАЎТВАРЭННЯ. Даклады Шостай Міжнароднай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск / Беларусь 2 – 6 сакавіка 2003 г. – Мн.: ВТАА “Права і эканоміка», 2004. - 276 с.
ISBN 985-442-092-2

У зборніку змешчаны даклады, прачытаныя на Шостай Міжнароднай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў “Праблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння”, якая адбылася 2 – 6 сакавіка 2003 года ў Мінску на базе Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага універсітэта.

Даклады прысвечаны актуальным пытанням тэорыі сучаснай дэрываталогіі, праблемам даследавання словаўтваральных сістэм сучасных славянскіх моў. Разглядаюцца некаторыя аспекты гісторыі славянскай дэрываталогіі, сучасныя працэсы і тэндэнцыі ў развіцці сістэм славянскага словаўтварэння.

ББК 81.2
УДК 808.26-5

ISBN 985-442-092-2

© Калектыў аўтараў, 2004
© ВТАА «Права і эканоміка», 2004

ЗМЕСТ

Ад рэдактараў 5

У памяць аб Юраю Фурдзіку (17.08.1935 – 07.08.2002) 6

Прафесар Багуслаў Ёзаф Крэя (17.03.1931 – 26.12.2002) 9

И.С.Улуханов (РФ). Некоторые вопросы теории исторического словообразования 11

Е.С. Кубрякова (РФ). О ключевых проблемах теории словообразования 22

A. Nagórko (ФРГ). Uęcie funkcji słwotwórstwa w pracach językoznawczych XX wieku 32

K. Waszakowa (Польшча). Wpływ najnowszych zapożyczeń na repertuar i funkcje środków słowotwórczych współczesnej polszczyzny 39

О.П.Ермакова (РФ). Активные тенденции изменений семантической структуры производных имён лиц 52

Е.И. Коряковцева (Польшча).Тенденции развития русских и польских nomina actionis с изофонными формантами 63

Е.В.Петрухина (РФ). Словообразовательная семантика в системе языковых значений 76

Г.П. Нещименко (РФ). О некоторых тенденциях в развитии современного славянского словообразования 85

С. Менгель (ФРГ). Процессы специализации и взаимодействия на уровне словообразования в языковом континууме восточнославянской письменности XI – XУII веков 98

K. Kleszczowa (Польшча). Faktografia we wnioskowaniu o ewolucji systemu słowotwórczego 110

В.Н. Виноградова (РФ). Полимотивированность как фактор эволюции словообразовательной системы 117

И.Г.Милославский (РФ). Словообразовательная семантическая модификация в активной грамматике русского языка 123

Б. Тошович (Аўстрыя). Словообразовательный корреляционал: категориальные отношения 130

Г.А. Николаев (РФ). Синкретизм и словообразование в истории славянских языков 156

М. Ферран (Францыя). Об одном разногласии между Г.О. Винокуром и В.В. Виноградовым 164

А.В. Никитевич (Беларусь). Производное слово и словосочетание: взаимодействие дериватов с общим корнем 166

З.А. Харитончик (Беларусь). О сохранении мотивированности аббревиатур 176

А.А. Лукашанец (Беларусь). Да праблемы інвентарызацыі словаўтваральных сродкаў беларускай мовы 185

Р.С. Манучарян (РФ). Нулевые корни 194

J. Sierociuk (Польшча). Niektóre aspekty leksykalizacji słowotwórczej 198

Л. Селимски (Балгарыя/Польшча). Nomina actionus/acti ў беларускай і балгарскай мовах. Нерэгулярныя ўтварэнні 203

Нам-Син Чо (Карэя). Сопоставительное изучение словообразовательного процесса в русском и корейском языках 213

Т.Г. Трофимович (Беларусь). Ономасиологическая структура производного наименования и типология предметной номинации 223

Е.Г. Лукашанец (Беларусь). Проблемы арготического словообразования 231

В.Д. Калиущенко (Украіна). Словообразовательные универсалии (типологический эксперимент) 241

А.А. Пузик (Украіна). Отадъективные глаголы эссесивной семантики в украинском языке (в сопоставлении с английским и немецким языками) 248

І.Г. Дода (Беларусь). Словаўтваральныя асаблівасці ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах 265

АД РЭДАКТАРАЎ

2 – 6 сакавіка 2003 года ў Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце (Мінск) адбылася чарговая Шостая Міжнародная канферэнцыя Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў “Праблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння”. Гэты зборнік змяшчае даклады, прачытаныя падчас канферэнцыі, а таксама матэрыялы тых членаў Міжнароднай камісіі па славянскаму словаўтварэнню, якія прыслалі заяўкі і свае матэрыялы, але па розных прычынах не змаглі прыняць удзел у канферэнцыі.

Акрамя членаў камісіі ў рабоце канферэнцыі таксама прынялі ўдзел спецыялісты па славянскаму і тэарэтычнаму словаўтварэнню з Мінска, Масквы, Данецка і іншых гарадоў Беларусі і Расіі. Іх даклады таксама ўключаны ў гэты зборнік.

Як відаць са зместу зборніка, у час работы канферэнцыі было разгледжана і абмеркавана шырокае кола актуальных праблем, звязаных з вывучэнне розных аспектаў сучаснага славянскага словаўтварэння, працэсаў і тэндэнцый, якія вызначаюць развіццё словаўтваральных сістэм сучасных славянскіх моў. Значная ўвага была ўдзелена пытанням гісторыі рускага і славянскага словаўтварэння, тэарэтычным праблемам і новым напрамкам сучаснай дэрываталогіі.

Рабочымі мовамі канферэнцыі былі ўсе славянскія мовы, таму даклады публікуюцца на той мове, на якой яны былі прачытаны на канферэнцыі.

За час, што прайшоў з моманту правядзення папярэдняй канферэнцыі ў верасні 2001 года ў Хале-Вітэнбергу (ФРГ) славянскае словаўтварэнне панесла цяжкія страты – пайшлі з жыцця вядомыя вучоныя, пастаянныя члены Міжнароднай камісіі па словаўтварэнню пры МКС і актыўныя ўдзельнікі ўсіх яе канферэнцый славацкі вучоны Юрай Фурдзік і польскі лінгвіст Багуслаў Крэя. У зборніку змешчаны матэрыялы, прысвечаныя іх памяці.

Аляксандр Лукашанец
Зінаіда Харытончык

У ПАМЯЦЬ АБ ЮРАЮ ФУРДЗІКУ
(17.8.1935 – 7.8.2002 гг.)

7 жніўня 2002 г. пасля цяжкай хваробы ва ўзросце няпоўных 67 гадоў памёр прафесар, доктар філалагічных навук Юрай Фурдзік, выдатны славацкі мовавед, вядомы універсітэцкі педагог, член Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў ад самага пачатку яе заснавання ў 1996 г. і актыўны ўдзельнік усіх яе пачынанняў. Памёр вялікі вучоны, дарагі, добры чалавек, асоба з якасцямі, якія не так часта праяўляюцца адначасова: творчы, празорлівы інтэлект разам са сціпласцю, добразычлівымі адносінамі да калег, асабліва да маладых, крытычнай патрабавальнасцю да іншых, але ў першую чаргу да сябе.

Ю. Фурдзік нарадзіўся ў Браціславе, філалагічную адукацыю па славакістыцы і мадзьярыстыцы, дапоўненую вывучэннем польскай і сербскахарвацкай моў, ён атрымаў на філасофскім факультэце Браціслаўскага універсітэта імя Яна-Амаса Каменскага ў 1953 – 1958 гг. Месцам яго працы, а таксама навуковай дзейнасці з 1958 г. быў філасофскі факультэт Прэшаўскага універсітэта і Кошыцкі універсітэт імя Паўла-Ёзэфа Шафарыка (прафесарам славакістыкі ён стаў пасля выбрання на пасаду ў 1996 г.). Ён выкладаў тут марфалогію і лексікалогію (з'яўляючыся сааўтарам падручнікаў па гэтых дысцыплінах для універсітэтаў), а ў апошнія гады разам з гэтымі дысцыплінамі выкладаў таксама параўнальную граматыку славянскіх моў. Праф. Ю. Фурдзік быў гарантам напрамку "агульнае мовазнаўства". Вядомыя яго грунтоўныя лекцыі на летніх курсах славацкай мовы і культуры "Studia Academica Slovaca" ў Браціславе. Цэлае дзесяцігоддзе ён быў рэгулярным лектарам на Летніх курсах па вывучэнні славянскіх моў у Празе. Шырокія колы славянскай і неславянскай грамадскасці ў Славакіі і за яе межамі ведаюць Ю. Фурдзіка як аўтара шматлікіх навуковых прац і выступленняў на навуковых канферэнцыях, як спецыяліста з шырокім кругаглядам, які свае глыбокія веды ў галіне славакістыкі, славістыкі, агульнага мовазнаўства, а таксама свае супастаўляльныя і тыпалагічныя здабыткі змог абаперці на саліднае веданне будовы некаторых неславянскіх моў і на веды з адпаведнай лінгвістыкі, менавіта венгерскай і французскай.

Дамінантнымі навуковымі галінамі Ю. Фурдзіка з'яўляюцца: дэрываталогія, марфалогія і лексікалогія, цікавіла яго і пранікненне словаўтваральных з'яў у іншыя пласты моўнай сістэмы. Даследаванні і кнігі Ю. Фурдзіка – гэта каштоўны ўклад у метадалогію лінгвістыкі, у агульную лінгвістыку і ў параўнальнае вывучэнне словаўтварэння славянскіх моў. У кнізе "Словаўтваральная матывацыя і яе моўныя функцыі" (1993 г.) ён прадставіў звесткі пра розныя бакі словаўтваральнай матывацыі. Гэта – сінтэтычны, комплексны, шматмерны вобраз аб цэнтральным паняцці тэорыі ўтварэння слоў, пабудаваны на папярэдніх апублікаваных даследаваннях, прычым аўтар вырашае тут і шэраг філасофскіх, семіятычных і камунікатыўных пытанняў. Напрыклад, аналагічнае словаўтварэнне як асобны дэрывацыйны тып Ю. Фурдзік, у адрозненне ад многіх іншых аўтараў, у тым ліку і ад Сасюра, звязвае яго не з сінтагматычным аб'ёмам, а з парадыгматычным памерам функцыянавання словаўтваральных тыпаў, параўн. таксама даследаванне "Analogie dérivative et dérivation analogique", змешчанае ў "Recueil linguistique de Bratislava", 5, 1978). Словаўтвараль-

ная матывацыя – тэма, якая прайшла праз усё яго жыццё, – развіваецца Ю. Фурдзікам у апошнія гады шляхам выпрацоўкі тыпалогіі матывацый, рэлевантных слоўнікаваму складу (параўн. даследаванне ў зборніку матэрыялаў канферэнцыі нашай словаўтваральнай камісіі ў Катавіцах ("Motywacja słowotwórcza między innymi typami motywacji leksykalne", Katowice, 2000 г.). Істотным укладам у тэорыю славянскага словаўтварэння з'яўляецца інтэрпрэтацыя Ю. Фурдзікам т.зв. дэматывацыйнага цыкла, апублікаваная ў калектыўнай манаграфіі "Дынаміка слоўнікавага складу сучаснай славацкай мовы"(1989 г.). Менавіта тут аўтар дае тлумачэнне сістэматызацыйнай, інтэграцыйнай, семантыка-кандэнсацыйнай і адаптацыйнай (прыстасавальнай) функцыі словаўтварэння ў моўнай сістэме, лапідарна сфармуляванай наступным чынам: "Словаўтварэнне ў адносінах да слоўнікавага складу як цэлага выконвае функцыю сістэматызатара, у адносінах да новаўтвораных слоў – функцыю інтэгратара, у адносінах лексічных адзінак да шматслоўных назваў – функцыю семантычнага кандэнсатара, у адносінах да запазычаных слоў – функцыю адаптатара".

Наватарскі характар носяць працы Ю. Фурдзіка ў галіне дыяхранічнага словаўтварэння. Метадалогію вывучэння генезісу словаўтваральных сродкаў славацкай мовы аўтар прадставіў у кнізе "Са словаўтваральнага развіцця славацкай мовы" (1971 г.) і ў серыі даследаванняў аб генезісе і функцыянаванні словаўтваральных сродкаў у перыяды, якія з'яўляюцца этапамі ў перыядызацыі гісторыі славацкай літаратурнай мовы, пачынаючы з кадыфікацыі літаратурнай славацкай мовы Людавітам Штурам (1843 г.) – да характарыстыкі тэндэнцый у развіцці словаўтварэння славацкай мовы пасля 1918 г.: "Аб утварэнні назваў дзеяння і вынікаў дзеяння ў перыяд Л. Штура" (1968 г.), "Аб утварэнні некаторых дэвербатываў у перыяд Маціцы" "(1969 г.). Кніга і гэтыя даследаванні з'явіліся асновай для дысертацыі на атрыманне вучонай ступені кандыдата філалагічных навук. Ю. Фурдзік напісаў главу "Словаўтваральныя змены" для кнігі "Najnowsze dzieje języków slowiańskich" ("Навейшая гісторыя славянскіх моў"). Славацкая мова" (1998 г.) з "апольскай" серыі манаграфій аб паасобных славянскіх мовах. Ён пасунуў наперад на восі часу навуку аб развіцці словаўтваральных сродкаў у славацкай мове, а менавіта на перыяд з 30-х гадоў XX стагоддзя да сённяшняга дня.

З параўнальных славянска-іншамоўных даследаванняў трэба згадаць метадалагічныя артыкулы "Zum Vergleich von Wortbildungsystem im slawischen und nicht slawischen Sprachen (am Material des Deutschen und Slowakischen" (у "Zeitschrift für Slawistik", 1986), "Славацкія эквіваленты некаторых тыпаў кампазітаў у венгерскай мове" (1976 г.). Для спалучэння якаснага аналізу словаўтваральнай матывацыі, падмацаванай статыстычнымі данымі, Ю. Фурдзік уводзіць тэрмін *матывацыйная насычанасць тэксту* – параўн. "Матывацыйная насычанасць тэксту ў славацкай і нямецкай мовах" (у "Супастаўляльна-параўнальнае вывучэнне моўнай камунікацыі", 1991 г.). Вельмі актуальнымі з'яўляюцца даследаванні Ю. Фурдзіка, у якіх падыходзячым tertium comparationis ён лічыць найменне, параўн. "Анамасіялагічныя сіметрыя і асіметрыя ў славянскіх мовах" (1995 г.).

У зборніках матэрыялаў навуковых канферэнцый, арганізаваных Міжнароднай камісіяй па славянскім словаўтварэнні пры Міжнародным камітэце славістаў, прадстаўлены каштоўныя даследаванні Ю. Фурдзіка аб актуальных праблемах тэорыі ўтварэння слоў: "Сінергічны характар словаўтваральнай матывацыі" (Магдэбург,

1999), “Славянскае мовазнаўства з пункту гледжання агульнага мовазнаўства” (Інсбрук, 2000 г.). “Вечную” праблему суадносін словаўтваральнага значэння, лексічнага значэння і анамасіялагічнай структуры вырашае Ю. Фурдзік у сваім апошнім артыкуле “Да анамасіялагічнай структуры словаўтварэння”, апублікаваным у 2002 г. у зборніку матэрыялаў канферэнцыі, якая праходзіла ў горадзе Лютэрштат (Вітэнберг) у 2001 г.

Прафесар Юрай Фурдзік быў выдатным універсітэцкім педагогам, які навучыў многіх студэнтаў і аспірантаў творчай навуковай працы. Нават пагэтаму яго будзе неставаць навуцы ў Славакіі, усёй культурнай сферы.

Смерць застала прафесара Юрая Фурдзіка, цяжка хворага, падчас творчай працы. Шмат распрацаваных праектаў, паміж якімі і канцэпцыя новага тыпу словаўтваральнага слоўніка, засталася ў рукапіснай спадчыне аўтара.

Члены Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў выказваюць прафесару Юраю Фурдзіку, паважанаму і міламу калегу, падзяку за яго працу ў гэтай камісіі і за ўсю яго мовазнаўчую творчасць – найлепшы ўклад славацкіх лінгвістаў у славістыку. Вечная памяць яму!

Клара Бузашыова
(Браціслава, 14 красавіка 2003 г.)
Пераклад са славацкай мовы І.І. Лучыца-Федарца

ПРАФЕСАР ДОКТАР БАГЎСЛАЎ-ЮЗЭФ КРЭЯ (17 САКАВІКА 1931 – 26 СНЕЖНЯ 2002)

26 снежня 2002 года памёр прафесар Багўслаў Крэя, прадстаўнік польскага асяроддзя ў дзвюх Камісіях Міжнароднага камітэта славістаў – Камісіі па славянскаму словаўтварэнню і Лексікалагічна-лексікаграфічнай камісіі.

Паланістыку прафесар Крэя закончыў у Люблінскім каталіцкім універсітэце у 1955 годзе, пасля гэтага ён пайшоў працаваць у Аддзел атласа і слоўніка польскіх гаворак Польскай акадэміі навук у Кракаве. Годам пазней пераехаў у Познань, дзе быў аспірантам прафесара Уладыслава Курашкевіча. Праз 4 гады ён атрымаў ступень кандыдата навук на аснове сваёй працы "Паралельныя формы займеннікаў тыпу jego/go і jeji/ji ў польскай мове". З 1961 г. прафесар Крэя жыў і працаваў у Гданьску, спачатку ў Педагагічным інстытуце, потым – у Гданьскім універсітэце. Ён выконваў функцыю кіраўніка Інстытута сучаснай польскай мовы. Доктарскую дысертацыю абараніў у Познані ў 1969 г. на падставе манаграфіі "Словаўтварэнне экспрэсіўных назоўнікаў у польскай мове" (Гданьск, 1969 г.). Тытул ніжэйшага прафесара атрымаў у 1976 г., а праз два гады – тытул вышэйшага прафесара.

Навуковыя інтарэсы праф. Крэі звязаны з некалькімі тэматычнымі коламі. Цэнтральнае месца займае словаўтварэнне. Багўслаў Крэя належыць да перадавых прадстаўнікоў польскага словаўтварэння, а калі гаварыць пра гістарычнае словаўтварэнне, то ў 2-ой палове XX ст. ён у гэтай галіне быў найлепшым. Яму ўдалося ўстанавіць шмат новых фактаў, а вядомыя – паказаць у новым святле. Ён валодаў уласным арыгінальным бачаннем словаўтварэння, паказваў, што крыніцай новых назваў утваральных мадэлей з'яўляюцца перш-наперш уздзеянні, што выплываюць з боку лексічнага ўзроўню, а не са словаўтваральнай сістэмы, якая разумеецца абстрактна.

Навуковыя інтарэсы прафесара Крэі не абмяжоўваліся словаўтваральнай тэматыкай, хоць заўсёды яны былі звязаныя з ёю. Шмат увагі прафесар прысвяціў дыялекталагічным даследаванням – ён прадстаўляў Кракаўскую школу Казімежа Ніча, хаця прымаў удзел у пачынаннях Варшаўскай школы, якою кіраваў Вітальд Дарашэўскі. Ён цікавіўся марфалагічнай будовай уласных назваў, становячыся тым самым прадстаўніком польскага анамастычнага асяроддзя. Ён жыва ўдзельнічаў у культурнамоўных акцыях, займаючы пазіцыю вядомага і паважанага ў Польшчы эксперта ў пытаннях моўных норм.

Прафесар Крэя быў мнагагранным вучоным, які паддаваў моўныя факты шматбаковай інтэрпрэтацыі – у шырокай часавай плоскасці, з улікам дыялектнага матэрыялу, часта з выкарыстаннем аналагічных з'яў з іншых славянскіх моў. З аднаго боку, прафесара цікавіла гісторыя мовы, часам нават вельмі аддаленая ад сучаснасці, з другога – ён быў дасканалым назіральнікам сучаснай польскай мовы. У яго разуменні гісторыя пераплятаецца з сучаснасцю. Нават артыкулы Прафесара аб нормах мовы, адрасаваныя неспецыялістам, з'яўляюцца крыніцай ведаў для дасведчаных лінгвістаў, бо ён закранаў новыя факты, не даследаваныя раней (параўн. зборнік артыкулаў пад назвай "Гавару – значыць, я ёсць. Размовы аб сучаснай польскай мове", Гданьск, 2000 г.). Папулярызатарская дзейнасць прафесара Крэі мела цалкам

навуковую вартасць. Гэта не было паўтарэнне падручнікавых звестак, а разважлівы роздум над зменлівасцю мовы. Прафесар Крэя – не толькі інтэрпрэтатар моўных фактаў. Праз інтэрпрэтацыю ён адкрывае новыя факты. Ён шукаў іх не для самога апісання, а для лепшага разумення эвалюцыі мовы. У гэтай ступені заслугі Багуслава Крэі – выключныя.

Спіс публікацый прафесара Крэі налічвае 330 пазіцый. З яго манаграфій варта адзначыць: "Паралельныя формы займеннікаў тыпу jego/go і jeji/ji ў польскай мове" (Познань, 1962); Словаўтварэнне экспрэсіўных назоўнікаў у польскай мове. Утварэнні на -ik, -k, -isko і -ina" (Гданьск, 1969 г.); "З марфалогіі і марфатактыкі сучаснай польскай мовы" (Вроцлаў, 1989); "Мясцовыя назвы Кацеўя і ваколіц" (Гданьск, 1988); "Кніга прозвішчаў Гданьскай зямлі" (Гданьск, 1998; "Словаўтварэнне польскіх прозвішчаў. Суфіксальныя структуры" (Кракаў, 2001).

Свае артыкулы прафесар Крэя друкаваў у "Języku Polskim" ("Польская мова"), аднак многія з іх надрукаваны ў іншых часопісах, у тым ліку па-за межамі Польшчы, некаторыя – у цяжкадаступных зборніках. Аднак да іх лёгка дабрацца: у апошнія гады выдавецтва Гданьскага універсітэта апублікавала пяць друкаваных зборнікаў: "Даследаванні з польскага словаўтварэння" (1996); "Польскае словаўтварэнне на славянскім фоне" (1999); "З агульных пытанняў польскага словаўтварэння. Даследаванні" (2000); "Даследаванні і словаўтваральныя эскізы" (2002); "Словы і выразы. Даследаванні і эскізы з гісторыі лексікі, словаўтварэння і культуры мовы" (2002). Назвы тамоў (зборнікаў), а таксама падбор і размяшчэнне артыкулаў у іх – гэта своеасаблівы аўтарскі сінтэз навуковага здабытку прафесара Багуслáва Крэі.

Раптоўная смерць Прафесара з'явілася нечаканасцю для мовазнаўчага асяроддзя. Ён быў незвычайна энергічным, творчым чалавекам, які актыўна ўдзельнічаў у навуковым і культурным жыцці краіны. Калі ж да гэтага дадаць рысы Яго асобы – сціпласць, добразычлівасць, талерантнасць, пачуццё гумару, – не прыходзіцца здзіўляцца, што журба з прычыны адыходу Прафесара – вялікая. Нас пакінуў не толькі заслужаны працаўнік навукі, аўтарытэт для маладых паслядоўнікаў-лінгвістаў. Ад нас адышоў любімы і шаноўны чалавек.

Крысціна Кляшчова (Катавіцэ)
Пераклад з польскай мовы І.І. Лучыца-Федарца

И.С.УЛУХАНОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1. В названиях трех сборников последних лет, изданных Комиссией по словообразованию, содержатся либо союз *и*, либо слово *отношение*, а в немецком названии инсбрукского сборника – два термина с *inter-: interaktiv* и *interdisziplinдr* (WORTBILDUNG 2000; SŁOWOTWÓRSTWO 2001; SL. WORTBILDUNG 2002). Это говорит о том, что Комиссия – в соответствии с одной из общих тенденций развития языкознания – стремится не замыкаться в рамках одного уровня, а рассматривает связи словообразования как науки с другими сферами языкознания, а словообразования как языкового уровня – с другими сферами языка и другими способами номинации. Союз *и* стоит и в названии данной конференции “Проблемы теории и истории словообразования”. В докладе мне и хотелось бы рассмотреть некоторые вопросы, связывающие теорию, которая вырабатывалась и вырабатывается главным образом на базе синхронного словообразования, и историю (диахронию), которая может использовать и развивать эту теорию.

Об этом использовании в настоящее время конкретно можно говорить только в рамках того подхода (направления), который принято называть “системным или системно-функциональным”. Приветствуя разработку и перспективность других направлений, необходимо констатировать тот факт, что только в рамках “системного” направления осуществлены более или менее полные описания синхронных систем словообразования славянских языков; о каких-либо других направлениях в изучении исторического словообразования, к сожалению, речь вообще, насколько мне известно, не возникала.

Что касается, например, когнитивных диахронических исследований вообще и словообразования в частности, то их развитие может стимулироваться не только синхронными когнитивными исследованиями, но и появлением новых исторических словарей, особенно тезаурусов, в которых благодаря наличию данных о частотности слов и многочисленных контекстов легко выделяются слова, наиболее актуальные для картины мира соответствующей эпохи, и окружение этих слов.

Изучение картины мира, отраженной в языке, ведется, как известно, прежде всего на материале современной лексики, ее семантики и сочетаемости. Учитывается вся лексики – мотивированная и немотивированная, но отмечаются когнитивные свойства мотивированного слова[1] и обращается особое внимание на

[1] "Свойство двойной референции производного знака – отсылать и к действительности, и к языку – должно быть осмыслено с когнитивной точки зрения как способность человека характеризовать новое знание через уже имеющееся, комбинировать готовые и отработанные структуры знания в целях выражения нового (подобного тому, как это делается в рамках высказывания и дескрипции мира), использовать значение словообразовательных моделей как готовых форм представления знания о мире" (Кубрякова, 1999, с.25).

элементы картины мира, выраженные словообразовательными формантами[1]. Важность словообразовательного выражения того или иного значения для построения картины мира по данным языка заключается, во-первых, в том, что это значение повторяется в серии слов, т.е. оно в отличие от значения многих отдельных слов известно практически каждому носителю языка, во-вторых, будучи типизированным ("грамматикализованным"), оно тем не менее в большинстве случаев отражает определенный фрагмент внеязыковой действительности и его связи с другим фрагментом (названным мотивирующим словом), либо субъективное отношение носителей языка к этому фрагменту.

Естественно, что на материале только мотивированной лексики нельзя дать системного описания отражения в языке фрагмента мира или нашего знания о нем. Однако, учитывая по крайней мере два названных свойства словообразовательных значений (типизированность и отражение фрагмента действительности) целесообразно выявить те данные о мире и его отражении в языке, которые можно извлечь из семантики мотивированных слов и их отношения к мотивирующему. Это и делается в немногочисленных пока работах по когнитивному словообразованию.

Из всех вопросов, связанных с темой "Словообразование и картина мира" (и в синхронном, и в диахроническом аспектах) я бы выделил в первую очередь три вопроса: 1) словообразовательное выражение реалий и связей между ними; 2) оценка реалий с помощью словообразовательных средств; 3) возможность понимания значения слова на основе знания значений его компонентов и типизированных связей между реалиями.

Эта проблематика, актуальная и в синхронном и в диахронном плане, соответствует, во-первых, тому, что с когнитивной точки зрения "ПС < производное слово – *И.С.* > выступает в первую очередь как языковой способ представления СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ и/или ЕГО ОЦЕНКИ" (КУБРЯКОВА 1999, 26) [ср. п. 1) и 2)], во-вторых, тому что в проблематику когнитивного словообразования входят "правила инференции (семантического вывода)" (КУБРЯКОВА 1999, 23; ср. также КУБРЯКОВА 1996), во многом основанные на знаниях о мире [(ср. п.3)].

Из этих трех первоочередных вопросов я имею возможность очень кратко и только в плане диахронии остановиться на первом вопросе. Не претендуя на введение методов когнитивной лингвистики в историческое словообразование, приведу лишь несколько словообразовательных фактов из древнерусского языка или из церковнославянского языка русской редакции, указывающие на некоторые фрагменты картины мира и устойчивые связи между ними. Если обратиться, например, к причинам опрощения, это многие из них связаны с устойчивыми ассоциациями, являющимися частью менталитета древнерусского книжника. Известно, что метафора "учение – солнце, свет" отразилась в истории таких слов, переживших опрощение, как *просветить, светоч*, "жизнь – море" – в истории глагола *погрязнуть*, "верующие – стадо" –

[1] "Важность идеи коллективного субъекта для русского языка подчеркивается тем обстоятельством, что в нем имеются грамматикализованные средства ее выражения – циркумфиксы *раз-ся, с-ся* в глаголах типа *разбежатся – сбежаться, разлететься – слететься*, префикс *пере-* в глаголах типа *перебывать, переболеть* (Все мои дети перебывали в Париже (переболели корою)) и т.п." (Апресян, 1995, с.57). Ср. также Вендина, 1998.

в истории сущ. *пастырь* и т.п. Евангельский сюжет о предателе Иуде определил судьбу глагола *предать* (УЛУХАНОВ 1966), представление о смерти как о перемещении в мир иной – судьбу глагола *преставиться* и т.д. Разнообразные переносы из материальной сферы в духовную имели место в истории бывших полностью мотивированных *превознести, пресмыкаться, пристанище, одержать, отвергнуть, отвлечь, отвратить, отторгнуть, гнусный, презреть, подвиг* и мн. др.

На церковнославянском языке неоднократно выражалось отрицательное отношение к женщинам: **Красны жены лобзания блюдисѧ,** а**ко змиина ѣда злаго.** Пч. н. XV в., 39 об. В лексике и словообразовании это отношение выражается, например, в том, что ***блоудьница*** в древнерусском и церковнославянском языке русской редакции частотнее, чем ***блоудьникъ*** (131 и 94); то же в старославянском (23 и 3), притом, что мотивированные женские корреляты, как правило, гораздо менее частотны, чем мотивирующие женские.

Редкие случаи обратного мотивационного отношения также (ж → м), по-видимому, имеют экстралингвистическое объяснение: сущ. ***вьдова*** с частотностью 56 (СДРЯ) возглавляет гнездо, где имеется ***вьдовьць*** с частотностью 1 и ***вдовица*** с частотностью 198. Эти факты объясняются, видимо, тем, что *вдова* – более частое явление, чем *вдовец* (ср. в современном языке: по данным ЧС – *вдова* 27, *вдовец* – 1, *вдовица* – 2).

2. Вопрос об использовании теории синхронического словообразования в диахронии был довольно подробно рассмотрен мною в докладе на XI съезде славистов в Братиславе (см. УЛУХАНОВ 1993). Там дана диахроническая интерпретация многих вопросов, связанных с теорией мотивации, изложены задачи изучения истории словообразовательных формантов, типов и способов; поставлен вопрос о создании исторической морфемики и морфонологии славянских языков и т.д. В данном докладе из всего многообразия проблем, относящихся к теории исторического словообразования, я остановлюсь на трех вопросах, почти не затронутых в докладе на XI съезде славистов: 1) ближней и дальней диахронии; 2) синхронно-диахроническом методе; 3) историко-лексикологическом исследовании мотивированных слов.

3. В докладах, читавшихся на конференциях Комиссии по словообразованию, рассматривался общий и вечный вопрос о соотношении синхронии и диахронии в словообразовании. По-разному решался вопрос о “динамике в словообразовании” (так назван доклад BUZÁSSYOVÁ 1999, 217). Словацкие лингвисты в монографии “Dynamika slovnej zasoby súčasnej slovečiny” (BRATISLAVA, 1989) целью синхронной динамики считают изучение периода в 30-40 лет (BUZÁSSYOVÁ 1999, 217). Иного мнения придерживается Е.А. Земская, изучающая функционирование системы словообразования на протяжении примерно того же периода. “Моя работа, – пишет Е.А. Земская, – направлена на изучение микроистории, следовательно, она относится к области диахронического словообразования” (ЗЕМСКАЯ 1999, с.257). Как видим, в названных работах используются разные принципы разграничения синхронии и диахронии. Для словацких лингвистов – это “продолжительность исследуемого периода” (BUZÁSSYOVÁ 1999, 218), для Е.А. Земской – это разграничение отношений в системе и ее развития (ЗЕМСКАЯ 1999, 257). Выбирая между этими количественным и качественным критериями, я бы предпочел последний, но предложил бы, вслед за некоторыми этимологами, различающие ближнюю и дальнюю этимологию, рассматри-

вать *ближнюю диахронию* (период – жизнь одного поколения) и *дальнюю диахронию* (не ограниченную во времени).

Таким образом, ближняя диахрония – это примерно то же самое, что динамика в синхронии, о которой говорили многие лингвисты.

4. От вопроса о ближней и дальней синхронии легко перейти к синхронно-диахроническому методу, применение которого не отменяет, а предполагает разграничение синхронии и диахронии. В известном смысле большинство описаний словообразования является синхронно-диахроническим, а именно те из них, которые совмещают синхронию и ближнюю диахронию; к последней относится описание тенденций развития словообразовательной системы современного языка, проблем продуктивности и т.д. Но в то же время может быть создан совершенно особый – синхронно-диахронический – тип описания системы словообразования.

Центральный и наиболее интересный вопрос, исследуемый с помощью синхронно-диахронического метода – в какой мере связи и соотношения между единицами синхронной системы отражают процесс развития одной единицы из другой. Синхронные лингвистические описания (не только словообразовательные) нередко стихийно отражает развитие одной единицы из другой. Это относится ко многим многозначным единицам, в частности словам (ср. толкование многозначных слов) и словообразовательным формантам. Слабо изучены так называемые “переходные” или “промежуточные” единицы, совмещающие в себе свойства других единиц (в частности, значения префиксов, совмещающие в себе другие значения этих перфиксов: ср. УЛУХАНОВ 1967, 186-187; РУС. ГР. 1980, 358, 359, 362, 364, 365, 367, 369, 370; ЗАЛИЗНЯК 1995, 152; КРОНГАУЗ 1998, 151-154).

В Рус. гр., 1980 мною отмечены семь групп глаголов, префикс которых совмещает значение двух типов с этим префиксом: 1) *вспениться, взбурлить* – “направленность действия вверх” (ср. *взлететь*) и “начало действия” (ср. *взволноваться*); 2) *выварить* (*соль из морской воды*), *вырыть* (*клад из земли*), *выловить* (*бревна из реки*) – "удаление" (ср. *выгнать*) и "добывание" (ср. *высидеть*); 3) *нагрязнить, налипнуть, наследить, насорить* – "направленность на поверхность" (ср. *накатить*) и "накопление" (ср. *натаскать*); 4) *отколоть, отклеить, отлепить, отпаять* – "отделение" (ср. *отломать*) и "аннулирование" (ср. *отсоветовать, отучить*); 5) *переклеить, перехоронить* – "направленность действия из одного места в другое" (ср. *перевезти*) и "повторное действие" (ср. *переделать*); 6) *подмокнуть, подпилить* – "действие, совершенное внизу" (ср. *подлезть*) и "незначительная интенсивность действия" (ср. *подбодрить*), 7) *пролить* – "направленность мимо" (ср. *проехать станцию*) и "ошибка, упущение" (ср. *проглядеть*).

Специальное изучение употребления префиксальных глаголов вскроет, по-видимому, другие связи между значениями префиксов, отражающие их семантическую эволюцию.

Совершенно не изучена еще одна переходная ступень между значениями префиксов – значения многозначных префиксальных глаголов. Компоненты этих значений могут совпадать со значениями данного префикса в других глаголах. Например, значение "окончание действия", свойственное многим глаголам с префиксом *от-* (*отгреметь, отболеть, отцвести* и т.п.) находит соответствие в значениях полисемантичного *отойти*: ср. десятое значение в Сл. рус. яз., 1982: "прийти к концу, за-

кончиться; пройти, миновать... Слава Озерков, как дачной местности, уже *отошла*. Мамин-Сибиряк"; ср. также контексты типа *отошел от науки, от хозяйства*, где глагол *отойти* также означает окончание действия: в Сл. рус. яз., 1982 это оттенок ("перестать заниматься чем-л.; оставить какое-л. дело, занятие") пятого значения "стать далеким, чуждым кому-л., отдалиться". В качестве значения сходная формулировка дана в Сл. рус. яз., 1982 для глагола *оторваться* ("4. Перестать делать что-л., прервать какое-л. занятие", ср.: *не в силах оторваться от книги*); ср. также *болезнь отступила* (=*прекратилась*); *он отступил от своих взглядов* (=*перестал придерживаться*").

Без специального диахронического анализа трудно сказать, явились ли вторичные значения глаголов типа *отойти* источником развития значения окончания у преф. *от-* или сходные процессы развития значений у глаголов и префикса или параллельно; во всяком случае значение "исчезнуть, кончиться" (по СДРЯ) имелось у глагола *отъити* достаточно рано: **Что сѧ дѣютѣ по вѣремьнемь. то идето по вѣрьмьнемъ.** Гр 1229, сп. 1277–1279 (смол.); **отъиде бо свѣ(т) луны. сл нцю въсиавшу.** СбУв XIV_2, 161 (ср. антонимичные значения у некоторых глаголов с приставкой *при-*: *приступить к делу, приняться за дело*, не ставшие источником развития значения начала у приставки *при-*).

Для многих аффиксов существуют и должны быть описаны типы контекстов, в которых совмещается старое и новое значения аффикса. Употребление слов с определенным аффиксом в такого типа контекстах могло быть причиной либо появления, либо распространения и закрепления нового значения аффикса. Так, среди существительных с суфф. *-тель* в древнерусскую эпоху абсолютно преобладали названия лиц. Существительные с предметным значением были единичны (в памятниках XIV–XV вв. отмечены всего 2) и судя по количеству зафиксированных употреблений – малоупотребительны или окказиональны; ср. **невѣститель**, представленное в моем материале двумя контекстами в значении "брачный чертог": **оучааховy** ако **блажнаютьсѧ мънози... млади женивъшесѧ нѣции нихъ съшьдъшеи невѣститель. съвъсхыщають нѣкыа болюбивыа еп(с)пы. стають** [χειροτονουνται] **клирици рекъше попове.** (των νυμφωνων) КЕ, XII, 220б; **Яко женихъ изиде и щьртога прошьдъ въ невѣститель святыи божии** (εις νυμφονα). Канон Фотия, 71, XII в. (Сл XI–XVII). Единственное употребление слова *писатель* в значении "орудие письма" следует рассматривать как окказионализм: **радуитесѧ домове страньнолюбивіи. и х(с)олюбивіи. и мо*d*и немощи заступници. радуитесѧ мои(х) словесъ рачители и теченьѥ и сристанье. и писатели** а**вленьи тающеісѧ.** (γραφιδες) ГБ к. XIV, 131в.

Окказиональным является это значение и в современном языке; ср. в детской речи: *Мама, у карандаша сломался писатель* (Ленинградская правда, 15 декабря 1968 г.).

Активизации употребления слов на *-тель* в значении неодушевленного предмета способствовало, возможно, достаточно типичное уже для древнейших памятников использование названия лица как средства олицетворения в такого рода контекстах: **оузда коневи *правитель* ѥсть и въздьржѧниѥ. правьдьникоу же книгы ѧ.** Изб 1076, 2; **кръ с идолослоужению *разоритель* и бл говѣрию исправлѥниѥ. кръ с**

дв ьствоу *оучитель* и цѣломоудрию *хранитель.* СбУсп XII/XIII, 89а; ***страхъ*** **г нь *родитель* моудрости.** СбТр, 105; ***живо(т)*** **же и** д **хъ нб҃ным сила(м)** ***начинате(л)*** (αποτελεστικον). ГБ к. XIV, 91а; ***Постъ*** **покаянию свѣтилникъ, недугом исцѣлениє... дши *вѣнчатель*, цр ствию вводникъ.** Изм., XVI в., 232 ~XIV и мн. подобные.

Такие контексты (возможные, естественно, и в современном языке, ср.: эта *фирма – строитель* высотных зданий), также можно рассматривать как переходные явления, в которых совмещается старое значение лица и новое применение слова для обозначения не-лица.

Совмещение словообразовательных значений (синхрония, отражающая диахронию) – явление, гораздо более распространенное, чем его описания в научной литературе и потому заслуживающее специального изучения. К приведенным примерам можно добавить: *укус, вышивка* – совмещение места и результата действия (ЯКОВЛЕВ 1980); *хлорировать, асфальтировать, ретушировать* – совмещение наделения объекта и воздействия с помощью определенного средства (УЛУХАНОВ 1977, 212, 213) и мн.др.

В современном языке могут отражаться и диахронические процессы образования новых аффиксов (например, *-нича-* в глаголах типа *модничать*) и новых способов словообразования (например, префиксально-суффиксально-постфиксального – в глаголах типа *очиститься*) (см. об этом УЛУХАНОВ 1972).

5. Если говорить об описании словообразования в области дальней диахронии, то в настоящее время наиболее перспективным кажется максимальное сближение исторического словообразования с исторической лексикологией. Историческое словообразование не может обойтись без детального историко-лексикологического исследования мотивированных слов в их соотношениях с мотивирующими (и производящими, если мотивация и производность не совпадают). Эти возможности расширились благодаря появлению новых лексикографических источников, о которых шла речь выше.

5.1. Историческое словообразование должно опираться на результаты функциональной и генетической классификации словарного состава изучаемого периода [ср. попытку создания такой классификации на материале части вышедших томов “Словаря древнерусского языка” (XI–XIV вв.) в статье УЛУХАНОВ, СОЛДАТЕНКОВА 2002].

Все возможные виды соотношений между единицами этих классификаций в виде исчисления представлены на таблице. Из 21 математически возможной клетки, образуемой тремя функциональными единицами, умноженными на семь генетических, в исследованном материале реализовано 14 (см. примеры, приведенные в клетках).

Эта таблица является эталоном, с помощью которого могут быть представлены функциональные и генетические свойства любой лексической группы, в том числе и словообразовательного типа. Если с помощью этого эталона представить тип отглагольных существительных с суфф. *-тель*, то окажется, что в материале XI–XIV вв. реализовано восемь функционально-генетических разновидностей (см. примеры с *-тель*, приведенные в клетках); причем можно количественно оценить степень упо-

требительности каждой функциональной (строки таблицы) и генетической (столбцы таблицы) разновидности.

Очень небольшое количество слов с *-тель* употреблялось в XI–XIV вв. в разговорной речи: о наличии праславянского (по ЭССЯ) слова *мерзитель* (см. таблицу) в разговорной речи XI–XIV вв. можно говорить только предположительно, поскольку в памятниках этой эпохи оно не зафиксировано, а имеется лишь в современных диалектных словарях (яросл., СРНГ); значение – "мерзкий, гадкий человек, негодяй".

Более вероятно наличие в разговорной речи этого периода восточнославянских рефлексов праславянских слов; так почти все из 18 фиксаций слова *волостель* в картотеке СДРЯ относятся к светским памятникам: ни одно слово с *-тель* так широко не представлено в грамотах; имеется оно и в летописи.

Таблица

Функционально-стилистический статус слов	Происхождение						
	1	2	3	4	5	6	7
	праславянские	восточнославянские рефлексы праславянских слов	восточнославянские новообразования	устные заимствования	старославянизмы	новообразования церковнославянского языка	заимствования в церковнославянском языке
1 разговорные	бѣлъка мерзитель	голова волостель	беспеньныи	бадьѧ			
2 нейтральные	быти приатель	горѧчии	грабитель		добродѣаниѥ строитель	благоразоумьныи	
3 книжные	блоудьникъ блюстель	досажати			доброчьстьѥ чиститель	благобоазнивыи изискатель	адамантъ

Довольно многочисленны нейтральные (т.е. имеющиеся как в церковно-книжных, так и в светских памятниках XI–XIV вв.) слова с *-тель*: среди них преобладают праславянские (*приатель, родитель, моучитель, съвѣдѣтель* и др.) слова и старославянизмы (*строитель, свѧтитель, слоужитель, крьститель, побѣдитель* и др.); восточнославянские новообразования (*грабитель*) единичны.

Значительная часть слов на *-тель* представлена только в книжных памятниках: праславянские (*блюстель, жьритель, крѣпитель, лаатель* и др.), старославянизмы

(*чиститель, жатель, зьдатель, избавитель, обличитель* и др.) и новообразования церковнославянского языка (*изискатель, властитель, възбоудитель, грабитель, истязатель, повелитель* и др.).

Что касается характеристики слов с генетической точки зрения, то среди слов на *-тель* имеются все генетические разновидности, кроме заимствований. В количественном отношении преобладают праславянские, старославянские и церковнославянские по происхождению слова.

Функционально-генетическая классификация слов может быть дополнена хронологической, указывающей на степени продуктивности того или иного типа в различные периоды истории языка. Так, суфф. *-тель* никогда не терял продуктивности: по моим данным в источниках XI века зафиксировано 117 слов; в источниках XII в. впервые отмечено 57 слов, XIII в. – 52 слова, XIV в. – 60 слов, XV в. – 37 слов, XVI в. – 61 слово, XVII в. – 151 слово. В течение первых шести веков (XI–XVI) продуктивность типа была, по-видимому, стабильной, а увеличение продуктивности в XVII веке объясняется постепенной утратой суффиксом книжного характера, что нашло отражение, во-первых, в широком распространении слов с этим суффиксом в памятниках некнижного характера, в значительной степени отражающих язык повседневного общения, во-вторых, в образовании слов с суфф. *-тель* в говорах.

Аналогично могут быть описаны функциональные, генетические и хронологические свойства слов любого словообразовательного типа.

5.2. Изучая историю многих, особенно продуктивных, словообразовательных типов, необходимо выделять их центр и периферию (этот аспект недостаточно учитывается и в синхронном словообразовании). Лексическим центром словообразовательного типа следует считать прежде всего группу наиболее частотных слов, а периферией – малочастотные и окказиональные слова; остальные признаки центра словообразовательного типа (богатство словообразовательного гнезда, разнообразная сочетаемость, полисемия, стилистическая нейтральность или слабая маркированность) в значительной степени обусловлены частотностью употребления, которая, в свою очередь, во многом определяется значением слова.

В результате сопоставления данных о частотности слов с *-тель* в памятниках XI–XIV вв. (СДРЯ) и в современных текстах (ЧС) отмечены некоторые сходства и различия в степени употребительности слов на *-тель* в древнейшую и современную эпохи.

Одно из сходств заключается в том, что все наиболее частотные слова (а для XI–XIV вв., как уже говорилось, почти все слова) являются названиями лиц. Слова на *-тель* с другими значениями (в большом количестве появившиеся только в новое время) гораздо менее частотны.

Среди названий лиц можно выделить слова, частотные в источниках обеих рассматриваемых эпох и представляющих собой своего рода постоянный центр данной лексики: *учитель* (474 – СДРЯ, 99 – ЧС), *строитель* (74 и 87), *родитель* (493 и 57), *победитель* (10 и 47), *приятель* (33 и 47), *свѣ(и)детель* (145 и 37); к этому постоянному центру можно отнести и слово *писатель*, наиболее частотное из слов на *-тель* в современных текстах и менее частотное (3) – в СДРЯ, но достаточно употребительное, судя по Сл XI–XVII, в книжных произведениях XI–XVII вв.

Изучение употребления существительных с суфф. *-тель* в памятниках XI–XIV вв. подтвердило закономерность, сформулированную ранее на основе материалов картотеки СДРЯ: чем чаще слово употребляется в церковно-книжных памятниках, тем "дальше" оно проникает за их пределы – в летописный рассказ, в деловые памятники, в живую речь (УЛУХАНОВ 1968, 23–34). В этих речевых сферах зафиксированы главным образом частотные слова с суфф. *-тель*. Так, наиболее частотное в СДРЯ слово на *-тель* – *родитель* – представлено в грамоте. Самым частотным словом на *-тель* в летописях является слово *приятель*, представленное и в грамоте[1]. Возможно было проникновение слов на *-тель* и в живую речь: в записях речей в летописи отмечено *предатель* [***па(к) же сн ве вамъ молвлю да не погинете дшею и будете предателе ако Июда.***] ЛИ ок. 1425, 186 об. (1164).

Кроме того, в древнерусских летописях отмечены частотные *грабитель, крьститель, роугатель, свѧтитель, слоужитель, оучитель, хранитель*.

Из слов с частотностью менее 10 за пределами церковно-книжных текстов отмечено лишь *томитель* (9 употреблений по СДРЯ): **в послѣднѧа времена тре(м) имены наречетсѧ антихр стъ. бѣгаше бо тимофеи ѡ(т) лица его бѣ бо томитель божромъ и гражаномъ.** ЛИ ок. 1425, 246 об.

Среди слов с суфф. *-тель* достаточно много низкочастотных слов. Они свидетельствуют о способности суфф. *-тель* создавать книжные окказионализмы. Ср., например, ***насѣатель*** "сеятель" (в прямом и переносном значениях), дважды отмеченное в одном памятнике – "Огласительных поучениях Феодора Студита" XIV в. и являющееся, возможно, одним из многих индивидуальных образований русского переводчика этого текста: **насѣатель ра(д)ютьсѧ сѣа сѣмена в землю.** ФСт XIV\XV, 3в; **многохитрец бо.** [сатана] **иже грѣхи ѡбрѣтаать. иже злыи насѣатель.** ФСт XIV/XV, 89–90; в обоих случаях слово употреблено для перевода греч. σπορευς – "сеятель", мотивированного глаголом σπειρω – "сеять".

В докладе были рассмотрены и проиллюстрированы материалом некоторые теоретические проблемы, которые могут встать в процессе работы над историческим словообразованием. Естественно, что рассмотрена лишь небольшая часть проблем. Особой статьи (если не монографии) заслуживала бы, например, проблема применения метода, который я называю исчислительно-объяснительным и использую при описании некоторых подсистем синхронного словообразования. В историческом словообразовании этот метод тесно связан с проблемой реконструкции.

Известно, что успехи исторического словообразования более скромны, чем синхронного, хотя и в этой области ведутся и конкретные описания и обобщающие работы. Сейчас, когда появились новые источники по истории русского языка назрела необходимость создания полного описания исторического словообразования на базе единой теории.

---

[1] Интересно, что сущ. ***неприатель*** – префиксальное образование от ***приатель*** – в картотеке СДРЯ представлено примерами только из грамот (7 контекстов), т.е. слово совершенно не употребительно в книжных памятниках XI–XIV вв.

Литература:

АПРЕСЯН 1995: Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. // Вопросы языкознания. – № 1.

ВЕНДИНА 1998: Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. – Москва.

ЗАЛИЗНЯК 1995: Зализняк Анна А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке. // Russian Linguistics. – Vol. 19.

ЗЕМСКАЯ 1999: Земская Елена А. Динамика системы современного русского словообразования и проблемы словообразовательной нормы. // Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Frankfurt am Main etc. (Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen, Band 3).

КРОНГАУЗ 1998: Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – Москва.

КУБРЯКОВА 1996: Кубрякова Е.С Понимание текста: инференция и области ее действия. // Семантика языковых единиц. Доклады Международной конференции. – Т.1. – Москва.

КУБРЯКОВА 1999: Кубрякова Елена С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ними правила инференции (семантического вывода). // Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. – Frankfurt am Main.

УЛУХАНОВ 1966: Улуханов И.С. Причины семантического преобразования славянизмов. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – № 2.

УЛУХАНОВ 1967: Улуханов И.С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов). // Русский язык. Грамматические исследования. – Москва.

УЛУХАНОВ 1968: Улуханов И.С. О судьбе славянизмов в древнерусском литературном языке (На материале глаголов с приставкой *пре*-). // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. – Москва.

УЛУХАНОВ 1972: Улуханов И.С. О некоторых промежуточных явлениях в словообразовании (к соотношению синхронии и диахронии). // Актуальные проблемы русского словообразования. I. – Самарканд.

УЛУХАНОВ 1977: Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – Москва.

УЛУХАНОВ 1993: Улуханов И.С. Состояние и перспективы развития исторического словообразования славянских языков. // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – Москва.

УЛУХАНОВ, СОЛДАТЕНКОВА 2002: Улуханов И.С., Солдатенкова Т.Н. О некоторых перспективах изучения исторической лексикологии русского языка. // Russian Linguistics. – Vol. 26.

ЯКОВЛЕВ 1980: Яковлев Р.Н. Деривационно-семантический анализ существительных со значением места в русском языке. Автореф. канд. дисс., Ленинград.

BUZÁSSYOVÁ 1999: Buzássyová Klára. Динамика в словообразовании (диахронный и синхронный аспекты) // Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. – Frankfurt am Main etc.

SL. WORTBILDUNG 2002: Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster.

SŁOWOTWÓRSTWO 2001: Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. – Katowice.

WORTBILDUNG 2000: Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand. Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. – Innsbruck.

Словари и тексты:

ГБ к. XIV – Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, к. XIV в., ГИМ, Син., № 954.

Гр 1229 сп. – Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским

1277–1279 (смол.) берегом 1229 г. // Изд.: Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.

Изб 1076 – Изборник Святослава, 1076 г., РНБ, Эрмитажн., № 20. Изд.: Изборник 1076 г. М., 1965.

Изм. XVI в. – Измарагд. Рукоп. БАН, 13.2.7., XIV, сп. XVI в.

Канон Фотия, XII в. – Канон Фотия, посвященный патриарху Мефодию, из июньской служебной минеи XII в. – *Мурьянов М.Ф.* К проблеме критерия художественности в старославянском литературном языке // Вопросы языкознания, 1983.

№ 1. С.71–81.

КЕ XII– Кормчая Ефремовская, XII в. Изд.: В.Н.Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906–1907, т.1, вып.1–3.

ЛИ ок. 1425 – Ипатьевская летопись, СПб, 1908 (Полное собрание русских летописей, т.2).

Пч н. XV в. – Пчела н. XV в., РНБ, F.п. I, 44. Изд.: Древнерусская Пчела по пергаменному списку, Сб. ОРЯС, т.54, СПб., 1893.

СбУв XIV_2 – Сборник, вт. пол. XIV в., ГИМ, Увар., № 589, 1°.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), т. I-,

М., 1988-.

Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.1-, М.,

1975-.

Сл. рус. яз., 1982 – Словарь русского языка, т.II, М., 1982.

СбУсп XII/XIII – Сборник "Успенский", к. XII – н. XIII в., ГИМ,

Усп. 4 перг. Изд.: Успенский сборник XII–XIII вв.

М., 1971.

СбТр XII/XIII – Сборник слов и поучений, в том числе апокрифических, к. XII – н. XIII в., РГБ, Тр.-Серг., № 12 Изд.: Popovski J., Thomson T.J., Veder W.R. The Troickij sbornik. // Полата книгописьная. 1988, № 21–22.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-, М.–Л., 1965-.

ФСт XIV/XV – Огласительные поучения Феодора Студита, XIV–XV вв., РГБ, МДА, ф.172 (1), № 52.

ЧС – Частотный словарь русского языка. М., 1977.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып.1-, М., 1974-.

Е.С. КУБРЯКОВА

О КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Настоящая работа подводит итоги более чем десятилетних исследований в сфере когнитивного словообразования, а также продолжает исследования, связанные с предшествующим этому периоду ономасиологическим направлением, которое, как мы неоднократно подчеркивали, может рассматриваться как ранняя версия когнитивизма в отечественной лингвистике. Хотелось бы отметить, что спад интереса к теории словообразования после 80-ых гг. XX века оказался временным и что с распространением когнитивного подхода наступило время, когда само когнитивное словообразование должно быть выделено наряду с когнитивной семантикой и когнитивной грамматикой в самостоятельную область когнитивной лингвистики. Необходимость такого выделения диктуется как общими устремлениями когнитивной лингвистики, в задачу которой входит соотнесение языковых форм с их когнитивными аналогами, так и более частными задачами когнитивной семантики, направленной на изучение конструируемых в языке значений в их динамике. Очевидно, что без обращения к словообразованию эти задачи не могут получить своего решения: именно в актах словообразования порождаются прежде всего новые значения, фиксируемые в пределах слова и формирующие новые пласты лексики, а, следовательно, именно на этом материале естественнее всего прослеживать динамику возникновения значений и их вариативность.

Не трудно обосновать также и связь ключевых проблем теории словообразования с когнитивной наукой и когнитивной лингвистикой. Ведь когнитивные аспекты подавляющего большинства словообразовательных явлений составляют не только их важнейшие отличительные черты, - анализируя их, мы устанавливаем и главные конституирующие черты самого словообразования в целом, призванного служить фиксации и дальнейшему использованию структур знания и оценки мира, возникающих в процессе его познания человеком.

Если уже с 70-х гг. прошлого века мы подчеркивали доминирующую роль для всего словообразования в целом осуществляемую с его помощью **номинативную** функцию, функцию означивания всего сущего, и развивали в этой связи общие принципы ономасиологического анализа, сегодня значительные достижения ономасиологии сделали возможным перейти от этой ранней версии когнитивизма к следующим этапам его развития, полагая, что главное предназначение словообразовательных систем – это не просто выработка средств моделирования новых единиц номинации с разными формальными и семантическими характеристиками, но само создание специализированной системы вербализации итогов познавательной деятельности человека в **упорядоченном** и **расклассифицированном** виде. Если в **описании** мира участвуют все единицы и все категории языка, то в его **картировании**, в отражении отдельных фрагментов и объектов мира и в их обозначении, а также в их **сортировке** едва ли не решающую роль играют **производные слова** (далее – ПС).

Современные представления о системе словообразования отличаются от традиционных и от тех, что характеризовали ономасиологическое направление, по

крайне мере, в **трех** отношениях: семиотическом, дискурсивном и собственно когнитивном, и о каждом из них можно было бы говорить по отдельности. Так, обогащение теории словообразования за счет семиотического плана словообразовательных явлений обязывает рассматривать сам акт словообразования как акт семиозиса с такими его известными измерениями, как синтактика, семантика и прагматика и уделять большее внимание знаковой сущности ПС и особенно – специфике интерпретант у знаков этого типа (ср. КУБРЯКОВА 2000).

Не меньшее значение мы придаем и обогащению теории словообразования за счет учета действия во всех словообразовательных актах дискурсивного фактора: каждая из создаваемых в этих актах языковых форм образуется так, чтобы предусмотреть ее оптимальное использование в дискурсивной деятельности. Иначе говоря, к анализу словообразовательных явлений надо подходить, учитывая не только их место в объективации результатов предметно-познавательной деятельности человека, но, конечно, и их приемлемость с коммуникативной точки зрения и приспособленность для решения чисто практических целей, ставящихся в дискурсивной деятельности разного типа.

Поскольку разъясняя цели и задачи дискурсивной деятельности, мы имеем дело с вопросами о том, как именно передается в ней (или запрашивается) та или иная информация, а в актах семиозиса все три его измерения (синтактика, семантика и прагматика) обуславливаются общими целями текущего процесса коммуникации, анализ порождения ПС приобретает главным образом **когнитивный** характер: оно служит материализации определенного кванта информации, определенной структуры знания или мнения о мире, оно (возникновение ПС или использование имеющегося) связано с нахождением адекватной формы для указанной структуры, т.е. со способом ее представления в том или ином типе ПС.

В свете сказанного должно быть понятным, почему внутри словообразовательной системы конкретного языка все определяется имеющимися в нем способами моделирования словообразовательных отношений со всеми их формальными и семантическими особенностями и «крутится» вокруг центральной единицы этой системы – вокруг ПС и их объединений, что вводит в систему еще один важнейший ее параметр – представленные в ней **категории**. Если учесть, что ПС оказывается в конечном счете носителем не только уникального лексического значения (а ПС, как всякое слово, реализующее одну из кардинальных частей речи, т.е. полнозначных единиц номинации, не может не демонстрировать определенного лексического значения) и не только носителем определенного грамматического значения (своей части речи), но и носителем особого **сортирующего** (категоризирующего мир и классифицирующего в нем те или иные сущности) значения.

ПС предстает перед нами как двуликий Янус, т.е. как языковая форма, которая, с одной стороны, служа когнитивным целям, отличается своей семантической сложностью и мотивированностью от простых, непроизводных слов данного языка, и которая одновременно, с другой стороны, служа коммуникативным целям и осуществлению дискурсивной деятельности, должна **упаковать** объективируемые ПС структуры знания и оценки мира в удобные, лаконичные, емкие по объему передаваемой информации и способные к легкому передвижению в составе предложений и всего текста последовательности. Заметим также, что к числу требований, предъяв-

ляемых к упаковке знаний с помощью ПС, относятся зачастую и требования, касающиеся **выводимости** информации из формы знака: сложная информация, передаваемая ПС, должна быть хотя бы частично угадываемой, т.е. отождествляемой по составу ПС.

Если считать, что в языке, как в системе, все взаимосвязано, то следует признать и то, что в ПС – этой, действительно, уникальной по своим свойствам единице, - взаимосвязаны когниция и коммуникация, учтены важнейшие для языка функции и предусмотрены требования их удовлетворения в одной и той же единице.

Поскольку целью настоящей работы является рассмотрение ключевых проблем современной теории словообразования, а эти ключевые проблемы мы считаем связанными с когнитивным подходом, мы должны были бы охарактеризовать причастность словообразовательной системы к разного рода когнитивным процессам – прежде всего процессам концептуализации и категоризации мира – или же соотношение разных когнитивных способностей (внимания, восприятия, мышления, воображения, памяти и т.п.) со словообразовательными процессами, категориями и единицами во всех деталях указанных явлений. Все такие исследования помогли бы получить более полное представление о когнитивных аспектах рассматриваемых явлений из области словообразования. Тем не менее из всех перечисленных проблем здесь мы осветим проблемы, касающиеся содержательной стороны ПС, имплицируя этим мысль о том, что ключевые проблемы теории словообразования сегодня связаны с **семантикой** ПС (в широком понимании самой семантики), что с когнитивной точки зрения равносильно вопросу о том, какие именно структуры знания и человеческого опыта подлежат их выражению в рамках ПС или же в различных объединениях этих единиц, а также вопросу о том, почему только определенные концептуальные или когнитивные структуры находят обычно свой способ представления в ПС и их группировках.

Обращение к семантике ПС на новом этапе развития лингвистики мотивировано сразу несколькими обстоятельствами. Отчасти это связано с тем, что за последние несколько десятилетий для многих европейских языков были созданы достаточно полные описания формальных сторон моделирования словообразовательных систем, и сведения о существующих моделях, о выражаемых в них словообразовательных значениях, а в общем виде и о функциях самого словообразования – уже известны. Отчасти возвращение к проблемам семантики ПС могут быть объяснены и тем, что в такой парадигме знания как когнитивная, основное внимание уделялось когнитивной семантике, и можно предположить, что применение ее методик принесет наибольшую пользу в исследовании словообразовательных значений. Наконец, последовательная разработка новой, когнитивно-дискурсивной парадигмы в отечественном языкознании дает основание считать, что в рамках этой парадигмы становится возможным сочетать главные достижения когнитивной семантики с успехами в сфере дискурсивного анализа и семиотики и, таким образом, реализовать комплексный подход к семантике ПС. В результате такого совмещения и синтеза разных парадигм знания (включая самые традиционные и учитывая преемственность исследований в словообразовании как таковом) вырабатывается постепенно такая сложная система координат, внутри которой ПС исследуются не только на перекрестке когниции и коммуникации, как мы уже подчеркивали и ранее (см.,

например, Кубрякова 1999) и что, конечно, уже обязательно, но и в качестве уникальных знаковых единиц, неповторимых по своему устройству и организации, а, главное, своим **функциям**.

Такие функции мы называем **дискурсивными**, если они направлены на порождение связного (когерентного) текста или дискурса **on-line**, **когнитивными**, если они связаны с передачей информации о мире, и, наконец, **семиотическими**, если они связаны с выполнением данным знаком семиотических задач (особенно в части воздействия знака на слушающих или принципов соотношения означаемого знака с его означающим и **интерпретант** знака). Строгое разграничение названных функций вряд ли целесообразно, хотя сам вопрос о том, чем отличается ПС по своим характеристикам от простых знаков (**взамен** чего выступает такой знак в объективной или же воображаемой действительности?), от непроизводных слов или же, напротив, несколькословных единиц номинации, не только вполне уместен, но и весьма актуален.

По своим семиотическим характеристикам ПС отличается от производного уже тем, что имеет не **одну**, а **две** интерпретанты своего значения: формульную, словообразовательную и лексическую. Хотя в идеале они могут и совпадать (прежде всего – при синтаксической деривации), на практике они часто различаются, иногда в большей, иногда в меньшей степени. Ср., например, *пахарь* или *косарь*, которые по формуле должны были бы давать интерпретанту ‘тот, кто пашет’ и ‘тот, кто косит’, но которые реально обладают интерпретантами ‘тот, кто пашет землю’ и ‘тот, кто косит траву’. Ср. также производные типа *заколка* или *задвижка* с их лексическими значениями ‘крепление для волос’ и ‘небольшой засов’ при словообразовательных интерпретантах ‘то, чем закалывают волосы’ и ‘то, чем задвигают, закрывая, двери или дверцы шкафа’. В различии таких интерпретант знака сказывается, конечно, различие мотивированных и немотивированных, холистических знаков.

Оно дает о себе знать и с когнитивной точки зрения. ПС, во-первых, фиксируют ход познавательной деятельности: в их семантике отражается нередко то, каким именно образом была увидена или осмыслена обозначаемая человеком реалия: например, частью какой деятельности она является и в какой роли она в этой деятельности она выступает – производителя действия или его орудия, места совершения действия или же времени ее осуществления. Ср. также процессы отвлечения признака от какой-либо субстанции при образовании качественных и относительных прилагательных или же виденье объекта как лежащего в основе определенного действия (ср. *солить, рулить, цементировать*).

Очевидно, что в этих случаях человек именует фрагменты нового опыта через известное ему из старого, т.е. демонстрирует способность познавать мир шаг за шагом, делать логические умозаключения и использовать имеющиеся данные для получения новой информации.

Хотела бы отметить, что в процессах обозначения и освоения мира человек черпает сведения из его ближайшего окружения, а таким оказывается не только природный мир, но и те типы деятельности, в которые он оказывается вовлеченным. Изучение мотивационных источников у ПС разных категорий и группировок можно считать вследствие этого приоткрывающим завесу в процессах постепенного позна-

ния мира и постепенного накопления и использования складывающегося у человека опыта.

Имея дело с простыми, непроизводными знаками и не зная их этимологии, мы не можем судить о том, каким было увидено то или иное явление и как его истолковал человек: холистические знаки не дают возможности судить о специфике актов познания. В отличие от них ПС, во-вторых, разрешают проникнуть в мир догадок и воображения, в мир сопоставлений и сравнений одной сущности с другой или другими, и не только в том смысле, что мотивирующие единицы дают возможность восстановить ход рассуждений человека об обозначаемом. На фоне отраженных в холистических знаках автономных и самостоятельных сущностях, выделенных из окружающей среды по их отдельности, качественной определенности, когерентной связанности их физических характеристик в некий гештальт, особенно четко проступает тот факт, что ПС фиксируют реалии (объекты, процессы, признаки и т.д.), осмысленные по их **связям, зависимостям, соотношениям**. Камни, скалы, водные пространства (реки, озера, пруды, моря…), части тела человека (руки, ноги, тело…), разные представители животного или растительного мира – то, что получило простейшие наименования, увидены и «картированы» по отдельности (как фигуры на фоне), но то, что получило имя в акте словообразования, увидено и осмыслено по-другому: относительно чего-то иного и по прямой связи с этим другим. Особенно заметна в этом отношении роль **метонимии**, которая по самой своей природе указывает на связь объектов по смежности, по их сопряженности друг с другом.

Можно с полным на то основанием утверждать, что сам генезис ПС отражает определенный уровень познания мира, связанный с постижением взаимодействия и взаимозависимостей между вещами, между объектами и их признаками, между телами и совершаемыми ими или с ними действиями и т.д. Это новая ступень в овладении миром.

Сами факты наименования новых реалий по их роли в определенных типах деятельности, по их месту в ее структуре, свидетельствует, вообще говоря, и о том, что сами эти типы деятельности уже существовали в достаточно развитом виде и, основываясь на этих данных, мы можем высказать предположения о конкретном характере их протекания, а не только об их присутствии в жизни людей определенного периода времени. Некогда А. Исаченко в одном из своих выступлений высказал примечательную идею о том, что если в русском языке слово *лисичка* обозначает гриб с соответствующей яркой окраской (ср. также *рыжик*), это значит, что указанный цвет был выделен и как опознавательный признак лисы. Развивая эти идеи, можно подчеркнуть, как много мы оказываемся в состоянии указать, анализируя семантику ПС по тем концептам и признакам, которые они включают в своем составе и которые при когнитивном взгляде на вещи интерпретируются как живые свидетельства процесса познания мира обыденным сознанием, как источники сведений о разных ступенях познания, о разных его уровнях, о способностях к обобщениям и абстракциям или же, наконец, как источники данных об обработке информации, приходящей по разным каналам, о развитости сенсорики и моторики, о различиях в диапазоне действия зрения и слуха, обоняния и тактильных ощущений и т.п. Но ведь за всем этим стоит в конечном счете и сам человек – с его наблюдательностью, живым воображением, образностью его мышления и общей разумностью, рацио-

нальностью, сочетающейся к тому же со способностью к эмоциональной оценке окружающего его мира.

Этот новый уровень познания связан, таким образом, не только с отождествлением новых реалий в мире, в том числе и созданных **умом** человека и их собственно языковыми определениями (ср. важные в этом отношении противопоставления так называемых номинальных и естественных классов слов), но и **оценкой** опознаваемых и выделяемых реалий. Нельзя забывать о том, что в словообразовательных системах многих языков (особенно - славянских) создается особый пласт экспрессивной лексики, лексики эмоционально-окрашенной и сопряженной с такими, в частности, категориями, как уменьшительность – увеличительность или же квантификационными разрядами на шкале «хорошо – плохо», «много – мало» и т.д.

Когнитологи уже проследили эволюцию в целом ряде таких категорий и их связи между собой, - например, схема развития полисемии в таких суффиксах, которые, первоначально указывая на небольшой размер объекта, постепенно развивают разные значения (по принципу фамильного сходства), начиная от ласкательных и положительно маркированных вплоть до уничижительных, презрительных и окрашенных негативно.

По всей видимости, аксиологическое отношение человека к миру оказывается для него настолько важным, что параллельно развитой системе оценочной признаковой лексике как таковой (в сфере прилагательных) формируется словообразовательная категория оценочности, т.е. выстраиваемая за счет специальных моделей (обычно в области префиксации или суффиксации).

Совокупность всех словообразовательных категорий – как референциально ориентированных на называние целого класса объектов по их функциям, так и упомянутых выше оценочных, создает класс лексики, упорядоченной по тем или иным параметрам, т.е. лексики, расклассифицированной по конкретным рубрикам, систематизированной и распределенной по релевантным с познавательной точки зрения критериям. Деривационные категории как категории **ономасиологические**, объединяющие серии слов со сходными референтами и близкими по своему содержанию концептуальными структурами, играют значительную роль в **сортировке** явлений в мире. Но, как хорошо известно, упорядоченная лексика гораздо легче для любых операций с нею, нежели неупорядоченная – и доступ к ней, и извлечение ее из памяти облечено такими свойствами, как продуктивность класса, частая встречаемость его членов, прозрачность их семантики и т.д.

Начав освещение проблематики, связанной со словообразовательными категориями, мы вступаем в ту область теории словообразования, которая касается столь важной для всей когнитивной лингвистики **категоризации** мира и стоящей за ней концептуализации окружающей человека действительности. Хотя категории, реализуемые словообразовательными средствами, образуют достаточно разнообразный круг значений (иногда – весьма экзотических), в принципе среди них можно выделить категории **трех** типов. Первые как бы подстраиваются под грамматические категории данного языка, они продолжают членение, начатое на грамматическом уровне и способствуют **субкатегоризации** уже сложившихся категорий. Они развивают и дробят категориальные характеристики кардинальных частей речи. Так, например, для существительных показательно дальнейшее членение категории **чис-**

ла, когда наряду с грамматическим противопоставлением единственного числа множественному в языке оказываются представленными специальные средства выражения singularia tantum или же pluralia tantum. В славянских языках нередко маркируется **единичность** объекта (*виноградина*, *бусина*, *жемчужина*; *снежинка*) или, напротив, **множественность**. Сюда же могут быть подключены и разные модели, обозначающие особые **совокупности** объектов или же **собирательность** (ср. *листва*, *братва*; *офицерство*, *дворянство*; *профессура*, *адвокатура* и т.п.). Аналогичные по смыслу категории можно было бы назвать и для глагола и прилагательного.

Второй тип словообразовательных категорий можно было бы назвать **падежными**, или **аргументными**. В дискурсе они маркируют участников ситуации или же ее обстоятельства: таковы категории производителя действия или пациенса или посредника, категории места и времени, орудия и средства совершения действия и т.п.

Наконец, третий возможный тип словообразовательных категорий (их нередко называют тоже ономасиологическими) – это **оценочный**. Естественно, что при исследовании проблем категоризации мира нельзя обойти и вопрос о типологии этих категорий, их номенклатуре, их национальной специфике и, конечно, средствах их выражения. Примером таких исследований могут служить работы об аспектуальных и видовременных категориях у славянского глагола (см., в частности, ПЕТРУХИНА 2000), где, помимо ценных сведений об указанных категориях содержатся и данные о принятом в чехословацкой традиции делении словообразовательных категорий на мутационные, модификационные и транспозиционные; ср. также работы И.С. Улуханова, особенно УЛУХАНОВ 1996).

Указанных мною два первых типа категорий совместно с грамматическими категориями языка создают главные координаты в языковой картине мира, главные рубрики в членении лексикона, каждая из которых может быть описана в виде особого денотативного, или же ноэтического пространства. Возможно, что они имеют прямое отношение и к тем семантическим сетям, которые характеризуют память. В актах создания новых слов они получают не только свою грамматическую определенность, но и маркеры своей принадлежности к той или иной словообразовательной категории, а, следовательно, если использовать когнитивную терминологию, они оказываются space-builders (строителями особых ментальных пространств), а также содержащими указание на свой domain (семантическую область своего существования и функционирования). Возникает возможность рассматривать словообразовательный формант как осуществляющий операцию профилирования в семантической структуре производного слова.

С функционированием в языке словообразовательных категорий связано еще одно важное обстоятельство: если члены грамматических категорий **воспроизводятся**, притом повторяя набор присущих им значений, идущее постоянно развитие словообразовательных категорий приводит к **расширению** и **преобразованию** самих категорий. Продолжающееся включение в них новых членов происходит по принципу **фамильного сходства** или же при ориентации на **прототип** категорий. Но подобное развитие предполагает не только простое пополнение категории новыми единицами: последние, не повторяя полностью набора их свойств и характеризу-

ясь некими **эмерджентными** признаками, становятся источниками семантических сдвигов и изменений, обуславливая появление в составе самой категории новой для нее «ветки», т.е. субкатегории. Ср. рождение на базе Nomina Abstracta в русском языке таких обозначений, которые регулярно совмещают в себе чисто абстрактные значения с появляющимися у них конкретными значениями (таковы, например, названия многих общественных заведений, учреждений, институтов и т.д.). Ср. также обычное образование на базе категории активного производителя действия, Nomina Agentis, категорий инструмента и орудия действия, а далее – и конкретного средства его осуществления и т.п.

Очевидно, что в процессах концептуализации и категоризации мира значительная функциональная нагрузка ложится именно на словообразовательные категории и актуальной проблемой теории словообразования становится анализ того, какие структуры знания и концептуальные объединения отражаются и фиксируются в каждой из таких категорий, по какому принципу они оказываются организованными и, конечно, в каком направлении они преобразуются и развиваются. В иных терминах эту проблему можно было б ставить и как проблему **полисемии** словообразовательных категорий – вплоть до момента, когда некогда многозначная категория демонстрирует словообразовательную **омонимию** как расщепление единой категории на несколько неясно между собой связанных категорий (ср., например, историю таких суффиксов в русском языке, как *–к* или *-ок*). Равнение на какие образцы вызывает к жизни эффект развития по принципу фамильного сходства?

Завершая рассмотрение когнитивных характеристик в сфере словообразования, хотелось бы отметить и существенность с когнитивной точки зрения таких известных черт ПС, как его расчлененность и мотивированность, свидетельствующие об особом способе представления значений в составе этого знака. Конечно, всегда признавалось, что морфологическая расчлененность ПС на конечные составляющие не равносильна его деривационной расчлененности на непосредственно составляющие, т.е. рефлексы самого словообразовательного акта. И то, и другое, однако, может считаться указанием на разные семантические напластования в ходе создания слова и своеобразным ключом к составляющим его **концептам**, ни один из которых не пропадает бесследно. За всеми этими составляющими надо увидеть те концепты, которые, постепенно складываясь и сочетаясь друг с другом, способствовали формированию в ПС его **итогового** значения, когда, сложившись, они образовали **пропозициональную структуру** в основе суждения об объекте и когда эта структура была, наконец, реализована в виде отдельно взятого слова. С одной стороны, здесь подлежит тщательному анализу **механизм редукции**, который позволяет представить значительную часть знаний об объекте в свернутом виде. С другой стороны, не менее важно изучить и как бы обратную сторону дела: **предел** и способы такой редукции, ибо конституирующей чертой ПС является его **мотивированность**, т.е. стремление сохранить в формальной структуре ПС источник его деривации. В идеале ПС должны быть семантически прозрачными или, по крайней мере, семантически угадываемыми. Несмотря на значительные степени свертки значений и их компрессию, в ПС должна «прочитываться» стоящая за ним пропозициональная структура – угадываться некие **связи** и **отношения** за сохраняющимися в формальной

структуре деривата компонентами, а, значит, срабатывать механизмы **инференции, выводных знаний**.

С когнитивной точки зрения всему сказанному можно дать следующую интерпретацию. Если учесть, что когнитивная теория имеет прежде всего дело с объяснением формирования у человека ментальной информации о мире, а значительная часть такой информации является **пропозициональной** (ср. JACKENDOFF 1993, 35), объяснение всех средств ее выражения в языке начинает занимать в ней видное место. Но ПС оказывается в ряду важнейших из этих средств, выступающих вместе с такими единицами, как предложение и словосочетание (ср. ПАНКРАЦ 1992), и должен поэтому существовать такой раздел когнитивной лингвистики, где все подобные средства получили бы свое описание, притом сравнительно друг с другом. Вместе с тем и в пределах самого когнитивного словообразования следует рассмотреть вопрос о том, какие пропозициональные структуры стоят за теми или иными моделями производных и сложных слов и в каких составляющих этих моделей можно усматривать рефлексы пропозиции. Само же наличие рефлексов пропозиции в семантике ПС – это способ сохранить сложную структурацию зафиксированных в них знаний и мнений о мире объективировать их семантическую композиционность самой пропозиции и ее разложимость на отдельные компоненты знания (о композиционной семантике ПС – см. КУБРЯКОВА 2002).

По сути дела ПС демонстрируют небольшие семантические дескрипции объектов: эти аналитические дескрипции должны быть легко восстановимы и общепонятны, притом как на основе знаний о языке, так и на основе знаний о мире. Примеры типа *подоконника*, *заварки*, *медвежатины* и пр. ярко об этом свидетельствуют. Мотивированность ПС следует поэтому усматривать не только в сохранении в его составе определенного мотива обозначения (мотивирующего источника), но и наличия в нем определенного форманта (профиля, классификатора, показателя принадлежности к той или иной категории) и, конечно, модели их объединения. Все это создает некие формулы истолкования однотипных ПС, или же прототипические схемы их интерпретации. Нельзя не отметить, что указанные нами аналитические дескрипции как ядро семантики ПС легко восстанавливаются прежде всего в дискурсе и тексте, где их окружение часто содержит определенные подсказки о их конкретной семантике. Но и самого отдельно взятого производного слова нередко хватает для его интерпретации. На этом построено и юмористическое прочтение и интерпретация таких слов, как *антрекот* ‘кот, который сидит в передней’, *садист* ‘тот, кто сажает сады’ и пр. Стремление восстановить и/или угадать стоящую за ПС структуру знания особенно очевидны в речи ребенка (ср., например, у К. Чуковского, а также в многочисленных работах и словаре С.Н. Цейтлин и А.М. Шахнаровича).

Итак, когнитивный подход позволяет уточнить и детализировать многие сведения о словообразовательных системах разных языков и рассматривать все эти системы как предназначаемые для моделирования уникальных по своим свойствам единиц номинации со статусом ПС, а также для формирования разнообразных объединений этих единиц и их группировок по самым различным формальным и/или семантическим признакам. Все такие объединения, как и сами ПС, отражают результаты картирования, концептуализации и категоризации мира и являют собой

образцы упорядоченных знаний человека и итоги его предметно-познавательной деятельности.

В отличие от таких уровней, как морфология и синтаксис, словообразовательная система представляет собой особый **интерфейс** между прочими уровнями языка, характеризующийся разносторонними связями с этими уровнями и заимствующий у них обязательные для слова в данном языке свойства – обычно способность, выполняя дискурсивные (синтаксические) функции в речи и тексте, быть правильно оформленными морфологически и фонологически. Вместе с тем эти единицы выступают как носители информации упорядоченной, сложно структурированной, обобщенной, когнитивно насыщенной и в то же время частично угадываемой.

Ключевые проблемы теории словообразования по-прежнему касаются семантики единиц и категорий данной системы, описываемой в ее тесной связи с процессами картирования, концептуализации и категоризации мира и со средствами и способами их формального выражения и объективации. Очевидно, что многие из этих проблем ставятся и решаются в современной лингвистике в рамках защищаемой нами когнитивно-дискурсивной парадигмы знания.

Литература:

КУБРЯКОВА 2002: Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования. – Изв. АН, СЛЯ. – Т.61. – №1. – С. 13-24.

КУБРЯКОВА 1999: Кубрякова Елена С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ними правила инференции (семантического вывода) // Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. – Frankfurt am Main, S. 23-36.

КУБРЯКОВА 2000: Кубрякова Елена С. Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта // Wortbildung interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand. – Innsbruck, S. 13-26.

ПАНКРАЦ 1992: Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней. – Москва.

ПЕТРУХИНА 2000: Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. – Москва.

УЛУХАНОВ 1996: Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – Москва. – 221 с.

JACKENDOFF 1993: Jackendoff, R. Semantics and cognition. – 6-th ed. – Cambridge (Mass.). (первое изд. книги вышло в 1983 году).

ALICJA NAGÓRKO

UJĘCIE FUNKCJI FORMANTÓW SŁOWOTWÓRCZYCH W PRACACH JĘZYKOZNAWCZYCH XX WIEKU

1. Temat, którym chcę się tu zająć, nie jest nowy. Myślę, że mieści się on w szeroko zakreślonych ramach naszej konferencji „Problemy teorii i historii słowotwórstwa słowiańskiego". Chęć włączenia się w dyskurs (świadomie wybieram to określenie zamiast „dyskusji", mamy bowiem tu często do czynienia z przejmowaniem tradycji terminologicznej opartym na implicytnych, niepoddawanych dyskusji przesłankach; tradycja ta współtworzy jednak dyskurs naukowy) wynika ze stałej potrzeby porządkowania terminów. Jest to więc przyczynek do teorii. Z drugiej strony narzuca się tu perspektywa historyczna, bowiem będę odwoływać się do tradycji badawczej liczącej co najmniej pół wieku. Od mniej więcej ośmiu lat jej główny nurt w slawistyce wyznaczają prace Komisji Słowotwórczej MKS, o czym łatwo się przekonać wertując kolejne tomy pokonferencyjne[1]. Dorobek to pokaźny, a zarazem zróżnicowany i co do języków i co do zaplecza metodologicznego.

2.1. Lektura prac slawistycznych (choć nie tylko – to samo da się powiedzieć o germanistyce) pozwala dostrzec jako przyjmowany wciąż projekt Milosza Dokulila (1962)[2] z jego triadą: transpozycja, mutacja i modyfikacja. Niektórzy autorzy powołują się również na wcześniejsze Kuryłowiczowskie (1936) rozróżnienie derywacji syntaktycznej i semantycznej (jak np. LASKOWSKI 1971; BUZASSYOVA 2000), co by odpowiadało z grubsza dwu podstawowym typom funkcji słowotwórstwa.

2.2. Podział Dokulila okazuje się zarazem zbyt ciasny, nie obejmujący wszystkiego, toteż dla jego zachowania wprowadza się kategorie mieszane: „transpozycyjno-modyfikacyjne", jak pol. *bijatyka* - '*bić się*' + '*bezładnie, chaotycznie'* „mutacyjno-modyfikacyjne" lub „mutacyjno-ekspresywne", jak pol. *pijus* od *pić* '*pijak* + pogarda' a także „ujemno-mutacyjne" jak pol. *malkontenctwo* od *malkontent* będące uabstrakcyjnieniem podstawy (patrz: GRZEGORCZYKOWA, PUZYNINA 1998, 377; PUZYNINA 1978).

2.3. Z kolei A. LUKASZANIEC (2001), idąc tropem prostych i złożonych funkcji formantów, rozróżnia czystą transpozycję, mutację i modyfikację oraz typy złożone: derywację transpozycyjno-mutacyjną (jak n. attributiva, n. instrumenti, n. loci..., gdzie derywatom poza zmianą części mowy towarzyszy przekształcenie znaczenia) i derywację mutacyjno-modyfikacyjną (tak powstają nazwy określające istnienia żywe ze względu na płeć lub niedorosłość oraz singulativa). Właściwa modyfikacja według tego autora ogranicza się do dwu kategorii: deminutywów i augmentatywów.

2.3. Autorzy podręcznika z zakresu słowotwórstwa niemieckiego, FLEISCHER i BARZ (1992), uznali z kolei Dokulilowską triadę za zbyt drobiazgową i zredukowali ją do dwu swoiście rozumianych typów: transpozycji i modyfikacji. Ujęcie takie przyjmowali też inni germaniści (np. WELLMANN 1975).

---

[1] Por.: *Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung*, red. R. Belentschikow (1999), *Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand*, red. I. Ohnheiser (2000), *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*, red. K. Kleszczowa (2000), *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*, red. S. Mengel (2002).

[2] W dalszym ciągu będę się odwoływać do polskiego wydania M. Dokulil, *Teoria derywacji*, Ossolineum 1979.

3. Rodzi się pytanie, czy powyższe rozróżnienia mają jeszcze jakąś moc objaśniającą i czy możliwe jest ich jednoznaczne zdefiniowanie? Już na samym początku stało się jasne, że szeroko rozumiany termin „transpozycja" domaga się uszczegółowienia, czego dowodem jest terminologiczne wyodrębnienie tzw. „czystej transpozycji". Ściśle biorąc, teoria derywacji nie wypracowała poza tym dwuczłonowym określeniem odrębnego terminu. Posługiwano się zapożyczonym z gramatyki transformacyjno-generatywnej wyrażeniem „nominalizacja", ale i ono poddane zostało dość szybko rewizji. Transformacja – podobnie jak nominalizacja – miała oznaczać czysto formalne przekształcenie bez udziału operacji semantycznych. Jednak jeszcze zanim wraz z kognitywizmem zaczęło się upowszechniać wśród językoznawców przekonanie, że nie ma obojętnych semantycznie przekształceń formalnych i że gramatyczne kategorie wyrazowe symbolizują pewne ogólne pojęcia (jak 'substancja' dla rzeczownika, 'dzianie się', 'procesualność' dla czasownika itp.), analizy słowotwórcze transpozycyjnych abstraktów rzeczownikowych wykazywały liczne nadwyżki ich znaczeń (PUZYNINA 1969; współcześnie BUZASSYOVA 2000; KUBRJAKOVA 2000).

Podjęta tu próba rewizji terminologicznej byłaby połowiczna bez postawienia idącego jeszcze dalej pytania: czy istotnie słowotwórstwo ma jakieś sobie tylko właściwe funkcje, których nie da się realizować innymi środkami językowymi? Derywacja semantyczna i syntaktyczna według Kuryłowicza nie oznaczały bynajmniej wywodliwości w sensie słowotwórczym. Podobnie stosowane później terminy nominacja i nominalizacja mogą zaprzęgać w swoją służbę słowotwórstwo, ale też mogą się bez niego obejść. W tej konstatacji wyraża się służebny i przejściowy charakter interesującej nas dyscypliny, sytuowanej przez większość badaczy między leksykonem a tekstem.

4. Transpozycja

4.1. W ujęciu wczesnogeneratywnym utożsamiano transpozycję słowotwórczą z tzw. nominalizacją morfologiczną w odróżnieniu od nominalizacji dokonywanej środkami składniowymi (por. TOPOLIŃSKA 1984). Jednak już monografia J. PUZYNINY (1969) poświęcona nazwom czynności w języku polskim zwracała uwagę na semantyczne idiosynkrazje towarzyszące formalnym operacjom przekształcania *verbum* w *nomen*. W ujęciu klasyka (DOKULIL 1979, 62 i nast.) w transformacji nie chodzi co prawda o nazwanie zjawiska (stąd trudno jest autorowi mówić o kategorii onomazjologicznej), ale o przewartościowanie zjawiska już nazwanego, jednak polega ono na „uprzedmiotowieniu" właściwości lub akcji: jest to zatem operacja mentalna prowadząca do powstania nowego pojęcia, czegoś w rodzaju hipostazy.

4.2. Autorzy GWJP MORFOLOGIA (1998) uznają za transformację nie tylko typy *leniwy* → *lenistwo* i *biegać* → *bieganie*, lecz także typ *chory* → *chorować*, *spisek* → *spiskować*, *prezes* → *prezesować* (czasowniki odimienne) oraz derywaty w rodzaju *ostrzegać* → *ostrzegawczy*, *zupa z mleka* → *zupa mleczna* (przymiotniki od innych części mowy). Postawienie znaku równości dokonuje się tu jednak nie na poziomie jednostek leksykalnych, lecz członu zdania z jednej i leksemu z drugiej strony, por. *z mleka* i *mleczny* (przymiotnik odwołuje się do atrybutu wyrażonego frazą przyimkową, a nie do rzeczownika *mleko*)[3]. Podobnie w MČ [1] (1986) cytuje się jako okazy transpozycji

[3] Biorąc pod uwagę funkcję podstawy derywacji i jej produktu nie możemy zresztą mówić o jakiejkolwiek transpozycji syntaktycznej (składniowo są oba elementy określnikami w obrębie frazy nominalnej), a jedynie co najwyżej o transmorfologizacji.

przykłady *(být) zelený* → *zelenat se*. Mamy tu również do czynienia z zestawieniem jednostek z dwu poziomów struktury języka, co się wydaje metodologicznie wątpliwe.

Drugi powód, dla którego poszerzanie obszaru transpozycji wydaje się niestosowne, jest natury systemowej: tym typom słowotwórczym daleko jest do regularności. I tak o ile pol. *prezesować* może znaczyć 'być prezesem'[1], to *sędziować* odnosi się tylko do wtórnego znaczenia rzeczownika *sędzia*$_2$ 'arbiter w zawodach sportowych', z kolei *matkować* wyraża relację porównawczą: 'być jak matka dla kogoś' (nie powiemy przecież o prawdziwej *matce*, że *matkuje* swoim dzieciom)

4.3. W tradycji anglo-amerykańskiej zwykło się włączać do transpozycji poza jej czystą odmianą (zwaną też transpozycją syntaktyczną) także jej typ polegający na całkowitej zmianie znaczenia leksykalnego typu *dresser* od *dress* (patrz: CHARITONCZIK 2002, 200). Zakłada się, że w podobnych rzeczownikach dewerbalnych realizuje się semantyczna potencja czasownika. Takie kategorie jak agens, środek czynności, jej obiekt, rezultat, miejsce itp. zadane są przez podstawowe *verbum*, mieszczą się w jego ramie. Derywat jest jedynie określonym wyprofilowaniem sytuacji-ramy (*frame*).

Polska GWJP, wychodząca od w przybliżeniu podobnej idei podstawowych struktur predykatowo-argumentowych, pozostaje jednak przy Dokulilowskim rozumieniu transpozycji. Profilowanie któregoś z argumentów w derywacie dewerbalnym ma już charakter mutacji.

4.4. W ujęciu BARZ (1988, 69) transpozycja polega na c a ł k o w i t e j zmianie kategorii pojęciowej. Nowa kategoria – cokolwiek by to mogło znaczyć – nie może mieć charakteru taksonomicznego, musi znajdować się zatem na innej płaszczyźnie hierarchicznej. Innymi słowy, derywat nie może być hiperonimem albo hiponimem względem wyrazu-bazy. Obrazowo mówiąc, mamy tu do czynienia z relacją poziomą. Wszystko, co nie należy do tak rozumianej transpozycji, jest modyfikacją. Tertium non datur. Zakres transpozycji jest więc niezwykle szeroki, ponieważ ogarnia także mutację.

5.0. Do modyfikacji wśród rzeczowników zaliczają BARZ i FLEISCHER zgodnie z tradycją Dokulilowską augmentativa, deminutiva, feminativa i collectiva. Na ich liście nie znajduje się osobna kategoria nazw juwenalnych (nieobecna w niemczyźnie), dochodzą natomiast sociativa typu *Mitschüler*. Łączy te derywaty przynależność do tej samej klasy gramatycznej co i ich podstawy. Nie jest to jednak wyłączna właściwość modyfikacji, bowiem i transpozycja nie zakłada jako koniecznej zmiany gramatycznej jej produktu, por. *Stadt – Städter*.

Toczony w obrębie polonistycznego słowotwórstwa spór o granice między modyfikacją a mutacją można w tym miejscu przenieść na problem granic między modyfikacją a transpozycją w rozumieniu autorów niemieckich.

5.1. Nazwy kolektywne należą do modyfikacji w ujęciu DOKULILA (1979), LASKOWSKIEGO (1971), MČ [1] (1986) i BARZ (1988)[2]. Interpretacja taka możliwa jest jednak dopiero przy uznaniu formy pluralnej za bazę derywacji. Dokulil zakładał tu wobec oczywistego braku synonimii między liczbą mnogą a formą i zbiorową dodanie znaku

[1] Jest jednak pewna różnica stylistyczna między jednym a drugim wyrażeniem sprawiająca, że czasownik odbieramy jako potoczny, nieoficjalny. Powiemy: *Leszek Balcerowicz jest prezesem NBP*, ale raczej nie: *Leszek Balcerowicz prezesuje NBP*.

[2] Inaczej u Grzegorczykowej (1972), która zalicza nazwy zbiorowe do mutacji. Podobnie Kleszczowa (1998) dla słowotwórstwa historycznego.

kolektywności, np. *listy* 'liście' + 'przedmiot zbiorowy' – *listí* 'listowie'. Współczesna semantyka kognitywna widzi w tym jednak powstanie nowego pojęcia jako rezultatu mentalnej operacji tzw. zacierania konturu: *listowie* postrzegamy jako homogeniczną masę, wyprofilowany jest tylko jej kontur zewnętrzny. Gramatycznie biorąc nazwy zbiorowe to singularia tantum. Zacieranie pojęciowego konturu dokonuje się też przez użycie liczby pojedynczej tzw. rzeczowników policzalnych jak *truskawka, ziemniak* lub *kot.* Chodzi o użycia typu:

Cała klatka schodowa śmierdzi kotem (trawestacja klasycznego przykładu Langackera – por. TABAKOWSKA 1995, 84)

Zbiory truskawki / skup ziemniaka

Skoro to liczba pojedyncza ma własności zbliżone do kolektywów, wywodzenie tych ostatnich od liczby mnogiej wydaje się być niepotrzebną komplikacją. Prostszym wyjściem jest założenie ich mutacyjnego charakteru z nadrzędnym, wyrażanym przez formant, pojęciem zbioru lub 'wszystkości' (termin Bogusławskiego). Takie ujęcie dla polszczyzny zastosowała GRZEGORCZYKOWA (1972).

5.2. W języku polskim – choć nie tylko w nim – nazwy zbiorowe odznaczają się charakterystyczną regularną polisemią: 'zbiór' : 'cecha'. Obie te kategorie obsługiwane są przez te same formanty, np. *-stwo* (*żydostwo*), *-ość* (*ludzkość*) GWJP (1984, 384) widzi w tym typ denotacyjny (znaczenie zbiorowe) przeciwstawiony typowi konotacyjnemu (znaczenie abstrakcyjnej cechy). Taki był zapewne mechanizm powstawania tego rodzaju polisemii, jednak nie należy zapominać, że każdy leksem jako jedność formy i znaczenia ma zarówno swoją denotację jak i konotację. Także z nazwami zbiorowymi kojarzymy pewne w miarę stałe treści składające się na ich konotację. Mamy tu w istocie do czynienia z dwiema różnymi dziedzinami: postrzegania i poznania z jednej strony, semantyki wyrazowej z drugiej. Wymieniony typ polisemii wskazuje na wysiłek poznawczy człowieka i sposób jego kodowania, przyznajmy, zgodny z przewidywaniami[1]. Konceptualna bliskość domen nie ogranicza się zresztą do kolektywów i cech charakterystycznych. Następnym regularnym sensem, jaki uczestniczy w polisemii środków słowotwórczych (tu: sufiksu *-stwo*), jest 'miejsce', por. *biskupstwo, ministerstwo.*

5.3. Polisemia słowotwórcza ukazuje ważne poznawczo „ścieżki przejścia" – od jednej domeny do następnej. Poza wyżej wspomnianymi 'cecha' : 'zbiór' : 'miejsce' istnieje wyraźna styczność między kategorią 'agens' i kategorią 'instrument' (wspólnota wykładników, por. pol. *-acz* w *badacz, biegacz* oraz w *odkurzacz, wywabiacz*). Toteż zamiast przyjmować zestawy kategorii słowotwórczych w postaci listy, lepiej byłoby przyjąć model sieciowy, w który pokazywałby możliwe przejścia między dziedzinami i ich hierarchię. (Próbę takiego spojrzenia na kategorie słowotwórcze przedstawiam w NAGÓRKO 1998. Dodam, że wymaga ona pogłębienia).

5.4. Wróćmy jednak do podstawowej dla nas kwestii rozgraniczania typów operacji onomazjologicznych. Otóż kolejna trudność z zaklasyfikowaniem po stronie modyfikacji czy mutacji (transpozycji w rozumieniu BARZ) powstaje przy analizie nazw żeńskich. Na ogół traktuje się je jako derywaty modyfikacyjne, chociaż bardziej naturalny schemat par-

[1] Można by się spodziewać, że znaczenie ‚cecha' jest wtórne wobec znaczenia ‚zbiór', jednak materiał historyczny nie uprawnia do takich uogólnień. W staropolszczyźnie mamy co prawda takie n. collectiva, które później nabrały znaczenia n. essendi, jak *martwość* ‚zmarli' , *wielkość* ‚wielka grupa ludzi', *szkaradność* ‚wstydliwe części ciała', jednak nie brakuje i nazw cech, jak *obłojstwo* ‚bycie obłojem, tj. pijakiem', *pospólstwo* ‚wspólnota majątkowa', choć *ubóstwo* to ‚ludzie biedni'.

afrazy jest ten, w którym określany jest sufiks, por.: *aktorka* – to raczej *kobieta-aktor*, a nie: *aktor-kobieta* (?*aktor, który jest kobietą*). Formant jako określany nadrzędnik to typowa struktura dla mutacji. Przy modyfikacji wskazuje się na możliwość zamiennego użycia w tekście bazy i derywatu bez naruszenia warunków prawdziwości sądu. Tego testu nie spełniają wszystkie feminativa, por.:

Ona jest nauczycielem / nauczycielką

Ale: *Ona jest Rosjanką*

i nieakceptowalne: **Ona jest Rosjaninem.*

Bardziej naturalne wydaje się przy nazwach etnicznych wskazywanie na kraj pochodzenia: *Ona pochodzi z Rosji.* A zatem przynajmniej ta część nazw żeńskich powinna być uznana za przynależną do mutacji. Problemem jest tu jednak paradoks liczby mnogiej. Formy takie jak *Rosjanie* są inkluzywne, obejmują zarówno mężczyzn jak i kobiety.

5.5. Bez wątpienia nowe kategorie pojęciowe tworzą też symilativa, uznawane przez Aleksandra ŁUKASZAŃCA za mutację. (Autor ten do czystej mutacji włącza ponadto nazwy stopni pokrewieństwa i nazwy mieszkańców, które jak wiadomo wywodzone są od rzeczowników). Symilativa są na ogół traktowane jako kategorią marginalna (polska GWJP 1998, 426), wskazuje przy tej okazji na „wtórne znaczenia mutacyjne" nazw deminutywnych). Alexander M. SCHENKER (1999) wyraził jednak wątpliwość, czy rzeczywiście tradycyjny pogląd o inwariantnym znaczeniu deminutywnym polskich sufiksów *#k* oraz *–ik* da się utrzymać, skoro przykładów nazw symilatywnych jest tak dużo, że trudno tu mówić o wyjątkach, por.: *szyjka (butelki), ząbek (czosnku), mleczko* itp. Inną kategorią, którą się uznaje za nadbudowaną na deminutywności, są nazwy „przedmiotów zrobionych z tego, na co wskazuje podstawa", jak pol. *czekoladka, gumka, szkiełko, ciastko* (rzec jasna, stopień motywacji może być tu różny) oraz singulativa (*słomka, nitka*). SCHENKER (1999, 418) wyklucza je spośród okazów modyfikacji.

5.6. Pewien związek z małością wykazują nazwy rodzajowe typu *rękawiczka* (nie jest to po prostu 'mała rękawica', lecz jej dziecięcy i damski odpowiednik), *parasolka* (podobnie), *stolik pod telefon / telewizor* ('rodzaj stołu, mniejszy od typowego stołu'), *szafka* (podobnie) itp. Jeśli chcemy tu widzieć słowotwórstwo, to z pewnością kategoria deminutywności okaże się za ciasna.

6. Wątpliwości terminologiczne budzić może zastąpienie terminu „mutacja" przez „transpozycję" u Barz. W slawistyce zwraca się wszak uwagę na problem mutacji „bez transpozycji", jak w pol. *rybak* od *ryba*. Mamy tu jednak jedynie do czynienia z różną konwencją nazewniczą, która nie zmienia istoty rzeczy. Pytaniem, na które trzeba odpowiedzieć przy wyborze konwencji, jest następująca kwestia: czy rzeczywiście nigdy nie dochodzi do hipo- bądź hiperonimii w mutacji pozostającej w granicach tej samej części mowy? Taki bowiem warunek nakłada Irmhild BARZ. Transpozycją jest w tym rozumieniu bowiem proces przekraczania granic konceptów, a nie granic klas gramatycznych. Dodajmy, że przyjętym w slawistyce terminem „mutacja" nie posługiwał się w swoim fundamentalnym dziele DOKULIL.

Z pytań szczegółowych pozostaje na przykład to, czy i w językach słowiańskich niemożliwa jest mutacja przez prefiksację? Słowotwórstwo czasowników wskazuje jednak i na taką możliwość. Czasowniki prefiksalne typu *wykopać, przegrać* interpretowane są przez GWJP (1998, 538) jako okazy mutacji.

7.1. Zamęt terminologiczny bierze się stąd, że w naukach szczegółowych (filologie narodowe!) stosowane są te same określenia z różnym odniesieniem. Wobec tego właściwsze wydaje się pozostawanie przy opozycji: funkcja (głównie) semantyczna – funkcja (głównie) składniowa. Trzecim komponentem, jaki powinien zostać uwzględniony, jest pragmatyka rozumiana jako sfera nie mająca swojej reprezentacji bezpośrednio w „obiektywnej" rzeczywistości, lecz w subiektywnym świecie nadawcy i odbiorcy.

7.2. Znana z programowego zacierania granic lingwistyka kognitywna nie jest co prawda skłonna dokonywać podziałów na gramatykę i semantykę, semantykę i pragmatykę. Rozróżnienia takie wydają się jednak celowe przynajmniej dla potrzeb opisu tak złożonego mechanizmu jakim jest język. Wyróżnienie pragmatyki pozwala uporać się z takimi problemami, jak tzw. funkcja ekspresywna, wyraz subiektywnego wartościowania i emocji, a więc swoista (naiwna) etyka i estetyka językowa. Częściowo zagadnienia te obejmowała stylistyka słowotwórcza, którą też można podporządkować pragmatyce lub ściślej morfopragmatyce (szerzej na ten temat patrz: NAGÓRKO 2003).

Literatura:

BARZ 1988: Barz I. Nomination durch Wortbildung. – Leipzig.

BUZASSYOVA 2000: Buzassyova K. Súvzt´aznost´ pojmov transpozícia, syntaktická derivácia, nominalizácia, w: Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem, interdisziplinär als Forschungsgegenstand, red. I. Ohnheiser. – Innsbruck. – C. 145 – 155.

CHARITONCZIK 2002: Charitonczik Z. A. Transpozicija, konwersija, suffiksazija, w: S lubow'ju k jazyku, Moskwa – Woroneż. – C.197 - 206.

DOKULIL 1962: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. I. – Praha.

FLEISCHER, BARZ 1992: Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen.

GRZEGORCZYKOWA 1972: Grzegorczykowa R. Zarys słowotwórstwa polskiego. – Warszawa. – Wyd. IV. – 1984.

GRZEGORCZYKOWA, PUZYNINA: Grzegorczykowa R., Puzynina J. IV. Słowotwórstwo. _ W: GWJP. – C. 361 – 468.

GWJP 1998: (= Gramatyka współczesnego języka polskiego), red. R. Grzegorczykowa, R. Laskowski, H. Wróbel. – Wyd. I. – Warszawa. – 1984. – Wyd. II.

KLESZCZOWA 1996: Kleszczowa K. (red.) Staropolskie kategorie słowotwórcze i ich perspektywiczna ewolucja. Rzeczowniki. – Katowice.

KUBRJAKOVA 2000: Kubrjakova E.S. Slovoobrazovanije i drugije sfery jazykowoj sistemy v strukture nominativnogo akta. – W: Wortbildung.... – C.13 – 26.

KURYŁOWICZ 1936: Kuryłowicz J. Dérivation lexicale et dérivation syntaxique. Bulletin de la Societé Linguistique de Paris 37. – C.79 – 92.

LASKOWSKI 1971: Laskowski R. Derywacja rzeczowników w dialektach laskich, cz.II: Rzeczowniki z formantem w funkcji przedmiotowej. – Wrocław.

ŁUKASZANIEC 2001: Łukaszaniec A. A., Slovautvarenne i gramatyka. – Minsk.

MČ 1986: (=) Mluvnice češtiny [1]. – Praha.

NAGÓRKO 2002: Nagórko A. Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem). – Warszawa. – 1998. – Wyd. VI..

NAGÓRKO 2003: Nagórko A. Was leistet die Wortbildung für die Pragmatik des sprachlichen Handelns (am Material westslawischer Sprachen)? (referat na Kongres Slawistów w Ljublanie)

PUZYNINA 1969: Puzynina J. Nazwy czynności we współczesnym języku polskim (słowotwórstwo, semantyka, składnia). – Warszawa.

PUZYNINA 1978: Puzynina J. Transpozycja, mutacja, modyfikacja, Poradnik Językowy. – C. 193 - 199.

SCHENKER 1999: Schenker A., O symilatywnej funkcji sufiksu *-#k* w języku polskim, w: Studia lingwistyczne ofiarowane Prof. K. Polańskiemu. – Katowice. – 415 – 420.

WELLMANN 1975: Wellmann H., Deutsche Wortbildung. – Heidelberg.

TABAKOWSKA 1995: Tabakowska E., Gramatyka i obrazowanie. Wprowadzenie do językoznawstwa kognitywnego. – Kraków.

TOPOLIŃSKA 1984: Topolińska Z. (red.), Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. – Warszawa.

KRYSTYNA WASZAKOWA

WPŁYW NAJNOWSZYCH ZAPOŻYCZEŃ NA REPERTUAR I FUNKCJE ŚRODKÓW SŁOWOTWÓRCZYCH WSPÓŁCZESNEJ POLSZCZYZNY

Uwagi wstępne

Stosunkowo bogata literatura przedmiotu jednoznacznie ukazuje, że charakterystyczne dla ostatniego dziesięciolecia nasilenie się procesów internacjonalizacji w zasobach leksykalnych języków słowiańskich wpłynęło także na uintensywnienie się tychże procesów w ich systemach słowotwórczych. Szybkiemu wchłanianiu świeżo zapożyczonych wyrazów w wielu wypadkach sprzyjają procesy ich adaptacji fleksyjnej i ortograficzno-fonetycznej.

Zauważalna jest przy tym wyraźna zmiana perspektywy oglądu nowych zjawisk słowotwórczych – badacze coraz częściej zwracają uwagę nie na odrębności[1] między słowotwórstwem rodzimym i obcym, ale na to, co obie te warstwy leksyki łączy[2].

Obserwowane dziś intensywne zmiany rzeczywistości, a zwłaszcza powstanie wspólnego obszaru ekonomiczno-polityczno-społecznego, wpłynęły zarówno na wzrost innowacji w wielu językach, jak i wzmogły procesy prowadzące do ich zbliżenia. Silnie związane ze zjawiskami właściwymi wielu innym językom europejskim (dokonującymi się pod wpływem języka angielskiego i amerykańskiego) są zachodzące współcześnie zmiany w językach słowiańskich. Za K. Gutszmidtem można powiedzieć, że wszystkie te języki „wchodzą w socjolingwistyczną makrosytuację, w jedną komunikatywną przestrzeń" (GUTSZMIDT 1998)[3].

Podobny punkt widzenia przyjmuję w niniejszych rozważaniach, których celem jest przedstawienie, w jaki sposób najnowsze zapożyczenia leksykalne oddziałują na system słowotwórczy dzisiejszej polszczyzny, tzn. na repertuar i funkcje środków słowotwórczych, a także na ich miejsce w tym systemie.

---

[1] Na wydobywaniu różnic koncentrują się znane wcześniejsze opisy obcego podsystemu słowotwórczego języka rosyjskiego: J. Jiráčka *Internacional'nye suffiksy suščestvitel'nych v sovremennom russkom jazyke. Strukturno-sopostavitel'noe issledovanie).* Brno 1971 oraz V.V. Akulenki *Voprosy internacionalizacii slovarnogo sostava jazyka.* Char'kov 1972.

[2] Mam tu na uwadze przede wszystkim syntetyczne opracowania, m.in. takie jak: F. Daneš *Situace a celkový stav dnešní češtiny,* [w:] *Český jazyk na přelomu tisíciletí.* F. Daneš a kolektiv. Praha 1997, s. 12-24; E.A. Zemskaja, O.P. Ermakova, E. Rudnik-Karwatowa *Tendencje rozwojowe w słowotwórstwie języka polskiego i rosyjskiego końca XX stulecia,* [w:] Slavia 1, 1999, s. 9-18; K. Waszakowa *System słowotwórczy,* [w:] *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Język polski.* Red. S. Gajda. Opole 2001, s. 88-107.

[3] Z tej perspektywy K. Gutschmidt przedstawił i udokumentował pojęcie *tendencji,* które ma określać synchroniczne podejście do języka, ale też odzwierciedlać jego dynamikę w określonym odcinku czasu. Elementy wspólne językom europejskim, a nie różnice, znajdują się w centrum uwagi również innych badaczy opisujących tendencję do internacjonalizacji, obserwowaną w systemach słowotwórczych współczesnych języków słowiańskich. Por. tom *Tendencija internacionalizacii v sovremennych slavjanskich literaturnych jazykach,* pod red. L. N. Smirnova. Moskva 1997; K. Gutschmidt *Tendencija internacionalizacii v sovremennych slavjanskich literaturnych jazykach – otraženija poverchnostnyje i glubinnye,* [w:] *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti.* Red. J. Bosák. Bratislava 1999, s. 9-17.

W centrum mojego zainteresowania znajdą się trzy typy zjawisk, ściśle związanych z adaptacją słowotwórczą obcych leksemów:

a) kształtowanie się nowych modeli słowotwórczych

b) wzrost produktywności modeli wcześniej zaadaptowanych

c) wyodrębnianie się nowych modeli (znaczeń) na bazie już istniejących struktur.

Podstawę materiałową pracy stanowi liczący ponad 3 tys. jednostek zbiór nowych wyrazów, jakie pojawiły się w polszczyźnie w okresie od drugiej połowy lat 80. do roku 2002 włącznie[4].

Proces adaptacji słowotwórczej danego zapożyczenia w języku-biorcy schematycznie można przedstawić tak: z przejętego leksemu wyodrębniany jest jego segment początkowy lub końcowy, po czym przejmuje on część znaczenia wyrazu, którego był częścią składową, a następnie zaczyna funkcjonować w języku zapożyczającym jako formant lub człon złożenia w derywatach utworzonych przez analogię do pierwotnego zapożyczenia lub do jednego z wyrazów z serii tego typu struktur.

Dobrą ilustrację powyższego schematu adaptacji stanowi sposób, w jaki w latach 80. języki słowiańskie wzbogaciły się o dwa nowe typy słowotwórcze. Idzie o klasę rzeczowników z elementem obcym *-gate,* wydzielonym z rzeczownika *Watergate* (nazwy hotelu związanego z głośną w latach 70. aferą polityczną, dotyczącą podsłuchu) i drugą – z segmentem *-holik*, dla której pierwowzorem był leksem *alkoholik.*

Jak wiemy, z segmentem *-gate* zaczęto na gruncie anglosaskim łączyć część znaczenia podstawowej nazwy własnej, tj. cechy: 'afera, skandal' – znalazło to wyraz w analogicznych strukturach takich, jak *sznapsgate, oilgate, Irangate, Afganistangate, clintongate, kohlgate*.

O jego produktywności na gruncie języków słowiańskich świadczą liczne struktury, typu ros. *кремльгейт, Кучмагейт*; czes. *ropagate, Wallisgate*; słow. *Dunajgate, plazmagate*; pol. *SB-gate, słupsk-gate, wódkagate*; bułg. *dosiegejt, telefongejt*[5].

Podobnie wyraz *workaholik* stosunkowo szybko zyskał podzielność formalną w językach słowiańskich, na co niewątpliwy wpływ miał obecny w nich internacjonalizm *alkoholik.* Podstawę do przypisywania cząstce *-holik* cechy produktywności w językach słowiańskich stanowią liczne analogiczne formacje słowotwórcze utworzone na gruncie poszczególnych języków (wcale nierzadko poprzez kalkowanie struktur obcych), typu pol. *pracoholik, słodyczoholik, władzoholik, zakupoholik*; czes. *jablkoholik, jídloholik*; bułg. *rabotocholik, trudocholik.*

---

[4] Ich nowość ustalana jest na mocy kryterium słownikowego: za neologizmy uznaję wyrazy, które nie zostały poświadczone w różnego typu wcześniejszych źródłach pisanych, w tym w słownikach – włącznie do SJPSz (bez *Suplementu* z 1992 roku, pod red. M. Bańki i in.), ani też w dwu książkach: *Nowe słownictwo polskie. Materiały z lat 1972- 1981, Cz. I-II,* pod red. D. Tekiel. Wrocław 1988-1989 i A. Zagrodnikowej *Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie.* Kraków 1982.

[5] O żywotności omawianego tu typu nazw w polszczyźnie świadczy kilkanaście okazjonalizmów (zapożyczonych lub utworzonych na gruncie rodzimym), późniejszych względem tych, które odnotował B. Kreja w artykule *Drobiazgi słowotwórcze*. 31. *O formancie* -gate *'afera, skandal'*, Język Polski LXXIII, 1993, 1 - 2, s. 63 – 68, takie jak np. *klasztorgate, mebelgate, VAT-gate, pipegate, ruragate, szarongate, tiwi-gate,* a ostatnio *Rywingate* i *Agoragate.* Właściwy im duży stopień kondensacji semantycznej oraz wyrazistości znaczeniowej, zwłaszcza członu *-gate,* to powody wykorzystywania tego typu struktur w prasie w charakterze tytułów artykułów, mających przyciągnąć uwagę czytelników.

W dalszej części rozważań będę mówiła zasadniczo o języku polskim, zdając sobie sprawę, że omawiane zjawiska w większości wypadków mają charakter internacjonalny.

Najnowsze cząstki obce w derywatach słowotwórczych polszczyzny

W latach 80. i 90. wraz z wyrazami w całości zapożyczonymi znalazły się w polszczyźnie następujące cząstki słowotwórcze (w nawiasach podaję liczbę derywatów danego typu, zgromadzonych w Indeksie neologizmów): ***cyber-*** (50)**,** ***e-*** (32)**,** ***info-*** (13)**,** ***narko-*** (14)**,** ***rock // rocko-*** (12)**,** ***soc-*** (25), ***spec-*** (12)**,** ***-burger*** (8), ***-fan*** (6), ***-gate*** (35), ***-holik*** (11), ***-holizm*** (6), ***-land // -landia*** (16), ***-mat*** (15), ***demo-***(6)[6]**.** Segmenty te cechuje aktywność słowotwórcza, która wyraża się w seryjności neologizmów albo w całości zapożyczonych, albo powstałych z udziałem tychże elementów formotwórczych na gruncie polszczyzny. Niektóre z nich mają co najmniej po dwa poświadczenia.

Zamierzam teraz krótko scharakteryzować tworzące większe serie derywaty słowotwórcze polszczyzny z cząstkami zapożyczonymi najnowszymi – tymi, które pojawiły się w niej w ciągu ostatnich dwudziestu lat. Są wśród nich takie, które zdążyły już zadomowić się w języku polskim, jak i takie, które są jeszcze bardzo „świeże".

Podstawą bardzo produktywnego dziś modelu strukturalno-semantycznego rzeczowników z członem ***cyber-*** stał się przejęty do języka polskiego wyraz *cyberspace* (który po przekalkowaniu przyjął postać *cyberprzestrzeń*). Wśród licznej serii tego typu struktur dominują zapożyczenia bezpośrednie lub kalki wyrażeń angielskich, typu *cyberatak*[7], *cyberwojna*[8], *cyberstrażnik*[9], *cyberdyskusja, cyberhandel, cyberkawiarnia, cyberpornografia, cyberprzyjaźń, cyberpub, cyberrandka, cybersex, cyberspołeczność, cyberterroryzm, cyberwłamywacz*[10] itp. W strukturach tych segment *cyber-* ubogaca znaczenia drugich członów o następujące treści: 'elektroniczny, wirtualny, związany z komputerem, z siecią informacyjną, zwłaszcza z Internetem'.

Inną równie ekspansywną serią wyrazów z obcym członem (występującym zarówno w zapożyczeniach, jak i strukturach tworzonych na gruncie rodzimym) są wzorowane na

---

[6] Warto też odnotować najnowsze modele złożeń o obcej polszczyźnie strukturze z następującymi segmentami: ***m-*** (ang. *mobile*): *mBank, mTransfer, m-handel*, ***ski-*** (ang. *ski, skiing*): *ski-alpinizm, ski-ekstremy* – oba określające ekstremalne narciarstwo wysokogórskie („Do ski-alpinizmu ekstremalnego zaliczają się zjazdy ze stoków o długości co najmniej 250 m i nachyleniu przekraczającym 40 stopni. W Alpach zdarza się często, że ski-ekstremy uprawia się na stokach nawet 60 stopniowych".), ***web-*** (ang. *The Web*, skrótowe określenie sieci World Wide Web (WWW)): *webTelewizor* „jest to nowoczesny odbiornik telewizyjny umożliwiający korzystanie z Internetu" – strukturę tę „podtrzymują" używane w reklamach prasowych zapożyczenia typu *webline, webmusic, webmiles, webmaster*. Z najnowszą techniką wiąże się także typ struktur z obcym członem ***tama-*** (z jap. *tamago(t)chi* 'elektroniczne zwierzątko'), takie jak *tamajajo, tamapiesek, tamakurczaczek, tamaszaleństwo* (o tym typie kalk pisze B. Dunaj w artykule *Elementy obce w najnowszej leksyce polskiej,* [w:] *Studia historycznojęzykowe III. Rozwój polskiego systemu językowego,* pod red. K. Rymuta i W. Rzepki. Kraków, s. 313-318.

[7] Por. „Ameryka boi się cyberataku" to tytuł artykułu, w którym mowa o tym, że siatka terrorystów Osamy bin Ladena może planować ataki terrorystyczne na elektrownie atomowe.

[8] Por. „Ponadto zakłada on „cyberwojnę" przeciwko Miloszewiciowi poprzez wykorzystanie piratów komputerowych, którzy mieliby wejść do systemów banków zagranicznych, by „oczyścić" konta bankowe prezydenta Jugosławii".

[9] Cyberstrażnik – elektroniczny nadzorca [tytuł]. Elektroniczne dyby dla warunkowo zwalnianych więźniów w Hesji".

[10] Dziesiątki przykładów konstrukcji tego typu dostarcza artykuł Donaty Ochmann *Złożenia z „cyber-" we współczesnym języku polskim.* Język Polski LXXX, 1-2, 2000, s. 23-34. Derywatów z *cyber-* nie znajdziemy w zbiorach neologizmów powstałych w latach 70. – por. *Nowe...* op. cit.; Zagrodnikowa...op.cit. Człon *cyber-* genetycznie związany z istniejącymi wcześniej w polszczyźnie wyrazami *cybernetyka, cybernetyczny* (oba notowane są w SJPD i SJPSz) współcześnie wykazuje względem nich odrębność semantyczną.

międzynarodowym skrócie *e-mail* wyrażenia z dezintegrowanym elementem ***e-***, bezpośrednio nawiązującym do angielskiego przymiotnika *electronic*. W tego typu wyrażeniach (w dużym stopniu zapożyczeniach leksykalnych lub semantycznych) segment *e-* oznacza najogólniej: 'związany z siecią elektroniczną, Internetem, z komputerem', por. *e-bank* 'bank obsługujący klientów przez Internet', *e-banking* 'załatwianie spraw bankowych przez Internet', *e-business // e-biznes,* 'biznes prowadzony przez Internet', *e-autor* 'autor e-książek, tj. książek elektronicznych, dostępnych w Internecie, na nośnikach elektronicznych', *e-firma, e-giełda, e-gospodarka, e-handel, e-konto* 'konto bankowe z dostępem przez Internet', *e-podpis* 'podpis elektroniczny', *e-przyszłość, e-rynek, e-świat*[11].

Pozostałe nowe serie złożeń liczą od kilku do kilkunastu jednostek. Są to następujące typy struktur – wymieniam je w kolejności alfabetycznej, poczynając od członów występujących w prepozycji.

1. Rzeczowniki ze zdezintegrowanym członem ***info-*** nawiązującym do wyrazów *informacja, informacyjny*, a w niektórych zapożyczeniach do przymiotnika *informatyczny*. Leksemem najbardziej zaasymilowanym w serii tego typu nazw jest *infolinia* 'połączenie telefoniczne, za pomocą którego przekazywana jest informacja telefoniczna na określony temat' (idzie tu zwłaszcza o konteksty typu *bezpłatna infolinia* czy *polecamy korzystanie z naszej infolinii*). Należą tu ponadto derywaty takie, jak *infografika*[12], *inforadio, infosystem* 'system informacyjny', *infowitryna* 'w systemie elektronicznym: witryna informacyjna' oraz okazjonalizmy zawierające ocenę nadawcy, np. na temat sposobu doboru informacji podawanych w telewizji (*infodestrukcja*) lub dziennikarzy przekazujących informacje (*infomafia*).

Motywację jednostronną mają złożenia z niesamodzielnym powtarzalnym drugim członem takie, jak *infomat* oraz *infostrada* 'ogólnoświatowa sieć informacyjna o bardzo dużej przepustowości, służąca do przesyłania informacji za pomocą techniki cyfrowej' – można powiedzieć, że jest to jakby *informacyjna autostrada*[13]. W złożeniu *infomat* również człon drugi *-mat* powstał w wyniku dezintegracji – jego podstawą jest rzeczownik *automat*, por. zapożyczenie *bankomat* i utworzony przez analogię wyraz *parkomat.*

2. Kolejna grupa to neologizmy ze zdezintegrowanym w stosunku do podstawowych wyrazów *narkotyk, narkotyczny* członem ***narko-*** takie, jak *narkobiznes, narkodemokracja, narkodolar, narkogangster, narkohandlarz, narkokartel, narkomafia, narkonoworodek, narkoprzemytnik, narkoświat, narkoterapia,* w których wyraźnie odbija się fragment językowego obrazu rzeczywistości (nie tylko polskiej) przełomu wieków. Inny charakter ma *narkolepsja* – termin medyczny, utworzony przez analogię do rzeczownika *epilepsja*, por. „Upewnisz się wtedy, że nie masz padaczki, narkolepsji ani cukrzycy".

3. Derywaty z członem ***rock- // rocko-***, typu *rokfan, rockidol, rockman, rockocentryzm, rock-opera, rockosłuchacz, rocksong* – powodem jego aktywności jest właściwe pewnym środowiskom zainteresowanie rockiem jako typem muzyki, piosenki, tańca itp. Do tego też kręgu tematycznego ogranicza się zakres modelu.

---

[11] W prasie pojawiają się też paralelne struktury, typu *e-book, e-commerce, e-learning,* które podobnie jak podstawowy dla tej serii rzeczownik *e-mail* nie mają w polszczyźnie motywacji słowotwórczej.

[12] Por. kontekst: „[...] zamknąć zjawisko na kilku kolumnach gazety ze zdjęciem i infografiką".

[13] Strukturami analogicznymi do *autostrady* są *nartostrada* i nazwa własna *Wisłostrada.*

4. Nowe złożenia z członami o postaci skrótu ***soc-*** od przymiotnika *socjalistyczny*[14] oraz

spec- od *specjalny*, typu *socdemokracja, sockapitalizm, speckomisja, specsłużby.* Obie te serie tworzą oryginalne kalki rosyjskie lub utworzone na ich wzór formacje (często o charakterze okazjonalnym), takie jak: *socabsurd, socbiznes, socchadek, socdemolud, socetatysta, socimperium, sockomuna, soclibaralizm socludzkość, socmyślenie, soc-nowomowa, socpaństwo, socpropaganda, socstruktura* (niektóre z nich mają swoje oboczne formy z segmentem *socjal-*); *specdywizjon, specgrupa, specoddział specpluton, specprawa, spec-program, spec-sędzia, specuprawnienia, specustawa.* Oba te modele w przeciwieństwie do wcześniej wymienionych nie mają charakteru międzynarodowego.

5. Grupa nazw z drugim członem ***-burger***, której początek dał wyraz *hamburger*, odnotowany w suplemencie SJPD wraz z cytatem z lat 60. (J. Wawrzyńczyk dokumentuje pojawienie się tego zapożyczenia w polszczyźnie już w roku 1949!)[15]. Wolno sądzić, że do lat 90. rzeczownik *hamburger* był używany w charakterze egzotyzmu, za pomocą którego przybliżano amerykański styl życia. Nagłe pojawienie się serii struktur z obcym członem *-burger* można uznać za jeden z przejawów gwałtownych zmian, jakie dokonały się w polskiej obyczajowości w końcu ubiegłego stulecia. Grupę tę tworzą struktury dwojakiego typu: a) takie, które w polszczyźnie nie mają statusu derywatu słowotwórczego – są tylko formalnie podzielne, takie jak *bigburger, cheesburger* (zdefiniowany w SWJP jako 'hamburger z dodatkiem sera') obocznie do *cheseburger, chickenburger, fishburger, tofuburger*[16] oraz b) takie, które można uznać za derywaty słowotwórcze: *bekonburger, drobburger* (pierwszy człon *drob-*, nawiązujący do *drób, drobiowy,* został użyty w charakterze polskiego odpowiednika angielskiego słowa *chicken*), *sojaburger.* Te skondensowane struktury cechuje stosunkowo duży stopień wyrazistości semantycznej, wynikający z jednej strony z dookreślonego znaczenia członu *burger* 'podawana na gorąco rozcięta okrągła bułka z umieszczonym wewnątrz kotletem mielonym', z drugiej zaś z informacji wnoszonych przez człon pierwszy: z czego ów kotlet został zrobiony albo jaki on jest (duży, ogromny – por. złożenia o dwóch członach niesamodzielnych *bigburger* oraz *mega-burger*)[17].

6. Zapożyczony z języka angielskiego rzeczownik ***fan*** lokalizuje się w potocznej

warstwie współczesnej polszczyzny; według SWJP oznacza 'sympatyka, zagorzałego, oddanego zwolennika, wielbiciela kogoś lub czegoś, zwłaszcza zespołu muzycznego, piosenkarza, drużyny sportowej, zawodnika, ale także polityka, pisarza, reżysera itp.'. Należy on do stosunkowo nielicznego typu leksemów, które występują zarówno w prepozycji (por. neologizm *fanklub*), jak i w postpozycji. Sądząc po liczbie przykładów w polszczyźnie, jest on bardziej aktywny w roli drugiego członu, por. *rockfan, technofan* 'fan muzyki techno' oraz następujące okazjonalne określenia entuzjasty, miłośnika, wielbiciela itp. muzyki Chopina, komputerów i komputeryzacji, poglądów redaktora naczelnego Gazety Wyborczej, A. Michnika: *chopinofan, komputerofan, michnikofan.*

---

[14] Znacznie wcześniej zapożyczony przez polszczyznę był poświadczony w SJPD rzeczownik *socrealizm.*

[15] Por. J. Wawrzyńczyk *Słownik bibliograficzny języka polskiego (wersja elektroniczna)* – nie opublikowana; cytat ten brzmi: „Drugą potrawą narodową Amerykanów są tzw. hamburgery, czyli siekane kotlety".

[16] *Tofu* jest japońską nazwą specjalnego typu białego twarogu sporządzanego z soi.

[17] Omawianej tu klasie rzeczowników poświęcono w polskiej literaturze przedmiotu dwie osobne „etiudy"– por. R. Ociepa *Parę uwag na temat anglicyzmu „burger"*, Poradnik Językowy 3, 1998, s. 32-36 oraz B. Kreja *Hamburgery i inne formacje na -burger(y)*, Język Polski LXXX, 1-2, 2000, s. 152-153.

7. Derywaty z członem ***-holizm*** oznaczającym 'uzależnienie', typu *internetoholizm,*

naukoholizm, pracoholizm, seksoholizm, teleholizm (człon *tele-* odnosi się do telewizji, telewizora) charakteryzują się wyrazistością semantyczną, na co pośredni wpływ mają paralelne względem nich struktury z segmentem ***-holik***, typu *internetoholik,* jego kalka *siecioholik* oraz *pracoholik, seksoholik, teleholik, władzoholik.* W licznej serii złożeń tego typu należących do polszczyzny oba człony są albo połączone interfiksem *-o-* (jak np. w formacjach *pracoholizm, siecioholik*), albo bezpośrednio, jak np. w derywatach z pierwszym członem o postaci skróconej (typu *socjoholik, teleholizm*) lub zapożyczeniach *workaholik, dataholik,* jedynie formalnie podzielnych w polszczyźnie.

8. Nazwy pospolite z internacjonalnym członem ***-land // -landia*** są niewątpliwym znakiem czasu – w polszczyźnie zaczęły pojawiać się dopiero w ostatnim ćwierćwieczu.

Dość liczna seria neologizmów – nazw pospolitych (wzorowanych na nazwach własnych typu *Finlandia, Grenlandia* oraz nowszych, takich jak *Dysneyland, Legoland*), świadczy o stosunkowo szerokiej łączliwości segmentu *-land // -landia.* Rolę pierwszego członu pełnią zwykle rzeczowniki obce, zarówno nazwy pospolite, jak i własne. Do bardziej znanych formacji można zaliczyć *ciucholand* (wraz z wariantami *ciuchland, ciuchlandia*) na oznaczenie sklepów, w których sprzedawana jest odzież używana (potocznie określana jako *ciuchy*) oraz odnoszona do państw Unii Europejskiej nazwa *euroland // Euroland.* Z pewnością mniej rozpowszechnione są neologizmy takie, jak *biuroland, butlandia, jeansland, komputerland* – określenia 'sklepu, w którym sprzedaje się to, na co wskazuje człon pierwszy: materiały biurowe, buty, jeansy, komputery', a jeszcze mniej okazjonalizmy takie, jak *festiwalland* 'kraj, w którym ciągle odbywają się festiwale', *Jacksonlandia* 'planowany park rozrywki, który miał finansować Michael Jackson' czy *nibylandia* – utworzona w celu wyrażenia niechętnego stosunku nadawcy wobec państw UE, tj. eurolandu.

9. Wyodrębniony z wyrazu *automat* segment ***-mat*** przejmuje jego znaczenie w serii skondensowanych złożeń (utworzonych przez analogię), odnoszących się do elektronicznych urządzeń – automatów, takich jak *alkomat* (z dezintegrowanym członem pierwszym) 'przyrząd do badania zawartości alkoholu we krwi', *bankomat, infomat* 'urządzenie do przekazywania informacji'[18], *lottomat* 'urządzenie do automatycznego typowania i zakreślania numerów na kuponach gier losowych, typu lotto', *parkomat* 'urządzenie, które mierzy czas parkowania samochodu i pobiera stosowną opłatę', *biletomat, kawomat* i in.

10. Wśród najnowszych zapożyczeń, nie notowanych jeszcze w polskich słownikach znajduje się słowo ***demo***. Nazwa ta odnosi się do płyty lub taśmy, na której nagrano jakiś fragment utworu muzycznego, filmowego itp. w celu jego zaprezentowania, zademonstrowania (zwykle w celach reklamowych). Wyraz ten jest używany jako rzeczownik i przymiotnik (podobnie jak samodzielnie występujące słowo *techno*) zwykle w kontekstach typu *utwór demo, płyta demo*; *wersja demo, dołączyć demo, wysłuchać demo.* Ten sam wyraz występuje także w złożeniach takich, jak *demokaseta, demokrążek, demopłyta, demoCD.*

[18] Por. „W przedsionku kościoła Mariackiego zainstalowano infomat, czyli komputer pozwalający na prezentację fragmentów ołtarza Wita Stwosza w zbliżeniu oraz historii bazyliki krakowskiej".

Każdy przyzna, że jest to całkiem inny człon niż ten, który występuje w wyrazie *demokracja* i nawiązujących do niego neologizmach *demoanarchia, demotolerancja.*

Wzrost produktywności modeli wcześniej zaadaptowanych

Charakterystycznym zjawiskiem dla polszczyzny ostatniego dwudziestolecia jest powstanie bogato reprezentowanych serii nazw analogicznych, liczących dziesiątki, a w jednym wypadku nawet setki jednostek. Chodzi o struktury nominalne z następującymi członami: ***agro-*** (25), ***bio-*** (70), ***eko-*** (57)**,** ***euro-2*** (← *Unia Europejska*) – ponad 200[19]**,** ***mega-*** (45), ***porno-*** (30), ***seks- // sekso-*** (30)**,** ***wideo-*** (45) oraz człon postpozycyjny ***-man // -men*** (10). W latach 70. serie te miały swoje zaledwie kilkuwyrazowe „zalążki": składały się na nie zwykle wyrazy bezpośrednio przejęte w tym czasie lub częściowe kalki, w rodzaju *agrokompleks, biorytm, eurobarometr, megamiasto, pornofilm, seksfilm, wideokaseta.* Obecnie serie te można uznać za swoiste znaki czasu – ujawniają one europejskie, a nawet światowe współczesne zjawiska polityczne, społeczne, cywilizacyjne i obyczajowe.

Klasy te różnią się właściwą im zależną od czynników pozajęzykowych dynamiką, która wpływa na ich liczebność. Nie będzie odkryciem stwierdzenie, że nadzwyczajna produktywność członu ***euro-2***, zdynamizowana w ostatnim roku, wynika z aspiracji Polski znalezienia się w strukturach Unii Europejskiej, których wyrazem była inspirowana przez rząd prowadzona przez media wielka kampania informacyjno-nakłaniająca. Stworzona została w ten sposób doskonała „gleba", w której derywaty z członem *euro-* wyrastają jak grzyby po deszczu.

Produktywność tego typu wydaje się nie mieć granic – można rzec, że o każdej rzeczy daje się powiedzieć, że jest *euro.* Świadczą o tym zwłaszcza osobliwe okazjonalizmy, np. takie jak *europociąg* („Włosi mają małe szanse na spełnienie kryteriów konwergencji. Jeśli chcą wsiąść do europociągu, muszą dokonać wielkich cięć oszczędnościowych".), *eurotelewizor* 'telewizor zgodny z normami Unii Europejskiej' (por. „Wzorcowy eurotelewizor miałby ważyć ponad 250 kg, zaś jego cena kształtowałaby się w granicach 36 tys. franków francuskich".).

W bogatej serii derywatów z pierwszym członem *euro-* jednostki o wyłącznej funkcji nominatywnej (nazywającej), pozbawione elementów aksjologicznych, występują w zdecydowanej mniejszości, por. *euroarmia*[20]*, eurobarometr*[21]*, eurokonstytucja*[22]*, euroreferendum* 'referendum w sprawie przystąpienia danego kraju do UE'.

Przeważają derywaty nacechowane aksjologicznie, w których interpretacji należy odtworzyć perspektywę nadawcy. Jako przykłady niech posłużą stosunkowo dobrze już utrwalone w języku następujące złożenia: *euroentuzjazm, euroentuzjasta, eurosceptycyzm, eurosceptyk, eurofobia, eurofob,* a także okazjonalizmy użyte przez zwolenników integracji Polski z UE, np. takie jak *eurobeton* 'o przeciwnikach integracji Polski z UE', *eurowróg,*

---

[19] Człon *euro*-1 (←*Europa, europejski*) wyróżniamy w derywatach typu *eurobezpieczeństwo* 'bezpieczeństwo państw europejskich', *eurokomunizm* 'ideologia partii komunistycznych krajów Europy Zachodniej'. Za pomocą cyfr rzymskich oddzielane są odrębne znaczenia danej cząstki złożenia.

[20] Por. „Unia Europejska pracuje obecnie nad powołaniem własnych sil zbrojnych – euroarmii".

[21] Por. „[...] według ostatnich badań opinii publicznej, tzw. eurobarometru z września 2000 r., w przypadku referendum za włączeniem do Unii głosowałoby 46% wyborców".

[22] Por. „Polski wzorzec eurokonstytucji [tytuł]. Premier Badenii-Wirtembergii proponuje, aby preambułę przyszłej europejskiej konstytucji oprzeć na preambule zawartej w konstytucji polskiej".

eurowstręt oraz jej przeciwników, w rodzaju *euroindoktrynacja, euroobsesja, europaranoja*[23].

W przypadku pozostałych z wymienionych tu członów obserwujemy nieporównywalnie mniejszą otwartość tworzonych z ich udziałem klas wyrazowych.

Człon ***agro-*** wykazuje aktywność w połączeniu z nazwami dziedzin i miejsc działalności ludzkiej (w tym nauki), związanych z rolnictwem, uprawą roli, roślin, hodowlą zwierząt, a także ogólniej – z wsią, por. *agrobiznes* „produkcja, przetwórczość i handel związany z rolnictwem" (SWJP), *agroferma, agrokombinat, agroekonometria, agrofizyka, agrometrologia, agropolitologia, agrotechnologia, agroturystyka* 'rodzaj turystyki polegającej na wyjazdach na wieś, do specjalnie przygotowanych dla wczasowiczów gospodarstw wiejskich' oraz o podobnym znaczeniu *agroturyzm, agrowypoczynek.*

W licznych nowych złożeniach z pierwszym członem ***bio-*** cząstka ta występuje w znaczeniu podstawowym i zarazem najogólniejszym: 'związany z życiem, procesami życiowymi, żywymi organizmami; biologiczny', por. *bioenergia* 'energia wytwarzana przez żywy organizm', *biojogurt* 'jogurt zawierający żywe kultury bakterii', *biokultury* 'żywe kultury bakterii', *bioplazma* 'plazma otaczająca organizmy żywe', *bioaktywny* 'taki, który zawiera składniki aktywne biologicznie', *biokosmetyk* 'kosmetyk zawierający naturalne składniki aktywne biologicznie', *bioenergoterapia // bioterapia* 'leczenie praktykowane poza oficjalną medycyną, polegające na tym, że leczący przekazuje choremu swoją energię biologiczną', *bioterroryzm* 'terroryzm wykorzystujący broń biologiczną'. Por. też nowe nazwy dyscyplin naukowych takie, jak *bioakustyka, biodiagnostyka, bioetyka, biogenetyka, biomatematyka, biomedycyna, biomineralogia*.

W wielu derywatach tej serii ujawnia się jako dodatkowe znaczenie: 'naturalny', por. wymienione przed chwilą formacje *biokosmetyk, bioenergoterapia*, a także *biodegradacja* 'naturalny, dokonujący się pod wpływem mikroorganizmów, enzymów itp. rozkład jakiś substancji' („Biodegradacja śmieci"), *biopaliwo* („Produkcja biopaliwa z rzepaku")[24]. Jest ono ściśle powiązane ze znaczeniem podstawowym członu *bio-*, co można przybliżyć za pomocą następującej eksplikacji: 'biologiczny, powstały w wyniku procesów dokonujących się w organizmach żywych i przez to naturalny', por. *biosok* („Fermentowane soki warzywne, zwane też „biosokami" mają znane i cenione walory odżywcze i lecznicze".). Niektóre z tego typu struktur mają konotacje 'nieszkodliwy dla środowiska', 'dobry, bo naturalny' (pod tym względem zbliżają się one do złożeń z członem *eko-*) .

Bardzo dziś ekspansywny, zwłaszcza w języku mediów, typ rzeczowników z członem ***eko-*** ma swoje źródło w należących do terminologii strukturach wcześniej zapożyczonych: wyłącznie formalnie lub też semantycznie (nawiązujących do internacjonalizmów *ekologia, ekologiczny*), takich jak *ekoklimat* biol., *ekosfera* astr., *ekosystem* biol. czy *ekotyp* biol.[25]. Ekspansywność ta ściśle wiąże się z polaryzacją semantyczną omawianego segmentu, wyraźną w serii neologizmów z ostatniego ćwierćwiecza.

W podanych zapożyczeniach oraz w rzeczownikach utworzonych na ich wzór cząstka *eko-* znaczy 'związany ze środowiskiem naturalnym' (np. *ekoklęska*, ekorozwój), 'wy-

[23] O znaczeniach członu *euro-* w najnowszej polszczyźnie, a także różnego typu konotacjach wnoszonych przez ten człon więcej piszę w innej pracy – por. Waszakowa 2000.

[24] W ostatnim czasie w związku z projektem ustawy o biopaliwach i prowadzoną w mediach dyskusją na ten temat powiększyła się liczebnie seria analogicznych struktur tego typu, por. *bioskładnik, biokomponent, biododatek, biopochodny.*

[25] Formacje te są notowane w SJPSz; w SJPD poza wyrazem *ekologia* znajduje się tylko *ekoklimat.*

produkowany z substancji naturalnych', por. *ekojedzenie, ekokosmetyk.* Z czasem powstaje nowe znaczenie, zawężone względem podstawowego 'ochraniający środowisko naturalne, nie niszczący go; dbający, walczący o jego naturalny, nieskażony charakter'. Jest ono widoczne w strukturach typu *ekoforum, ekofundusz, ekomyślenie, ekopacyfizm, ekopolityka, ekolodówka* 'lodówka ekologiczna; nie zagrażająca warstwie ozonowej atmosfery, bo nie wymaga użycia szkodliwych dla niej freonów', *ekogips*[26]. Dalsze zawężenie polega na wyrażaniu przez człon *eko-* treści takich, jak 'zgodny z naturą, z wymaganiami ekologii, nieskażony, zdrowy', por. *ekoturystyka, ekojedzenie, ekolek, ekoprodukt, ekofeminizm*[27]. Dla większości derywatów tej bogatej serii charakterystyczne jest nacechowanie aksjologiczne o charakterze konotacyjnym.

Z lektury kontekstów widać ponadto, że człon *eko-* jest również używany jako synonim wyrazu *sztuczny*, a antonim przymiotnika *naturalny*, por. *futra ekologiczne // ekofutra, torba ze skóry ekologicznej // ekoskóry*.

Nowe wyrazy z członami ***porno-, seks- // sekso-, wideo-*** spotykamy w mediach, w różnego typu reklamach, afiszach, ogłoszeniach itp. Łatwość ich tworzenia oraz duży stopień czytelności (co nie znaczy precyzji semantycznej!) wpływają niewątpliwie na szybki rozrost tego typu serii, do których należą m.in. rzeczowniki takie, jak *pornobiznes, pornodyskietka, pornogwiazda, pornoklientela, pornomagazyn, pornomodelka, pornoreklama, seksbiznes, seksczasopismo, seksgwiazda, seksmagazyn, seksmasaż, seksoferta, seksparty, seksprasa, seksturystyka, sekswideoteka, sekswydawnictwo.*

Wraz ze wzmożeniem aktywności członu ***wideo-*** nastąpiła jego polaryzacja semantyczna – dziś całkiem wyraźne są trzy jego znaczenia: a) 'technika', np. *wideofonograficzny, wideoradar, wideorejestracja*; b) 'urządzenie', np. *wideodomofon, wideokabel, wideoblokada* 'urządzenie blokujące, uniemożliwiające korzystanie z wideo'; c) 'film', np. *wideodokument, wideohit, wideoklip.*

Językoznawcy zwracają uwagę, że w końcu lat 90. w tekstach publicystycznych (zwłaszcza reklamowych) w funkcji intensyfikatora oceny zjawiska, na które wskazuje wyraz podstawowy, oprócz przedrostków *super-* (por. *supercena, superelegancja, superokazja*) i *hiper-* (por. *hiperseks, hipernowoczesny*), coraz częściej występuje element *mega-*. Cząstki te, choć znaczeniowo sobie bliskie, nie są synonimiczne.

Wzorcem dla stale powiększającej się grupy formacji z ***mega-***, głównie rzeczownikowych, są zapożyczenia leksykalne (typu ang. *mega-star, mega-hit, mega-store*) i ich kalki: *megagwiazda*[28], *megaprzebój, megasklep.*

Nowe wyrazy z *mega-* w języku polskim tworzone są również na gruncie rodzimym (z udziałem podstaw obcych lub rodzimych). Cząstka *mega-* w większości derywatów wnosi znaczenie: 'wielki, ogromny, olbrzymi, gigantyczny, o wielkiej skali', por. *megadzielnica, megahurtownia, megainstytucja, megametropolia, megapark, megazabudowa, megawolność, megazamach*.

Wśród nowych derywatów z członem *mega-* są też takie, w których człon ten oprócz funkcji intensyfikującej ma jeszcze znaczenie ewaluatywno-ekskluzywne – określane w

---

[26] Por. „Nowością jest technologia ekogips – wszystkie elementy są wykonane z gipsu syntetycznego (mają wyższą wytrzymałość niż zrobione z gipsu ze złóż naturalnych)".

[27] Por. znamienny cytat: „Propagatorka ekofeminizmu, niejaka Clarissa Estes uważa, że „zdrowa kobieta jest jak wilczyca: wolna, zaradna, twórcza i stale podejmująca wędrówki, inicjująca zmiany, czuła dla najbliższych nieustępliwa w walce. Takie możemy się stać, ucząc się od Natury".

[28] Por. *Adam Małysz – megagwiazda polskiego sportu.* TVP, 1, Wiadomości, 12.II. 2002.

ten sposób jakieś zjawisko jest 'wyjątkowe, niezwykłe, nadzwyczajne, związane z uznawanymi za niezwykłe osobami, rekwizytami itp.', por. *megaigrzyska, megaimpreza, megakoncert, megazabawa, megasukces.*

Pod wpływem najnowszych zapożyczeń wyraźnie „ożywił się" ostatnio typ złożeń z drugim członem ***-man // -men***, oznaczających osobę zajmującą się tym, co nazywa pierwszy człon złożenia. Do nieco wcześniej zaadaptowanych wyrazów takich, jak *kongresmen* czy *biznesmen, sportsmen* dołączyły niedawno: *showman // szołmen* 'ktoś, kto zawodowo jest związany z show-biznesem', a także 'prowadzący show', *rockman // rockmen* 'wykonawca muzyki rockowej', *punkrockman* 'muzyk grający punk rocka'[29].

Na marginesie można dodać, że segment *-man // -men* w polszczyźnie zasadniczo nie występuje samodzielnie. Jego obecność w wymienionych zapożyczeniach i rzeczownikach nie mających w naszym języku statusu derywatu, quasi-złożeniach (typu *batman, salesman, spiderman, strongman*), a także w wyrazach jednostronnie podzielnych (w rodzaju *superman*) mogła wpłynąć na powstanie hybrydy *wiochmen.* Podstawą tego derywatu jest rzeczownik *wiocha* – lekceważące, pogardliwe określenie wsi. *Wiochmen* jest używany głównie przez młodzież z niechęcią, pogardą na określenie kogoś, kogo nadawca uznaje za nieinteresującego, niekulturalnego, prostackiego itp.'

Wyodrębnianie się nowych znaczeń cząstek słowotwórczych z istniejących struktur

Na powstanie nowych znaczeń niektórych spośród obcych członów miały wpływ zarówno czynniki pozajęzykowe, jak i wewnątrz systemowe. Na naszych oczach pojawiły się w polszczyźnie nowe serie złożeń, w których znane cząstki występują w nowym znaczeniu, zawężonym w stosunku do dotychczas istniejącego. Chodzi tu o następujące człony:

euro- 3 (← *euro* 'waluta Unii Europejskiej'), ***homo-2*** (← *homoseksualista, homoseksualny),* ***inter-3*** (← *Internet, internet, internetowy*)[30], ***techno-2*** (← *techno* 'typ opartej na rytmie muzyki elektronicznej'), ***tele-3*** (← *telefon, telefoniczny*).

Samo zjawisko zawężania się znaczeń członów złożeń nie jest bynajmniej nowe. Na przykład w latach 70. z podstawowego znaczenia obcego elementu *tele-1* 'działający na odległość' (por. *telefon, teleskop, telewizja*) wyodrębniło się węższe znaczenie: *tele-2* 'telewizyjny, związany z telewizją' – jest ono widoczne w licznej, stale rosnącej, serii rzeczowników typu *teledysk, telegazeta, telewidownia, teleranek*. Równolegle do niej w późniejszym okresie wydzieliło się kolejne: *tele-3*, które bezpośrednio wiąże się z wyrazami *telefon, telefoniczny*, por. *telefax* 'urządzenie do przesyłania tekstów, rysunków itp. za pomocą sieci telefonicznej', *telepizza* 'pizza, którą zamawia się przez telefon', *teleadresowy* 'zawierający adresy i numery telefonów' – zwykle w połączeniu *książka teleadresowa,* okazjonalne *teleafera* 'afera telefoniczna, związana z nadużywaniem infolinii'.

---

[29] Typ ten jest całkowicie różny od struktur o motywacji podwójnej typu *kinoman, lekoman, narkoman,* które nazywają osobę uzależnioną od tego, co jest nazwane w członie pierwszym *kina, leków, narkotyków..*

[30] Człon *inter- 2* (← *internacjonalny*) występuje w złożeniach: *interchampion // interczempion* 'zwierzę rasowe nagrodzone na sześciu wystawach, w tym co najmniej na jednej międzynarodowej' (Nowe 1998), *interekspres* 'międzynarodowy pociąg ekspresowy'.

Podobnie w latach 90. człon *euro-* zaczął być używany na coraz to większą skalę w znaczeniu 'waluta Unii Europejskiej', czyli zawężonym w stosunku do dwu poprzednich: *euro-1* 'związany z Europą, europejski' i *euro-2* 'odnoszący się do Unii Europejskiej'. Chodzi o struktury typu *eurobankomat* 'bankomat wypłacający euro', *eurocent, eurozłoty* 'złoty przeliczany na euro', *euroobligacje,* a także okazjonalizm *euroafera* („Euroafery [tytuł]. Swoistym novum jest pojawienie się – obok podrobionych marek, lirów i franków – dużej liczby sfałszowanych banknotów euro [...] wykrytych we Francji".).

Równolegle w najnowszych strukturach coraz wyraźniej zaznacza się związane z poprzednimi znaczenie oceniające segmentu *euro-*. Konteksty, w jakich użyto złożeń takich jak *euromoda, eurokuchnia, eurotoaleta, eurookno,* pozwalają znaczenie to przybliżyć za pomocą następujących cech: 'nowoczesny', 'na wysokim, europejskim poziomie', 'supermodny', por. „Nie ma mowy o prowincjonalizmie; wszystkie fasony respektują najnowsze wzory i linie, mogą konkurować z najlepszymi osiągnięciami euromody XXI wieku"[31].

Utrwalony w polszczyźnie człon *homo-* o znaczeniu 'taki sam, jednakowy, podobny' (por. złożenia typu *homogeniczny, homoseksualny*) w ostatnim czasie zaczyna być stosowany w znaczeniu zawężonym, jako: 'homoseksualny, związany z homoseksualistami'. Świadczą o tym mało utrwalone złożenia, takie jak *homozwiązki* („Rząd nie chce homozwiązków, zboczeńcy straszą Unią Europejską"), *homoimpreza, homoinwazja* (tytuł artykułu o paradzie homoseksualistów w Rzymie), *homodyskoteka* 'dyskoteka dla homoseksualistów', *homofobia* 'fobia wobec homoseksualistów' („Działania oświatowe przeciwko homofobii w miejscu pracy, szkole, policji itp."), *homolewica* – etykieta przyczepiona części lewicy politycznej, opowiadającej się za nadaniem praw rodzicielskich parom homoseksualnym', *homorynek* 'oferta handlowa skierowana do homoseksualistów'. Z szerszego kontekstu wynika, że z określeniami tymi łączone są konotacje negatywne.

Jak wiemy, nazwa *Internet* odnosi się do ogólnoświatowego, dynamicznie rozwijającego się systemu powiązań sieci komputerowych; jest największym przykładem międzysieci.[32] Internet pozwala wszystkim użytkownikom komputerowym łączyć się z wszystkimi komputerami na świecie – człon pierwszy tego internacjonalizmu nawiązuje do podstawowego znaczenia cząstki *inter-* 'między, śród, wzajemny'. Wyraz *internet* o postaci zdezintegrowanej *inter-* znajdziemy już nie tylko w zapożyczeniu *internauta,* ale w serii złożeń, takich jak *interpielgrzym* („Pierwszym interpielgrzymem był sam Jan Paweł II, który zainaugurował możliwość internetowej pielgrzymki [...] sieciowego odwiedzania sanktuarium"), *intermuzyka, intermoda, intersklep*. Wyraz *internet* pojawia się też w pełnej postaci, por. *internetoholik, internetomania.*

Współczesne neologizmy z pierwszym członem *techno-*, takie jak *technobiznes, technofan, technoklub, technoparty, techno-jazzowy* odnoszą się bezpośrednio do muzyki elektronicznej (ściślej, jej wyraźnie określonego typu), której dziś przysługuje osobna nazwa *techno.* Z uwagi na to, że związek tego typu muzyki z ogólnie rozumianą techniką daje się umotywować – raczej tylko na zasadzie asocjacji: najogólniej mówiąc, techno powstaje dzięki wykorzystaniu środków technicznych – znaczenie członu *techno-* w powyższych derywatach uznaję za zawężone względem pierwotnego *techno-* 'związany z techniką'.

Wnioski

[31] Na analogiczne zjawisko w języku rosyjskim zwracała uwagę E. A. Ziemska (Zemskaja2002).
[32] Por. hasło *Internet* w *Słowniku terminów komputerowych* B. Pfaffenbergera. Warszawa 1999.

Przedstawione w postaci szkicowej zjawiska słowotwórcze, jakie obserwujemy w najnowszej warstwie polszczyzny, bardzo silnie wiążą się ze zmianami szeroko pojmowanej rzeczywistości, jakich byliśmy świadkami w ostatnim dwudziestoleciu. Językoznawcy zwracają uwagę na wyraźną zmianę języka w mediach: ekspansji słownictwa potocznego towarzyszy zwiększona w stosunku do okresu wcześniejszego ekspresywność słownictwa, wyrażająca się m.in. w stosowaniu środków z najwyższego rejestru emocji i ocen (zwłaszcza w reklamie), czego wyrazem są np. struktury słowotwórcze z członem *mega-* mającym silniej oddziaływać na odbiorcę niż używane dotychczas liczne konstrukcje z *super-* czy *hiper-*.

Obserwując język współczesnej prasy, określanej jako *wolna*, widać, że obecnie coraz swobodniej mówi się o rzeczach, które w minionej epoce należały to sfery tabu. Jednym z przejawów procesów detabuizacji jest zwiększenie aktywności struktur z członami *porno-, seks- // sekso-, narko-, homo-2* w znaczeniu 'homoseksualny'.

Jest jasne, że zapożyczenia i tworzone od nich neologizmy przybliżają zjawiska nowe (nowoczesne), znane w świecie – por. wyrazy międzynarodowe, takie jak paralelne do polskich: *infolinia, infowitryna, biogenetyka, biogen, bioplazma.* Skojarzenia z nowoczesnością, postępem, a także dbałością o człowieka i jego środowisko naturalne – słowem, z tym co jest uznawane z różnych względów za wartościowe, niosą również cząstki takie, jak *eko-, wideo-, cyber-, inter-3* (od *Internet*) czy ***e-*** (od *elektroniczny)***.**

Elementy obce służą też przedstawianiu własnych sądów i opinii (w tej funkcji występują derywaty z członem *-gate, -holik*), a także wartościowaniu zjawisk lub osób, np. poprzez opatrzenie etykietką *euro-* wyrazów nacechowanych aksjologicznie – por. okazjonalizmy typu *eurobełkot, eurobarbarzyńca, euroobsesja* czy *europaranoja*.

Łatwość tworzenia lub powielania złożeń z omawianymi tu obcymi członami w wielu wypadkach nie idzie w parze z dbałością o ich precyzję semantyczną. Bezkrytyczne przyjmowanie tego typu wzorców oducza bowiem ścisłego myślenia, świadczy o schematyzmie i braku indywidualizmu posługujących się nimi osób.

To, że z pomocą omawianych tu typów struktur coraz częściej mówi się o nowej, kreowanej rzeczywistości politycznej, cywilizacyjnej, technicznej, konsumpcyjnej, jak i przedstawia sądy i oceny, a nawet bogate językowe obrazy tej rzeczywistości (jak np. w przypadku okazjonalizmów z członami *-gate* czy *euro-*), sprzyja przesuwaniu się tychże struktur z peryferii do centrum języka ogólnego.

Literatura:

GUTSZMIDT 1998: Gutszmidt K. Obščie tendencii i specifičeskie formy ich realizacii v sovremennych slavjanskich jazykach. – W: Jazykovedný časopis. – 49 (1-2). – S. 5-26.

NOWE 1998: Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1985-1992, pod red. T. Smółkowej. Cz. I: A-O. – Kraków.

SJPD 1958 –1969: Słownik języka polskiego, t. I-XI, pod red. W. Doroszewskiego. – Warszawa.

SJPSz 1978 –1981: Słownik języka polskiego, t. I-III, pod red. M. Szymczaka. – Warszawa.

SWJP 1996: Słownik współczesnego języka polskiego, pod red. B. Dunaja. – Warszawa.

WASZAKOWA 2000: Waszakowa K. Rozkładalność i kompozycjonalność struktur słowotwórczych (na przykładzie neologizmów w polszczyźnie końca XX w.) [w:] Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4. Konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. Katowice, 27 – 29 września 2000 r. Red. K. Kleszczowa, L.Selimski. Wydawnictwo Gnome. – Katowice. – S. 63-69.

ZEMSKAJA 2002: Zemskaja E. A. Specifika semantiki i kombinatoriki proizvodstva slov-gibridov, [w:] Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. Swetlana Mengel (Hrsg.). – Münster-London-Hamburg. – S. 157-170.

О.П. ЕРМАКОВА

АКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЁН ЛИЦ

Имена лиц составляют большой массив производных слов и находятся в центре субстантивного словообразования, что несомненно отражает антропоцентричность языка. Семантические процессы, происходящие в русском языке конца XX века, отчётливо проявляются в изменении семантической структуры имён лиц.

Будут рассмотрены некоторые тенденции семантических изменений внутри словообразовательной категории лица безотносительно к структурным различиям производных внутри данной категории.

Исследование проводилось на материале публицистики и устной речи, в том числе и некодифицированной (в первую очередь разговорной и лишь отчасти - жаргонной).

Предполагается рассмотреть следующие тенденции в семантических преобразованиях имён лиц.

1. Перераспределение активности прямых и переносных значений в некоторых группах имён лиц - актуализация прямых значений у слов, которые долгое время использовались преимущественно образно, преимущественно с негативной окраской.

2. Расширение значений, нередко приводящее к дефразеологизации, к превращению идентифицирующих имён в предикатные.

3. Развитие частичной (актантной) энантиосемии - совмещение значение агенса и пациенса в структуре имён лиц.

4. Развитие функциональных значений у перфектных имён.

5. «Омонимическое притяжение».

Одни тенденции являются прямым следствием социальных изменений (ср. 1, 4), другие отражают семантические процессы, которые в определённые эпохи являются наиболее характерными для развития разных категорий лексики. Таковым в настоящее время является процесс расширения значений, который, естественно, наряду с другими группами слов захватывает и имена лиц.

Механизмы изменения значений при этом могут быть различными, один из них - повторная реализация словообразовательной модели.

Перераспределение активности прямых и переносных значений

Уже не раз отмечалось в печати, что в послеперестроечный период заметно актуализировалась конфессиональная лексика, отражающая активизацию обращения общества к церкви.

Это усиление активности прямых значений у слов, в советский период употреблявшихся прежде всего в переносном, - *исповедоваться, отпевать, причаститься* и других, естественно захватило и имена лиц: *исповедник, духовник, причастник, крестник, крёстная мать* и др.

Но наряду с этой лексикой активизировались прямые значения слов, называющих явления, которые церковь всегда осуждала. И это тоже в значительной

степени отразилось в семантике имён лиц. На поверхности общественной жизни оказались всякого рода «чудесные» явления, связанные с тёмными потусторонними силами, отсюда небывалая активность прямых значений слов: *колдун, знахарь, маг, волшебник, ясновидящий, ведьма, гадалка* и др. Ср. также активизацию прямых значений у слов из другой тематической группы - *чиновник, фискал.* Совершенно ясно, что причины этого явления чисто социальные.

Расширение значений

Среди собственно семантических процессов, приводящих к изменению значений слов и существующих с древних времен, - метафоризации, метонимизации, расширения, сужения - в настоящее время, на наш взгляд, первое место занимают процессы расширения значений. Метафоризация не порождает новые модели, активное использование метафор в публицистике в большей части опирается на традиционные модели, характерные и для языка 19 века. А самое главное - публицистические метафоры остаются преимущественно в пределах контекста. Новых метафорических значений, которые вошли бы в язык почти нет, тем более тех, которые определяли бы «семантическое лицо эпохи» - ср. типичные для страны с «диктатурой пролетариата» публицистические метафоры - *подковать, подкованный, перековка, винтики, закручивать гайки, рычаги управления, спаять коллектив, сцементировать общество* и др.

Расширение значений, наблюдающееся в настоящее время, охватывает разные группы лексик - слова производные и непроизводные, глаголы и существительные, конкретно-предметные и оценочные.

Этот процесс характерен для отглагольных и отадъективных названий лиц, в частности, у слов *фигурант, пользователь, уклонист, стрелок, бесплатник, наёмник, частник* и др.

Рассмотрим процесс расширения значений в кругу имён лиц.

1. Расширение значений может быть одним из проявлений процесса детерминологизации. Это, в частности, наблюдается на примере слов *фигурант, пользователь, середняк* и др (о процессе детерминологизации в языке конца 19-нач.20 вв. (ГРАНОВСКАЯ 1981, 248-268).

Первое вышло из театральной сферы, второе - из юридической. Толковые словари отмечают слово *фигурант* с пометой *устар.* в значениях: 1. ‘Танцовщик в групповых балетных выступлениях’. 2. ‘То же, что статист’.

Впервые отмечено в «Толковым словаре иноязычных слов» (1998) то значение у слова *фигурант,* которое, очевидно, и стало основой для современного расширенного употребления. В этом словаре, кроме ранее отмечавшихся (в настоящее время неактуальных) значений, зафиксировано новое, с пометой *юр.* - ‘тот, кто проходит по какому-нибудь уголовному делу в качестве обвиняемого, подозреваемого или свидетеля’. См. замечание по этому толкованию Эр.Хан-Пира: «Толковый словарь иноязычных слов» (1998) регистрирует три значения: 1) *устар.* Танцовщик групповых балетных выступлений; 2) То же, что статист; 3) *юр.* Тот, кто проходит по какому-нибудь уголовному делу в качестве обвиняемого, подозреваемого или свидетеля. Помета *юр.* представляется неточной: в законодательстве нет термина *фигурант,* т.е. это не правовой термин. Это слово употребляется в речи сотрудников, оперативно-следственных органов и в речи журналистов, писателей,

пишущих об их работе. Видимо, помету *юр.* следует заменить пометой *спец.* и истолковать слово в этом значении так: «Лицо, проходящее по уголовному делу в качестве подозреваемого, подследственного, обвиняемого» (ХАН-ПИРА 2002). Но и свидетеля, как отмечает «Толковый словарь иноязычных слов», а, по нашим наблюдениям, и судьи, и любого лица, прямо или косвенно имеющего отношение к делу.

Фигурантами еще называют людей, используемых при обучении служебных собак. Ср.: Мои представления о том, что такое *фигурант,* были довольно смутны. В редакции я объявил, что иду делать репортаж про «мужика в ватном халате, на которого собаки бросаются» (АиФ, №43, 2002). Однако каковы новые *фигуранты?* Кто приходит на смену Печерниковой? Кого суд назначил, чтобы еще раз переопределить: вменяем был Буданов или нет? (Нов.газ. 8-10 июля, 2002); Нельзя сказать, что нам совсем уж неинтересно то, что происходит в столице... С *фигурантами* давно все ясно - лица мелькают одни и те же. Меняются только обстоятельства (НГ, Регион. 8.02.2000). Записки из подполья одного из *фигурантов* «дела Высоцкого» (Нов.газ. 15-17 июля 2002. Заголовок); Когда он [Ю.Скуратов. О.Е.] был нашим гостем, еще будучи Генпрокурором, говорил, что и Гусинский, и Березовский - его *фигуранты*, - не знаю, чей Гусинский был *фигурант,* но двери в прокуратуре, он, как говорится, ногой открывал (АиФ, № 6, 2001); Нашли, причем совершенно случайно, *фигуранта,* а у него, похоже, железное алиби (А.Маринина, Иллюзия греха); Он взял в руки папку, перебрал несколько находящихся там листов. - Вы поймете, что ничего убийственного в них нет. Скандал? Это да, может возникнуть, ну как же. Такие *фигуранты!* (Ф.Незнанский, Ищите женщину).

Однако встречается и полностью дефразеологизированное употребление:

Пожалуй, в деле не хватает лишь одного *фигуранта.* Если ниточку потянуть дальше, от Гайдара к Чубайсу, а от Чубайса к Собчаку, она может нечаянно привести к Владимиру Путину. Вот этого поворота политические пиар-технологи, очевидно, постараются избежать (Версия 14-20.10.2002). В данном случае -*фигурант* - просто ‘действующее лицо’.

Это отмечает и Эр.Хан-Пира. Он пишет: В сегодняшней речи *фигурант* употребляется в значении, не отмеченном словарями. Вот несколько примеров: «...каждый член семьи готов выслушать рассказ о вчерашнем, горькие сетования *фигуранта* рассказа и в известном смысле попенять проказнику» («Известия», 7.10.99); «Окажись такая электоральная сила за плечами масштабного *фигуранта* вроде генерала Лебедя или хотя бы мэра Лужкова, он бы горы свернул» (там же, 1.10.99); «Версия подтвердилась, правда, в истории появился неожиданный *фигурант* - губернатор Орловской области» (там же, 1.10.99); «...*фигуранты* нового премиального проекта могут рассчитывать на более приятную сумму...» (там же, 30.10.99); «За разъяснениями мы обратились к главному *фигуранту* справок, народному артисту бывшего СССР Льву Константиновичу Дурову» (там же, 7.10.99); имеется в виду справка из театра о бороде Дурова при выезде за рубеж); «Либеральные симпатии канала (НТВ - Э.Х.), его трогательная любовь к правым, так же как вульгарные передержки в освещении деятельности *фигурантов* левого крыла оппозиции, очевидны» («Правда», цит. по «Мир за неделю», 2000, №3). Таким образом, слово *фигурант* деархаизировалось, детерминологизировалось и

расширило своё значение до чистой реализации словообразовательной модели: *фигурант* - ‘тот, кто где-то как-то фигурирует’.

Выходит из сферы политических оппозиций - *кулак* - *середняк* - *бедняк.* Слово *середняк* и начинает употребляться со значением - ‘человек среднего достатка’.

Слово *пользователь* с пометой (*право*) в словаре под редакцией Д.Н.Ушакова толкуется как «лицо, у которого находится в пользовании, эксплуатации какое-нибудь имущество». В большом академическом словаре в числе *пользователей* отмечается и учреждения. Ср. иллюстрацию значений:

- Передача угодий в долгосрочное пользование оформляется путем заключения лесхозами и *пользователями* договоров.

В более поздних словарях этого слова нет.

В последние десятилетия XX века слово *пользователь* активизируется в другом значении: ‘тот, кто пользуется компьютером, интернетом и другими видами электросвязи или телефона’.

«*Пользователи* электросвязи и пассажиры - знайте свои права!» (КП, 19,07,2002. Заголовок); О том, к чему, собственно, готовиться калужанам в ближайшем будущем, с читателями «Комсомолки» во время «Прямой линии» говорил директор НКП. *«Защиты пользователей»* электросвязью (КП,19,07,2002); Значит, любой *пользователь* сотовой и не сотовой связи запросто попадает на крючок к бандитам? (Нов.газ., 15-17, 07,2002); 28 процентов *пользователей* слушают на своем ПК музыку восемь и более часов в неделю (КП,18.01,2001); За последние дни в интернет обратились около трех тысяч *пользователей* (TV, 16.08,2002); Во сколько в самом деле обходится сотовая связь рядовому *пользователю*? (МК, 26.04.2002); Был такой вирус, который брал реальную тему, адрес, настоящее письмо или даже несколько, перемешивал их и как бы вел между *пользователями* переписку (АиФ,39,2002).

Но можно заметить, что, выйдя за пределы официально-деловых текстов (хотя и сохраняет отчасти окраску этого стиля), слово *пользователь* стремится стать чистой реализацией словообразовательной модели: оно нередко употребляется со значением ‘тот, кто пользуется чем-то’. Напр.: Новый свод [правил орфографии и пунктуации – О.Е.] написан слишком сложно. Может быть, филологи его и поймут, но простому человеку это не под силу. А именно он является *главным пользователем правил,* - говорит декан филологического факультета МГУ им.Ломоносова Марина Ремнева (АиФ, 9.02,2002).

Очевидно, под влиянием активного употребления глагола *стрелять,* расширяется значение слова *стрелок.* Оно в современной прессе не соответствует словарным значениям: ‘тот, кто умет стрелять’ и ‘военнослужащий стрелковых войск’. В нём актуализируется широкое имперфективное значение ‘тот, кто стрелял’[1].

Ср.: Опасаясь за себя, 26-летний соперник выхватил пистолет и наугад произвёл несколько выстрелов в оппонента. Возможно, *стрелок* не рассчитывал убивать земляка, но, к несчастью, одна из пуль угодила жертве в голову. Перепугав-

[1] В киноромане Пола Верховена «Основной инстинкт» и в одноименном фильме в русском переводе героиня романа называет словом *стрелок* полицейского, который, преследуя преступника, случайно застрелил двух людей, не имевших отношения к преступлению.

шись, *стрелок* велел шофёру ехать быстрее в аэропорт... (МК, 26.04.2002); ...когда к месту драки подоспели настоящие сотрудники милиции, *горе-стрелок,* пытаясь отбиться, ранил самого себя (Экспресс-газета, 17.06.2002); В бизнесмена стреляли из машины. *Стрелку* удалось скрыться (TV, 9.07.2002); Убийца был явно не случайный *стрелок*, и рабочее время он себе подготовил давно и удобно (Т.Устинова, Мой личный враг).

Наряду с этим значением в слове *стрелок* деархаизировалось значение, характерное для XIX века - ‘охотник’, но его не затронул процесс расширения.

Деполитизировалось и дефразеологизировалось значение слова *уклонист*, в первые годы советской власти обозначавшее того, ‘кто отклоняется от основной линии партии’, в нём стало актуализироваться другое значение, близкое к чистой реализации словообразовательной модели: ‘тот, кто уклоняется от чего-то’. Но пока полного расширения не произошло, оно обозначает того, кто уклоняется от службы в армии.

Деполитизация и архаизация прежнего значения слова *выдвиженец* освободили его от смыслового приращения, актуального в первые годы советской власти.

Ср.: *Выдвиженец* - ‘В первые годы советской власти: рабочий, выдвинутый на какую-нибудь ответственную должность’. *Инспектор от выдвиженцев* (Ож.-Шв., 1994). Ещё до перестройки это значение приобрело негативную окраску, которая не отмечалась в словарях, но явно присутствовала в антикоммунистических кругах. Ср.: Каким-то чудом он почти с рождения стал, антисоветчиком... Своих родителей называл *«выдвиженцы»*... оба в партии с тридцать шестого года. Оба - *выдвиженцы,* слуги режима (С.Довлатов, Компромисс). В постперестроечный период такое употребление регулярно встречается в демократической прессе. Ср.: Но какие могли быть умозрения у поколения *«выдвиженцев»* из числа главным образом раскрестьяненных крестьян, занявших командные высоты власти и едва-едва научившихся читать и писать? (НМ, 10.2001).

Но одновременно наблюдается расширение значения слова *выдвиженец* - ‘тот, кто выдвинут к избранию, в органы власти какой-то партией или другим сообществом’, хотя такое употребление происходит «с оглядкой» на прежнее значение, слово нередко заключается в кавычки (но не всегда), которые скорее всего являются знаком - «не путать с прежним значением».

Среди *«выдвиженцев»* Егор Гайдар, Аркадий Вольский, Станислав Терехов, Ирина Хакамада (КП, 6.03.96); Ельцин, несмотря на приглашение в думу не явился, а сидевший на сцене Путин пока не заслужил публичной обструкции от *выдвиженца* Партии пенсионеров (КП, 28.01.2000).

На основе повторной реализации словообразовательной модели расширили свои значения до полной дефразеологизации имена лиц - *бесплатник, льготник, частник, наёмник.*

Слово *подписант* возникло примерно в 60-х годах для обозначения лиц, подписавших коллективное письмо в партийные органы с выражением протеста против беззакония по отношению к правозащитникам или к отдельным лицам, к которым были применены репрессии.

В толковых словарях, выходивших до конца 90-х годов этого слова нет. Оно отмечено в словаре СКЛЯРЕВСКОЙ и в БТС с пометой *разг.* и *ирон.* Слово

встречалось в текстах писателей, деятелей культуры, искусства. Ср., например, у Е.Евтушенко: После процесса над писателями родилось слово *«подписант»*, обозначавшее человека, поставившего свою подпись в защиту инакомыслящих. Такое употребление встречается и в 90-х годах, например:

Возникает жанр письменных протестов, направленных властям, их авторов называют *подписантами* (Л.Парфёнов, ТВ, - Передача «Намедни» (3.07.1994).

Но уже в конце 90-х годов оно начинает употребляться с широким значением ‘тот (те), кто подписал (подписали) какой-то документ’. Употребление, конечно основано на несколько шутливом напоминании о первичном значении, на отталкивании от него (о чём говорят кавычки), но неоднократное использование в разных контекстах всё же свидетельствует о расширении первоначального очень специфического значения. Вот лишь отдельные примеры.

Как раз вам, может быть, не совсем удобно помещать под материалами друга свою фамилию. Для этого есть нейтральные *подписанты*, типа «отдел расследований» (Ф.Незнанский. Ищите женщину); - Мне отец, отработавший десять лет первым зампредом госбанка СССР, рассказывал: Как-то возникла идея выпустить деньги с подписями членов правления Госбанка. ...Сталин зарубил идею на корню. Позже к предложению с автографами, по-моему, не возвращались. С точки зрения дополнительной защиты от подделки, это малоэффективно, а потешить самолюбие *«подписантов»*... Во всяком случае, мне такая «слава» не нужна (Интервью с Виктором Геращенко, председателем Центробанка, КП, 6.11.1999); И вот теперь отказ в регистрации Лебедева кандидатом. Повод для отказа довольно стандартный, причём такой, который можно трактовать весьма растяжимо - использование «административного ресурса» при сборе подписей. ...Когда протоколы привезли в облизбирком, в них не оказалось ни одного зафиксированного факта принуждения того или иного *«подписанта»* (КП, 21.06.2001).

Развитие актантной энантиосемии

Актантной энантиосемией мы называем совмещение в названиях лиц значений агенса и пациенса.

Актантная энантиосемия возникает, по нашим наблюдениям, в первую очередь как результат повторной реализации словообразовательной модели отсубстантивных и отглагольных названий лиц с фразеологичной семантикой.

В настоящее время это наблюдается в словах: *отказник, тюремщик, переселенец.*

История слова *отказник* показывает возможность совмещения в одном слове значения агенса и пациенса.

В советское время это слово обозначало ’тот, кому было отказано в выезде за границу’.

Вот некоторые примеры.

К ней явились суровые бородатые *отказники* (С.Довлатов, Чемодан); А главою совета директоров являлся сам Иешуа Анис, он же Гоша, знаменитый бывший *отказник* (Д.Рубина, Во вратах твоих); ...Вы что не слышали о Маре Друк? Это известная *отказница*...(Д.Рубина, Во вратах твоих); *«Отказник»* вице-премьер Шо-

хин, которого не пустили в Сеул, вновь стал «выездным», очутившись в Пекине...(КП,27.05.94).

Примерно с конца 80-х годов у слова *отказник* стало появляться значение ’тот, кто отказывается от чего-либо’ (в первую очередь от службы в армии, но не только).

Ср.: Первым *«отказником»* стал Булат Окуджава, который направил в президиум комиссии [по государственным премиям - О.Е.] факс «Прошу исключить меня из членов президиума, т.к. я считаю невозможным для себя участвовать в работе этого общественного органа, возглавляемого г-ном Егоровым, не имеющим. на мой взгляд, прямого отношения ни к науке, ни к литературе, ни к искусству» (КП,19.05.96); Генерал-полковник, к слову, так же, как и Рохлин, *отказник.* Он осудил военные военные акции в Грозном и не возглавил группировку российских войск (КП,30.08.95); В том случае, если кто-то не захочет делать прививку, *отказника* ожидает штраф в 1,5 миллиона карбованцев (КП,27.09.95); *«Отказник»* подал в суд на военкомат... Призывник отказался от призыва по убеждениям (КП, 26.03.97).

Правда, полной симметричности в актантной противоположности в этом случае не наблюдается: агентивное значение имеет разные объекты, в то время как известный советизм связан с одним пациенсом - лицом.

Другие значения слова *отказник* представляют более чёткую противопоставленность актантов: ‘Ребенок, от которого отказались родители (прежде всего мать)’ и ‘Родители, отказавшиеся от ребенка (опять-таки в первую очередь мать). Во втором значении чаще употребляется *отказница* (чем *отказник*), а в первом чаще *отказник,* но, когда речь идет о девочке, встречается и *отказница*.

Ср.: Мальчик этот, как ни бились с ним, отзывался только на фамилию. Он был *отказник* (ДН, 1999, 6); *Отказница* (КП, 30.05.97. Заголовок статьи о молодой матери, отказавшейся от ребенка); Если посмотреть социально-демографический портрет матери-*отказницы,* ...то можно узнать, кто, собственно, она такая (КП,18.10.2002); Девочка вырастала, не зная, что она *отказница* (Устн.речь, говорит врач Дома ребенка, 1998).

Ср. также *переселенец* - ‘тот, кто переселился’ и ‘тот, кого переселили’. Совмещение значений агенса и пациенса наблюдается и в современном употреблении слова *тюремщик*.

Ср.: *Тюремщик* - ‘тот, кто сторожит в тюрьме, надзирает за заключенными’ - ‘тот, за кем надзирают, заключенный’ (или ‘бывший заключенный’, как, впрочем, и ‘бывший надзиратель’).

Подрез - потомственный *тюремщик.* Ещё его отец был начальником УИН по Москве (Эспресс-газ. №29, 2002); Что же вы дочь за *тюремщика* отдали? Известно ведь, что он пять лет в тюрьме сидел? (Устн.речь, говорит женщина-инженер); Юмора в жизни *тюремщиков* и *гулагерников* было едва ли не больше, чем на свободе (Аль Д.).

Второе значение пришло из просторечия. В языке XIX века значения агенса и пациенса были представлены разными словами: *тюремщик* имело значение ‘тюремный пристав’, *тюремник* - ‘содержащийся в тюрьме’ (Сл. 1847 г., Сл.Даля). Однако слово *тюремщица* уже тогда имело значение ‘содержащаяся в тюрьме’

(первого значения у этого слова не могло быть по социальным причинам). Ср. также устарелое *острожник* - ‘заключённый в острог’ (в тюрьму).

В просторечии отмечено слово *пожарник* со значениями - ‘пожарный’, ‘тот, кто тушит пожар’ и ‘тот, кто пострадал от пожара’. Второе значение, по данным словарей, было у слова *пожарщик* (Сл. 1847г.). Случай не совсем аналогичный.

В разговорной речи и в прессе в словах *двоечник-двоечница* шутливо сталкиваются значения: ‘тот (та), кто нахватал много двоек (учащийся, студент)’ и ‘тот (та), кто ставит много двоек (преподаватель)’: Ну, что? Опять, поди, двоек наставила? Неисправимая ты *двоечница!* Последний пример носит окказиональный характер, но, безусловно, иллюстрирует возможности актантной энантиосемии в русском языке.

Ср. также *колясочник* - ‘тот, кого возят в коляске’ (ребёнок) и ‘тот, кто возит коляску’:

У меня теперь другая работа: я *колясочник*, только и делаю, что внука в коляске вожу; и - Он у нас ещё *колясочник* (Устн.речь).

«Омонимическое притяжение»

Существует мнение, что возможность омонимии противодействует образованию слов и появлению новых значений, иначе говоря, в словообразовании в семантике действует омонимическое отталкивание. Возможно, в определённых случаях это наблюдается.

Но существует и другое явление, которое мы условно назвали «омонимическим притяжением».

В русском языке есть целый ряд слов, сочетающих в пределах одной словообразовательной структуры значения лица и предмета. Одни исследователи и лексикографы рассматривают такие «пары» как омонимию, другие - как многозначность.

Это такие слова, как *бумажник* - (‘портфельчик’ и ‘работник бумажной промышленности’), *молочник* - (‘сосуд для молока’ и ‘торговец молоком’- сейчас устарелое), *травник* - (‘старинная книга с описанием лечебных трав’ и ‘человек, который занимается сбором целебных трав, лечит травами’), *ночник* - (‘лампа слабого накала’ и ‘человек, работающий ночью’), *запасник* - (‘хранилище музейных экспонатов, не включённых в экспозицию’ и ‘военный, состоящий в запасе’), *цветочница* - (‘продавщица цветов’ и ‘ящик для цветов’), *песенник* - (‘сборник популярных песен’ - ‘автор текстов песен’ или ‘композитор, пишущий музыку к текстам песен’), ср. также более раннее *молитвенник* - (‘книга - сборник молитв’ - ‘тот, кто усердно молится богу за других’) и совсем недавнее - *разговорник* - (‘пособие для общения с иностранцами’ - ‘артист разговорного жанра’), *сборники* - множественное число от сборник - ‘книга, в которой собраны произведения, какие-нибудь материалы, документы’ и ‘спортсмены из сборной команды’: Спартаковцев-*сборников*, выходивших на поле, встречали по-разному (КП, 05.12.2002).

Как бы ни смотреть на такие соединения - считать ли их омонимами или особым типом многозначности - ясно, что они составляют определённые семантические модели; в частности: 1. ‘собрание, совокупность предметов, названных в производящей основе’ - ‘человек, занимающийся тем, что названо производящей

основой’. Ср. *молитвенник, травник, песенник, разговорник. Сборник* сочетает значения: ‘совокупность предметов’ - ‘совокупность людей’. 2. Вместилище для того, что названо в производящей основе - ‘человек, занимающийся тем, что названо в производящей основе’ - *молочник, бумажник, цветочница.* Подтип в этой модели - ‘помещение для животных’ - ‘человек, связанный с животными профессиональной деятельностью’: *птичник, коровник, соболятник, медвежатник* и др.

Почему мы назвали это явление омонимическим притяжением? На наш взгляд, одно из значений в «паре» появляется не вопреки омонимическому столкновению, а именно благодаря ему, т.е. одно из значений возникает именно потому, что есть готовая структура с другим значением. В определённых случаях имеет место намеренное столкновение значений с целью создания комического эффекта. И при этом, как правило, первичным является предметное значение, а вторичным - значение лица. Ср. шутливые образования в разговорной речи.

К нам что-то *яичница* давно не приходила (женщина, приносящая дачникам яйца из соседней деревни); Она у нас *конфетница* (о девочке, очень любящей конфеты). Ср. также - *макаронник* - ‘запеканка из макарон’ и ‘любитель макарон’. В шутливой речи так же употребляется *сырник* (‘изделие из творога’ и ‘любитель сыра’).

Явно намеренное каламбурное столкновение значений представляет собой окказиональное употребление слова *подбереёзовик.* Возвращающихся ностальгированных эмигрантов называют *подберёзовиками* (Вен.Ерофеев).

Таким образом, механизм порождения разных значений у производных с идиоматичной семантикой - это повторная реализация словообразовательной модели, на основе повторной реализации, как мы уже отмечали, рождаются несколько названий лиц внутри одной словообразовательной структуры - (ср. разные имена лиц у слов *собачник, кошатник, газетчик* или разные названия предметов (*ночник* - ‘лампа’ - ‘ночной клуб’), но одной из причин рождения имени лица в структуре уже содержащей название предмета, является, на наш взгляд, омонимическое притяжение, которое в настоящее время активизируется.

Развитие функциональных значений у перфектных имён лиц

Предварительно выскажу некоторые общие замечания относительно семантической классификации имён с общим значением ‘производитель действия’. А.Д.Шмелёв и Е.Я.Шмелёва систематизировали разновидности значения действователя, установив четыре семантических типа: производитель актуального действия (когда я обернулся, *преследователь* остановился), перфектного (*убийца* - ‘тот, кто убил’), действия как свойства (*болтун)* и функционального (*учитель, грузчик).* (См. ШМЕЛЁВ, ШМЕЛЁВА 1981; ШМЕЛЁВА 1984).

Отмеченные значения в разной степени рассматривались в работах А.А.Потебни, А.Вежбицкой, Е.А.Гинзбурга, И.Б.Шатуновского, О.П.Ермаковой и др. (ПОТЕБНЯ 1968, 279; WIERZBICKA 1969, 160-175; ЕРМАКОВА 1984, 85).

Существование этих семантических типов несомненно, но оно не исчерпывает все возможные модификации значения производителя действия..

В этой работе отмечу лишь существование, наряду с перфектным, которое называет лицо по действию, которое было совершено ранее, возможно, один раз, но результат которого важен для говорящего: (однажды убивший навсегда остаётся *убийцей*, ср. также *победитель, основатель* и т.п.), и имперфектного значения - названия лица по действию в прошлом, не достигшему результата. Ср.: Мальчишкой я был *искатель* кладов, но ни одного не нашёл; *спасатель* - ‘тот, кто спасал [не по роду занятий], но не спас’. Спасти товарища он не смог, и самого юного *спасателя* вытащили рыбаки (ТВ).

Уже отмечалось, что эти семантические типы отличаются подвижностью и могут в процессе употребления видоизменяться. Так, значение актуального (по словарному толкованию), действователя может приобретать значение свойства. Ср. Он *прирождённый докладчик, блестящий докладчик,* функциональное имя может употребляться как актуальное. Ср.: за стеной безбожно фальшивит *пианист* (‘тот, кто играет на пианино’) и т.д.

Такие изменения обусловлены семантикой производящих глаголов, которые могут выражать различные отношения действия ко времени и к его результату. Но при этом непосредственным стимулом семантических преобразований могут быть и социальные причины. Таковы причины употребления в функциональном значении перфектных имён *убийца, похититель, попрошайка, угонщик, террорист* и др.

Разумеется, и до последних десятилетий XX века существовали профессиональные убийцы и нищие, похищением людей промышляли на Кавказе (прежде всего в Чечне) и в XIX веке, но широкое употребление этих имён для обозначения лиц по роду занятий стало наблюдаться именно в наше время.

Мы отметили лишь некоторые тенденции развития семантической структуры имён лиц.

Литература:

БОЛЬШОЙ толковый словарь русского языка, под ред. С.А.Кузнецова. – Сиб. – 1998.

ДАЛЬ 1955: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1 – 4. – Москва.

ЕРМАКОВА 1984: Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. – Москва.

ЕРМАКОВА 2000: Ермакова О.П. Новые тенденции в лексической семантике русского языка конца XX века // Russistik. – 1/2. – С.104-105.

ЕРМАКОВА 2002: Ермакова О.П. Ирония и проблемы лексической семантики. Изв. АН. Серия лит и языка. – Т.61. – №4.

ЕРМАКОВА 2002: Ермакова О.П. Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление // Семантика «начала» и «конца» в русском языке. – Москва.

КРЫСИН 2002: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.

ОЖЕГОВ, ШВЕДОВА 1994: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва.

ПОТЕБНЯ 1968: Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т.3. – Москва.

СЛОВАРЬ современного русского литературного языка. – Т. 1-17, Москва-Ленинград. – 1950-1965.

РУССКИЙ язык конца XX столетия. – Москва. – 1996.

СЛОВАРЬ церковно-славянского и русского языка, сост. втор. отд. Академии наук. – Т.1 – 4. – СПб. – 1847.

ТОЛКОВЫЙ словарь русского языка. Под ред. Д.Н.Ушакова. – Москва-Ленинград. – 1934-1940.

ТОЛКОВЫЙ словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н.Скляревской. – СПб. – 1998.

ХАН-ПИРА 2002: Хан-Пира Эр. *Фигурант* и *персоналия* в языке и речи // Русский язык сегодня. II. – Москва.

ШМЕЛЁВА, ШМЕЛЁВ 1981: Шмелёва Е.Я., Шмелёв А.Д. К построению семантической классификации имён деятеля в русском языке // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания русского языка как иностранного. – Москва.

ШМЕЛЁВА 1984: Шмелёва Е.Я. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ). – АКД. – Москва.

WIERZBICKA 1969: Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. – Wroclaw.

Принятые сокращения:

АиФ - Аргументы и факты
ДН - Дружба народов
КП - Комсомольская правда
МК - Московский комсомолец
НГ - Независимая газета
Нов.газ. - Новая газета
НМ - Новый мир
Ож.-Шв. - Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка.

Е.И. КОРЯКОВЦЕВА

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ NOMINA ACTIONIS С ИЗОФОННЫМИ ФОРМАНТАМИ

0. Актуальной задачей славянской дериватологии на современном этапе является диахронический анализ словообразовательных систем славянских языков. Его результаты могут быть использованы на следующем этапе развития науки для создания сопоставительно-исторического описания словообразовательных систем славянских языков с целью определения тенденций их развития и степени конвергентности. Решение этой задачи возможно лишь в отдалённом будущем, поскольку работа над созданием диахронических описаний словообразовательных систем находится на начальной стадии. Однако, несмотря на известные дериватологам объективные трудности, препятствующие созданию общего сопоставительно-исторического описания, уже на современном этапе может быть решён ряд частных задач, например, могут быть созданы сопоставительно-исторические описания отдельных, наиболее изученных словообразовательных категорий. Начальной стадией работы над таким описанием является сопоставительно-исторический анализ дериватов с изофонными формантами, общими для всех славянских языков. Так, среди производных nomina actionis общими для всех славянских языков являются дериваты с изофонными суффиксами *-ние* (*-нье, -ння, -нне, -не, -ње, -nie, -ní, -nje*), *-тие* (*-тьё, -ття, -ццё, -cie, -tí, -tie, -ćе, -ђе, -tje*), *-ка* (*-ka*), *-ба* (*-ba*), *- ота* (*-ota*), *-от (-im , -ot*), *-ство* (*-цтво, -ства, -цства, -stwo, -stvo, -ství*), *-ация* (*-ація, -ацыя, -acja, -ace, -acia, -ацијa*). Эти суффиксы, унаследованные (кроме *-ация, -ація, -ацыя, -acja, -ace, -acia, -ацијa*) из праславянского языка, в современных славянских языках имеют разную степень продуктивности (ИСТОРИЧЕСКАЯ 1986, 57). Причины данного явления мог бы вскрыть сопоставительно-исторический анализ дериватов с изофонными суффиксами, однако описание результатов такого анализа – задача монографического исследования. В рамках статьи могут быть изложены лишь результаты анализа дериватов с отдельными изофонными формантами в отдельных славянских языках. В данной статье кратко описывается история русских и польских nomina actionis с изофонными формантами *-ние/-nie, -ация/-acja, -изация/-izacja* и анализируются тенденции их развития.

1.0. Русские и польские nomina actionis с формантами *–ние/-nie, -ение/-enie* этимологически восходят к праславянскому суффиксу *–ьje, -n-ьje.* Первоначально с помощью суффикса – *ьje* имена действия и состояния образовывались от страдательных причастий прошедшего времени (*bitьje* ‘битье’ < *bitъ* < *biti* ’бить’, *dělanьje* ‘делание’ < *dělanъ* < *dělati’*делать*’* и др.), причем этот словообразовательный тип характеризовался неограниченной продуктивностью. Позднее с помощью вторичных суффиксов *–t-ьje, -n-ьje*, сформировавшихся в результате переразложения основ существительных типа *bitьje, vezenьje,* отглагольные имена действия и состояния стали образовываться от глаголов всех спряжений и даже от тех глаголов, у которых не было формы страдательного причастия прошедшего времени. Имена действия и состояния с этими формантами сохраняли в праславянский период тесную связь с про-

изводящими глаголами, отражая в своей семантике такие глагольные категориальные значения, как аспект и итеративность (SLAWSKI 1974, 85).

1.1. На протяжении всей письменной истории русского языка существительные, образованные с помощью суффиксов *-ниј(е)/-ениј(е),* занимают центральное место среди отглагольных имен действия. Функционирование словообразовательных типов с суффиксами *-ниј-, -ениј-* в истории русского языка определяется: 1/ условиями структурного характера (строение конца глагольной основы, грамматические характеристики производящего глагола); 2/ условиями, не имеющими структурного выражения (социальная потребность в именах действия этого типа, стилистические ограничения и пр.). Сочетаемость суффиксов *-ниј-, -ениј-* уже в древнерусском языке и в языке XV-XVII вв. была достаточно широкой: суффикс *-ниј-* присоединялся к основам с суффиксами *-а-* (в XI-XVII вв. суффиксы *-Ь-, -ну-/-нов-*), *-ва-, -ова- (-ева-), -ыва-(-ива-)*, а также к основам, оканчивающимся на гласный и согласный корня. Суффикс *-ениј-* чаще всего присоединялся к основам глаголов с суффиксом *-и-,* причем словообразование существительных на *-ение* от основ глаголов на *-и-* совершенного вида характеризуется стабильной продуктивностью на всем протяжении истории русского языка, включая современное его состояние. Группа существительных на *-ение,* образованных от основ глаголов на согласный корня, была малочисленной уже в старорусском языке. Производящими для этих имен были беспрефиксные и префиксальные глаголы; присоединение суфф.*-ени(е)* к их основам сопровождалось чередованием конечных согласных корня: *красти—краду—крадение, загрести—загребу—загребение, беречи — берегу — бережение, речи — реку — речение.*

С XI по XX век словопроизводственной базой имен на *–ние*, являются глаголы несовершенного и совершенного вида, содержащие основообразующий формант *-а-*. При этом фактором, регулирующим словообразовательный процесс, являются типы корреляции глаголов, потенциально производящих. Если глаголы коррелируют посредством мены инфитивных показателей типа *-и-/-а- (пленить — пленять, известить --извещать),* то существительные образуются от основ на *-и-* (совершенный вид) и почти не образуются от основ на *-а-* (несовершенный вид). В любую эпоху образования от основ глаголов несовершенного вида на *-а-* при наличии коррелятивного глагола совершенного вида на *-и-* исчисляются единицами и за редким исключением в языке не сохраняются, ср. словарную неустойчивость существительных типа *работание, улетание* и др. Другие типы видовых корреляций не оказывают существенного влияния на словопроизводство имен на *-ние* от основ глаголов на *-а-*. Имена действия на *-ние* достаточно активно образуются от основ глаголов несовершенного вида на *-а-,* если коррелирующие с ними глаголы совершенного вида имеют основы на согласный, суфф. *-ну-* или какого-либо иного строения. Производящую базу, наиболее активно используемую при словопроизводстве существительных на *–ние,* составляют приставочные глаголы совершенного вида на *-а-,* соотносительные с однокоренными бесприставочными: *держание - задержание, уздание – обуздание* и др.

Модели образования существительных, производимых от основ преимущественно церковно-славянских глаголов с суфф. *-ова-/-ева-* и *-ива-/-ыва-,* типа *враждовать, даровать, мудровать, толковать, чаровать, повиновать* и под., в XI-XVII

вв. пребывали в разряде непродуктивных (ШЕЛИХОВА 1974, 149-172). Незначительная активность словопроизводства имен на *-ние* от основ глаголов с суфф. *-ова-(-ева-)* и *-ива-(-ива-),* отмечаемая для древнерусского и старорусского языка, затем резко возрастает с увеличением глаголов на *-ова-* — заимствований из западноевропейских языков, и глаголов на *-ыва- (-ива-)* — форм вторичной имперфективации, получившей особое развитие в XVII—XX вв. (см. АВИЛОВА 1967). Группа имен действия с финалями *–ование, -евание, -ирование, -изирование, -ивание* к XX веку становится самой многочисленной среди существительных на *-ние.*

В XX веке на базе высокопродуктивного суффикса *-ниј(е),* регулярно присоединявшегося к основам глаголов продуктивного класса с формантами *–овать, -ировать, -изировать*, сформировались вторичные суффиксы *-ованиј/-еваниј, -ированиј-, -изированиј-*, с помощью которых в производство nomina actionis вовлекаются основы существительных и прилагательных. Модели «существительное + *-ировани(е)* », «существительное +*-овани(е)/-евани(е)*», «существительное + *о-.. .-ени(е)*», «прилагательное+ *-изировани(е)*» стали продуктивными в терминосистеме к 30-м гг. XX в. (см.: (ВИНОКУР 1939; ДАНИЛЕНКО 1977), однако их формирование началось, очевидно, во второй половине XIX века. Именно к этому периоду относится появление в русской прозе и в переписке окказиональных отыменных имен действия типа *итальянизирование, мужикование, оводевиление, очиновление,* при создании которых были использованы продуктивные форманты отглагольных nomina actionis. В 30-ые годы XX века в русской терминологии оформилась достаточно многочисленная группа отыменных имен действия с формантами *-ование/-евание, -ирование, -изирование, о-...-ение, о-...-ирование, раз-... -ивание*. Появление этих формантов было обусловлено преобразованием опосредствованной именной мотивации в непосредственную у имен действия - терминов процессов превращения типа *скирдование* (*скирдовать*, *скирда*), терминов покрытия типа *обетонирование* (*обетонировать*, *бетон*), терминов процессов разрушения, разделения типа *размагничивание* (*размагничивать*, *магнит*) (КАНДЕЛАКИ 1977, 152). В терминах процессов типа *скирдование* на финали *-ирование*, *-ование*, *-изирование, о-...-ирование, раз-...-ивание* приходится основная смысловая нагрузка, так как именно с их помощью получает формальное выражение ядерная процессная сема. В результате финали превращаются в аффиксальные терминоэлементы с «автономным» процессным значением.

Продуктивность терминоэлементов *-ование/-евание, -ирование, -изирование, о-...-ение, о-...-ирование, раз-...-ивание* усиливается в 60-70-е гг. XX в. С конца 60-х до середины 80-х гг. с помощью этих формантов было образовано около 40 отсубстантивных терминов процессов типа *алгоритмирование, валкование*, *дождевание*, *логизирование, опустынивание*, *охвоение*, *расчеловечивание.*

В 90-е годы XX века продуктивность отыменных словообразовательных моделей с суффиксами *-ованиј-*, *-ированиј-*, *-изированиј-* заметно снизилась, что нашло отражение в языке прессы. В периодике этих лет нами обнаружены только 3 окказионализма: *интеллигентизирование* ‘превращение в интеллигента’ (Комс.правда, 20.03.1990), *распровинциальнивание* ‘ликвидация черт провинциального города’ (Огонёк, 1990, № 24), *дуракование* ‘безделие’< *валять дурака* (Магазин. Иронический журнал. М., 1991, №.2). Снижение продуктивности отыменных словообразова-

тельных типов с формантами *-ование, -ирование, -изирование, -ивание/-ывание,* очевидно, объясняется конкуренцией активных и высокопродуктивных синонимических отыменных словообразовательных типов с суффиксом *-изациј-* (см.: (КОРЯКОВЦЕВА 2000; 2001).

1.2. Среди старопольских nomina actionis типы существительных на *-nie* и *-enie* были самыми многочисленными. Сочетаемость этих суффиксов в старопольском языке была более широкой, чем в современном польском, поскольку они могли присоединяться и к основам модальных глаголов (*chcenie*, *możenie*, *umienie*). Формант *-enie* мог присоединяться не только к глаголам с основой на *–i-* и к глаголом с основой на согласный, но также и к глаголам с основообразующим суффиксом *–ną* (в современном польском языке к таким основам присоединяется формант *–cie*) (KLESZCZOWA 1998, 65-66).

Несмотря на сужение круга глагольных основ, к которым присоединяются форманты *-nie* и *-enie*, образование с их помощью nomina actionis в современном польском языке – процесс активный и стабильный. В польском языке, как в чешском и словацком, свободно образуются существительные от глаголов обоих видов в тех случаях, где в русском языке возможны существительные только от глаголов совершенного вида, ср.: польск. *przeprowadzenie/przeprowadzanie – проведение,* словацк.*uskutočnenie/uskutočnovanie – осуществление*. В польском языке на протяжении всей его истории существительные с формантами *-nie* и *-enie* образовывались от рефлексивов, например: *Przeprowadzanie się* (<*przeprowadzać się*) *trwało długo* (процесс, неизвестный русскому языку, ср: *переселяться → переселение*).

Во второй половине XX века, причем в 90-е годы значительно, ослабевает продуктивность форманта *–enie*, что объясняется низкой продуктивностью образования глаголов на *–eć, -ić, -yć*. Базой образования имен действия на *-nie* с 1945 по 2000 год являются в основном глаголы на *–ować*, причем значительная часть новообразований с суффиксами *–owa-* и *-nie* в основе – это термины процессов (JADACKA 2001, 126, 131). В терминах процессов типа *kwasowanie* > *kwas* [NSP[1], I:128] на финаль *-owanie* приходится основная смысловая нагрузка: с её помощью эксплицируется ядерная процессная сема. Семантическая значимость финали *–owanie,* высокая продуктивность суффиксов - глагольного *–owa-* и именного *–nie-*, из которых она состоит, способствуют образованию суффиксального терминоэлемента *–owanij(e)*.

Тип nomina actionis с формантом *–owanie* развивался по тому же пути, что и тип русских имен действия с формантом *–ование.* Случаи образования имен действия с формантом *–owanie* от основ существительных, минуя глагольную ступень, известны уже во 2 половине XIX века, например: „*gangrenowanie* (> *gangrena*) mowy ojczystej" в «Хрониках» Б.Пруса (т. 2, 653-654). В языке современной польской прессы регулярно появляются окказионализмы с исконным терминоэлементом *–owanie,* типа *lepperowanie* > *Lepper* («Mnie nie odpowiada taki sposób *lepperowania* Polski..." Angora, 2001 r., № 42, str.16), *czapkowanie* > *czapka* („*Czapkowanie* tak dalece weszło im w krew, że nie potrafią bez tego żyć..." Angora, 2002, № 41, str. 9), *kajdankowanie* > *kajdanki* („Uczymy *kajdankowania* i chwytów obezwładniających..." Angora, 2003 r., № 7, str.14), *marszałkowanie* > *marszałek* („Jak był wicemarszałkiem Senatu, to myślał o wszystkim, tylko nie o *marszałkowaniu*", там же). В словарях неологизмов, изданных Институтом польского языка ПАН, отмечены десятки имен действия с формантом *–owanie*, не со-

относительных с однокоренными глаголами на *–ować*. Бóльшая часть зафиксированных в словарях новообразований с формантом *–owanie* – это термины процессов, попавшие в язык газет из профессиональной разговорной речи. Они относятся к следующим терминологическим разрядам: 1/ со значением ‘обработка объекта указанным или при помощи указанного’: *kwasowanie* > *kwas* [NSP¹, I:128] (ср. русск. *квасцевание, киселевание*); 2/ со значением ‘упаковка объекта в указанный вид упаковки’: *celofanowanie* > *celofan* [NSP², I:82]; *paletyzowanie* > *paleta* [NSP¹, II:8], *taśmowanie* > *taśma* [NSP², II: 228] (ср. русск. *пакетирование*); 3/ со значением ‘введение указанной составной части в объект’: *amonowanie* > *amon* [NSP¹, I:15], *fluorkowanie* > *fluorek* [NSP¹, I:83]), *olejowanie* > *olej* [NSP¹, I:191]), *ozonizowanie* > *ozon* [NSP¹, I:197] (ср. русск. *озонирование*); 4/ со значением ‘покрытие указанным объекта’: *asfaltobetonowanie* > *asfaltobeton* [NSP¹, I:26] (ср. русск. *асфальтирование*); 5/ со значением создания: *harmonogramowanie* > *harmonogram* [NSP¹, I:94] (ср. русск. *группирование*); 6/ со значением ‘сообщение объекту новой указанной формы’: *profilowanie* > *profil* [NSP¹, I:193] (ср. русск. *профилирование*); 7/ со значением ‘удаление указанного признака у объекта’: *odazotowanie* > *azot* [NSP¹, I:181], *odfenolowanie* > *fenol* [NSP¹, I:182] (ср. русск. *обезгаживание*); 8/ со значением ‘удаление из указанного объекта’: *odkopcowanie* > *kopiec* [NSP¹, I: 183].

По аналогии с перечисленными выше терминами в разговорной речи появляются псевдотермины - терминоподобные лексические единицы, которые не могут иметь дефиниции в определенной терминологической подсистеме: *barowanie* > *bary* (okazj. ‘branie się za bary’ = *засучить рукава* [NSP², I:55]); *blondynkowanie* > *blondynka* [NSP², I:72]); *dachowanie* «переворот автомобиля на крышу» > *dach* ‘крыша’ [NSP², I:106]; *felietonowanie* > *felieton* [NSP², I: 81]; *festiwalowanie* > *festiwal* [NSP², I:161], *kolejkowanie* «стояние в очереди» > *kolejka* ‘очередь’[NSP²,I:115], *łokciowanie* > *łokieć* «локоть» [NSP¹, I,:135]; *ogonkowanie* «стояние в хвосте очереди» > *ogonek* «хвост» [NSP², I:115]; *panbratowanie* > *pan brat* [NSP¹, II: 8]; *poezjowanie* > *poezja* [NSP², II: 43]; *punkowanie* > *punk* «панк» [NSP², II: 107]; *satyrykowanie* > *satyryk* [NSP², II:148]; *stypendiowanie* > *stypendium* «стипендия» [NSP², II:198]; *taktyzowanie* > *taktyka* [NSP², II: 227]; *zięciowanie* > *zięć* «зять» [NSP², II: 220] и др. Среди псевдотерминов выделяется серия слов, мотивированных названием лиц по должности или роду занятий и имеющих значение ‘выполнение функций, занятие того, кто назван мотивирующим личным существительным’: *dziekanowanie* > *dziekan, kustoszowanie* > *kustosz* , *marszałkowanie* (Angora, 2003 r., № 7), *rektorowanie* > *rektor, reporterowanie* > *reporter, prezydentowanie* > *prezydent* [NSP¹], *wojewodowanie* > *wojewoda* [NSP²].

1.3. Анализ отыменных nomina actionis с финалями *–ование, -owanie*, зафиксированных в русских и польских неологических словарях, показал, что явление образования имен действия с помощью суффиксального терминоэлемета (*-ование, -owanie*) представлено в обоих языках. Факторами, способствовавшими превращению финалей *–ование, -owanie* в суффиксальные терминоэлементы с автономным процессным значением ,– являются: 1/ регулярность присоединения суффиксов *-ниј(е), -nij(e)* к основам мотивации у терминов процессов с финалями *–ование, -owanie*; 3/ смысловая "нагруженность" финалей терминов процессов типа *скирдование, odprątkowanie*: с их помощью эксплицируется ядерная процессная сема. Появление процессных имен типа *снегование, логизирование, satyrykowanie* не следует рас-

сматривать как результат чересступенчатого словообразования, поскольку «говорить о пропуске ступени словообразования можно лишь тогда, когда модели нет еще в языке, когда она еще только формируется в речи. В остальных же случаях констатация "пропуска", предусмотренного самой моделью, есть констатация уже в плане диахронии: "чересступенчатость" здесь уже бывшая, неощущаемая" (ХАНПИРА 1964, 160). Модели со сложными суффиксами *–изированиј-, -ированиј-, -изированиј-, -ованиј-/ -еваниј, -owanij* - это уже языковые модели с языковыми суффиксами и в русском, и в польском языке.

3.0. Русские и польские имена на *-ация-, -изация, -acja, -izacja* являются в большинстве своем терминами и принадлежат к интернациональной лексике. Суффиксы *-ациј-, -acja* в их составе – это фонетически и морфологически модифицированный латинский именной суффикс *–atio.* Компоненты формантов *-изациј(а), -izacja* - разного происхождения: суффиксальный элемент *-из-/-iz-* заимствован из греческого языка в латинский в составе суффиксов глаголов, *-ациј(а), acja* - видоизмененный именной суффикс *–atio* (ПОРЕЦКИЙ 1979, 37).

3.1.1. Заимствование русским языком имен действия на *-ация/-ция* (*-ациј-*) началось в конце XYI века, однако до конца XYII века это процесс нерегулярный, спорадический. Активизация процесса заимствования существительных на *-ция*, в том числе имен действия, наблюдалась в Петровскую эпоху. В этот период в русском языке функционировало около 230 существительных на *-ция*, большинство которых имело процессуальное значение. Ср.: *апробация, визитация, деклинация* "склонение", *демонстрация, консервация, конфискация, ликвидация, нотификация, препарация, провокация* "вызывание", *спекуляция, спецификация* "подробное означение", *салютация* и др. Имена на *-ция* заимствовались из латинского, французского, немецкого языков, а также из польского как непосредственно, так и через языки-посредники, например: *апробация* - лат., через польск., франц., нем.; *визитация* - польск., нем., лат.; *реформация* лат. и через польск., нем. (БИРЖАКОВА 1972, 351).

Имена действия на *-ция/-ация* уже в Петровскую эпоху образуют коррелятивные пары с однокоренными глаголами, как правило, заимствованными одновременно или позже и адаптированными с помощью суффикса *-ова(ть)*, ср.: *апробация - апробовать* (польск. *aprobować), визитация - визитовать* (польск. *wizytować*), *деградация - деградовать* (польск. *degradować*), *диспутация - диспутовать* (польск. *dysputować*) и др. Соотнесенность с глаголами и существительными наблюдалась у имен действия *визитация* (*визит*), *коронация* (*корона*), *салютация* (*салют*), *секвестрация* (*секвестр*) и др. Большинство же заимствований на *-ация, -ция* (около 80%) не имело однокоренных слов в русском языке первой половины XYIII века.

В XIX веке лишь четверть всех заимствованных в этот период имен действия на *-ция* образуют пары с соотносительными глаголами, ср.: *аннуляция - аннулировать, аргументация - аргументировать, гибридация - гибридовать, изоляция - изолировать, коагуляция - коагулировать, конспирация - конспирировать, копуляция - копулировать, купеляция - купелировать, лимитация - лимитировать, манифестация - манифестировать, трепанация - трепанировать, эксплуатация - эксплуатировать, эмансипация – эмансипировать.* Существительные *аргументация, гибрида-*

ция, купеляция "очищение золота в купели", *манифестация, лимитация, трепанация* соотносились также с именами *аргумент, гибрид, купель, лимит, манифест, трепан.*

Около 70% всех имен действия, вошедших в русский язык во второй половине XIX в.-н. XX в., являются единичными, нечленимыми словами: *верификация,декламация, детонация "вспышка", диссолюция* "растворение", *дифракция, компенсация, коррупция, сублимация* и др. Существительные *абберация, амплификация, дифракция, обструкция, овация* и др. остаются изолированными, нечленимыми и в XX веке. Такие слова, как *ампутация, антиципация, детонация, дефлорация, инъекция, пальпация* уже к концу XIX века приобрели однокоренные глаголы в разговорно-профессиональной речи (АВИЛОВА 1967, 129, 195).

В XX веке резко уменьшается число заимствованных существительных на -*ация*, изолированных и нечленимых на русской почве: их насчитывается менее 20% от всего количества новых имен действия на -*ция*, отмеченных словарями: *денудация* "выравнивание земной поверхности", *дератация* "система мер борьбы с грызунами-вредителями", *кавитация* "появление пустот в быстродвижущейся жидкости, ведущее к разъеданию металлических частей турбин", *петрификация* "окаменение", *преферация* "предпочтение", *ревокация* "отмена прежде данного распоряжения", *резорбция* "повторное поглощение" и др.

В кругу имен действия на -*ция/-ация*, появившихся в XX веке, подавляющее большинство слов не имеет соотносительных глаголов. Раньше соотносительных глаголов зарегистрированы в словарях XX века существительные *аэрация, дегазация, индексация, конфронтация, локация, парцелляция, реанимация, сульфитация*. С глаголами и существительными соотносятся следующие имена действия на -*ция*, появившиеся в XX веке: *актация - актировать, акт; хлорация - хлорировать, хлор; тампонация - тампонировать, тампон.* Только существительными мотивируются образованные на русской почве в XX веке имена действия *брудерация/брудер, рубрикация/рубрика*, *пластикация/пластик*. Единственным отглагольным дериватом является существительное *сморкация* (Лит.газ., 01.01.1985).

Отсубстантивные имена действия на -*ация* образуют словообразовательные типы со следующими значениями: 1/ "осуществление процесса с помощью того, что названо мотивирующим существительным" (*брудерация* "выращивание инкубаторного молодняка птиц с помощью брудера - устройства для местного обогрева", *вакцинация* "предупреждение инфекционных болезней с помощью вакцины"); 2/ "процесс создания того, что названо мотивирующим существительным" (*регламентация* "установление регламента какой-либо деятельности", *рубрикация* "распределение по рубрикам").

3.1.2. Имена на -*изация* были самыми малочисленными среди существительных на -*ция* в первый период интенсивного их заимствования русским языком (начало XYIII века). Заимствование имен на -*изация* уже в XYIII веке опережало заимствование глаголов. В период середина XYIII века - начало XX века менее половины имен на -*изация* соотносилось с глаголами: *алкализация - алкализировать, кристаллизация- кристаллизировать(ся), морализация - морализировать, организация - организовать, секуляризация - секуляризировать*, - причем глаголы фиксируются одновременно с существительными на -*изация*.

Ряд имен действия на *-изация* соотносился также с существительными: *алкализация - алкали, кристаллизация - кристалл, морализация - мораль*. Наличие таких имен способствовало осознанию финали *-изациј-* как самостоятельной морфемы, но случаи образования на русской почве с помощью суффикса *-изациј-* в сер. XYIII - н. XIX в. не отмечены.

Активное пополнение русского словаря словами на *-изация* происходило во 2 половине XIX века, причем наиболее многочисленной была группа со значением "процесс превращения в то, что названо соотносительным существительным" (*алкоголизация, гербаризация, минерализация...*). Группа слов со значением "процесс снабжения тем, что названо соотносительным словом" в XIX веке была малочисленной (*ароматизация, сигнализация, канализация, катетеризация*). Одновременно с некоторыми из имен в словарях фиксируются и однокоренные глаголы, например, *канализировать*, *катетеризировать*.. В конце XIX века на русской почве образуются единичные отыменные имена действия на *-изация*, например, *каталогизация* "составление каталога". В словарях XX века насчитывается свыше 300 новых существительных на *-изация*, в большинстве своем образованных на русской почве. Расширяется деривационная база этих существительных, растут их стилистические возможности, поскольку имена действия на *-изация* употребляются уже не только в научно-техническом стиле, но и в разговорно-литературном, газетно-публицистическом стилях. Ср. новообразования 90-гг. XX в.: *бурбулизация, гайдаризация, дебилизация, полторанизация*, *демонизация*, *долларизация*, *маргинализация, полторанизация*, *шизофренизация*. В качестве производящих основ для отыменных имен действия на *-изация* могут выступать существительные всех лексико-грамматических разрядов. Преобладающее большинство имен действия на *-изация* не имеет коррелятивных глаголов. Это и новообразования XX века, и слова, зафиксированные в словарях XIX века и сохранившиеся в современном русском языке, но так и не получившие соотносительных глаголов: *беконизация, вакуолизация, гибридизация, демонетизация, диспансеризация, дифтонгизация, изомеризация, каолинизация, полимеризация, ритуализация, сахаризация, сольватизация, стигматизация, феодализация, циклизация* и др. По данным "Банка русских неологизмов", около 60% всех новообразований, отмеченных словарями новых слов, не имеет соотносительных глаголов: *бантустанизация, бионизация, бутонизация, гарлемизация, дизелизация, идиотизация, контейнеризация, космизация, метризация, новеллизация, плюрализация, профилизация, саунизация, сионизация, стереотипизация, терминологизация, технологизация, экологизация* (см. об этом КОРЯКОВЦЕВА 2000).

Большинство глаголов, соотносительных с существительными на *-изация*, фиксируются словарями позже этих существительных, например: *беллетризация – беллетризировать, рентгенизация - ренгенизировать, компьютеризация – компьюте-ризировать*, *тракторизация - тракторизировать, сигнализация – сигнализировать*, *христианизация – христианизировать* и др. Отмечен лишь один случай более позднего появления имени действия на *-изация*: *инсценировать - инсценизация*.

Словообразовательный тип отадъективных имен действия на *-изация*, значительно менее продуктивный в современном русском языке, чем словообразовательный тип отсубстантивных имен действия с тем же формантом, обладает тем не менее достаточно высоким потенциалом в научно-техническом, официально-деловом и газетно-публицистичеком стилях. По данным словарей новых слов, за последние 30 лет появилось около 20 отадъективных имен действия, в основном – общеупотребительных терминов: *атлантизация, африканизация, буквализация, визуализация, гидрофобизация* и др. В языке прессы регулярно появляются окказионализмы типа *банализация, варваризация, западнизация, криминализация, сексуализация, эротизация* и др. Это свидетельствует об активности и продуктивности типа "прилагательное + *-изациј(я)* со значением наделения признаком". Необходимо отметить, что однокоренные глаголы на *-изировать*, как правило, фиксируются позднее отадъективных имен на *-изация.*

3.1.3. Диахронический анализ показывает, что ведущими тенденциями в группе имен действия на *-ация, -изация* на протяжении всей истории их существования в русском литературном языке были: 1/ опережающее появление этих имен по сравнению с однокоренными глаголами на *-ировать*; 2/ наличие в языке непроизводных, немотивированных, изолированных имен действия на *-ация/-изация*; 3/ наличие имен действия, соотносительных только с существительными или прилагательными. В зависимости от типа словообразовательных связей в современном русском языке могут быть выделены четыре группы имен на *-ция* с процессуальным значением: 1/ имена на *-ция* с непроизводной основой, нечленимые, немотивированные (элемент *-цај-* входит в состав корня): *обструкция, люминесценция, даменизация*. Эта группа существительных регулярно пополняется новыми заимствованными словами-терминами: *левитация, омологация, премедикация, сеникация, стагфляция* (НСЗ-50-60-х гг., НСЗ-70-х гг.); 2/ имена на *-ция*, соотносящиеся только с именами существительными и прилагательными: *брудерация, гарлемизация, визуализация* и др. Эта группа также пополняется новыми словами: из 115 неологизмов с финалью *-ция*, отмеченных в словарях новых слов, 54 соотносятся только с существительными (43) и прилагательными (11), например: *алгоритмизация, догматизация, транзисторизация*; *африканизация, буквализация...*; 3/ имена на *-ция,* соотносительные только с однокоренными глаголами на *-ировать, -изировать, -изовать*: *акселерация, дотация, секуляризация...* Неологизмы, пополнившие эту группу в 50-80-е гг. XX в. - *аннигиляция, ламинация, рекуперация, сцинтилляция* и др. (всего 28 слов); 4/ имена на *-ция*, соотносительные помимо глаголов либо с существительными, либо с прилагательными: *реформация, морализация,* неологизмы: *интеллектуализация, кибернетизация, математизация, профессионализация...* (всего 24 новых слова). Очевидно, что в тех случаях, когда имена на *-ция* соотносятся только с однокоренными именами существительными и прилагательными, их следует рассматривать как мотивированные этими именами формально и семантически.

Круг именных основ, с которыми сочетаются суффиксы *-ациј(а), -изациј(а)* очень широк. Это: 1/ конкретно-предметные существительные (*брудер, бутон, контейнер, сауна...*); 2/ вещественные существительные (*десикант, дефолиант*); 3/ названия наук *(биология, бионика, кибернетика...*); 4/ характеризующие названия

лиц (*иудей, мусульманин, христианин...*); 5/ названия стран (*Канада, Финляндия...*); 6/ отыменные относительные прилагательные, формальные признаки которых сохраняются в структуре ряда существительных на *-изация* (ср. *африканский - африканизация, монументальный - монументализация*). В структуре лексического значения имен, от которых образуются имена действия на *-ация, -изация* процессуальная сема либо отсутствует, либо является периферийной. Очевидно, что процессуальное значение отыменных nomina actionis на *-ация, -изациj(а)* определяется семантикой не производящих, мотивирующих слов, а суффиксов, вошедших в русский язык в качестве терминоэлементов, имеющих строго определенное значение и "узаконенную" интернациональным употреблением форму (см. (ДАНИЛЕНКО 1977, 141).

3.2. Существительные с финалями *-acja, -izacja*, заимствованные, как правило, из латыни, появляются в польском языке в конце XV - начале XVI века. В этот период финали *-acja, -izacja* ещё не являются формантами, с точки зрения диахронической, поскольку с их помощью не образуются дериваты от исконных основ. В польском языке XVI века существительные с финалями *-acja, -izacja,* соотносительные с однокоренными словами, являются членимыми, но непроизводными (DŁUGOSZ-KURCZABOWA 2001, 368-369=. Образование имен действия типа *pielęgnacja* от исконных глагольных основ с помощью суффикса *–acj(a)* началось в XX веке, однако процесс этот отличается небольшой активностью. По данным Х. Ядацкой, в период с 1945 по 2000 г. появилось менее 10 дериватов с суффиксом *–acj(a)* (JADACKA 2001, 43, 77). Значительно активнее идет образование имен действия помощью суффикса *-izacj(a).* Анализируя имена действия, новообразования 2 половины XX века, Т. Смулкова отмечает, что более половины из 620 лексем - это существительные на *-acja*, причем наиболее многочисленной является группа с финалью *-izacja* (SMÓŁKOWA 1976, 85). Большинство имен действия на *-izacja* являются полимотивированными словами, формально и семантически соотносительными как с глаголами, так и с именами - существительными и прилагательными*: aktualizacja, amerykanizacja, aromatyzacja, biurokratyzacja, finalizacja, harmonizacja, humanitaryzacja, prymitywizacja, radykalizacja, rejonizacja, stabilizacja, symbolizacja, synchronizacja, wulgaryzacja* и др. Множественность мотивации у этих имен сопровождается множественностью структуры: в составе одного и того же слова можно выделить два форманта – *-izacja/-yzacja* (при мотивации именами), *-acja* (при глагольной мотивации). Несколько десятков имен действия на *-izacja* соотносятся либо только с существительными (например, *estetyzacja, hitleryzacja, hormonizacja, judaizacja, mitologizacja, spirytualizacja, stygmatyzacja, substantywizacja*), либо только с прилагательными (*jarowizacja, komunalizacja, politechnizacja*). В составе отыменных имен действия выделяется формант *-izacja.* Интересно отметить, что польские имена действия на *-izacja* имеют те же процессуальные значения, что и русские nomina actionis на *-изация*: 1) “процесс превращения в то, что названо мотивирующим существительным” (*biurokratyzacja, symbolizacja*); 2)”процесс создания, образования того, что названо мотивирущим существительным” (*mitologizacja, rejonizacja, stygmatyzacja, substantywizacja*); 3) ”процесс внедрения того, что названо мотивирущим существительным (*estetyzacja, hormonizacja,*

judaizacja, spirytualizacja); 4) “процесс осуществления действия по способу (методу) лица, названного мотивирущим существительным” (*hitleryzacja*); 5) “процесс наделения свойством, названным мотивирующим прилагательным” (*aktualizacja, amerykanizacja, humanitaryzacja, jarowizacja, komunalizacja, politechnizacja, prymitywizacja, radykalizacja, wulgaryzacja*) (об именах действия с формантом – *izacja/-yzacja* (см. также WASZAKOWA 1994, 88-93).

3.3. Сопоставляя русские и польские имена действия на *-ация-, -изация, -acja, -izacja*, следует отметить, что в обоих языках функционируют отглагольная, отсубстантивная и отадъективная модели образования nomina actionis. В современном русском языке непродуктивна отглагольная модель с формантом – *ация*, значительной активностью и продуктивностью отличается от неё отсубстантивная модель с формантом *–ация.* Высокопродуктивными являются отсубстантивная и отадъективная модели с формантом *–изация* - терминоэлементом, который легко присоединяется к большинству именных основ, образуя существительные с процессным значением. По всей видимости, и в современном польском языке существует тенденция к превращению форманта - *izacja* в своеобразный терминоэлемент с процессуальным значением, вследствие чего расширяется деривационная база польских nomina actionis. Показательно, что при семантической интерпретации имен действия типа *rejonizacja, wulgaryzacja,* трактуемых в грамматиках как отглагольные дериваты, обычно используются однокоренные сушествительные и прилагательные (*rejon, wulgarny*).

4.0. В заключении подведем общие итоги проведенного сопоставительно-исторического анализа nomina actionis с изофонными формантами.

Итак, в близкородственных языках - русском и польском - реализуются примерно одни и те же возможности развития словообразовательных типов с формантами *-ние/-nie, -ение/-enie, -ация/-acja, -изация/-izacja*. Сохранение у польских nomina actionis с суффиксами *-nij-, -enij-* видовых и залоговых противопоставлений, как и отсутствие таких противопоставлений у русских имен действия на *-ние, -ение*, не влияют на направление развития словообразовательных типов с этими суффиксами: в обоих языках на протяжении их письменной истории данные словообразовательные типы характеризуются стабильно высокой продуктивностью.

В современном русском и польском языках функционируют отглагольная, отсубстантивная и отадъективная модели образования nomina actionis с заимствованными формантами *-ация, -изация, -acja, -izacja* .

Со второй половины XX века в связи с активизацией тенденции вербальной экономии в обоих языках резко возросла потребность в компактных языковых средствах, в результате чего появились имена действия, образованные по моделям отыменных терминов процессов с помощью формантов *-ирование, -изирование, -ование/-евание, -изация, -owanie, -yzacja, -izacja*. Активное использование этих терминоэлементов с автономным процессуальным значением помогает "снять" всевозможные ограничения на словопроизводство процессных имен, постоянная потребность в которых свидетельствует о динамичности мышления современных носителей русского и польского языка. Появление имен действия, образованных с помощью суффиксальных терминоэлементов от именных основ, свидетельствует о росте агглютинативности в семантике русских и польских дериватов, т.е. о росте отноше-

ний взаимооднозначности между означаемым и означающим, что способствует расчлененности слов на морфемы, поскольку с каждой морфемой связывается определенная часть значения слова (расчлененность семантическая поддерживает расчлененность структурную).

Отмечая конвергентность развития аналогичных моделей отыменных nomina actionis с терминоэлементами *–ование* и *-owanie* в русском и польском языках, следует, однако, подчеркнуть, что эти модели обладают разной активностью и продуктивностью. Так, суффикс польских отсубстантивных имен действия *–owanie* обладает большей активностью и более высоким стилистическим потенциалом, чем суффикс русских nomina actionis *–ованиј(е)*. Лексическая база для создания польских отыменных имен действия на *-owanie* значительно шире, чем у русских словообразовательных типов с формантами *-ирование, -изирование, -ование/-евание*. Польские nomina actionis на *-owanie* образуются не только от конкретно-предметных и вещественных существительных (как русские имена действия на *–ование*), но также и от названий литературных жанров (*felietonowanie, poezjowanie*), от названий болезней (*gangrenowanie*), от фамилий (*lepperowanie*), от названий лиц: а/ по занимаемой должности (*dziekanowanie, rektorowanie)*, б/ по степени родства (*szwagrowanie, zięciowanie*), в/ по типу внешности (*blondynkowanie*), г/ по принадлежности к неформальной организации (*punkowanie*), д/ по профессии и роду занятий (*reporterowanie, satyrykowanie*). Существительные с процессуальным значением свободно образуются с помощью форманта *-owanie* от экзотизмов (*skatowanie, sprayowanie*) и от фразеологизмов (*kolejkowanie, ogonkowanie, panbratowanie*). В русском языке такая практически ничем не ограниченная продуктивность производящих основ наблюдается при образовании отыменных nomina actionis с помощью интернационального суффикса *–изация*. Аналогичный польский суффикс *-izacja* также является продуктивным, однако польский язык, по сравнению с русским, более активно использует исконный формант *-owanie*.

Литература:

АВИЛОВА 1967: Авилова Н.С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. – Москва.

БИРЖАКОВА 1972: Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XYIII века. Языковые контакты и заимствования. – Ленинград.

ВИНОКУР 1939: Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ: Сб. статей по языкознанию. T.Y. – Москва.

ДАНИЛЕНКО 1977: Даниленко В.П. Русская терминология. - Москва.

ИСТОРИЧЕСКАЯ 1986: Историческая типология славянских языков: фонетика, словообразование, лексика и фразеология (под ред. А.С.Мельничука). – Киев,

КАНДЕЛАКИ 1977: Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. – Москва.

КОРЯКОВЦЕВА 2000: Коряковцева Е. Существительные с формантом –изация/-izacja в русском и польском языках. W: Słowo. Tekst. Czas. – Szczecin. – t. IV.

КОРЯКОВЦЕВА 2001: Коряковцева Е. Заимствование как средство обогащения словообразовательной системы русского языка. W: Słowo. Tekst. Czas. – Szczecin. – t. V.

ПОРЕЦКИЙ 1979: Порецкий Я.И. Элементы латинского словообразования и современные языки. – Минск.

ХАНПИРА 1964: Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования русского языка. – Москва.

ШЕЛИХОВА 1974: Шелихова Н.Т. Словообразование существительных со значением отвлеченного действия // Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV-XVII вв. – Москва.

DŁUGOSZ-KURCZABOWA 2001: Długosz-Kurczabowa K., Dubisz S. Gramatyka historyczna języka polskiego (Słowotwórstwo). – Warszawa.

JADACKA 2001: Jadacka H. System słowotwórczy polszczyzny (1945-2000). – Warszawa.

KLESZCZOWA 1998: Kleszczowa K. Staropolskie kategorie słowotwórcze i ich perspektywiczna ewolucja. Rzeczowniki. – Katowice.

SŁAWSKI 1974: Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. – T.I. – Wrocław etc.

SMÓŁKOWA 1976: Smółkowa T. Nowe słownictwo polskie. Badania rzeczowników. – Wrocław etc.

Waszakowa 1994: Waszakowa K. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce. – Warszawa.

Словари:

СЗ-60: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. – Москва. – 1971.

НСЗ-70: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. – Москва. – 1984.

NSP[1]: Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1971-1981. – Wrocław-Warszawa etc. – 1989. – Cz .1-2.

NSP[2]: Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1985-1992. – Wrocław-Warszawa etc. – 998. – Cz .1-2.

Е.В. ПЕТРУХИНА

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ

1. Вступительные замечания

В материалах заседаний Международной словообразовательной комиссии при Международном комитете славистов за последние пять лет (см. библиографию) отразилась та же динамика в изменении приоритетов научного исследования, что и в других областях лингвистики в этот период: большое внимание уделяется когнитивным и коммуникативным аспектам изучения словообразовательных процессов и производных слов (КУБРЯКОВА 1999, 2000, 2002; НЕЩИМЕНКО 2000), когнитивной значимости словообразовательных гнезд (OHNHEISER 1999), изучению словообразования как деятельности (ЗЕМСКАЯ 2000; МИЛОСЛАВСКИЙ 2000, 2002; ЕРМАКОВА 2002), динамике словообразовательных процессов (за счет чего преодолевается разрыв между синхронным и диахроническим словообразованием) (MENGEL 1999; НЕЩИМЕНКО 1999; KLESZCZOWA 2002). Далеко не исчерпал свои возможности и системный анализ, хотя в печати высказывались сомнения в целесообразности его применения в новой, интегрирующей, научной парадигме. Последние фундаментальные работы в этой области (УЛУХАНОВ 1996, 2002) показывают, что системные исследования в словообразовании попрежнему имеют широкую перспективу развития. Полное описание, проведенное И.С.Улухановым, теоретически возможных деривационных единиц в сопоставлении с реализованными производными позволяет исчислить и объяснить все возможные способы словообразования в русском языке, закономерности сочетаемости морфем, а также лакуны в словообразовательной системе. Анализ функций словообразования в языке русского зарубежья Е.А.Земской показал, что «словообразовательный механизм русского языка – мощная и активная сила», практически не подвергающаяся иноязычному влиянию (ЗЕМСКАЯ 2000, 145), напротив, словообразовательные модели способны «втягивать» иноязычную лексику. Этот тезис о мощной и активной силе подтверждает и описание динамики развития словарного состава славянских языков за последние 15 лет в работах К.Бузашиовой, К. Вашаковой, О. Мартинцовой, Г.П.Нещименко и других. Язык реагирует на изменение внеязыковой действительности и появление новых реалий прежде всего резким повышением словообразовательной активности.

Словообразовательное значение (СЗ) в той или иной связи затрагивалась во многих выступлениях на заседаниях Международной словообразовательной комиссии, см. например (MENGEL 2002; ХАРИТОНЧИК 2002), но в этой области остается ряд дискуссионных вопросов, некоторые из которых мы рассмотрим в данной статье.

2. Дискуссионные вопросы в трактовке СЗ

2.1. Проблема содержательной информативности СЗ и разграничение собственно словообразовательных и лексико-словообразовательных значений. Сложность изучения словообразовательной семантики объясняется диалектическим противоречием между ее типовым характером и участием в создании индивиду-

ального лексического значения производного слова. Это противоречие определяет расхождения в понимании словообразовательной семантики, которые в основном сводятся к различному уровню абстракции при определении словообразовательного значения (СЗ) и его связи с индивидуальными лексическими значениями, а также проявляется в трактовке фразеологичности семантики производного слова.

В русистике СЗ изучалось прежде всего как значение словообразовательных типов и категорий, выделяемое на основе наиболее абстрактных элементов значения форманта, которые различают семантику всех производных данного типа или категории и их производящих (например, в РГ-80): ‘носитель процессуального признака’, ‘отвлеченный процессуальный признак’, ‘носитель предметного признака’, ‘процесс, имеющий отношение к субстанции’ и др. В монографии 1996 г. И.С.Улуханов говорит о еще более абстрактной семантике способов словообразования. Типовой характер и абстрактность СЗ сближает его с грамматическим значением. Но такой подход к определению СЗ, по мнению многих лингвистов, лишает словообразовательное описание «чисто содержательных характеристик» (КУБРЯКОВА 1986, 77; ЗЕМСКАЯ 1992, 29). Этот недостаток должны компенсировать так называемые «частные словообразовательные значения». Последние представляют повторяющиеся в ряде слов (составляющих часть определенного типа) значения, более узкие по сравнению с общим СЗ (Г-80, 136) На уровне частных словообразовательных значений инвариантная семантика типа или категории конкретизируется, представляя собой те компоненты лексических значений, которые могут быть выражены словообразовательным формантом. Здесь возможна разная степень конкретизации значения. Так, максимально обобщенное словообразовательное значение ‘предмет, носитель процессуального признака’ в системе более частных лексико-словообразовательных значений представлен как ‘деятель’, ‘инструмент действия’, ‘место действия’, ‘результат действия’ и др., об этом см. также в (MENGEL 2000). При таком подходе словообразовательная классификация производных заменяется семантико-словообразовательной, что в свою очередь ведет к признанию многозначности суффиксов или даже существованию суффиксов-омонимов, так как одинаковые суффиксы оказываются в различных семантических разрядах слов, а все это, по мнению некоторых лингвистов, мешает пониманию действия словообразовательных механизмов (ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 2001, 292).

Дискуссионная проблема степени конкретизации словообразовательной семантики и границы между словообразовательным и лексическим значением обсуждались во многих публикациях (КУБРЯКОВА 1981; ЕРМАКОВА 1984; ЯНЦЕНЕЦКАЯ 1991; ЗЕМСКАЯ 1992; МЕЛЬЧУК 1997). В определении критериев такого разграничения нет единства мнений. Важный показатель словообразовательного значения – его типовой характер, т.е. реализация в ряде лексем. Но И.А.Мельчук считает, что дериватемы, в отличие от граммем, «законченные индивидуалисты: дериватема может «жить» в одиночестве и не представлять никого, кроме самой себя» и не обязательно входить в какие-либо категории или оппозиции (МЕЛЬЧУК 1997, 273). С этим трудно согласиться, потому что если дериват действительно не соотносится ни с какой словообразовательной категорией или моделью, а формальный элемент, участвующий в образовании производного, не

соотносится ни с каким типовым значением, то этот элемент теряет всякое значение, становится асемантическим, ср.: ***ра**-дуга, **кур**-носый, бело-**брыс**(ый).*

У конкретных имен существительных, обладающих высокой степенью идиоматичности (например, таких, как *овч**ин**а, красн**ух**а*), суффиксальный элемент лишь соотносит их с классом предметных имен, конкретизация же предметного значения (‘выделанная **шкура** овцы’, ‘**болезнь**, при которой выступает красная сыпь’) реализуется в рамках лексического значения, а соотнесенность с мотивирующей базой представляет его мотивационный элемент. Большинство исследователей сходится в том, что наличие лишь единичных дериватов с идиоматичным значением типа *овч**ин**а* (ср. *бычина*), не позволяет выделить словообразовательное значение ‘**шкура** животного, названного мотивирующей основой’, тогда как существование целой группы существительных с суффиксом *-ин-*, также образованных от имен животных, которая к тому же пополняется новыми образованиями (*баранина, конина, кабанина, фазанина*), обычно рассматривается как достаточное условие для выделения словообразовательного значения ‘**мясо** животного, названного мотивирующей основой’.

В работах, опирающихся на теорию ономасиологических категорий М.Докулила и идею изоморфизма словообразовательных и синтаксических структур В. Дорошевского (DOKULIL 1962; DOROSZEWSKI 1962; ОБЗОР 1988; КУБРЯКОВА 1998, 1999), СЗ предстает как сложноструктурная единица плана содержания, выражающая тип отношений между двумя категориальными значениями – производного слова и его мотивирующей части. Как справедливо отмечает Е.С.Кубрякова, многие словообразовательные модели, которые мы описываем как итог связывания двух слов, на самом деле являются обобщенной типизированной формулой преобразования неких суждений о предмете в их названия, преобразование описательных дефиниций в однословную производную номинацию (КУБРЯКОВА 1998). При такой постановке проблемы также возникает вопрос об иерархии СЗ, так как типизированная формула, отражающая структуру СЗ, например производных относительных прилагательных (‘относящийся к тому, что обозначено производной основой’) может быть конкретизирована в виде исчисляемого набора более информативных реализаций этой формулы. По отношению к английским прилагательным такая классификация проведена в (ХАРИТОНЧИК 1986): ‘сделанный из того, что обозначает производная основа’, ‘расположенный в том месте, которое …’, ‘годный для того, что…’, ‘имеющий / не имеющий того, что …’ и др. Что же касается русских относительных прилагательных с продуктивными суффиксами (*-н-, -ск-, -ов-*), то исследователи их семантики отмечали тот факт, что «значения этих прилагательных в их отношении к значениям базовых существительных так разнообразны, так тонки, так причудливо сочетаются в отдельных словах, что классифицировать их почти невозможно», ср. *грудной* (ребенок, железа, кашель), *ручной* (вышивка, часы, волк) (ЯНЦЕНЕЦКАЯ 2001, 291). Списочное представление конкретных реализаций общей словообразовательной модели, выражающей ‘признак по предмету’, неизбежно приводит к выводу о полисемии суффикса *-н-*, а это нарушает целостное описание его словообразовательной семантики и не позволяет понять существующие закономерности формирования

значений относительных прилагательных в зависимости от значения мотивирующего слова и его семантических связей.

Для преодоления имеющихся противоречий между описаниями СЗ в общих («несодержательных») терминах и в излишне детализированных лексико-семантических рубрикациях предлагается когнитивный подход к описанию семантики производного слова и СЗ, учитывающий механизм наследования производным части значений, присущих его мотивирующей базе на основе кореферентности нового и исходного значений, а также механизм инференции (КУБРЯКОВА 2002).

2.2. Роль категориального значения мотивирующей базы в формировании СЗ. Различия в трактовке словообразовательного значения связаны и с другими вопросами, а именно: рассматривать ли словообразовательное значение как типичную схему соотношения производной и производящей семантики или все же признать большую семантическую самостоятельность аффикса, а СЗ в некоторых случаях рассматривать как относительно независимое от частеречной семантики производящего слова, т.е. допустить существование словообразовательных категорий, включающих производные от основ разных частей речи (эта точка зрения представлена в (ЗЕМСКАЯ 1992; КОРЯКОВЦЕВА 1999). Например, семантико-словообразовательная категория nomina actionis объединяет не только отглагольные (типа *наказание, грабеж, борьба, сенокос*), но также отсубстантивные (*гнездование, бороздование,аффиксация, безверие, долларизация,, рубрикация,*) и отадъективные (*автономизация, европеизация*) имена действия. (КОРЯКОВЦЕВА 1999; ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 2001, 240).

Аналогично, производные имена со значением активного действующего лица имеют широкую мотивирующую базу, не ограниченную только глаголом, – имя деятеля может формироваться на основе названия не только действия, но и имени любого актанта базовой ситуации или его признака. Номинация деятеля формируется на основе взаимодействия **пропозициональной и метонимической когнитивных моделей** (ЛАКОФФ 1996): по двум элементам ситуации восстанавливается представление обо всей ситуации в целом, иными словами, активизируется соответствующий фрейм как особая унифицированная структура знаний (ФИЛЛМОР 1988). Деятель, определяется 1) по действию р*исовальщик, продавец, борец, фальсификатор, управляющий, заведующий*; 2) по объекту действия *фокусник, водопроводчик, рыбак*; 3) по инструменту или средству действия: *каменщик, стекольщик, скрипач, барабанщик*; 4) по признаку объекта или результата действия: *международник, дипломник*; 4) по признаку, указывающему на способ действия': *заочник, внештатник, отличник, почасовик, сообщник*. Механизм восстановления внутреннего предиката – инференции как логического и семантического вывода, позволяющий определить, производителем какого действия выступает называемое лицо, в целом описан в работах Е.С.Кубряковой, в том числе и в материалах заседаний Международной комиссии по словообразованию (см. библиографию). Пропозициональная структура имен лиц в русском языке анализируется также в статье О.П.Ермаковой в настоящем сборнике. Имплицитные предикаты определяются на основе фреймовых структур как связанных схематизаций опыта, в рамках которых происходит необходимый для номинации отбор значимых в данном языковом кол-

лективе сведений, при этом имплицитные внутренние предикаты характеризуются разной степенью предсказуемости. Так, у деривата *контрактник* в его семантической структуре возможными являются несколько ассоциативно связанных предикатов, которые определяются достаточно легко и однозначно при помощи инференции на основе энциклопедических знаний говорящих на данном языке: это именно 'тот, кто работает или служит по контракту', а также, соответственно, 'тот, кто заключил контракт'. Однако у многих имен лица имплицитно выражаемые элементы их семантической структуры не могут быть определены при помощи операции логического вывода, они устанавливаются на сугубо конвенциональных условиях, например *государственник* - 'тот, кто является сторонником сильной государственной власти', а не ‘тот, например, кто работает на государственном предприятии’. В основу производной номинации работников государственных предприятий – *бюджетники* – кладется номинация не формы собственности, а источника финансирования (‘тот, кто получает зарплату из бюджета’). Механизм активизации фреймовых структур при анализе и синтезе производного слова нуждается в специальном исследовании на широком языковом материале. Но синтаксический подход к анализу словообразовательной семантики, как неоднократно отмечалось, применим отнюдь не ко всем производным, например, не подходит к анализу предметной лексики, к анализу конструктивного словообразования, синтаксической деривации.

2.3. Разные типы СЗ. Все сказанное подтверждает тезис, который был сформулирован, но с некоторыми различиями, в работах Е.А.Земской и Е.С.Кубряковой, - **словообразовательное значение на разных участках словообразовательной системы формируется по-разному.** Е.А.Земская обращает внимание на различия в словообразовательном значении в зависимости от функции словообразования: номинативной, компрессивной, конструктивной или стилистической, причем даже в пределах номинативного словообразования четкость и выделимость СЗ на разных участках словообразовательной системы существенно различаются (ЗЕМСКАЯ 1992, 33). По Е.С.Кубряковой, СЗ формируется на основе словообразовательных процессов аналогии, дефиниции и корреляции (КУБРЯКОВА 1981).

С нашей точки зрения, важно учитывать взаимодействие, а также иерархию этих словообразовательных функций и механизмов. С одной стороны, трудно переоценить роль аналогии при любом словообразовательном процессе, но исключительно по аналогии с узуальными дериватами образуются лишь производные с «пустыми» корнями, такие, как *пришпандорить* (ср. *приделать*), *втюриться* (ср. *влюбиться*), *залимонить* (ср.*забросить*), мотивирующей базой для них выступает сама словообразовательная модель, семантика которой и формирует соответствующее СЗ. С другой стороны, аналогическое и дефиниционное словообразование одновременно является и коррелятивным. Коррелятивность заложена в самой структуре производного слова. Это и позволило создать исчерпывающее описание словообразовательной системы русского языка, ее отдельных категорий и типов на основе коррелятивных межсловных отношений, без обращения к пропозициональным и метонимическим когнитивным моделям (другой вопрос, что исключительно

на межсловных коррелятивных отношениях нельзя описать деятельностный аспект словообразования).

На корреляции основана синтаксическая деривация, модификационное словообразование, ср. именные модификации по признаку уменьшительности, женскости, детскости. Интересно, что в исследованиях модификационной категории женскости женские личные имена представляются на основе их корреляции с мужскими именами даже в том случае, если они мотивированы описательной дефиницией в той же степени, что и последние (*красавец – красавица, старик – старуха*, ср. *красивый мужчина – красавец, красивая женщина – красавица; старый мужчина – старик, старая женщина – старуха*). Системную коррелятивность по признаку женскости в некоторых своих произведениях пытается преодолеть М.Цветаева, подчеркивая тем самым активность женского начала. Например, в стихотворении «Коли милым назову, не соскучишься» она использует окказиональные дериваты *плясовница, свирельница* вместо узуальных *плясунья, свирельщица,* актуализируя тем самым в именах лиц женского рода семантику лица вообще (АВДЕЕВА 2000).

Именно корреляции и их разновидность – оппозиции – связывают словообразование с грамматикой. Известно, что словообразовательная деривация осуществляет субкатегоризацию и дифференциацию грамматических категорий, но данный аспект словообразовательной семантики – ее связь с грамматическими значениями – на материале славянских языков нуждается в специальном сопоставительном изучении. В качестве примера рассмотрим этот вопрос на материале модификационного глагольного словообразования, тесно связанного с грамматической категорией глагольного вида (в русском языке в сопоставлении с чешским).

3. Грамматикализация словообразовательных модификационных значений фазисности в русском языке

Словообразовательная семантика производных глаголов, выражающих временные границы деятельности и процесса в русском языке, подвергается грамматикализации, приобретая черты, свойственные грамматическим значениям, а именно свойства обязательности и пониженной интенциональности употребления. Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, в русском языке отмечена функциональная активность приставки *по-* с ограничительным значением, которая по своим функциям сближается с результативными видовыми приставками. Глаголы деятельности с приставкой *по-* (делимитативы) в русском языке могут выражать достижение результата, вызывающего окончание действия в данной конкретной ситуации. Поэтому отличительной особенностью делимитативов в русском языке, в сравнении с западнославянскими языками, является функциональное сближение с видовыми коррелятами. На первый план значения такого глагола выступает не представление об ограниченной длительности, а актуализация конечной границы действия. Ср. *Ты уже почитал?/ позанимался? / поплавал?* В чешском языке делимитативы не обладают ярко выраженной семантикой окончания действия, поэтому в подобных контекстах практически не употребляются. Расхождения в фазисно-временной семантике русских и чешских делимитативов определяются различным представлением конечной границы действия: в русском языке конечный предел выражает, как правило, прекращение действия, в чешском

же он указывает лишь на границу интервала, заполненного действием. Поэтому в русском языке делимитатив, как правило, не может быть употреблен в контексте, содержащем указание на продолжение выражаемого им действия при тех же обстоятельствах, а в чешском может. Ср.: *?Мы посидели (*ср. *просидели*) *в поликлинике час, и в шесть часов наша очередь еще не подошла - Poseděli jsme v ordinaci celou hodinu a v šest jsme pořád ještě nebyli na řadě.*

Во-вторых, в русских претеритальных повествовательных текстах, в отличие от чешских, отмечается высокая степень обязательности выражения границ деятельности или процесса, включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов с приставками *за-* и *по-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать*, *стать*, употребление которых характеризуется снижением осознанности и обусловленности коммуникативными намерениями говорящего. Ср.: *У ворот стояла собачья конура. Маленькая дворняжка выскочила оттуда и* ***залаяла*** (невозможно*: лаяла*) *при моем появлении*. В русском языке при нейтральном стиле повествования цепочка прошедших событий, сменяющих друг друга, должна быть обозначена глаголами СВ, выражающими границу действия (об использовании нетипичного, стилистически маркированного сочетания видов в повествовательных текстах см. (ПЕТРУХИНА 2000, 79-83). Поэтому в приводимых ниже русских переводных предложениях чешским глаголам НСВ соответствуют глаголы СВ или конструкции с фазисными глаголами СВ, выражающие либо начальный, либо конечный предел действия. В чешском языке при построении претеритальных повествовательных текстов обозначение временных границ деятельности или процессов, включенных в нарративную цепочку, не является обязательным, напротив, такая деятельность часто представляется в виде незамкнутого процесса. Ср. *Pan profesor vzal prut,* ***táhl*** *a vytáhl velkého kapra…(O.Pavel) – Пан профессор взял прут,* ***потянул*** *(*букв. тянул) *и вытащил большого карпа . Šofer otevřel zadní dvířka a pan generální Korálek* ***se*** *s nimi* ***loučil****, jako by spolu odjížděli na svatební cestu (O.Pavel) – Шофер открыл заднюю дверцу, и генеральный директор Коралек* ***начал прощаться / попрощался*** *(*букв. прощался) *с ними так, будто они вместе уезжали в свадебное путешествие.*

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что в русском языке границы сменяющих друг друга действий в претеритальном повествовательном тексте выражены более последовательно, чем в чешском. При этом в русском языке наблюдается взаимодействие грамматической и словообразовательных категорий глагола, ведущее к грамматикализации фазисных глагольных модификаций и соответствующих СЗ.

Таким образом, актуальной задачей славянского словообразования считаем изучение, во-первых, различных типов СЗ, во-вторых, участие СЗ в субкатегоризации грамматических значений частей речи и их морфологических категорий.

Литература:

АВДЕЕВА 2000: Авдеева Г.А. Аффиксальная гомеология в поэзии М.И.Цветаевой. – АКД. – Екатеринбург.

ЕРМАКОВА 1984: Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. Москва.

ЕРМАКОВА 2002: Ермакова О.П. Ирония в словообразовании // S.Mengel (Hg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster – Hamburg – London..

ЗЕМСКАЯ 1992: Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – Москва.

ЗЕМСКАЯ 2000: Земская Е.А. Функции словообразования в языке русского зарубежья // K. Kleszczowa, L. Selimski. Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferecji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów. – Katowice.

КОРЯКОВЦЕВА 1999: Коряковцева Е.И. Единицы диахронического описания словообразовательной системы: словообразовательная категория // R. Belentschikow (Hrsg.) Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. – Frankfurt am Mein,.

КУБРЯКОВА 1981: Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – Москва.

КУБРЯКОВА 1986: Кубрякова Е.С. О понятии словообразовательного правила // Актуальные вопросы дериватологии и дериватографии. – Владивосток.

КУБРЯКОВА 1998: Кубрякова Е.С. Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков. // Научные доклады филологического факультета МГУ 3. – Москва..

КУБРЯКОВА 1999: Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода) // R. Belentschikow (Hrsg.) Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. – Frankfurt am Mein,.

КУБРЯКОВА 2000: Кубрякова Е.С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // K. Kleszczowa, L. Selimski. Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferecji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów. – Katowice.

КУБРЯКОВА 2002: Кубрякова Е.С. Об особенностях композиционной семантики у производных слов. // S.Mengel (Hg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster – Hamburg – London..

ЛАКОФФ 1996: Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – Москва.

МЕЛЬЧУК 1997: Мельчук И.Г. Курс общей морфологии. – Т.1. – Москва – Вена.

МИЛОСЛАВСКИЙ 2000: Милославский И.Г. Синонимические и квазисинонимические отношения между лексическими и словообразовательными средствами в активной грамматике русского языка. Каким можно, а каким нельзя стать по-русски // K. Kleszczowa, L. Selimski. Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferecji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów. – Katowice.

МИЛОСЛАВСКИЙ 2002: Милославский И.Г. О проекте словообразовательного словаря русского языка для активных речевых действий // S.Mengel (Hg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster - Hamburg – London.

НЕЩИМЕНКО 1999: Нещименко Г.П. Диалектическое единство синхронии и диахронии в словообразовании // R. Belentschikow (Hrsg.) Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. – Frankfurt am Mein.

НЕЩИМЕНКО 2000: Нещименко Г.П. Активизация использования словообразования в языке публичной коммуникации в конце столетия // K. Kleszczowa, L. Selimski. Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferecji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów. – Katowice.

ОБЗОР 1988: Обзор работ по современному русскому литературному языку. Словообразование: проблемы и методы исследования. – Москва.

ПЕТРУХИНА 2000: Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. – Москва.

РГ–80 1980: Русская грамматика. – Т.1. – Москва.

УЛУХАНОВ 1996: Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – Москва.

УЛУХАНОВ 1999: Улуханов И.С. Некоторые проблемы изучения словообразования славянских языков // R. Belentschikow (Hrsg.) Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. – Frankfurt am Mein.

ХАРИТОНЧИК 1986: Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. – Минск

ХАРИТОНЧИК 2002: Харитончик З.А. О рефлексии лексических значений компонентов в семантике аффиксальных производных // S.Mengel (Hg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster - Hamburg – London.

ФИЛЛМОР 1988: Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике 23. Когнитивные аспекты языка. – Москва.

ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 2001: Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – Москва.

DOKULIL 1962: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. – Praha.

DOROSZEWSKI 1962: Doroszewski W. Kategorie słowotwórcze // Studia i szkice językoznawcze. – Warszawa.

KLESZCZOWA 2002: Kleszczowa K. Językowe środki intesyfikowania cechy w historii polszczyzny // S.Mengel (Hg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster - Hamburg – London.

MENGEL 1999: Mengel S. Словообразовательная норма и формы ее проявления // R. Belentschikow (Hrsg.) Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. – Frankfurt am Mein.

MENGEL 2002: Mengel S. Семантические и формальные корреляции внутри словообразовательной категории и словообразовательной парадигмы // S.Mengel (Hg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster – Hamburg – London.

OHNHEISER 1999: Ohnheiser I. Словообразование и лексическая семантика // R. Belentschikow (Hrsg.). Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. – Frankfurt am Mein.

Г.П. НЕЩИМЕНКО

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО СЛАВЯНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Языковое развитие во второй половине XX – начале XXI вв. представляет собой весьма интересный объект для научного изучения. Это обусловлено тем, что на рубеже столетий язык будучи универсальной знаковой системой оказывается в ситуации, когда он должен оперативно реагировать не только на огромные достижения научно-технического прогресса, но и на принципиально изменившиеся условия и характер распространения информации, возрастание ее объема и скорости прохождения по каналам коммуникативной связи. Впервые становится возможным и обращение к массовой аудитории как в региональном, так и мировом масштабе. Для удовлетворения всех этих требований необходимо и соответствующее вербальное обеспечение [1].

Решающую роль в удовлетворении возникающих коммуникативных потребностей играют огромные, практически неисчерпаемые словообразовательные ресурсы, которыми столь богаты славянские языки. Использование этих ресурсов позволяет пополнять лексический инвентарь за счет притока новообразований, переименования уже имеющихся обозначений, переосмысления существующих номинаций, а также востребования обозначений с периферии лексической системы. Значительно расширяются возможности словотворческого экспериментирования, поиска необходимого вербального решения, в том числе и методом «проб и ошибок».

Несмотря на относительно небольшую протяженность рассматриваемого периода, он отличается динамичностью вербального узуса, повышенной экспрессивностью средств выражения, существенными изменениями речевого стандарта публичной коммуникации.

Для исследователя-дериватолога изучение словообразовательных закономерностей этого периода особенно значимо, так как фиксируемые номинационные и словообразовательные новации зачастую не укладываются в рамки наших привычных представлений о литературной норме, давая повод по-новому оценить потенциальные возможности словопроизводства, частотность и сферу употребления деривационных схем и формантов, их продуктивность. Вполне естественно, что в тех случаях, когда внутриязыковых ресурсов оказывается недостаточно или же когда пользователь языка по тем или иным причинам предпочитает ресурсы других языков, проблема решается путем привлечения внешних заимствований [2]. Впрочем, в данной работе этот аспект нами рассматриваться не будет, хотя мы вполне отдаем себе отчет в том, что адаптация заимствований в языке-реципиенте, как правило, осуществляется с помощью продуктивных деривационных средств.

Оценить суть и перспективы тенденций, наблюдаемых в вербальном обеспечении публичной коммуникации, не выходя за рамки ***имманентных*** закономерностей языковой системы, не представляется возможным, поскольку огромную роль в этом

[1] Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ, номер гранта № 01-06-80043а.

[2] Правомерно говорить и о внутренних заимствованиях, имея под этим в виду включения из дру гих форм существования одного и того же этнического языка.

процессе играют ***экстралингвистические*** факторы. Именно они в конце столетия, как уже отмечалось, претерпевают весьма значительные изменения. Особенно это касается стран Восточной Европы, переживших на рубеже столетий резкую, по сути одномоментную смену политических, экономических, социальных и пр. ориентиров, потребовавшую, помимо прочего, создания и новой терминологической номенклатуры.

Подавляющее большинство действующих экстралингвистических факторов имеет ***универсальный*** характер, поэтому и их реализация в языках различной типологической принадлежности, а тем более в языках близкородственных во многом совпадает, хотя и не является идентичной. Свои коррективы, несомненно, вносят внутренние закономерности конкретной языковой системы, сложившиеся традиции словоупотребления, определенная избирательность при выборе средств выражения. В словообразовании это касается, например, набора формантов или же способов словопроизводства, словообразовательных категорий и пр. Возможность выявления весьма существенных сходств и не менее существенных отличий делает весьма перспективным сопоставительное изучение близкородственных языков.

Из числа экстралингвистических факторов наиболее важным по по своим языковым последствиям является использование в публичной коммуникации новых информационно-коммуникативных технологий. Их применение позволяет: а) установить информационно-коммуникативное взаимодействие с массовой аудиторией; б) существенно увеличить объем и скорость распространения информационного потока, оперативно довести его до адресата; в) интегрировать внутриэтническое и межеэтническое коммуникативное и вербальное пространство; г) предпочтительно использовать ***устное*** публичное общение.

Говоря о вербальном аспекте действия названных факторов, отметим лишь те из них, которые непосредственно относятся к предмету нашего рассмотрения:

а) ориентация на массового адресата повлекла за собой изменение речевого стандарта публичной коммуникации, его ***«массовизацию», усреднение***, приближение к потенциальному уровню речевой компетенции аудитории;

б) в результате «устнизации» публичной коммуникации, предполагающей преимущественное использование ***устного*** литературного языка, возникли благоприятные условия для интерференции литературной и разговорной норм. Этому немало способствовала ***лабильность*** узуса устной публичной коммуникации, усиливаемая ограничением форм контроля за речевым поведением лиц, вербально активных в этой сфере общения, снижением авторитета кодификационных предписаний, трансляцией через СМИ речевых навыков лиц с разнородным уровнем образования и языковой культуры (ср.: интервью, телефонные опросы и пр.);

в) использование электронных средств общения потребовало оптимизации их вербального обеспечения за счет предпочтительного использования ***компактных*** номинаций, позволяющих «насытить» каналы коммуникативной связи максимально емкой информацией. Мощным резервом подобных обозначений является именно разговорный язык.

Названные обстоятельства открыли доступ в узус публичной коммуникации многочисленных включений из разговорного языка (трактуя последний достаточно широко, мы включаем в него набор языковых идиомов, обслуживающих непринужденное повседневное общение).

В настоящей работе мы в основном опираемся на имеющиеся у нас наблюдения над узусом чешской и русской публицистики.

Источником языкового материала для нас является обширная, самостоятельно нами собранная электронная картотека, отражающая, помимо прочего, и узус современной публичной коммуникации. Вместе с тем поскольку ранее мы достаточно подробно, с привлечением большого фактического материала изучали славянское словообразование предшествующих столетий (особенно это относится к чешскому языку), у нас была возможность проследить действие выявляемых тенденций не только в новейший период, но и в ретроспективе, а также в какой-то мере и перспективе. Таким образом, хотя в настоящей статье и представлены результаты синхронного анализа, фоном для него послужило диахронное сопоставление, оказавшееся для нас в высшей степени полезным.

Исходя из того, что при решении возникающих номинационных «коллизий» в современной публицистике, помимо словотворческих возможностей литературного языка, «задействованы» ресурсы языка разговорного, мы сочли целесообразным использовать в качестве основополагающего ракурс ***интерференции*** этих двух норм.

Одной из характерных особенностей узуса современного публичного общения, по-прежнему сохраняющего за собой репутацию эталонного языкового употребления, является его ***ускоренная*** синхронная динамика. Во многом это обусловлено влиянием именно разговорного языка с присущей ему экспрессией, эмоциональностью, экономичностью средств выражения, компенсируемой подключением невербальных средств (мимикой, жестикуляцией, знанием конситуации и пр.). Несмотря на то, что в разговорном языке словопроизводство осуществляется по регулярным, активно воспроизводимым деривационным схемам, он одновременно является и «полигоном» инновационных тенденций, полем языкового экспериментирования.

Под влиянием разговорного узуса значительно расширяется вариационная шкала формантов, происходит замена нейтральных в стилистическом отношении аффиксов на более экспрессивно выразительные, меняется способ деривации, учащаются и случаи конкуренции.

Приведем выборочно несколько примеров, иллюстрирующих смену форманта или же способа словообразования: а) *водитель – водила; журналист – журналюга; следователь – следак; пограничник – погранец; проявление – проявка; подслушивание – подслушка; давление, давка, давежка; руление – рулежка; оживление – оживляж; бурление – бурлеж; расслабленность – расслабуха;* б) *вертолет – вертушка; мультфильм – мультик; видеопроигрыватель (видео) – видак; видеофильм – видик;* в) *нейтральная полоса – нейтралка; минеральная вода – минералка; гуманитарная помощь – гуманитарка;* (чеш.) а) *zmrzlina – zmrzka; cvičiště – cvičák, cvíčko; Pražačka – Pražanda; lokomotivář – lokomotivák; kovář – kovák; noclehárna – nocležna; akumulátorovna – akumulátorka;* б) *magnetofon – magič; samoobsluha – samoška;* в*) dietní jídlo, dietní jídelna, restaurace – dietka; atomová elektrárna – atomka* и пр.

Проявления синхронной динамики можно усматривать и в трансформации категории Nomina agentis, в составе которой все большую продуктивность приобретает образование существительных с выраженной глагольностью и отчетливой экспрессивной окрашенностью. Данные лексемы часто встречаются в языке современной публицистики; ср.: *доноситель, потакатель, маратель, кропатель, пенкосниматель,*

ухаживатель, очернитель, спаиватель, оскорбитель, опровергатель, исказитель, наводитель (порядка)*, возглавитель, запретитель, оскорбитель, опровергатель. выступатель, опошлитель, медлитель, языкознатель, делатель.* Ср. в контексте: *Читаю иногда наивные заметки о существовании якобы специальных бригад из МВД или ФСБ, которые уничтожали и уничтожают преступные группы, – такие, видите ли,* ***чистильщики.*** НГ 6/2001, инт. рп., ирон.; *Он стал очень хорошим* ***выступальщиком****. Не знаю, можно ли это сказать в позитивном смысле?* (о творческом росте барда Тимура Шалвова. – *Г.Н.*). Эхо 2003, вед.; *нужно выявлять* ***отмывальщиков*** *денег*. Эхо 2003, диалог, гость передачи; *среди аферистов есть и другие категории* ***обещателей.*** НГ 58/2002, ст., ар.; ***мстительщик***. Эхо 2002, комментарий обозревателя.

Общее возрастание экспрессивности в стилистике современной публицистики способствует активизации образования и частотности употребления деминутивов. Так, в отличие от чешского языка, в котором деминутивы издавна имели высокую частотность употребления и широкую словопроизводственную базу, в русском языке они предпочтительно использовались в детской речи или же речи, обращенной к детям, в художественной литературе для характеристики персонажей, причем зачастую с иронической окраской. Высокая частотность употребления деминутивов характерна для речевого узуса сферы услуг (официанты, отчасти продавцы и пр.).

В современной русской публицистике использование и образование уменьшительно-оценочной лексики значительно активизировалось (особенно существительных). Ср.: *ангарчик, телеканальчик, сериальчик, олигарчик, светофорчик, нисанчик, отельчик, штампчик, президентик, контрактик, репортажик, сюрпризик, пажик, барчик, клубик, клипец, отставничок, лазерок, моноложек; федерацийчка, рубричка* (газетная), *центрифужка; самолюбованьице, сообщеньице* и мн.др. В этом далеко неполном перечне много новообразований, произведенных в том числе и от заимствований. Ср. в контексте: *А на самом деле Борис Абрамович обыкновенный* ***богатенький бизнесменчик***. НГ 5/2000, ст., ар.; ***Аккуратненький*** *разборный финский* ***ангарчик.*** НГ 13/2000, оч., ар.; *куда там* ***фальшивенькому*** *захвату казармы*. НГ 51/2002, оч., ар.; *лампы для телевизоров такие* ***стеклянненькие***. Эхо 2000, инт., рп.

Деминутивы широко употребляются в устных СМИ, являясь частью коммуникативной стратегии – их использование обычно бывает продиктовано желанием расположить к себе слушателя, вызвать у него адекватную реакцию. Это отмечается в речи ведущих, в их обращении к слушателям по телефону, в рекламных сообщениях. Иногда деминутивы становятся частью популистской стилистики в предвыборной кампании. Проиллюстрируем сказанное: (телефонные диалоги, особенно часто это диалоги во время каких-либо игр – в качестве ведущего могут быть как женщины, так и мужчины) *У меня сейчас* ***телефонненький*** *звонок*. Маяк 2000, ведущая; ***петардочка, логотипчик*** (описание газетного купона. – *Г.Н.*)*, сейчас запишут ваш* ***телефончик****, не кладите* ***трубочку.*** Эхо 2002, ведущий; *а* ***газетка*** *у вас есть с* ***купончиком****? Там есть такой* ***списочек****; (о выигрыше – тостере. – Г.Н.) на нем можно делать* ***тостики****. Узнайте, когда можно будет получить* ***подарочек***. Эхо 1999, ведущая; *там есть такая* ***маленькая табличечка***. Эхо 2001, ведущий; *наш* ***телефончик****: 203-19-22, у меня еще есть* ***немножечко*** *времени; приму еще один самый последний* ***зво-***

ночек. Эхо 2000, ведущая[1]; *сейчас я вам прочитаю один* ***куплетик***. Эхо 2000, ведущий; *Откуда у вас купон? А, «Московская* ***правдочка****»*. Эхо 2002, ведущий; *послушаем еще* ***звоночек*** *и посмотрим* ***пейджерочек***. Эхо 2003, ведущий; *еще один звонок и* ***кассеточка*** *остается нам*. Эхо 2002, ведущий. Ср. также в речи ведущих во время передачи: *Вот такой* ***фестивальчик****, вот такой* ***концертик*** *будет*. Эхо 2003; *Мы создадим такую* ***атмосферочку***. Эхо 2002; ***собачка*** *такая* ***декоративненькая***. Эхо 1999; *сейчас будет* ***кратюсенькая*** *информация*. Эхо 1999; *Положение, прямо скажем, было* ***спорненькое***. Эхо 2000; *Наша радиостанция информативная, с небольшим музыкальным* ***уклончиком***. Эхо 2001; *Тут проскочила шальная* ***информашка.*** Эхо 2002; *Уважаемые радиослушатели, через пять минут будет* ***программочка*** *«Попади в* ***десяточку****»*. Эхо 2001; *Мы проиграем слушателям сегодня компактные диски,* ***компактненькие*** *такие* ***дисочки***. Эхо 2002; *вначале у меня небольшое* ***сообщеньице.*** Эхо 2003; *довольно* ***стандартненькая*** *история*. Эхо 1999; *Про наш скромный* ***телеканальчик*** *помолчим*. ТВС 2003. Ср. также в рекламных передачах: *там стоит шикарный* ***барчик***. Эхо 2000, описание официантом ресторана; *Вы варите* ***курочку****, кладете туда* ***приправочку, капусточку, морковочку. Супец*** *типа щей,* ***мясцо***. Эхо 2002 (рецепт блюда); *наша компания вышла на прямые* ***поставочки***. Эхо 2003, медицинская реклама; *можно я* ***немножечко*** *расскажу*; *интервальные* ***тренировочки****; кому-то хочется сделать* ***растяжечку****; будет стартовая* ***программка*** *одну* ***неделькуу; нагрузочка*** *будет поменьше*. Эхо 2003, тренер Фитнесс-клуба; (популистская передача политика**)** *нужно размотать* ***клубочек***. Эхо 2003; ***Тамарочка, Лидочка****, задавайте вопросы*. Эхо 2003[2]. Очевидно, можно охарактеризовать подобное речевое поведение как контактное.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении языкового материала позволяет выделить две важнейшие, на наш взгляд, тенденции – ***языкового варьирования*** и ***языковой экономии***, действие которых отчетливо прослеживается в языке современной публицистики и которые черпают средства своей реализации во многом из разговорной речи. В рамки этих тенденций практически полностью укладываются все наблюдаемые новации. Обе тенденции, имея универсальный характер, по своей сути являются ***противонаправленными***: первая приводит к разрастанию вербальной материи за счет постоянного притока новых лексических пополнений; вторая, напротив, удерживает ее в состоянии равновесия, делая менее громоздкой, более «экономной» путем селекции языковых средств, оптимизации использования уже существующих знаков, вытеснения избыточных обозначений и т.п.

В результате взаимодействия этих тенденций устанавливается оптимальное соответствие между номинационным корпусом и насущными информационно-коммуникативными потребностями, столь необходимое для выполнения важнейшей языковой функции – коммуникативной.

Синхронная, а тем более диахронная динамика словообразовательных категорий наглядно иллюстрирует действие обеих названных выше тенденций.

---

[1] (ведущая) *вот этот* ***телефончик***, однако сразу же осеклась, заметив своему коллеге: *Нашим слушателям не нравится, когда мы говорим:* ***трубочка, телефончик****. Они говорят, что мы сюсюкаем*, на что следует нарочито грубая реплика коллеги: *Положь* ***трубку.*** Эхо 2000.

[2] Ср. в повседневной разговорной речи: *кто здесь* ***платненький****?* (обращение кондуктора в московском автобусе, 2001 г.: противопоставление платных и бесплатных пассажиров); *а* ***сменочка*** *у вас есть*? (в больнице о сменной обуви, 2002); *Я тащусь так* ***клевенько*** (молодые музыканты во время поездки в поезде, 2002).

К числу весьма динамичных категорий, несомненно, относится модификационная категория феминативов. Ее лексический состав напрямую связан с социально-коммуникативным заказом социума, с ростом эмансипации женщин. В чешском литературном языке образование этой лексики осуществляется автоматически[1], это устойчивая системная закономерность, отклонения от которой являются эпизодическими и по большей части производят шокирующее впечатление.

В отличие от русского разговорного языка, в котором фиксация пола лица с помощью определенного набора суффиксов, как правило, является регулярной, в литературном языке дело обстоит иначе – здесь указание пола характерно в основном для случаев, когда труд женщины связан с физическими нагрузками. В других ситуациях это считается неактуальным (занятие умственным трудом, наличие титулов, званий, престижного социального положения), поэтому могут использоваться: а) существительное м.р. (конкретизирующим сигналом является согласование, присоединение фамилии и пр. по типу *врач Иванова сказала*); б) описательные конструкции *женщина-прокурор*, *женщина-комендант, женщина-тренер, женщина-профессор, женщина-академик* и пр.[2]

В современной русской публицистике феминное словопроизводство значительно активизировалось, расширился как круг производящих основ, так и состав формантов. Данный факт подтверждается притоком многочисленных новообразований, в том числе и окказионализмов. Подобная активизация стимулируется потребностями языковой экономии, поскольку конструкции типа *женщина-бизнесмен* более громоздки, чем дериваты *бизнесменша* или же *бизнесменка*, как бы они поначалу ни «резали ухо». Сказывается и влияние разговорного языка, в котором феминное словопроизводство является достаточно регулярным.

Какому способу номинации в русском литературном узусе в конечном итоге будет отдано предпочтение (деривации, приложению, согласованию и пр.), можно будет судить позже, сейчас же мы говорим лишь о некотором наборе возможностей и удельном весе их реализации. Пока что налицо значительная вариативность, фиксируемая контекстуально: *А вы знаете первую заповедь* ***реквизитора****? – спросила меня старейшая* ***реквизитор*** *МХАТа. На гастроли по какой-то причине отправили неопытного* ***реквизитора****. Она знала, что воду надо кипятить. Самая расхожая шутка – тайком от бдительной* ***реквизиторши*** *вместо кипяченой воды налить в бутылку чего-нибудь погорячей*. МК 2000, оч., ар.; *Налоговый* ***инспектор*** *собирала платежи в свой карман* (заголовок статьи) – ***инспекторша*** *пришла в офис фирмы* (текст статьи). МК 2000; ***Наркокурьерша*** (заголовок статьи) – ***женщина-наркокурьер*** (в тексте статьи). МК 2000. *Я знаю Валерию Ильиничну* (Новодворскую.

---

[1] В этом отношении примечателен пример языковой интерференции в выступлении чешского официального лица на закрытии Дней чешского кино в Москве в ноябре 2002 г.: *Я очень рад, что здесь присутствуют две наших знакомых* ***режиссерок.*** В данном высказывании интересно включение регулярного чешского деривата *režizérka* в русский текст, в котором носитель русского языка скорее всего употребил бы либо *женщина-режиссер*, либо *режиссерша*, либо, наконец, *режиссер*, без уточнения пола лица. Ср.: *Началом знакомства сибирской публики с эстетикой самой известной московской* ***женщины-режиссера***. НГ 81/2001, рец., ар.; *фильм болгарской по рождению и бельгийской по диссидентской своей планиде* ***режиссерши*** *Златины Русевой*. НГ 45/1999, рец, ар.

[2] Примечательно, что в чешском разговорном языке конструкция без конкретизации пола является проявлением гиперкорректности (*paní doktor*), в то время как *doktorka* имеет неограниченную сферу употребления. Соответственно *doktorová* обозначает жену доктора.

– *Г.Н.*) *как первоклассного* ***публициста,*** *профессионального* ***революционера****, а еще как* ***переводчика*** *Камю*. И здесь же: *борец за демократию Боровой,* ***лидер*** *«Правого дела» Хакамада,* ***революционерка*** *Новодворская и бизнесмен Жириновский уравнялись в статусе*. НГ 30/1999, рец., ар. Нельзя также не учитывать, что у некоторых феминативов наличествует фоновое значение ‘женщина-жена’; ср. комментарий ведущего (Маяк 2001, обзор прессы) о статье под названием «***Солдатки***», где речь идет об израильских женщинах, служащих в армии: *у нас так обычно говорят о* ***жене*** *солдата*. Примечательны данные о фреквенции соответствующих номинаций в тексте обвинительного заключения в деле Буданова, т.е. официальном документе (НГ 23/2001), где описательная конструкция *женщина-снайпер* употреблена 1 раз; непроизводное *снайпер* – 2 раза; дериват *снайперша* – 8 раз (ср.: *уведомил, что едут задерживать* ***женщину-снайпера*** (косвенная речь обвиняемого); *фотография женщины, которая являлась* ***снайпером***; *показал дом, где живет* ***снайперша*** и пр. Впрочем, иногда образование феминатива невозможно по морфонологическим причинам: ***женщины–камикадзе****, кровницы. Пояса у* ***террористок-камикадзе***. НГ 84/2002, зам., ар. Встречаются – и нередко – случаи избыточной фиксации пола: *После так называемого дефолта* ***женщины-художницы*** *не могут получать оплачиваемые декретные отпуска*. НГ 32/2002, ст., рп.: *милые интеллигентные* ***женщины-пенсионерки***. НГ 25/2001, рец., рп.; *Ходят* ***женщины-бетонщицы*** *в спецовках*. НГ 4-д/2000, оч., ар.; ***женщина-террористка*** *сидит, привалившись к подруге*. Кпр 2002, оч., ар. Налицо избыточность по типу *март месяц, религиозные конфессии* и т.д.

Приведем краткий перечень производящих основ, с которыми сочетаются наиболее распространенные феминные суффиксы: [-к(а)] агент, алкоголик, боевик, боксер, бомбист, бизнесмен, биатлонист, виртуоз, верхолаз, депутат, землянин, киллер, кандидат, корреспондент, каратист, макрамист, мусульманин, моряк, невозвращенец, неофит, оригинал, оскароносец, пенсионер, полиглот, пресс-службист, революционер, самурай, стажер, солдат, террорист, фанат, хоккеист, шахид, экстремал; [-ш(а)] акционер, ассистент, банкир, вампир, вахтер, гид, гример, гомеопат, дискжокей, диспетчер, дизайнер, диктор, диктатор, интервьюер, инспектор, корреспондент, киллер, лейтенант, маклер, музыкант, мистификатор, наркокурьер, организатор, оператор, оппонент, парикмахер, предприниматель, плантатор, партнер, профессор, режиссер, реквизитор, рэпер, рэкетир, сенатор, следователь, снайпер, тапер; [-иц(а)] бетонщик, газетчик, гардеробщик, грушник, детективщик, застекольщик, защитник, истец, кровник, коммунальщик, клофелинщик, крановщик; лохотронщик, лагерник, начальник, певец, предприниматель, передовик, партноменклатурщик, попыточник, пограничник, пикетчик, попсушник; разведчик, счетчик, чиновник, шифровальщик, шлягерник; [-ин(я)] монарх, маг, невропатолог, олигарх, патриарх, педагог, шеф и пр. Приведем выборочно контексты: Создание условий для завоевания власти коммунистическими партиями во всем мире – вот платформа взаимоотношений со всеми **агентами** и **агентками**. НГ 10/2001, инт., рп.; сидят замаскированные боевики и **боеви́чки** (появился такой неологизм во вторую войну). НГ 6/2000, зам., ар.; торчат в памяти страшные, черные, закутанные фигуры **женщин-бомбисток**. НГ 83/2002, зам., ар.; **Каратистка** Аня в 13 лет руководила бандой квартирных воров. НГ 69/2000, зам., ар., заголовок; **кандидатку** в спикеры Слиску. НГ 3/2000, зам., ар.; мама, нищая **кан-**

дидатка наук, сама тянула Дашу. НГ 55/2002, оч., ар.; Как всякие интернетовские **неофитки**, сотрудницы сначала исследовали порносайты. НГ 55/2002, оч., ар.; престарелая **полиглотка** мадам Данзас. НГ 18/2002, рец., ар.; Чемпионка мира по сумо, рядовой МЧС, в прошлой жизни была **самурайкой**. МК 2001, заголовок; Откинув голову на спинку красного сиденья, сидит молодая **шахидка**. Кпр 2002, оч., ар.; миноритарные **акционерши** – очень скоро займут достойное место. НГ 23/2002, ст., ар.; Женщина за сорок, видимо, **режиссерская ассистентша**, одета по-домашнему. НГ 93/2001, рец., ар.; Горластый табун американских студентов несся по вестибюлю следом за **гидшей**. **Гидша** проскочила на эскалатор. НГ 92/2002, оч., ар.; Еду в аэропорт. **Диспетчерше** сумбурно и невнятно объясняю. НГ 25/2001, оч., ар.; молодая **дизайнерша**. Эхо 2000, обзор моды; Поговорить о чеченской войне именно со мной, **корреспондентшей** из Москвы. НГ 19/2001, оч., ар.; День второй стартовал выступлением фольклорных **рэперш**. НГ 59/2002, оч., ар.; Одна из **оппонентш** чрезвычайно лояльно настроенная к соискателю. НГ 6-д/2000, ст., ар.; Оперативники решили ловить **рэкетиршу**. НГ 12/2002, зам., ар.; **Киллерша-биатлонистка**. НГ 29/2000, рец., ар.; ты что – **грушница**? Допрашиваешь, как **грушница**. НГ 80/2002, оч., рп.; **застекольщица** Марго родила мальчика. Эхо 2003, вед., обзор газет; В последнее время число «**попыточников»-мужчин** и «**попыточниц»-женщин** сравнялось. (речь идет о людях, пытающихся покончить с собой. – Г.Н.). НГ 69/2000, оч., ар.; **пограничницы** появились в Шереметьево. НТВ. Новости, 1997, реп., журн.; была задержана крупная банда «**лохотронщиц**», «авангард» которой составляли жительницы Москвы, Подмосковья. газета «Центр plus» 4/ 1999, оч., ар.; **Пикетчицы** плакали, ругались, некоторые сидели прямо на асфальте. НГ 23/1999, зам., ар.; солидная часть публики считает вас **попсушницей**. НГ 20-д/2000, инт., ар. и пр.

Иногда различные феминные суффиксы пересекаются у одних и тех же производящих основ. Ср.: *депутатка* – *депутатша*: *что-то шепчет на ушко* ***депутатке-телеведущей*** *Буратаевой*. НГ 3/2000, зам., ар.; ***депутатки*** (Думы. – *Г.Н.*) *не соглашаются*. Эхо 2003, обзор газет, вед.; *Это* ***депутат*** *(или* ***депутатша****?) Госдумы.* НГ 39/1998., оч., ар.; *оскароноска* – *оскароносица*: *«****оскароноска****» Сисси Спейсек*. НГ 12/2002, ст., ар.; ***оскароноска*** *лишилась своего Оскара* (о краже у актрисы статуетки Оскара. – *Г.Н.*). Эхо 2002, вед., хроника; ***Оскароносица-99*** *как раз и сыграла там роль последней графини Вессекской*. НГ 23/1999, оч., ар.; *бизнесменка – бизнесменша*: ***бизнесменка***. Эхо 2003, вед.; *Воркотню* ***бизнесменш*** *от кутюр*. НГ 19/2001, оч., ар.; *предпринимательша* – *предпринимательница*: ***предпринимательша*** *подъехала к дому*. ТВ-6, 2000, информ., журн.; *В модельном агентстве местной* ***предпринимательницы***. НГ 38-д/1999, оч, ар.; *боксерка* – *боксерша*: *девушка-****боксерша***. Эхо 2000, информ., журн.; *симпатии зрителей, дружно подбадривавших «****боксерку****» (вполне законный неологизм с 9 октября)*. МК 1999, ст. о женском боксе, ар.; *маг* – *магша*: *приходит* ***маг,*** *вернее* ***магиня***. Эхо 1997, инт., рп.; ***магша***. МК 2000, зам., ар. Заметим, что суф. *-ша,* проникший в литературный узус несомненно под влиянием разговорного языка, все более укрепляет свои позиции, начиная успешно конкурировать с самым продуктивным феминным суффиксом *-к(а)*. Ранее он редко выходил за пределы повседневного узуса.

Новейшие Правила чешского правописания (ПРАГА 1993) фиксируют в качестве дублетов феминативы dramaturg – dramaturžka, dramaturgyně; chirurg – chiruržka, chirurgyně; učeň – učnice, učeňka; zemědělec – zemědělka, zemědělkyně, т.е. здесь существует ситуация, благоприятная для возникновения конкуренции.

Хронологические рамки протекания конкуренции во многом зависят от внутриязыковых и экстралингвистических факторов. Очаги конкуренции зарождаются в синхронии, т.е. это конкретное проявление синхронной динамики, однако об окончательных последствиях процесса можно обоснованно судить уже с привлечением данных диахронии. Возрастание скорости современного языкового развития ускоряет и делает более наглядной направленность размежевания. В условиях повышенной частотности употребления номинаций этот процесс, как правило, протекает гораздо быстрее, соответственно и его результаты становятся более очевидными.

В современном русском языке новейшего периода практически одновременно появились обозначения *пиаровец* и *пиарщик* (и даже *пиаровщик*) ‘человек, который занимается пиаром’; *перестроечник* и *перестройщик* ‘участник / сторонник перестройки’*; информационник* и *информационщик* ‘сотрудник информационной службы на радио и телевидении’*; новостник, новостист* и *новостийщик* ‘журналист новостной службы на радио и телевидении’*; рекламник, рекламщик, рекламист* (ср.: *Никогда не пробовали себя в качестве* ***рекламиста***? НГ 26/2001, инт., журн.) ‘специалист по рекламе’; *компьютерник* и *компьютерщик* ‘специалист по компьютерам’ и пр. Ср. также парламентарий и парламентщик (*Стало быть, мы хотим, чтобы* ***парламентшики*** *нас развлекали*. Эхо 2003, ирон.).

Приведем примеры из чешского: *lokomotivář – lokomotivák; dopravář – dopravák* и мн.др., которые изначально функционировали в разных идиомах этнического языка (литературном и разговорном), однако по мере потускнения стилистической маркированности (а это, несомненно, происходит) или же при пересмотре речевого стандарта литературного языка сферы их употребления, напротив, начинают пересекаться. Ставшие избыточными дублеты либо вообще выходят из употребления, либо смещаются на периферию системы, откуда по мере надобности могут быть востребованы.

В целом, как показывают наблюдения, использование средств суффиксальной деривации в чешском языке является весьма продуктивным[1]. Не случайно для некоторых чешских дериватов в русском языке имеются лишь описательные соответствия: *kočárkárna – место для хранения детских колясок*; *panelárna – завод по производству панелей*; *hliníkárna – завод по производству алюминия* и т.д. Возможно, в том числе и поэтому текст русского перевода зачастую длиннее его чешского оригинала.

Впрочем, делать из этого какие-либо далекоидущие типологические обобщения было бы рискованным, поскольку за последнее десятилетие использование возможностей деривации во всех славянских языках, в том числе и русском, значитель-

---

[1] Сказанное, разумеется, не означает отсутствия деривационных лакун в чешском номинационном инвентаре; ср., например, текст увиденного нами в 1998 г. в пражском метро объявления о найме на работу: *instalatéři, elektrikáři,* ***kanalizace****, zámečníci, sklenáři,* ***odtahy, výtahy***. Приведем и другой пример объявлений: *přijímáme: potrubáře, kotláře,* ***lešenáře.*** 1978 Rpr; *Armabeton přijme cenaře, rozborářku,* ***mistry lešení***. 1982. Rpr., где в первом случае употреблен дериват *lešenář*, а во втором – описательная конструкция *mistr lešení*.

но активизировалось. Причиной этого является как влияние разговорного языка, так и действие тенденции языковой экономии. Сказанное можно наблюдать практически во всех словообразовательных категориях.

Особенно красноречивым в этом отношении является язык публичной коммуникации. Потребность в компактных номинациях, а также возрастающая открытость текстов по отношению к языку разговорному способствует большей регулярности в воспроизведении традиционных деривационных схем и соответственно благоприятствует появлению отступлений от привычной литературной нормы. Ср. в этой связи возрастание продуктивности суффиксов *-щик / -чик (интернетчик, лимитчик, самиздатчик; аварийщик, алиментщик, альтернативщик, видеосалонщик, застойщик, компьютерщик, лазерщик, переговорщик, уотергейтщик* и множество других. Участвует в создании новообразований и суф. *-ник*; ср.: *перестроечник, отказник, рыночник, чернорыночник, фидошник* (компьютерный сленг) и под. Иногда названные суффиксы вступают в конкурентную борьбу, шансы на победу в которой, очевидно, выше у суффикса *-щик* (разумеется, там, где этому не препятствуют комбинаторные параметры морфем).

Изучение имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет прийти к следующему, чрезвычайно важному, на наш взгляд, выводу.

Типологическая близость славянских языков предопределяет развитие в них конвергентных тенденций. Это факт бесспорный. Вместе с тем неравномерность темпа протекания некоторых процессов «разводит» во времени результаты этих процессов, вследствие чего мы имеем возможность наблюдать в одном и том же синхронном, но разном языковом пространстве различные фазы языковой динамики, т.е. речь идет о проявлении диахронии в синхронии. По этому поводу мы уже неоднократно писали ранее.

В связи с тем, что на современном этапе языкового развития некоторые процессы происходят явно ускоренно, мы становимся свидетелями нивелировки ряда отличий, выравнивания языковой специфики. В числе причин, обусловливающих это явление, мы могли бы назвать:

а) совпадение универсальных экстралингвистических факторов, предъявляющих языку вполне конкретный информационно-коммуникативный «заказ»;

б) усиление значимости публичной коммуникации, ее воздействия не только на внутриэтническую, но и межэтническую интеграцию, а также на вербальный узус;

в) возрастание значимости тенденции языковой экономии;

г) ослабление кодификационных запретов и средств речевого контроля в ареале регулируемого речевого поведения. В силу последнего ограничители, корректировавшие и лимитировавшие развитие некоторых тенденций в литературном языке, утратили свое воздействие, открывая простор живой разговорной стихии, выравнивающей некоторые из ранее существовавших различий.

Очевидно, неслучайно, проводя сопоставительный анализ языковых фактов, относящихся к русскому и чешскому языку 80-х годов, мы в свое время (НЕЩИМЕНКО 1990) квалифицировали их как отличия, которые надлежит учитывать в практике перевода. Исследования, последних лет показали, что некоторые из этих отличий постепенно выравниваются, утрачивают свою актуальность. Сказанное касается как феномена универбизации, так и других, не менее значимых явлений,

например, окачествления прилагательных, препозитивной постановки определения, активизации образования наречий, глагольного словообразования и т.п.

Так, еще совсем недавно в отличие от русского языка одной из специфических особенностей чешского языка была препозиционная постановка согласованного определения – в русском языке этому соответствовало постпозиционное несогласованное определение, обычно в виде существительного с предлогом или какой-то иной описательной конструкции. Ср.: *hektarové výnosy – урожайность с гектара; sklizňové ztráty – потери при уборке урожая; bezztrátová přeprava – перевозки без потерь; popřevratový, sametorevoluční* NSČ ‘(события) после переворота; после бархатной революции’; *vícezdrojové financování* ‘финансирование из многих источников’ и пр.

За последнее десятилетие образование компактных относительных прилагательных в русском языке (очевидно, во многом под влиянием разговорной речи) значительно активизировалось; ср.: ***затменные*** *стекла.* НГ 1999, ар.; ***белодомовские*** *чиновники молчали*. МК 1999, оч., ар.; ***маячная*** *информация.* Маяк 1999; ***фанерные*** *концерты.* НГ 39-д/1999, оч., рп. (‘концерты, идущие под «фанеру», т.е. фонограмму); ***фонограммные*** *артисты*. НГ 39-д/1999, оч., рп.; *в самые* ***безмедальные*** *годы*. Эхо 2000, оч., ар.; *В момент сидения там Гусинского* ***бутырочная*** *действительность уже почему-то не вызывает у творческой интеллигенции приступов письмописания.* НГ 6/2001, зам., ар.

Стремление к большой компактности выразительных средств стимулирует и активизацию образования наречий, многие из которых, по крайней мере, в русском языке, ранее вряд ли бы могли появиться, тем более в языке СМИ. Это наблюдается в чешском, русском, польском языках; ср.: чеш. *prezident byl* ***ústavně*** *odvolen*. Netopýr-TV 1999, рп.; *Přibývá* ***programově*** *řízených obráběcích strojů*. Rpr 1981; ***sošně*** *se vzdálil*. Kmen 20/1988-A; *aby se* ***průvodcovsky*** *osvědčila*. RV 2001, рп.; ***perestrojkově*** *naivní film.* NSČ и пр.; ср. русск.: *осматривать* ***помешочно*** *и* ***поящично***. НГ 13/ 1999, ар.; *Куда более обаятельного и тем паче* ***фактурно*** *близкого миллионам.* НГ 25/2001, ар.; *Это был бы жест,* ***электорально*** *вредный.* НГ 47/1999, рп.; *Я отвечу на этот вопрос* ***притчево***. РТР 2000, рп.; *Это был старик,* ***поведенчески*** *странный.* НГ 75/2000, ар.; *По решению Президиума прямая трансляция отменяется,* ***президиумно*** *нам перекрыли клапан информации.* Ог 28/1989; *Импровизировать* ***поступочно***. ТВ-Кинопанорама, 2000, ар.; ***Приборно*** *доказать*. ТВ, 1989, ар.; *Телевизор прямо* ***евростандартно*** *украсил ваш крепкий очаг*. НГ 5/2001, ар.; *Население* ***рыночно*** *притянулось в Москву.* Эхо 2001, ар. Количество подобных образований в русском и чешском языках стремительно нарастает.

Примечательны и проявления языковой экономии у глаголов. В чешском языке данная тенденция подтверждается не только множеством языковых фактов, но и имеет давнюю традицию, поэтому мы ограничимся несколькими иллюстративными примерами, для которых в русском языке компактные обозначения отсутствуют; ср.: *zprovoznit* ‘сделать проезжим, напр. улицу’; *zprůchodnit* ‘сделать проходным, устроить проход’; *zchutnit* ‘сделать вкусным, улучшить вкус’; *zviditelnit* ‘сделать видимым’; *odzrnit* (*papriku*) ‘вынуть зернышки (из перца)’ и пр.; ср. также новообразования типа *tunelovat* (peníze z banky) ‘делать тоннель (образно говоря) в банке, т.е. выкрасть деньги из банка’ (и производное *tunelář*); *internetovat* ‘работать в Интернете’ NSČ;

netit ‘работать в Сети’ и пр. Ср. в контексте: *Předčasné volby měly především* ***zpřehlednit*** *rozložení politických sil*. газета Metro. 1998.

В русском языке данная тенденция активизировалась в новейшее время; ср.: ***банкротить*** *банки*. Эхо 1999 (‘проводить, осуществлять банкротство, подвергать банкротству’); ***челночить*** *в Китае*. Маяк 1995 (‘сновать с товарами, как челнок, туда и сюда’); *власти* ***секретят*** *эти материалы.* НГ 12/1999 (‘засекречивать, делать секретным’); *Ты все* ***абсурдируешь.*** НГ 25/2001 (‘доводить до абсурда’); *в армии изобретально* ***садировали***. НГ 44-д/1999 (‘заниматься садизмом’); *заводы* ***пиратируют*** *своих же заказчиков.* НГ 16-д/2000; *договорились друг друга не* ***пиратить.*** НГ 6-д/2000 (‘заниматься пиратством, в бизнесе’); *Задача «****очестнить****», если так можно выразиться, все процессы в обществе*. Ог 10/1989 (‘сделать честным’); *Мы тебя* ***отрейтингуем.*** Эхо 2002 (‘провести рейтинг’); *Как можно быстрее* ***отелевизионить*** *Москву* (после пожара в Останкино в 2000 г. – *Г.Н.*). МК 2000 (‘охватить системой телевидения’); *Мы слишком* ***занаукообразили*** *проблему*. ТВ 1999 (‘сделать наукообразным’); *Два года назад уже «****жюрил****».* НГ 12/2000 (‘работать в жюри’); *Устроили заседание в Думе. По поводу – можно ее* ***эфирить*** *или нет*. НГ 92/2001 (‘выпускать в эфир’); *ваша команда* ***мониторит****, как это сейчас модно говорить.* Эхо 2000 (‘заниматься мониторингом’); *в возрасте от 70 до 80 в Швеции большинство* ***велосипедит*** *по городу с утра до вечера.* Кпр 26.10.1999 (‘ездить на велосипеде’); *Еще когда* ***главбухшила*** *в конторе.* НГ 10/2001 (‘работать главбухом’) и мн.др. Состав этой лексики постоянно пополняется за счет притока новообразований из СМИ, а также разговорного языка. Ср. новейшие примеры: *и себя* ***заумнил***. ТВ-Культура 2003, вед. (‘представлять себя более умным’); *Зачем оппозиция* ***кошмарит*** *режим*? ТВС 2003, дискуссия, рп. (‘изображать в кошмарном виде’).

Таким образом, исследование словообразования современных славянских языков позволяет прийти к выводу о ***расширении*** зоны их ***конвергентного*** развития. Данная закономерность проявляется практически на всех уровнях словообразовательной системы, т.е. в слоообразовательных категориях, деривационных типах, наборе формантов, в составе производящих основ и пр.

Литература:

НЕЩИМЕНКО 1980: Нещименко Г.П. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII- середина XX). – Praha. – 328 с.

НЕЩИМЕНКО 1983: Нещименко Г.П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. – Москва. – С. 30-52.

НЕЩИМЕНКО 1986: Нещименко Г.П. Словообразовательная вариантность в контексте проблемы «центр – периферия» деривационной системы // Typy opisów gramatycznych języka // Materiały polsko-czeskiej sesji naukowej. Jabłonna 16–17 XI. 1983. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź. – С. 121 – 140.

НЕЩИМЕНКО 1994: Нещименко Г.П., Гайдукова Ю.Ю. К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. – Москва. – С. 93-126.

НЕЩИМЕНКО 1999: Нещименко Г.П. Этнический язык: Опыт функциональной дифференциации, на материале сопоставительного изучения славянских языков. // Specimina Philologiae Slavicae. Band 121. – München.

НЕЩИМЕНКО 1999: Нещименко Г.П. Словообразовательная конкуренция как фактор динамики литературной нормы // Проблемы славянской диахронической социолингвистики. Динамика литературно-языковой нормы. – Москва. – С. 240-269.

НЕЩИМЕНКО 2001: Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. – № 1. – С. 98-132.

NĚŠČIMENKOVÁ 1990: Něščimenková G. O některých jevech jazykové specifičnosti češtiny a ruštiny v překladatelské praxi // Čeština jako cizí jazyk. III. Materiály z III. Mezinárodního sympozia Český jazyk a literatura v zahraničí. – Praha. – C. 261-273.

NĚŠČIMENKO 2000: Něščimenko G.P. Словообразование разговорного языка в свете тенденций языковой экономии (на материале русского и чешского языков) // Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem - interdisziplinär als Forschungsgegenstand. – Innsbruck. – C. 253-270.

Используемые сокращения:

А – Лексикографический архив Института чешского языка Чешской академии наук; ар. – авторская речь; вед. – ведущий; журн. – журналист; зам. – заметка; инт. – интервью; ирон. – ирония; информ. – информация; КПр – газета «Комсомольская правда»; Маяк – радиостанция «Маяк»; МК – газета «Московский комсомолец»; НГ – «Новая газета»; НТВ – телевизионная станция; оч. – очерк; Ог – журнал «Огонек»; РВ – радиостанция; реп. – репортаж; рец. – рецензия; рп. – речь персонажа; РТР – телевизионная станция; ст. – статья; ТВС – телевизионная станция; ТВ-6 – телевизионная станция; Эхо – радиостания «Эхо Москвы»; NSČ – *Kolektiv autorů Ústavu pro jazyk český pod vedením O. Martincové.* Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. Academia. Praha, 1998; Rpr – Rudé právo; RV – радиостанция.

СВЕТЛАНА МЕНГЕЛЬ

ПРОЦЕССЫ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА УРОВНЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКОВОМ КОНТИНУУМЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI–XVII ВЕКОВ

Термином *языковой континуум* обозначается обычно совокупность генетически родственных языковых формаций, которые используются в качестве родного языка *(Muttersprache)* носителями, заселяющими связное географическое пространство (WILLEMYNS 1989; MARTI 2000).

Письменная фиксация континуума *(Verschriftlichung)* – в силу стремления к единообразию – ведет к его распадению и возникновению письменных языков. В славянском языковом континууме примером тому может служить появление первого письменного языка славян – церковнославянского, созданного на основе болгарско-македонских диалектов и предназначенного для миссионерских целей в западнославянской Великой Моравии.

Лишенный по причине религиозных катаклизмов почвы “естественного” развития у западных славян *(slavia romana)* и последовательно развивающийся у южных *(slavia orthodoxa)* церковнославянский более чем сто лет спустя проецируется – опять же в силу религиозных причин – на восточнославянский ареал, где используется для его письменной фиксации. Сложившаяся к этому времени у славян языковая ситуация принципиально отличается от ситуации в период возникновения письменного языка. Представленное в XI веке относительное единство славянского языкового континуума нарушено, тесные языковые связи объединяют восточных славян. Возникший и сложившийся в течении столетия у южных славян церковнославянский манифестируется в книжно-письменный язык культуры. Претендуя на письменную фиксацию восточнославянского ареала, он не идентичен (хотя родственен) с ним генетически и как сложившийся язык культа и культуры функционально не способен обслуживать все сферы письменности. Этот факт определяет особенность становления и развития письменного языка у восточных славян (MENGEL 1998a; 1998b).

В результате сложившейся в XI веке культурно-языковой ситуации и ее последующего развития (УСПЕНСКИЙ 1987) восточнославянская письменность XI–XVII вв. представляет собой некую совокупность языковых формаций, которую мы считаем возможным и целесообразным по аналогии определить как языковой континуум.

Итак, письменный язык восточных славян XI–XVII вв. не был гомогенным и существовал как минимум в двух функционально-генетических формах: книжно-письменный язык культуры – церковнославянский, заимствованный в результате принятия христианства и южнославянский по происхождению, и язык деловой письменности, опирающийся на восточнославянские диалекты. Данный континуум, сложившийся в “общевосточнославянском” письменном языке Киевской Руси XI–XIV вв., последовательно характеризует языковую ситуацию Московской Руси XV–XVII

вв., но снимается для Литовской Руси этого времени, где старобелорусский и староукраинский сосуществуют в рамках самостоятельного письменного языка.

Сложность и неоднозначность континуума не только в генетическом и функциональном плане, но и с точки зрения процессов внутриязыкового развития и межъязыкового взаимодействия проявляется на всех уровнях системы письменного языка восточных славян: фонетическом (напр., **гражданинъ**: **горожанинъ** с церковнославянской метатезой и восточнославянским полногласием, а также южно- и восточнославянскими рефлексами на месте **dj*, характерными, однако, для обеих функциональных форм письменного языка), морфологическом (напр., наличие простых претеритов в книжно-письменном языке и их отсутствие в языке деловой письменности), лексическом (напр., восточнославянское личное местоимение А и его церковнославянское соответствие **азъ**, регулярно встречающееся, однако, также в зачине грамот), синтаксическом (напр., бессубъектные причастные конструкции — ср. *dativus absolutus* — в церковнославянском книжно-письменном языке, не характерные для языка восточнославянской деловой письменности).

В предлагаемом исследовании делается попытка проследить процессы развития и взаимодействия в языковом континууме восточнославянской письменности XI–XVII вв. на уровне словообразования. В рамках статьи ограничимся их демонстрацией в пределах словообразовательной категории имен лица[1].

Проведенный анализ выявил богатый инвентарь словообразовательных средств для образования существительных со значением лица в письменном языке восточных славян XI–XVII вв. Словообразовательная категория представлена 67-ю словообразовательными типами, в формальную структуру которых входят 36 суффиксов в соединении с производящими основами трех частей речи: глагола (основы инфинитива, презенса, действительных и страдательных причастий), существительного и прилагательного. Более половины всех суффиксов способны присоединяться к производящим основам различной частиречной принадлежности, при этом четверть из них (**-ьникъ**, **-ьць**, **-икъ**, **-анинъ**, **-ьчии/ъчии**, **-ьщикъ/ьчикъ**, **-акъ**, **-ичь**, **-ъкъ**) входит в состав трех и более различных словообразовательных типов. В результате соединения суффиксов с контретными производящими основами различных частей речи актуализируется более 20-ти сходных и различных частных словообразовательных значений, которые можно систематизировать в виде индекса на основе 10-ти общих сем. Таким образом, внутри словообразовательной категории имен лица в восточнославянской письменности XI–XVII вв. наблюдаются многочисленные формальные и семантические корреляции (MENGEL 2002). В *таблице 1* данное положение вещей демонстрируется на примере 9-ти наиболее продуктивных суффиксов (ср. MENGEL 2002, 339–340; MENGEL 1997, 108–111).

Детальное диахронное рассмотрение показало, что инвентарь словообразовательных средств словообразовательной категории имен лица является, в целом, общим для всех языковых формаций континуума. Различия заключаются в распре-

[1] Материал исследования извлечен из картотек Словаря древнерусского языка XI–XIV веков (КСДЯ), Словаря русского языка XI–XVII веков (КСРЯ), хранящихся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН в Москве, соответствующих, имеющихся на сегодняшний день словарей и некоторых других источников (ср. MENGEL 1997).

делении словообразовательных средств и в ходе словообразовательных процессов. Последние, в общих чертах, можно охарактеризовать как специализацию – наиболее свойственную книжно-письменному языку, и взаимодействие – присущее, в основном, языку деловой письменности. Общая картина, отражающая эти процессы в течение XI–XVII вв., представлена на примере 9-ти наиболее продуктивных суффиксов в *таблицах 2–3* (ср. *таблицу 1).*

Специализация проявляется как на уровне формальных словообразовательных структур – в закреплении определенных суффиксов за основами определенных частей речи, так и на уровне словообразовательной семантики – в закреплении определенных частных словообразовательных значений за определенными словообразовательными структурами (словообразовательными типами). В книжно-письменном языке XI–XVII вв. *(таблица 2*) данный процесс наглядно может быть представлен при сравнении двух основных периодов его развития[1]. В XV–XVII вв. наблюдается резкое снижение активности суффиксов на присоединение к основам различной частиречной принадлежности (ср. горизонтальные строки *таблицы 2).* Большинство из них закрепляется за производящей основой только одной части речи, ср.: суффикс **-икъ**, представленный в XI–XIV вв. в словообразовательных типах с производящими основами инфинитива, страдательного причастия, существительного и прилагательного, и выступающий в новообразованиях XV–XVII вв. только с основой страдательного причастия (ср. также **-ичь, -инъ**). Суффиксы, сохранившие в XV–XVII вв. свою активность в словообразовательных структурах с производящими основами различных частей речи (ср. **-ьникъ, -ьць**), актуализируют меньшее количество частных словообразовательных значений, чем в XI–XIV вв. Закрепление частных словообразовательных значений за определенными структурами наглядно отражено в вертикальных столбцах *таблицы 2.* Например, значение принадлежности актуализируется в XV–XVII вв. только суффиксом **-ьникъ** в сочетании с основой существительного по сравнению с периодом XI–XIV вв., где оно представлено в структурах с суффиксами **-инъ** + основы существительного и прилагательного, **-анинъ** + основа существительного, **-ьць** + основы инфинитива, существительного и прилагательного. В идеальном случае процесс специализации завершается закреплением суффикса за производящей основой только одной части речи и актуализацией в данной словообразовательной структуре только одного частного словообразовательного значения, ср.: ′основа страдательного причастия + **икъ** = значение пациенса′, ′основа существительного + **-ичь** = значение родства′, ′основа существительного + **-анинъ** = значение лица по месту жительства′.

В языке деловой письменности XI–XVII вв. наблюдается принципиально иная картина *(таблица 3).* Подавляющее большинство суффиксов в XV–XVII вв. не только не закрепляется за основами определенных частей речи, но по сравнению с предыдущим периодом развития языка, т.е. XI–XIV вв., расширяет свой круг

[1] При выделении периодов XI–XIV и XV–XVII вв. в развитии письменного языка у восточных славян мы следуем периодизации, предложенной Р.И. Аванесовым (АВАНЕСОВ 1973) и опирающейся на развитие восточнославянской государственности. Как показали исследования последних лет (ср. REHDER 1995), этот факт может быть решающим при возникновении литературных языков (*Standardsprachen*) и играет, как нам представляется, важную роль в формировании языков письменных.

производящих основ различной частиречной принадлежности (ср. горизонтальные строки *таблицы 3,* напр., суффиксы **-икъ, -инъ, -акъ**). Восемь представленных в *таблице 3* продуктивных суффиксов присоединяются в XV–XVII вв., как минимум, к производящим основам трех различных частей речи (о суффиксе **-тель** см. ниже). Появившийся в языке деловой письменности в XIII веке в соединении с основой существительного суффикс **-ьщикъ/ьчикъ** распространяет в относительно короткий срок свою активность на основы инфинитива, причастий и прилагательного, практически дублируя суффикс **-ьникъ** (Воронцова 1971) не только на уровне формальных словообразовательных структур, но и в области словообразовательной семантики: присоединяясь к производящим основам той же частиречной принадлежности, он актуализирует идентичные частные словообразовательные значения (ср. *таблицу 3*). В целом, наряду с расширением круга производящих основ в XV–XVII вв. наблюдается увеличение числа частных словообразовательных значений, которые каждый из представленных продуктивных суффиксов может актуализировать в сочетании с производящими основами различных частей речи. Такой ход развития приводит к тому, что одно и то же частное словообразовательное значение может быть актуализировано различными в формальном плане словообразовательными структурами, ср.: значение лица по профессии в языке деловой письменности XV–XVII вв. актуализируют все девять продуктивных суффиксов в сочетании с производящими основами 2–4 частей речи (ср. также значение пациенса и др., см. вертикальные столбцы *таблицы 3*). Таким образом, в словообразовательной системе языка деловой письменности восточных славян XI–XVII вв. (в противоположность процессу специализации в книжно-письменном языке) представлен процесс широкого взаимодействия как на уровне формальных словообразовательных структур, так и в области словообразовательной семантики.

Рассмотрим протекание обоих процессов в языковом континууме восточнославянской письменности XI–XVII вв. на конкретном материале, освятив подробнее положение в языке деловой письменности по сравнению с книжно-письменным языком.

В книжно-письменном языке восточных славян XV–XVII вв. суффиксы **-ичь, -инъ, -анинъ** достигают в XV–XVII вв. “идеальной специализации”: каждый из них присоединяется к производящей основе только одной части речи – существительного – и актуализирует в этой структуре единственное частное словообразовательное значение, соответственно, – родства, единичности, лица по месту жительства (ср. *таблицу 2).* Суффикс **-анинъ,** присоединявшийся уже в XI–XIV вв. только к основе существительного, специализируется в последующий период развития в области словообразовательной семантики. В образованиях на **-анинъ** XI–XIV вв. актуализированы частные словообразовательные значения “лицо по профессии”, ср.: **тържанинъ** ′торговец′ – Ефр. Сир. XIV в. (С), **морѧнинъ** ′моряк′ – ГБ XIV (КСДЯ), “лицо по месту жительства”, ср.: **поселянинъ** ′сельский житель′ – Гр. Наз. XI в. (С), **назарѧнинъ** – ГБ XI (КСДЯ), **халдеянинъ** – Сивл. (КСДЯ), и “лицо по принадлежности”[1], причем последнее превалирует и представлено в памятниках

[1] Данное частное словообразовательное значение развивается, очевидно, при переводе греческого πολιτις (церковно)славянским ãðàæäàíèíú, включившим и семантику политического термина (УЛУХАНОВ 1968).

как сакрального, так и мирского содержания, ср.: **крьстиянинъ, хрьстьянинъ, люжанинъ** – КЕ XII (КСДЯ), **мирѧнинъ** – КР 1284 (КСДЯ), **пирѧнинъ** – Гр. Наз. XI в. (С), **притворянинъ** (Стгл. 1551 – КСДЯ) (MENGEL 1993; 1997). Все три частных словообразовательных значения актуализируются в XI–XIV вв. также целым рядом других словообразовательных структур (ср. вертикальные столбцы *таблицы 2*), в частности, с суффиксом **-ьникъ**, ср.: **причетьникъ, тьржьникъ** – значения лица по принадлежности и по профессии, **оукраиникъ** ′житель пограничной области′ – значение лица по месту жительства (ср.: **...и не взѧша ничто же избѣгли... и зане вѣсть бѧхомь подали имъ Лѧхове оукраинѧне...** – ЛИ ок. 1425, л. 287об.; **и... яко t послѣдних каподочани**н **бы**с **и оукраини**к – ГБ XIV, л. 183об. [КСДЯ]). В XV–XVII вв. за суффиксом **-анинъ** в сочетании с основой существительного закрепляется только значение лица по месту жительства. Значение принадлежности “монополизируется” словообразовательной структурой ′основа существительного + **ьникъ**′. Данный словообразовательный тип с суффиксом **-ьникъ**, который (суффикс) сохраняет свою активность на соединение с производящими основами трех различных частей речи на протяжении XI–XVII вв., “вытесняет” шесть других, в частности, с суффиксом **-инъ**, специализирующемся в XV–XVII вв. в сочетании с основой существительного на актуализацию значения единичности.

В языке восточнославянской деловой письменности XI–XVII вв. суффиксы **-ичь, -инъ, -анинъ** соединяются с производящими основами трех различных частей речи (ср. *таблицу 3).* Специализации формальных структур и словообразовательной семантики практически не наблюдается, напротив, число частных словообразовательных значений, которые данные суффиксы актуализируют в сочетании с производящими основами различной частиречной принадлежности, в XV–XVII вв. возрастает. Присоединяясь к основе существительного, суффикс **-анинъ** актуализирует не только частные словообразовательные значения лица по месту жительства – данные образования фиксируются уже в грамотах XI–XIV вв., ср.: **побережанинъ** – Грам. кн. Всевол. д. 1136 г. (С), **сельчанинъ** – Гр. 1389 г. (КСДЯ), позднее появляются наименования жителей: **яранчанинъ** – АМГ III, 152, 1680 г. (КСДЯ), **тверянинъ, смолянинъ** – лица по принадлежности, ср.: **семьянинъ** – ВНП, т. II, 464, **сѹрожанинъ** 'родственник' – Новг. лав. кн. 1583 г. (КСДЯ), ст.-б.-рус. **боусоурменинъ**, ст.-укр. **дворянинъ**, и лица но профессии, ср.: **рыбянинъ** 'рыбак', как это представлено в книжно-письменном языке XI–XIV вв., но еще значения пациенса, ср.: **полонянинъ** – ДАИ V 1668–1669 г., **полончанинъ** – Рус.-бел. д. 1570 г. (КСДЯ), и “лицо, которое просто занимается предметом”, ср.: **волѧнинъ** – Гр. 1386–1418 г. (КСДЯ). Семы “просто” и “лицо по профессии” актуализируются также в сочетании с основами прилагательного, ср.: **бѣглянинъ** – Соф. I л. 6894 г. (С), и инфинитива, ср.: **бѣжанинъ** – Новг. IV л. 6890 г. (С), **ловьчанинъ** 'охотник' – Жал. гр. в. к. Ряз. ол. Ив. д. 1402 г., **кличанинъ** 'загонщик' – Пов. вр. л. 6599 г. (С), **коупчанинъ** 'купец' (Даль 1955, 564). Как на уровне словообразовательных структур, так и в области словообразовательной семантики представлено широкое взаимодействие, которое отражается (как частный случай) в появлении многочисленных словообразовательных синонимов, ср: **и народъ възъярившись на того**

рыбника домъ его разграбиша – Новг. I лет., 406 – **Дано іс казны рыбакꙋ Кирилке Ѳоминꙋ...** – Кн. прих-расх. Иверск. м. № 53, л. 205об, 1668 г. – **Явилъ рыбяни^н^ Григорє^н^ Васи^д^євъ...** – Там. кн. Тихв. м. № 352, л. 5боб, 1648 г. (КСДЯ); **По Зенебѣковꙋ ярлыкꙋ Таидꙋлиново слово ординскимъ ꙋлꙋснымъ кн҃земъ і волостнымъ и огороднымъ и селскимъ дорогамъ і таможникамъ и побережникомъ...** – Ярл. Тайд. 1351 г. – **А попѡвъ... призирати старостамъ Иваньскимъ и коупцамъ и старѡстамъ пѡберескимъ и пѡбережанѡмъ...** – Грам. кн. Всевол. д. 1136 г. (С).

Рассмотрим специализированные в книжно-письменном языке частные словообразовательные значения лица по месту жительства, родства и единичности в плане их актуализации в части языкового континуума, представленного в языке деловой письменности восточных славян (ср. вертикальные столбцы *таблицы 3).* Аналогично книжно-письменному языку в языке деловой письменности значение родства актуализируется суффиксом **-ичь**, но, в отличии от книжно-письменного, не только в сочетании с основой существительного, но и прилагательного, ср.: ст.-рус. **кънѧжичь, робичь, сестричь, шоуричь**, а также патронимические образования: А**рославичь, юрьевичь**; ст.-б.-рус. **паничъ** (**Ижота рече: Пане, мы не ради ни однои смерти, але просилъ тот панич мене** – Повесть о витезях [Из истории 1888, 44, 3, 106]), **царевичъ, королевичъ, дядьковичъ, отамановичъ**. Кроме того, в отадъективных образованиях на **-ичь** актуализируется также значение лица по профессии, ср.: ст.-рус. **псовичь** 'псарь', **рѧдовичь** 'купец', в отсубстантивных – по принадлежностии, ср.: ст.-рус. **съродичь**, ст.-б.-рус. **шляхтичь**, а значение родства в старорусском языке в сочетании с основой существительного могут актуализировать еще суффиксы **-акъ** и **-анъ**, ср.: **шоурякъ** 'брат жены', **братанъ** 'сын брата'. В староукраинском языке XIV–XV веков на базе патронимических отадъективных образований с суффиксом **-ичь** развиваются наименованиия жителей (ГУМЕЦЬКА 1958, 43–44), ср.: **...а при томъ были светки наша вѣрнаѧ рада кн҃зъ михаило васильевичь А кнзь михаило костѧньтиновичь А кн҃зъ ѡлександро заринъ рѧзановичь** – Луцкая грамота № 84 (Розов 1928). Актуализируя значение лица по месту жительства, суффикс **-ичь** становится весьма продуктивным в сочетании с основой существительного в последующий период развития языка, что составляет особенность староукраинского по сравнению со старорусским и старобелорусским (ХОХЛАЧЕВА 1974, 100), где наименования лиц по месту жительства на **-ичь** встречаются значительно реже, ср.: ст.-рус. **мѣстичь** 'местный житель', **тверичь** 'житель Твери'; ст.-б.-рус. **местичъ, селичъ, тверичъ (тферичи), вятичъ, москвичи, псковичи**. Значение лица по месту жительства актуализируется здесь, в основном суффиксом **-анинъ** в сочетании с основой существительного (ср. книжно-письменный язык), ср.: ст.-рус. **селѧнинъ, сельчанинъ, сибирянинъ, тверянинъ,** А**ранчанинъ, юрьевчанинъ**; ст.-б.-рус. **селянинъ, землянинъ, полочанинъ, корсоунянинъ, смольняне, мценяне, кияне.** По мнению некоторых ученых в староукраинском языке суффикс **-анинъ** образует наименование жителей от “не русских” (не восточнославянских) основ (ХОХЛАЧЕВА 1974, 99), ср.: **рымлянинъ, корынфяны, садомляне, парижанинъ (...всѣ выбрали промежи себе заходници философа и рытора именемъ Яна Парижанина**

– Ист. о Флор. соборе [АЗР 1846–1853, 440–441]). Исследования, однако, показывают, что это не совсем так, ср.: **галичаны, тисмѧнчаны** (ГУМЕЦЬКА 1958, 45). В языке деловой письменности всех восточных славян значение лица по месту жительства актуализируется в сочетании с основой существительного также суффиксом **-ьць** (такие образования весьма продуктивны), ср.: ст.-рус. **оукраиньць, сибирьць, яраньць, юрьевьць**, ст.-б.-рус. **новгородцы, володимирцы, вилневцы**, ст.-укр. **владимировци, борысовци, гриневъци, запорозцы**; суффиксом **-никъ** и суффиксом **–акъ**, ср.: ст.-рус. **мѣстьникъ, сельникъ, оукраиньникъ, сибирякъ**, ст.-б.-рус. **полякы (поляцы), словакы**, ст.-укр. **полякъ: ...если Полякъ, чи есть католикъ, а если Роусинъ, чи есть оуніятъ** – Перестрога И. Борецкого (1605–1606 гг.), во Львове (АЗР 1846–1853, 1, 229). Образование **Роусинъ** в последнем примере свидетельствует о том, что специализированное в книжно-письменном языке значение единичности, закрепленное за суффиксом **-инъ** в сочетании с основой существительного, в языке деловой письменности может сливаться со значением лица по месту жительства или лица по принадлежности (т.е. ′житель Руси′ или ′принадлежащий Руси, русский′, ср.: ′один [каждый] из русских или жителей Руси′). Актуализирующий значение единичности уже в первом письменном языке славян суффикс **-инъ** выступал в этой функции и при наименованиях жителей *(pluralia tantum),* ср.: **римлѧне** –> **римлѧнинъ**, способствуя таким образом выделению суффикса **-анинъ** со значением лица по месту жительства. В рамках процесса взаимодействия в языковом континууме восточнославянский деловой письменности он, как представляется, приобретает, с одной стороны, способность самостоятельно актуализировать значение лица по месту жительства, ср.: ст.-укр. **тоурчинъ, литвинъ**, которое, с другой стороны, сливается с двумя выше названными. Если в образованиях ст.-рус., ст.-б.-рус. (**бояре** –>) **бояринъ**, (**вои** –>) **воинъ**, (**шоуриа** ′братья жены′ [С] –>) **шоуринъ** ′(один из) брат(ьев) жены′ значение единичности довольно четко выражено, то в дериватах др.-рус. **поганинъ** (где суффикс **-инъ** сочетается с производящей основой прилагательного), ст.-рус., ст.-б.-рус. (**люди** –>) **людинъ**, (**челѧдь** –>) **челѧдинъ** оно интегрировано вместе со значением принадлежности, которое кроме выше названных суффиксов **-ичь** и **-анинъ** в языке деловой письменности XV–XVII вв. могут актуализировать также суффиксы **-ьникъ** и **-ьць** в сочетании с производящими основами различных частей речи, ср.: ст.-рус., ст.-укр. **поганьць**, ст.-рус. **съродьць, съродьникъ, челѧдьникъ**. Суффикс **-инъ**, присоединяясь к основам прилагательного и причастия, актуализирует также значение лица по профессии, ср.: ст.-рус. **рѧдовитинъ** ′купец′, **присяженинъ** ′присяжный′, а значение единичности может быть интегрированно в образованиях на **-ьникъ** и **-акъ**, см. выше: **челѧдьникъ** и др., **шоурякъ** ′брат жены′.

Продуктивный в языке деловой письменности XV–XVII вв. и актуализирующий помимо трех рассмотренных пять других частных словообразовательных значений лица в сочетании с производящими основами трех частей речи суффикс **-акъ** – также, как и суффикс **-ьщикъ/ьчикъ** – не представлен в книжно-письменном языке (ср. *таблицы 2* и *3).* Суффикс **-тель**, способный присоединяться только к основе инфинитива, наличествует в обеих письменных формациях континуума и актуализирует в языке деловой письменности XV–XVII вв. те же три значения лица, что и в книжно-

письменном языке. Известно, что суффикс **-тель** – церковнославянского происхождения. Налицо тот факт, что в рамках языкового континуума восточнославянской письменности он заимствуется деловым языком из книжно-письменного (ср. KEIPERT 1977, 15 сл.). Особенно ярко это проявляется в памятниках старобелорусского и староукраинского[1] языка, где образования на **-тель** являются наименованиями Бога, святых и высших церковных чинов (ХОХЛАЧЕВА 1974, 59, 82), ср.: ст.-рус. **...их же отход от сюдоу неведом, их же сам господь зватаи, и поуть, и вождь, и свет, и правитель в царствие небесны** – Посл. Ив. Гр. в Кир-Бел. мон. (Адр.) 183, 1573 г. (КСРЯ); ст.-б.-рус. **Богъ створытель** – Лет. Рачин. (ПСРЛ 1907, 17, 255), **Господа Бога Спасителя нашего Іисоуса Христа** – Западнорусские грамоты 1488–1489 гг., № 2 (Археогр. сб. 1836, 2), **...церковъ Слоуцкоую на новомъ мѣстѣ заложения светого Иоанна Крестителя...** – Грамота 1581 г. № 151 (АЮЗР 1863/1865, 2); ст.-укр. **Всѣхъ Створитель, и моцъ творителная всего створенья** – Ист. о Флор. соборе 1598 (РИБ 1903, 19, 452), **А Христосъ Збавитель нашъ не объявился моудрымъ фарисеемъ и книжникомъ** – Перестрога И. Борецкого (1605–1606 гг.), во Львове (АЗР 1846–1853, 1, 231), **Павелъ – дроугіи Ааронъ всего свѣта свѣтитель, Павелъ – дроугіи Іоаннъ креститель** – Палинодия Захария Копыстенского 1621 г. (РИБ 1878, 4, 453). Данный факт заимствования, как пример, свидетельствует о том, что процесс взаимодействия на уровне словообразования в языковом континууме восточнославянской письменности XI–XVII вв. проявляется не только в рамках делового языка, но включает и межъязыковую направленность как в функциональном (язык культуры –> деловой язык), так и в генетическом (южнославянский –> восточнославянские) плане. Направленность эта остается, однако односторонней: книжно-письменный язык не заимствует из языка деловой письменности (ср. суффиксы **-акъ, -ьщикъ/ьчикъ**).

Таким образом, процессы, выявленные на уровне словообразования и представленные здесь на примере словообразовательной категории имен лица, а также их направленность вписываются в общую картину развития языкового континуума восточнославянской письменности XI–XVII вв., наблюдаемую и на других уровнях языковой системы. Книжно-письменный язык, сложившийся как язык культа и культуры до перенесения в восточнославянскую часть славянского языкового континуума с целью ее письменной фиксации остается (в силу различных причин), в основном, закрытым относительно влияния местных языковых формаций, специализируя в течении своего развития на территории восточнославянского ареала в XI–XVII вв. языковые средства. Язык деловой письменности, опирающийся на живые языковые формации восточных славян, идет по пути формирования письменных восточнославянских языков и открыт функциональным и генетическим воздействиям и взаимодействиям в рамках континуума.

Литература:

АВАНЕСОВ 1973: Аванесов Р.И. К вопросам периодизации истории русского языка // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август, 1973 г. Доклады советской делегации. – Москва.

[1] Для староукраинского следует отметить, что много индивидуальных образований на -òåëü встречается в полемических трудах И. Вишенского (ВИШЕНСКИЙ 1955).

ВИШЕНСКИЙ 1955: Вишенский И. Сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И.П. Еремина. – Москва-Ленинград.

ВОРОНЦОВА 1971: Воронцова В.А. Об одном случае конкуренции словообразовательных моделей // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – Москва.

ГУМЕЦЬКА 1958: Гумецька Л.Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV–XV ст. – Київ.

ДАЛЬ 1956: Даль В.В. Толковый словарь живого велико-русского языка. – Т. 1–4. – Москва.

РОЗОВ 1928: Розов В. Українські грамоти XIV в. і першої половини XV в. – Т. – Київ.

УЛУХАНОВ 1968: Улуханов И.С. История слов *горожанин – гражданин* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI. – Москва.

УСПЕНСКИЙ 1987Успенский: Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв). – München.

ХОХЛАЧЕВА 1974: Хохлачева В.Н., Прокопович Е.Н., Шелихова Н.Т. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. – Москва.

KEIPERT 1977: Keipert H. Die Adjektive auf – telьnъ. Studien zu einem kirchenslavischer Wortbildungstyp. – Teil I. – Wiesbaden.

MARTI 2000: Marti R. Slavische Standardsprachen im Kontakt. Das Neben-, Mit- und Gegeneinander slavischer Standardsprachen // L. Zybatow (Hrsg.). – Sprachwandel in der Slavia. – Bd. 1. – Frankfurt am Main.

MENGEL 1993: Mengel S. Kontinuitдt und Entwicklung der altkirchenslawischen Wortbildungsnorm in der sprachlichen Situation des alten RuЯland (11.–17. Jh.) // Zeitschrift fьr Slawistik 38 (1993) 3.

MENGEL 1997: Mengel S. Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11.–17. Jahrhunderts. – Frankfurt am Main – Berlin – Bern – New York – Paris – Wien (= Berliner slawistische Arbeiten, Bd. 2).

MENGEL 1998a: Mengel S. Besonderheiten der Schrift- und Standardsprache(n) im Ostslavischen (unter spezieller Berьcksichtigung der Normierungstendenzen) // Herbert Jelitte (Hrsg.), Slavistische Studien zum XII, Internationalen SlavistenkongreЯ in Krakau 1998. – Frankfurt am Main – Berlin – Bern – NewYork – Paris – Wien.

MENGEL 1998b: Mengel S. Literatursprache – Standardsprache – Schriftsprache. Zur Klärung der Terminologie (am Beispiel der Geschichte der russischen Sprache) // Mengel S. A. Richter (Hrsg.), Die russische Literatursprache des 18.–20. Jahrhunderts. – Halle.(= SLAVICA VARIA HALENSIA, Bd. 4).

MENGEL 2002: Mengel S. Семантические и формальные корреляции внутри словообразовательной категории и словообразовательной парадигмы // S. Mengel (Hrsg.), Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster – Hamburg – London 2002 (= SLAVICA VARIA HALENSIA. Bd. 7).

REHDER 1995: Rehder P. Standardsprache // Die Welt der Slaven XL 2.

WILLEMYNS 1989: Willemyns R., Bister H. The Language Continuum as a Pluridimensional Concept // U. Ammon (Hrsg.). Status and Function of Languages and Language Varieties. – Berlin–New York.

Список сокращений (источники):

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I–V. С.-Пб. 1846–1853.

Археогр. сб. 1836 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук, т. I. С.–Пб. 1836; АЮЗР 1863 / 1865 – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I–II. С.-Пб. 1863, 1865; Из истории 1888 – А.Н. Веселовский. Из истории романа и повести. Материалы и исследования, вып. II. Славяно-романский отдел. “Сборник ОРЯС”, т. 44, № 3. С.-Пб. 1988.

КСДЯ – Картотека Словаря древнерусского языка XI–XIV веков; КСРЯ – Картотека Словаря русского языка XI–XVII веков; ПСРЛ – Памятники старинной русской литературы. Изд. 1-е. С.-Пб. 1860–1862 / Изд. 2-е. С.-Пб. 1907; РИБ – Русская историческая библиотека, изданная Археографическою комиссиею. С.-Пб. 1878, 1903; С – И.И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание, т. I–III, Москва 1989.

Таблица 1. **Формально-семантическая характеристика продуктивных словообразовательных типов внутри слоовобразовательной категории имен лица в письменном языке восточных славян XI–XVII вв.**

ЧСЗ Суф.	про- фес. (3)	про- сто (1)	боль- ше (4)	при- над. (5)	пац. (2)	мес- тож. (6)	род- ство (9)	пей- орат. (7)	пер- сон. (8)	еди- нич. (10)	втор. суф.	п/ос- нова
икъ		x										глаг.
	x	x			x							прич.
	x	x			x	x						сущ.
	x	x				x						прил.
ьникъ	x	x	x		x					(x)	(x)	глаг.
	x				x							прич.
	x	x	x	x	x	x				x	x	сущ.
	x	x	x	x								прил.
ьщикъ/ ьчикъ	x	x	x		x							глаг.
					x							прич.
	x	x		x								сущ.
	x											прил.
ичь	x						x				(x)	прич.
				x		x	x				x	сущ.
	x	x					x					прил.
инъ	x				x							прич.
				x						X	x	сущ.
	x			x								прил.
акъ					x							глаг.
	x	x				x	x			x		сущ.
		x	x									прил.
анинъ	x	x			x							глаг.
	x	x		x	x	x					x	сущ.
	x	x										прил.
Ьць	x	x	x	x	x			x	(x)			глаг.
	x	x	x	x		x					x	сущ.
	x	x		x		x						прил.
Тель	x	x	x		(x)				x			глаг.

Таблица 2. **Формально-семантическая характеристика продуктивных словообразовательных типов внутри слоовобразовательной категории имен лица в книжно-письменном языке восточных славян XI–XVII вв.**

ЧСЗ Суф.	про- фес. (3)	про- сто (1)	боль- ше (4)	при- над. (5)	пац. (2)	мес- тож. (6)	род- ство (9)	пей- орат. (7)	пер- сон. (8)	еди- нич. (10)	втор. суф.	п/ос- нова
икъ	 + +	+ + +			 +#							глаг. прич. сущ. прил.
ьникъ	+# +# +#	+# +# +#	+ +	 +#	+# +	 +			+		 +#	глаг. сущ. прил.
ьщикъ/ ьчикъ												
ичь							+ +#				 +	прич. сущ.
инъ				+ +						+#	+#	сущ. прил.
акъ												
анинъ	 +			 +		 +#					 +	 сущ.
ьць	+# +#	+# +# +#	+ #	+ + +	+	 +#		+ 	(+)		 +#	глаг. сущ. прил.
Тель	+#	+#	+		+				+#			глаг.

Таблица 3. **Формально-семантическая характеристика продуктивных словообразовательных типов внутри слоовобразовательной категории имен лица в языке деловой письменности восточных славян XI–XVII вв.**

ЧСЗ Суф.	про- фес. (3)	про- сто (1)	боль- ше (4)	при- над. (5)	пац. (2)	мес- тож. (6)	род- ство (9)	пей- орат. (7)	пер- сон. (8)	еди- нич. (10)	втор. суф.	п/ос- нова
икъ	# # 	# # 			# +#	 + 						прич. сущ. прил.
ьникъ	+# # +# +#	+# +# +#	# # 	 # # 	# # + 	 +# 				 # 		глаг. прич. сущ. прил.
ьщикъ/ ьчикъ	# +# # 	# +# 	# 	# # # 								глаг. прич. сущ. прил.
ичь	+ # 	 + 		 # 		 +# 	 +# +#				 +#	прич. сущ. прил.
инъ	# # 			 + + 	# 					 +# 	 +#	прич. сущ. прил.
акъ					#							глаг.

	# 	# # 	 # 			# 	# 			# 		сущ. прил.
Анинъ	+# # #	+ + +		 +#	+ +#	 +#						глаг. сущ. прил.
Ьць	+# +# +#	+# +# +#	#	# # +	#	 +# #					# 	глаг. сущ. прил.
Тель	+#	+#							#			глаг.

Комментарий к таблицам 1–3:

ЧСЗ – частные словообразовательные значения (общие семы):

(1) просто – “лицо, которое просто производит действие / занимается предметом / характеризуется признаком”

(2) пац. – “лицо, которое подвергается действию / воздействию предмета” (значение пациенса)

(3) профес. – “лицо, которое профессионально производит действие/ занимается предметом / характеризуется признаком”

(4) больше – “лицо, которое больше, чем обычно производит действие/ занимается предметом / характеризуется признаком”

(5) принад. – “лицо, которое по принадлежности характеризуется предметом / признаком / действием”

(6) местож. – “лицо, которое характеризуется по месту жительства предметом / признаком”

(7) пейорат. – “лицо, которое характеризуется отрицательно” (пейоративное значение)

(8) персон. – “лицо, которое характеризуется индивидуально” (персонифицирующее значение)

(9) родство – “лицо, которое характеризуется отношениями родства по признаку / предмету”

(10) единич. – “лицо, которое состоит в отношении 'один–много' к группе лиц”

втор. суф. – вторичный, семантически опустошенный суффикс.

Суф. – суффикс;

п/основа – производящая основа:

глаг. – основа инфинитива, настоящего времени, причастия на *–л*

прич. – основа страдательного причастия

сущ. – основа существительного

прил. – основа прилагательного.

х – фиксация в XI–XVII вв.

+ – фиксация в XI–XIV вв.

– фиксация в XV–XVII вв.

KRYSTYNA KLESZCZOWA

FAKTOGRAFIA WE WNIOSKOWANIU O EWOLUCJI SYSTEMU SŁOWOTWÓRCZEGO

Historycy języka często postrzegani są jako dokumentaliści, jako badacze, których nadrzędnym (jedynym?) celem jest gromadzenie i opisywanie faktów z przeszłości języka. Mniemanie to utwierdza praktyka dokumentowania bazy materiałowej[1] – niejednokrotnie prezentacja materiału zajmuje więcej miejsca niż jego interpretacja. Taki wizerunek historyka języka jest szczególnie adekwatny do badaczy poziomu słowotwórczego. Właśnie w tej dziedzinie szczególnie trudno uporać się z ogromem faktów. Sprawia to, że lingwiści uciekają do problemów cząstkowych, że stawiają przed sobą zadania skromne, ale możliwe do realizacji w indywidualnych badaniach. Mają przy tym nadzieję, że ich trud będzie przydatny w przyszłej syntezie.

Analizy słowotwórczohistoryczne można sprowadzić do kilku bloków. Przedstrukturalne językoznawstwo skupiało uwagę na odmiennościach, na ciekawostkach słowotwórczych – eksponowano struktury charakterystyczne dla wieków przeszłych, a nie istniejące współcześnie (typu *bo**życ**, dobr**ota**, **na**dostojny, staw**iszcze*** itd.). Poszukiwano genezy typów słowotwórczych, tak ze względu na ich postać formalną, jak i zawartość semantyczną. Sporo było też prac omawiających słowotwórstwo w wybranym tekście czy w zbiorze tekstów – jednego autora, grupy autorów, wybranych gatunków mowy. Wyszczególnione tu profile badawcze miały charakter **statyczny**, choć tyczyły przeszłości języka. Ale nie brakowało także dynamicznych interpretacji – śledzenia produktywności modelu słowotwórczego przez zestawianie elementów różnych płaszczyzn czasowych. Zazwyczaj próby takie podejmowane były indywidualnie, a to ograniczało obszar badawczy do wybranych struktur słowotwórczych bądź przekrojów czasowych (NAGÓRKO, PUZYNINA 1976).

Jesteśmy w okresie cofania się lingwistyki strukturalnej. Jednak jeśli chodzi o słowotwórstwo historyczne, dotąd nie powiodły się próby zaaplikowania strukturalnej metodologii[1], która ma tę wartość, że każe patrzeć na język w sposób całościowy, a – w moim przekonaniu – diachroniczne studia słowotwórcze ciągle „grzeszą" cząstkowością i fragmentarycznością konstatacji. Jest to szczególnie istotne w wypadku, gdy stawiamy cele ogólne, takie jak ustalanie kierunków ewolucyjnych, zatem przemian większych i stosunkowo trwałych, w głęboki sposób zmieniających wewnętrzne układy. Na boku należy wówczas pozostawić drobne, przejściowe wahania, które nie mają znaczenia dla zasadniczego kierunku rozwojowego (BAJEROWA 1998).

Wydaje się, że właśnie cofający się strukturalizm jest szansą na zaaplikowanie go do diachronii. Nie wierzymy już w ściśle rozumiany system. Możemy zatem wziąć ze strukturalizmu to, co wartościowe, odrzucając dogmatyzm, charakterystyczny zresztą dla każdej metodologii w jej szczytowym momencie rozwojowym.

---

[1] Rzecz istotna nie tylko dla weryfikacji stawianych tez, ale też dla przyszłych syntez, wszak takie zawsze przyświecają cząstkowym analizom. W efekcie faktografia staje się dominującą cechą opracowań historycznych.

[1] W polskiej literaturze funkcjonuje model strukturalnej interpretacji historii, zaproponowany przez I. Bajerową (BAJEROWA 1969) – jej teleologiczna interpretacja historii języka w praktyce ogranicza się do zjawisk fonetycznych i fleksyjnych, czasami tylko dotykając składni. Obszar słowotwórczy jest nietknięty.

Strukturalne myślenie podpowiada drogę teoretycznie oczywistą, ale w praktyce najeżoną znacznymi trudnościami. Można porównywać całe płaszczyzny tzw. synchroniczne (PUZYNINA 1975). Nie trzeba być historykiem języka, aby dostrzec problemy. Już ponad ćwierć wieku temu J. Lyons, pisał: "W lingwistyce, podobnie jak w innych naukach, nie trzeba dawać się zmylić modelom i metaforom używanym do systematyzowania i opisu faktów. Nie należy zwłaszcza sądzić, że przez porównywanie synchronicznych stanów języka oddzielonych od siebie coraz krótszymi odcinakami czasu można się zbliżać coraz bardziej do wiernego opisu heraklitejskiej ciągłości zmian językowych" (LYONS, 237).

Pamiętając o powyższym i oceniając realnie możliwości, nawet w pracach zespołowych, zdecydowałam się na porównywanie dwóch płaszczyzn odległych czasowo, tej z początków polszczyzny pisanej (do końca XV wieku) ze zbudowaną dla współczesnej polszczyzny. Efekty takiej procedury nazywam **ewolucją perspektywiczną**. Budowane są ramy pokazujące, co wspólne, a co różne w systemach słowotwórczych odległych epok. Od początku zakładałam, że ramy te wymagają uzupełnienia, dopełnienia tym, co zdarzyło się między dwoma odległymi epokami. Ale wieloletnie doświadczenie i głębsza refleksja prowadzą do wniosku, że same ramy są konstruktem w wysokim stopniu hipotetycznym. Przede wszystkim dlatego, że fakty, na podstawie których konstruuje się model ewolucji systemu słowotwórczego są hipotetyczne, niejednorodne i niejednoznaczne.

1. Utarło się mniemanie, że słowotwórstwo synchroniczne ukazuje sposób rozumienia leksemu pochodnego, słowotwórstwo zaś historyczne odpowiada na pytanie, jak wyraz powstał naprawdę. Jest to sąd upraszczający zadania, jakie stoją przed słowotwórstwem historycznym. Owszem, zdarza się, że historyk języka usiłuje dotrzeć do źródeł modelu słowotwórczego, że poszukuje genezy formantu, że śledzi losy konkretnego derywatu. Nie znaczy to jednak, że odkrywa się prawdę o derywacie.

Słowotwórstwo historyczne to nauka o odnotowanych w wiekach przeszłych jednostkach leksykalnych, nauka zatem o **interpretacji** budowy słowotwórczej i sposobie rozumienia leksemu bądź klasy leksemów. Interpretacja ta ma charakter bardziej skomplikowany niż w odniesieniu do znanych nam współcześnie jednostek leksykalnych. Brak nam kompetencji użytkowników języka minionych stuleci, mimowolnie posiłkujemy się własną kompetencją[1], a to może dodatkowo wypaczyć obraz analizowanego derywatu.

Kiedy i w jaki sposób powstał konkretny wyraz, leży to w sferze hipotez. Nieodnotowanie leksemu np. przed wiekiem XVI nie dowodzi jego braku. Owszem, zdarza się, że wiedza o świecie umożliwia taką ocenę, np. powstaje nazwa dla nieznanego wcześniej obiektu czy zdarzenia, ale nie jest to jednoznaczne ze wskazaniem słowotwórczej techniki nominacji, bo przecież nowy wyraz mógł powstać w efekcie procesów neosemantycznych (zmiany znaczeń dotykają w równym stopniu wyrazów niepochodnych, jak i derywatów). Większy stopień pewności mamy tylko wówczas, gdy w grę wchodzi wyraz zbudowany na bazie wyrazu zapożyczonego, pożyczki bowiem mają w miarę pewną lokalizację czasową. Ale i takie rozumowanie może być zawodne – da się określić czas większych fal pożyczek, gorzej z pojedynczymi przykładami.

[1] [3] Pisze F. Grucza, że „(...) same wypowiedzi nie są nigdy jedynym źródłem, z którego lingwista czerpie informacje w trakcie swej pracy rekonstrukcyjnej. W każdym takim wypadku korzysta on także z uprzednio zdobytej wiedzy lingwistycznej." (GRUCZA, 317).

2. Najbardziej obiektywne w ocenie **produktywności** modelu słowotwórczego wydaje się wnioskowanie z danych liczbowych. Doświadczenie jednak uczy, że bezkrytyczne zawierzenie liczbom może prowadzić do fałszywych uogólnień (JANOWSKA, PASTUCHOWA). Przede wszystkim trzeba pamiętać, że porównywane są płaszczyzny zbudowane na materiale niejednorodnym pod względem stylistycznym, też dokumentacyjnym – prawie każdy typ wydaje się liczebniejszy w dobrze rozpoznanej najnowszej warstwie języka[1]. Ale nawet gdy uwzględnimy proporcje, porównywanie liczby derywatów nie zawsze daje zadowalające efekty. Bo istotna jest nie tylko ilość derywatów. Ważny jest kontekst, w jakim dana klasa funkcjonuje. Może się bowiem zdarzyć, że ilość przykładów jest mniej więcej ta sama, ale w sposób zasadniczy zmieniają się inne typy słowotwórcze, tym samym waga analizowanego modelu w ramach kategorii jest odmienna. Przykładem mogą być nazwy narzędzi na *-dło*. Ilość nie zmieniła się w sposób zasadniczy, ale podczas gdy w staropolszczyźnie była to klasa ważna dla kategorii *nomina instrumenti*, typowa dla niej, dziś model z formantem *-dło* oddalił się od centrum. To samo obserwujemy w klasie *nomina loci* – formacje na *-isko* we współczesnej polszczyźnie stanowi klasę marginalną, a był to typ zajmujący w systemie staropolskim miejsce centralne (KLESZCZOWA 1998, 129–135, 137–146).

W tym miejscu warto podnieść sprawę przewartościowań, które dokonują się w doborze podstaw słowotwórczych, co sprawia, że porównywanie liczby derywatów z danym formantem staje się mało istotne, zwłaszcza gdy mamy do czynienia z dużymi klasami derywatów. Przykładem może być często podnoszona sprawa rywalizacji między przymiotnikowymi formantami *-ny* i *–owy* (SATKIEWICZ, 128–142). W literaturze podkreśla się ekspansywność przyrostka *-owy*, wypierającego derywaty z *-ny*. Ogląd materiału historycznego pokazuje, że rywalizacja obu formantów to nic nowego, że formanty te współfunkcjonują od początków polszczyzny pisanej. Zdarzało się też często, że wariant *-ny* pozostał, a zanikał przymiotnik na *-owy* (por. zachowane na dnia dzisiejszego: *aksamitny*, *celny*, *dolny*, *drzewny*, *kościelny*, *mężny*, *mosiężny*, *śnieżny*, *użyteczny*, choć były dublety na *-owy*). Odmienność leży w czymś innym. Otóż w pierwszych wiekach polszczyzny pisanej za pomocą formantu *-owy* z reguły budowano przymiotniki na bazie rzeczowników konkretnych. Dziś mnożyć można przykłady przymiotników typu: *giełdowy, napędowy, nasadowy, objazdowy, pościgowy, składniowy, składowy, szturmowy, wyjazdowy, wypadowy, wysokościowy, zabiegowy, zjazdowy*, zatem przymiotników, u podstaw których stoją rzeczowniki niesubstancjalne, także czasowniki (np. *obrotowe drzwi, zamek zatrzaskowy, substancja wybuchowa*) (KREJA). Nowością jest też urabianie pożyczek za pomocą *-owy* (*big-beatowy, komputerowy, stripteasowy, weekendowy*); dawniej funkcję tę pełnił formant *-ny*.

W badaniach słowotwórczohistorycznych zazwyczaj nacisk kładzie się na zmiany produktywności modelu słowotwórczego. Dziś mamy już świadomość, że jednostki derywacyjne nie stanowią zamkniętego, samosterującego się układu, że system słowotwór-

[1] Dodatkowo sprawę komplikuje niepełne rozpoznanie liczebności derywatów we współczesnym języku. I tak, jeśli chodzi o język polski, mamy dobrze pod tym względem opracowane rzeczowniki (GRZEGORCZYKOWA, PUZYNINA),, (WASZAKOWA). Brakuje podobnego opracowania przymiotników, też czasowników. Oczywiście można do takich ustaleń dojść poprzez penetrację cząstkowych opracowań, można też ustalić dane liczbowe na podstawie słowników czy indeksów a tergo, ale stwarza to dodatkowe utrudnienia w pracy historyka języka.

czy wrażliwy jest na zewnętrzne uwarunkowania, płynące z poziomów niesłowotwórczych, także ze strony zjawisk pozajęzykowych. Takie spojrzenie na słowotwórstwo historyczne nakazuje obserwację wszelkich zjawisk determinujących przemiany poziomu słowotwórczego. Nie wystarczy zatem obserwacja produktywności. Trzeba wziąć pod uwagę żywotność jednostek derywacyjnych, zanikanie derywatów, współfunkcjonowanie z innymi technikami nominacyjnymi (mam tu na myśli pożyczki i procesy reinterpretacyjne), a także przemiany w życiu nosicieli obserwowanego języka.

3. Na każdej płaszczyźnie języka funkcjonują genetycznie różne jednostki. Obok nowych derywatów mamy wyrazy stare, których źródła sięgają nieraz epoki prasłowiańskiej. Zdarza się, że przejmujemy z poprzedniej epoki leksemy wyraźnie motywowane, tak formalnie, jak i semantycznie, a mimo to model słowotwórczy jest martwy. Przed historykami języka stoi zadanie wypracowania metod analizy **życia derywatów**, ich ciągłości historycznej, oba bowiem zagadnienia – produktywność i żywotność – nie idą w parze. Istotne okazuje się umiejscowienie słowoformy w całym systemie leksykalnym – w słownictwie podstawowym, w mały stopniu zmieniającym się, zachowują się nieraz bardzo stare struktury (por. *dobroć, szeroki, płytki*). Obszar peryferyczny jest zmienny, pojawiające się tam struktury niejednokrotnie wyłamują się z zasadniczego kierunku ewolucji, ale to nic nie znaczy, nie należy do takich faktów przywiązywać większej wagi (dlatego współczesność może nas zwodzić!).

Z moich obliczeń wynika, że do współczesności dotrwało ok. 25% derywatów odnotowanych w pierwszych wiekach polszczyzny pisanej. Liczby to orientacyjne, bo, mowa była o tym wcześniej, przyznanie bądź negowanie ciągłości historycznej jednostki derywacyjnej jest skomplikowane. Sprawa jest prosta, gdy brak w języku współczesnym konkretnej formy bądź brak motywującego leksemu. Często jednak zdarza się, że formie odpowiada inne znaczenie. I tu należy postawić problem kontynuowania znaczenia strukturalnego przy zmiennym znaczeniu leksykalnym. Sprawa wydaje się istotna, dotykamy tu problemu homonimii słowotwórczej – nie zawsze wiadomo, czy mamy do czynienia ze zmiennością znaczenia realnego, czy też w grę wchodzi zdublowanie aktu derywacji. Sygnalizowany problem jest szczególnie trudny w wypadku czasowników i przymiotników, których semantykę w dużym stopniu determinuje kontekst.

4. Odwrotnością żywotności derywatów jest ich **zanik**. Proces zanikania słów ma charakter ponadczasowy, panchroniczny, dotyczy każdego wycinka historii języka i jego całości zarazem. To również fakt językowy, zwłaszcza że zdecydowana większość derywatów nie ma tradycji ciągłej (ok. 75% odnotowanych w staropolszczyźnie derywatów nie przetrwało do czasów nam współczesnych).

Czynników generujących zanikanie słownictwa jest wiele, a tylko jednym z nich są zjawiska natury słowotwórczej (KLESZCZOWA, 2000). Nawet wtedy, gdy w grę wchodzą dublety słowotwórcze, o tym, który element pary przetrwa, niekoniecznie decyduje produktywność formantu. Obserwacja rywalizacji między dubletami słowotwórczymi nie daje klarownego, jednokierunkowego obrazu. Zazwyczaj mamy do czynienia z wahaniami – ciągłość historyczną uzyskuje raz jeden wzorzec, innym razem drugi. Przejaw produktywności zauważalny jest dopiero w większej perspektywie czasowej.

Warto się też zastanowić, co jest przyczyną, a co skutkiem. Z moich obserwacji wynika, że wyrazy zanikają nie dlatego, że gaśnie produktywność. To zanik leksemów z daną cechą formalną powoduje, że przestają być one wzorcem dla innych derywatów; w efekcie mamy do czynienia z wygasaniem produktywności modelu słowotwórczego.

5. Derywat to twór dwudzielny, rozumiany na bazie podstawy słowotwórczej. Dokonujące się na osi czasu przemiany dotykają nie tylko wyrazu fundowanego, ale też fundującego. Efektem może być leksykalizacja, przechodzenie do klasy leksemów niemotywowanych lub reinterpretacja. Dla słowotwórstwa historycznego szczególnie ważne może okazać się ostatnie zjawisko, bo zdarza się, że reinterpretacji podlegają większe klasy derywatów.

Tu warto wspomnieć o przesunięciach, jakie dokonały się w rzeczownikach transpozycyjnych. W materiale staropolskim daje się odczuć przenikanie klasy nazw czynności i klasy nazw cech. Jest to szczególnie wyraziste wśród derywatów o zakończeniach *~nie*, *~enie*, *~cie*. Gdy zastanowić się głębiej, status kategorialny tych derywatów nie jest jednoznaczny. Problem wiąże się ze statusem przejętych z prasłowiańszczyzny imiesłowów. W okresie staropolskim obserwuje się ich masowe adiektywizowanie się (125 derywatów na *-ny*, *-eny*, *ty*, prawie 70 zadiektywizowanych imiesłowów na *–ący*, 195 z przyrostkiem *-ły*). Jeżeli uwzględnimy ten fakt, powstałe na takiej bazie derywaty z zakończeniami *~nie*, *~enie*, *~cie* w wielu wypadkach należałoby traktować jako nazwy cech (np. *obnażenie* ‘nagość’; *obrócenie* ‘przemiana’, *oczyszczenie* ‘czystość, (...), blask’). Mamy zatem do czynienia z derywatami tylko pozornie żywotnymi – forma jest identyczna, ale wartość kategorialna przesunęła się od nazwy cechy do nazwy czynności (KLESZCZOWA 1998, 73).

Jeszcze inny rozwój obserwujemy w klasie dawnych imiesłowów na *-ły*. U progu polszczyzny imiesłowy z tym przyrostkiem były w znacznym stopniu zadiektywizowane. W ciągu wieków ich produktywność została ograniczona do tworów powstałych na bazie czasowników procesualnych (*zsiadłe mleko, zeschłe liście*, *zwiędnięta cera*). Konsekwencją związania formantu z semantycznym typem podstaw jest przesunięcie z kategorii słowotwórczej do kategorii fleksyjnej (mówi się o imiesłowach przeszłych). Mamy tu zatem interesujący przykład spiralnego rozwoju – imiesłowy uległy adiektywizacji, potem znowu zostały wchłonięte przez paradygmat koniugacyjny.

6. O słowotwórczych faktach i różnorodnych ich uwarunkowaniach można by pisać jeszcze wiele, temat to obszerny. Wydaje się jednak, że poruszone do tej pory problemy dają wystarczające argumenty do zamierzonej konkluzji. Celem artykułu było pokazanie, że materiał, na bazie którego historyk języka buduje model ewolucji, jest niejednorodny i obarczony wieloma znakami zapytania, że wnioskowanie o linii rozwojowej systemu słowotwórczego jest trudne, na pewno trudniejsze niż w ustalaniu przewartościowań systemu fonetycznego czy fleksyjnego (BAJEROWA 1969, STIEBER)[1]. Trzeba szukać sposobów, które pozwolą na wzniesienie się ponad fakty, które pozwolą na takie ich „uporządkowanie”, które pozwoli dostrzec linię rozwojową.

[1] Poziom słowotwórczy jest czulszy na uwarunkowania płynące spoza niego samego. Ma też wyższy stopień redundancji, co sprawia, że jest przewidywalny w bardzo małym stopniu; słowotwórstwo jest mocniej zespolone z innymi poziomami; wykładniki słowotwórcze mają wyższy stopień komplikacji semantycznej niż morfemy fleksyjne.

Gdy spojrzeć na system słowotwórczy dwóch odległych epok, widać wyraźnie, że podobieństw jest więcej niż różnic[1]. Przyznać trzeba, że jedność abstrakcyjnie rozumianego języka jest zdumiewająca, skoro zachowała się jedność reguł, mimo iż w przeważającej większości zmieniły się konkretne ich realizacje.

***

Zbudowany na rozchwianej bazie materiałowej model ewolucji nie może być silny. Jest hipotetyczny, jak zresztą każdy model. Należy poddawać go konfrontacji z faktami, winien być doskonalony dalszymi studiami, już szczegółowymi, zatem indywidualnymi (wierzę w potrzebę badań zespołowych, ale jednocześnie jestem przekonana, że głębsze refleksje zdarzają się w indywidualnym akcie twórczym). Chodzi zatem o zarysowanie kośćca, wokół którego będą przeprowadzane dalsze studia[7]. Przypomina to dedukcyjne modele generatywne – nie weryfikowane, a falsyfikowane, po czym następują różnego rodzaju korektury i modyfikacje.

Chciałabym mocno podkreślić, że nie zmierzam do zagubienia faktów, że nie lekceważę ich wagi. Postuluję jedynie dystans wobec faktów, postuluję ogląd faktów z uprzednim wyznaczeniem konkretnego celu – dla mnie tym celem jest uchwycenie kierunków rozwojowych. Zaprezentowane w artykule konstatacje są na tyle ogólne, że, mam nadzieję, łatwo będzie je przystawić do prac nad historycznym przemianami słowotwórstwa innych języków, na pewno słowiańskich.

Literatura:

BAJEROWA 1998:Bajerowa I. Dwa spojrzenia na ewolucję języka ogólnego. – „Prace Filologiczne" – XLIII. – S. 45–51.

BAJEROWA 1969: Bajerowa I. Strukturalna interpretacja historii języka. – „Język Polski". – S. 103.

GRUCZA 1983: Grucza F. Zagadnienia metalingwistyki. Lingwistyka – jej przedmiot, lingwistyka stosowana. – Warszawa.

GRZEGORCZYKOWA 1979: Grzegorczykowa R., Puzynina J. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime. – Warszawa.

JANOWSKA: Janowska A., Pastuchowa M. Liczby w badaniach historycznojęzykowych. [W:] Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego Nr 1662. „Prace Językoznawcze" 25: Studia historycznojęzykowe. Red. O. Wolińska. – Katowice. – S. 58–68.

KLESZCZOWA 2000: Kleszczowa K. Gasnące słowa. – „Prace Filologiczne" XLV. – Warszawa. – S. 265–274.

KLESZCZOWA 1998: Kleszczowa K. Staropolskie kategorie słowotwórcze i ich perspektywiczna ewolucja. Rzeczowniki. – Katowice.

KREJA 1992: Kreja B. Odczasownikowe przymiotniki na -owy. – „Język Polski" LXXII. – S. 154–156.

LYONS 1984: Lyons J. Semantyka. 1., przeł. A. Weinsberg. – Warszawa [Semantics 1. – Cambridge University Press – 1977].

NAGÓRKO 1996: Nagórko A. Słowotwórstwo w polskich pracach językoznawczych XIX i początków XX wieku. – „Prace Filologiczne" XLI. – S. 43–72.

PUZYNINA 1975: Puzynina J. Jak pracować nad słowotwórstwem historycznym języka polskiego? – „Poradnik Językowy". – S. 173–179.

[1] Właśnie dlatego przedstrukturalne spojrzenie na słowotwórstwo historyczne, akcentując różnice, dawało fałszywy wizerunek przemian.

[7] Złudny wydaje się przeświadczenie, że rozproszone, szczegółowe studia nad losami konkretnych derywatów da się zsyntetyzować.

PUZYNINA 1976: Puzynina J. O dorobku i perspektywach badawczych słowotwórstwa historycznego języka polskiego. – „Prace Filologiczne”. – R. XXVI. – S. 155–179.

SATKIEWICZ 1969: Satkiewicz H. Produktywne typy słowotwórcze współczesnego języka polskiego. – Warszawa.

STIEBER 1966: Stieber Z. Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego. – Warszawa.

WASZAKOWA 1994: Waszakowa K. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce. – Warszawa.

В.Н. ВИНОГРАДОВА

ПОЛИМОТИВИРОВАННОСТЬ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

При изучении словообразовательной системы, представленной в первых сохранившихся древнерусских памятниках XI–XIV вв., поражает большое количество как будто не специализированных словообразовательных вариантов.

На возникновение указанного состояния, как известно, повлияло существование памятников разных жанров, памятников оригинальных и переводных, памятников, где сталкиваются церковнославянская и исконно русская стихии.

Обращение к текстам памятников позволяет выделить тенденции, ведущие в дальнейшем к структурно-семантическому упорядочиванию словообразовательной системы, что тесно связано с лексическим «наполнением» отдельных ее подсистем.

В древнерусском языке XI–XIV вв. продуктивна словообразовательная модель прилагательного с приставкой *без-* и суффиксом *-ьн-*. (Из 176 прилагательных с приставкой *без-*, зафиксированных в нашем материале, 159 имеет суффикс *-ьн-*). Такие прилагательные формально и семантически мотивированы сочетаниями существительных с предлогом *без-*, которые употребляются в тех же синтаксических функциях, что и прилагательные (и наречия), и нередко в идентичных или похожих контекстах. Греческое прилагательное в переводных произведениях одинаково может быть передано сочетанием существительного с предлогом *без* и прилагательным с приставкой *без-*.

В зависимости от значения мотивирующих основ выделяется несколько групп прилагательных.

1. Прилагательные, соотносящиеся с названиями лиц: *бездружьныи (без друга), безд тьныи, безматерьныи, безмужьныи, бесчадьныи.* Ср.: *без мтре* и без оца быти ему (Георг. Амарт. 55б), *безъмтренъ* азъ есмь и безъ оца (Феод. Студ. 114г).

Отсутствие предложных сочетаний, соответствующих прилагательным, указывает, как правило, на семантическое калькирование, ср. *бесчелов чьныи* ‘бесчеловечный, жестокий’, *безмужьныи* в значении ‘немужественный’. (Ср. «чистую» реализацию модели у поэта XIX в. П. Вяземского: И от избы бесчеловечной Где он Бавкиды не нашел, <...> Он прочь задумчиво побрел).

В этом значении прилагательное отмечено только в переводных памятниках (Григ. Богослов и Жит. Феод. Студ.); ср. в Слове о законе и благодати Илариона – *безмужьная* ‘не имеющая мужа’: въплоти(с) от двы чисты безмужны бескверны. 162 об.

2. Прилагательные, соотносящиеся с названиями конкретных предметов, немногочисленны: *безводьныи, безлуньныи, беспутьныи* ‘бездорожный’, *беспеньныи, беспищьныи*. О малой продуктивности этого семантического подтипа в древнерусском языке XI–XIV вв. свидетельствуют случаи передачи греческих прилагательных не прилагательными же, а словосочетаниями с предлогом *без*: *без ст нъ* есть градъ спартии (ατειϖχιστοэ) Пчела, 5; *бес комаръ* граду (ακωϖνωπα) Георг. Амарт. 185б и т.п. В дальнейшем широкое развитие получает именно этот семантический подтип. Круг производящих основ расширяется уже в XVI–XVII вв. (см. МАКЕЕВА 1954). В

современном языке прилагательные с приставкой *без-* могут быть образованы почти от любого конкретного существительного.

3. В церковно-книжных памятниках XI–XIV вв. находим также ряд прилагательных, соотносящихся с названиями частей тела и других атрибутов человека или животного, образованных по этой же модели: *безбрадьныи, безгласьныи, бескол ньныи, бескръвьныи, безъязычьныи*.

Вместе с тем, следует отметить у ряда прилагательных этой группы переносные, лексикализировавшиеся значения, напр., *безгласьныи*, наряду со значением ‘лишенный способности говорить, немой’, употребляется в значении ‘безгласный, покорный’.

4. Наиболее многочисленна группа прилагательных, соотносящихся с отвлеченными существительными. В большинстве случаев значение таких прилагательных близко к значению сочетаний отвлеченных существительных с предлогом *без*: *безгр шнаго* бо. е. д ло еже гр хомъ судити. кто бо *безъ гр ха* (Зл. цепь 72а).

Приставочные прилагательные, естественно, обладают способностью развивать переносные значения, которые отдаляют их от значения соответствующих сочетаний. Так, *бесплодьныи* употребляется в значении ‘неплодородныи’ в сходных контекстах с сочетанием *без плода*: подобимся *без плода* древу (Феод. Студ. 160в), подобно *бесплодьныя* смокве (Кормч. Ефр. 224б). Однако только прилагательное может быть употреблено в переносном значении ‘бесполезный’: бесплодныя жертвы (Гр. Богослов, 31б).

Есть различия в жанровой прикрепленности сочетаний и у прилагательных. Так, в грамотах находим устойчивые сочетания: *без паскости, без льсти* и *без хытрости, без мира*, в церковно-книжных памятниках употребляются как сочетания, так и прилагательные (и наречия): *беспакостьныи* и *беспакостьно, безльстьныи* и *безльстьно, безмирьныи*.

Представляет интерес также группа прилагательных, соотносящихся с глагольно-именными основами со значением меры: *бесц ньныи* ‘неоценимый, бесценный’, *безм рьныи* ‘неизмеримый’ и ‘чрезмерный, неумеренный’, *бесчисльныи* и *бесчисменьныи* ‘неисчислимый, безмерный’. Сочетания существительных с предлогом *без* употребляются в тех же значениях, что и соответствующие прилагательные.

Прилагательные, соотнесенные только с глаголами, немногочисленны и малоупотребительны: *бесц льныи* и *безисц льныи* ‘неисцелимый’, *безл чьныи* ‘неизлечимый’, *безмълчьныи* ‘неумолкающий’. Продуктивным является образование отглагольных прилагательных с приставкой *не-*.

Прилагательные с приставкой *без-*, образованные от названий лиц, конкретных предметов, как правило, не противопоставлены бесприставочным прилагательным с той же основой и тем же суффиксом.

В древнерусском языке XI–XIV вв. существовало и довольно много прилагательных (в исследованном материале – 74) с приставкой *без-*, которые соотносились формально и семантически не только с существительными, но и с прилагательными с суффиксом *–ьн-*, образованными от этих существительных, и являлись их антонимами, постоянно противопоставляясь им в одних и тех же контекстах: от *кровны(х)* жертвъ на *бескровную* жертву (Гр. Богослов, 61в); питие же *м рьное* сыть напълняеть

и веселить. *безм рьное* же б щеньство есть. (Изб. 1076, 237); преставимъ животъ... *стр*(с)*тныи* в *бестр*(с)*тныи* (Гр. Богослов, 204б). Ср.: *безбол зньныи – бол зньныи, безвещьствьныи – вещьствьныи, безвиньныи – виньныи, безвр дьныи – вр дьныи, безвр меньныи – вр меньныи, безгр шьныи – гр шьныи, беззълобьныи – зълобьныи, бесправьдьныи – правьдьныи, бесчьстьныи – чьстьныи* и т.д.

По сравнению с большим количеством сочетаний предлога *без* с существительным на *-(е)ние, -тие* (около 160; 490 употребление), очень мала возможность образования от них прилагательных с приставкой *без-* (6): *бестьл ньныи, бездьрзновеньныи* и т.п. Сочетаниям «предлог *без* + отглагольное существительное», как правило, синонимичны прилагательные с приставкой *не-*, образованные или от основы глагола, или от основы отглагольного существительного. Ср., напр., *без прикосновения* (им нье ... безъ прикосновенья пребывает ц ло. КР 278в) и *неприкосьныи, неприкосновьныи* и *неприкосновеньныи* в значении ‘неприкосновенный’.

Следует отметить также непродуктивные словообразовательные модели прилагательных с приставкой *без-*.

В составе ряда прилагательных с приставкой *без-* имеются некоторые продуктивные суффиксы качественных прилагательных: *-ив-: беззълобивыи, безмилостивыи, бесчьстивыи: -ивьн-: безмилостивьныи, бесчьстивьныи; -ьлив-: безгн вьливыи; -овит-: бесплодовитыи*. Все эти прилагательные являются антонимами соответствующих прилагательных без этой приставки, следовательно, могут рассматриваться как образованные префиксальным способом.

Бессуффиксные прилагательные *безл пыи* и *бессквьрныи* имеют двойную соотнесенность – и с прилагательными и с сочетаниями (ср. *л пыи* и *без л па; сквьрныи* и *без сквьрны*).

В переводных церковно-книжных памятниках представлены также единичные случаи присоединения приставки *без-* к причастию: *бесприобьщеныи, бесповел ныи, бесконьчаемыи, бессумн ныи*.

Таким образом, уже изучаемый период развития языка дает примеры использования готового, существующего в языке образования при присоединении приставки к прилагательному – явление, получившее особенное развитие в современном языке (ЗЕМСКАЯ 1965, 14–15).

Наконец, необходимо отметить прилагательные, образованные префиксально-бессуффиксным способом (с «нулевым» суффиксом): *безбогъ, бездомъ* (употребляющееся только в субстантивированной краткой форме), а также прилагательное *бездъныи*. Сюда же следует отнести прилагательное *безрукыи* – единственное зарегистрированное в использованных памятниках бессуффиксное прилагательное от названия части тела.

Таким образом, наиболее общей мотивацией для всех образований с приставкой *без-* является мотивация предложным сочетанием. Однако отдельные лексико-семантические группы, связанные с отвлеченно-качественными существительными, имеют дополнительную мотивацию прилагательным без этой приставки.

Е.А.Земской было справедливо отмечено такое явление, которое может приводить к префиксальному способу образования: в области уже не качественных, а относительных прилагательных: «Рост регулярности прилагательных с приставкой *без-*

оказывает воздействие на связанное с ним звено словообразовательной системы: активизирует производство однокоренных отсубстантивных прилагательных без этой приставки. В целом ряде случаев появление прилагательного с приставкой *без-*, называющего какое-либо новое явление, порождает прилагательное бесприставочное, называющее явление не новое, традиционное, но которое не требовало ранее особого расчлененного наименования, так как было единственным, не имело противочлена. Так, *бесприв*язное *содержание скота* рождает название *привязное содержание скота*» (ЗЕМСКАЯ 1968, 158).

Если вернуться к истории образований с приставкой *без-*, то следует отметить некоторые особенности их использования в поэтическом языке, который, по мнению некоторых исследователей, представляет собой наиболее полное использование возможностей языка.

Представленные в «Словаре Пушкина» новообразования опирались по преимуществу на словосочетания: *бездарный, безразличный, безрасчетный, безродный, безусловный, безутешный, безискусственный, безответный, безоружный, безжалостный.*

Развиваются такие группы как обозначения атрибутов человека (*безглавый, безбородый, беззубый, безрукий*), и образования от конкретных предметов (*бездомный, безлесный, безлунный, безмесячный, беспенный, безоружный, безденежный*).

Из авторских неологизмов Пушкина следует отметить использование приставки для создания «говорящих» прозвищ и фамилий: Бесстыдин, Бесто́лков; Безрифмин (прозвище поэта С.С.Боброва).

В поэтическом тексте широко используется экспрессивность образований с приставкой *без-*. Обозначения признаков тем более экспрессивны и способны выразить новые оттенки смысла, чем более актуализированы формально, что достигается, кроме других способов, остранением, обновлением структуры мотивированного слова.

При этом может оживляться связь со словосочетанием. Например, при узуальном *безоглядно* у Пастернака находим *безоглядочно*: Припомнишь мать, и опять *безоглядочно* Жизнь пролетает в караване Изголодавшихся и радужных Надежд и разочарований. Вместо узуального *безгласно* использовано *безвозгласно*: И если березовых куп *безвозгласно* великолепье, Мне кажется, бьется о сруб Та песня железною цепью.

Используется неупотребительный вариант слова – при наличии узуальных *безголосый, безгласный* Цветаева использует *безгласый*: Грех памяти нашей – *безгласой*, беззубой, Безмясой, безносой!

Пополняется новыми образованиями продуктивная группа прилагательных с суфф. *-н-*. Ср.: *безогнен* У Блока: Я вижу: ваши девы слепы, У юношей *безогнен* взор; *бестуманный* у Есенина: Хороша *бестуманная* трель его (снега); *бестормозный* у Цветаевой: Твердь! Голов *бестормозных* – Трахт! И как отсечь: Полная оторванность Темени от плеч; *бестенный* у Анненского: Желтея, на балкон Глядит туманный диск луны, еще *бестенной*.

В поэтической речи возможно образование от отглагольных существительных: *бессиянный – без сияния, бесхотенный – без хотения*.

Отметим расширение в поэзии круга основ для образования прилагательных с нулевым суффиксом (в общей системе они образуются от атрибутов человека или живого существа): Сквозь сосны, сквозь дыры заборов *безгвоздых*; Та же жуть берез *безгнездых* (Пастернак).

В поэзии часто используются сложные прилагательные и наречия, включающие одну из основ с приставкой *без-*: *безнадежно-взрослый* Вы? О, нет!; Колдун *безобидно-лукавый*? (Цветаева); душа полна Какой-то *безотчетно-грустной* думы (Анненский).

В поэтической речи как бы усиливается качественность образований с приставкой *без-*, что выражается в использовании степеней сравнения. По своему значению (отсутствие чего-либо) прилагательные с приставкой *без-* не должны были бы образовывать степени сравнения, если их внутренняя форма не затемнена. В поэтической речи образование таких алогичных форм является выразительным приемом, как бы гиперболой «наоборот»: «В небе привольнее, в небе *безбольней*» (Кузьмин); И русская судьба *безбрежней*, Чем может грезиться во сне (Пастернак); мертвых *бездыханней* (Ахматова); Простор, канвой окутанный, *безжизненней* кулис; И месяц, весь опутанный, Беспомощно повис (Мандельштам).

Выразительны и необычные формы превосходной степени, например: К *бессоннейшим* припавши изголовьям, Бормочет окаянные стихи. (Ахматова).

При сопоставлении в тексте слов одинаковой структуры (по Р.Якобсону – «сходство, наложенное на смежность») ярче ощущается и их общая семантическая часть и различающаяся или совпадающая по семантике вторая. Кроме того, такой прием способствует и звуковой организации текста. Например: Наяву ль и тебя ль *безумно* И *бездумно* Я любил в томных тенях мая? (Анненский); у Хлебникова, Цветаевой можно найти четырехчленные повторы: *Безмерной бесценной беспленной / Бестешной* / Мокоши (Хлебников); Грех памяти нашей – *безгласой, беззубой, Безмясой, безносой*! (Цветаева). Храня так весело, так вольно Закон святого ремесла, Ты плыл *бездумно*, плыл *безбольно*, Куда судьба тебя несла. (Кузьмин). При таких сопоставлениях приставка, как кажется, получает известную самостоятельность, семантическую выделенность.

Общность однприставочных образований может подчеркиваться и паронимической аттракцией: Жизнь пустынна, *бездомна, бездонна* (Блок).

Существительные с отрицательными приставками также обычно характеризуются полимотивированностью. Так, *безальтернативность* можно представить как приставочное (*альтернативность*), суффиксальное (*безальтернативный*), и префиксально-суффиксальное (*без альтернативы*). Отсюда возможность префиксально-суффиксальных *безбудущность, безгримность*, суффиксальных *безволосость, безликость,* префиксальных *безоплошность, безмузыкальность* (примеры из JELITTE 1991).

Таким образом, полимотивированность является одним из важных факторов эволюции словообразовательной системы – с ее помощью происходит становление новых словообразовательных типов, и, следовательно, расширяются возможности обогащения словарного состава языка.

Литература:

ВИНОГРАДОВА 1966: Виноградова В.Н. Прилагательные с отрицательными приставками в древнерусском языке XI–XIV вв. В кн.: Лексикология и словообразование древнерусского языка. – Москва.

ВИНОГРАДОВА 1988: Виноградова В.Н. Словарные статьи *безблагодатие – безъ™зычьнъ*. В кн. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. I. – Москва.

ЗЕМСКАЯ 1965: Земская Е.А. История словообразования прилагательных в русском литературном языке нового времени. Автореф. докт. дисс. – Москва.

ЗЕМСКАЯ 1968: Земская Е.А. Повышение регулярности прилагательных с приставкой *без-*.

В кн.: Словообразование современного русского литературного языка. Русский язык и советское общество. – Москва.

МАКЕЕВА: Макеева Г.М. Приставочно-суффиксальное словообразование прилагательных (по материалу памятников XVII в.).

JELITTE 1991: Herbert Jelitte. Die russischen Nomina abstracta des 20. – Jahrhunderts. Peter Lang. – Frankfurt am Main.

И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ В АКТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Постановка задачи.

Теоретическая грамматика русского языка плохо готова к решению задач, возникающих у говорящего или пишущего, который хочет максимально точно выразить свою мысль. Имеются в виду, например, такие задачи. Дано слово *А* со значением *а*, требуется модифицировать значение этого слова на параметр *в*. Какова будет форма *Х*, выражающая значение *а* + его модификацию на параметр *в*? Рассмотрим в качестве данного слова *А* русские глаголы, а в качестве модифицирующего значения *в* значение интенсивности действия, выделяемое во всех грамматических описаниях славянских языков в ряду других способов глагольного действия.

2. Интенсивность и другие характеристики действия.

Оказывается, однако, что интуитивно ясное понятие «интенсивность» далеко не столь ясно даже в аналитических, классифицирующих описаниях, где его выделяют как элемент семантического содержания глагольного слова. В самом деле. Интенсивность – это общая характеристика всего действия, а не отдельных составляющих его элементов[1]. Так, *бежать* или *мчаться* по отношению к *идти* это усиление лишь параметра «скорость», а *орать* или *вопить* по отношению к *говорить* или *петь* это усиление лишь параметра «громкость». Именно эти параметры и получают воплощение во фразеологизмах *во все лопатки, сломя голову, как оглашенный* или *во всю Ивановскую*. Точно также по отношению к *смотреть* в *уставиться* и *таращиться* модифицируются, помимо отрицательного оценочного компонента, соответственно параметры, характеризующие подвижность и степень раскрытия глаз (Ср., *смотреть неподвижными, широко раскрытыми глазами* ≠ *тщательно, внимательно, напряженно рассматривать или высматривать*).

Искомыми общими модифицированными именованиями, содержащими значение «интенсивность», по отношению к *идти* будет *вышагивать* или *маршировать* (с указанием на множество субъектов), а по отношению к *говорить* и *петь* соответственно *выговаривать* (*отчетливо каждое слово*) и *выпевать* (*четко каждую ноту*). Ведь «интенсивность» предполагает такую дополнительную качественную характеристику действия, как силу, тщательность, напряженность его исполнения, превышающую обычную меру. Причем эта мера характеризует в случае интенсивности именно качество действия, а не его количество. Поэтому, например, глаголы *заждаться, названивать* или *убегаться* не содержат семы «интенсивность больше нормы», но обозначают действия, продолжавшиеся дольше «обычной» нормы. Точно таким же образом не следует интерпретировать как содержащие сему «большая против нормы интенсивность действия» и глаголы, в которых представлен такой семантический компонент как многообъектность действия: *изранить, осматривать (со всех сторон), исходить (все леса), наслушаться (умных речей)*. Также сомнительным представляется вычленение семантического признака «большая против нормы интенсивность действия» в результативных глаголах, где именно значение результата, а во-

все не характер приведшего к нему действия осложняется большей против нормы степенью. Причем превышающий норму результат может быть и запланированным, желательным (*проварить, просушить, вылежаться, наесться, выспаться, выстояться*), и нежелательным (*иссушить, перекормить, объесться, переутомить*), и никак субъективно не оцениваемым (*разукрасить, выстудить*). Едва ли большей против нормы интенсивностью действия характеризуются глаголы, обозначающие доведение действия до некоторой точки, желательной, как, например, в *достучаться, дозвониться, добудиться*, или «угрожающе опасной», как, например, в *доработаться, дождаться, довыступаться*.

Иными словами, большую против нормы интенсивность действия, во-первых, следует рассматривать как общую (холистическую) характеристику действия. А во-вторых, эту характеристику как особенность именно качества действия не следует подменять большей против нормы количественной протяженностью действия, многообъективностью действия или превышающим обычную норму результатом действия, желательным или нежелательным. Очевидно, что все выше названные семантические модификации действия лишь позволяют не более чем предполагать, что само действие совершалось с повышенной силой, тщательностью или напряженностью, т.е. его интенсивность превышала норму. Однако никаких явных проявлений повышенной интенсивности именно действия в этих примерах не содержится.

Впрочем, открытым остается вопрос о том, интерпретивать ли, например, глаголы *нагладить* или *выбелить* как результат интенсивного действия или как «положительный, сверхнормативный результат» (ср., *выгладить, побелить*) обычного действия, возможно с большей против нормы продолжительностью. (Это как аплодисменты после выступления: непонятно, являются ли они одобранием сказанного или радостью по поводу того, что оратор, наконец, закончил говорить).

Таким образом, только семантический компонент «большая против нормы интенсивность действия», как кажется, различает следующие пары глаголов: *гладить – наглаживать, чистить – начищать, узнавать – дознаваться* и *докапываться, просить (что?) – выпрашивать, просить (кого?) – упрашивать, хвалить – расхваливать* и *нахваливать, смотреть – всматриваться* и *высматривать, глядеть – вглядываться, слушать – вслушиваться* и *прислушиваться, спрашивать – выспрашивать, танцевать – вытанцовывать, плясать – выплясывать* и *отплясывать, думать – продумывать, качать (ребенка) – укачивать, ловить – вылавливать* и *отлавливать, жевать – разжевывать, кормить – выкармливать, сесть – рассесться, садиться – усаживаться* и *рассаживаться (о многих), обидеть – разобидеть,* г*рызть – разгрызать, свистеть – высвистывать, стоять (в очереди) – выстаивать* и *простаивать, сидеть – рассиживаться* и *просиживать, рисовать – прорисовать* и *вырисовывать, вешать – взвешивать* и др.

Нетрудно видеть, что семантически не осложненное значение «интенсивность больше нормы» выражается в русском языке преимущественно путем имперфективации результативных глаголов. Однако невозможно указать какое-либо формальное деривационное средство, которое «символизирует» это модификационное значение (см.об этом ниже).

Тот же семантический компонент «большая против нормы интенсивность действия» в следующих парах сопровождается еще и компонентом «одноактность» (не

«однократность», но именно представление о таком действии, которое выполнено за один прием, независимо от его реальной кратности или продолжительности): *нервничать – изнервничаться, страдать – перестрадать* и *исстрадаться, искать – обыскаться, хвалить – расхвалить, ругать – изругать, зябнуть – иззябнуть, плакать – выплакать (все глаза), слушать – вслушаться, смотреть – всмотреться, лежать – отлежать (все бока)* и т.п.

«Начинательность», «одноактность» и «большая против нормы интенсивность действия» противопоставляют такие пары, как *нервничать – разнервничаться, важничать – разважничаться, мечтать – размечтаться, волноваться – разволноваться*. Указание на большую против нормы интенсивность действия во вторых членах пар совершенно очевидно на фоне противопоставлений *занервничать – разнервничаться, заважничать – разважничаться, начать мечтать – размечтаться, заволноваться – разволноваться.*

Итак, можно утверждать, что в русском языке существуют различные специальные словообразовательные средства, выражающие значение «большая против нормы интенсивность действия». Причем в ряде случаев это значение выступает в неразрывном единстве с другими значениями. В последнем случае использование соответствующих словообразовательных средств не является решением нашей задачи о семантической модификации в активной грамматике, поскольку получаемая форма *X* содержит не только заданное семантическое преобразование, но еще и такое изменение, которое не было выдвинуто в условии задачи.

3. **Синтаксические и лексические средства выражения интенсивности действия.**

Рассмотрим теперь те уже не словообразовательные возможности, которые существуют в русском языке для обозначения большей против нормы интенсивности действия[2]. Начнем с синтаксических средств.

Нельзя не согласиться с тем, что конструкция «страдательное причастие прошедшего времени ср.р. + то же причастие с префиксом *пере-* «обозначает вовсе не большую против нормы интенсивность действия, но его чрезвычайную многократность: *говорено – переговорено, думано – передумано, хожено – перехожено, пето – перепето*». Это тем более очевидно на фоне противопоставлений типа *продумано* и *думано – передумано, выпето* и *пето – перепето*. Едва ли следует считать «важным средством выражения интенсивности протекающего процесса – повторение глагольной формы: *Пристал и пристал: едем и едем* (А. Макаренко); *Искала – искала, искала – искала – нет* (Ф. Достоевский); *…а другие идут да идут* (Ф. Бажов)». По-видимому, здесь также обозначена большая против нормы количественная характеристика действия. Ср. *искала – искала* и *выискивала, идут да идут* и *вышагивают*, где в первых членах отнюдь нет прямого указания на силу, напряженность, тщательность совершения действия.

Вызывает сомнение также и следующее утверждение: «высокая степень интенсивности передается, далее, конструкцией «вот + глагольная форма + *так* + та же форма»: *Вот удивил так удивил! Вот уж работает так работает!*». По-видимому, эта конструкция не столько указывает на интенсивность действия, сколько апеллирует к необходимости абсолютно точно воспринимать все аспекты значения повторяемого глагола подобно именным конструкциям *женщина есть женщина* или *«Спар-*

так» это «Спартак».[3] Итак, если полагаться на список синтаксических средств для выражения интенсивности действия, представленный в академическом петербургском издании по теории грамматики, можно утверждать, что такие средства для решения нашей задачи в русском языке вообще отсутствуют.

Перейдем теперь к лексическим средствам. Среди этих средств в указанном источнике упомянуты «наречия и другие обстоятельственные слова и словосочетания: *очень хочется, совсем забыл, ну и повезло* (*ну и* это обстоятельственное словосочетание? И.М.), *решительно возражаю, целиком и полностью поддерживаю; Зато, брат Чичиков, как покутили мы в первые дни!… Уж так покутили!* (Н. Гоголь)». Разумеется, представленный список, к сожалению, отнюдь не полный. Причем его пополнение, имея в виду поставленную задачу, может быть осуществлено двумя путями. Либо через подбор различных слов и словосочетаний, способных выражать значение большей против нормы интенсивности действия, таких, как *тщательно, аккуратно, внимательно, сильно, энергично, с точностью, во всех деталях, с напряжением, старательно, точно соблюдая правила, изо всех сил, не щадя живота своего, активно, пристально, неустанно, всеми фибрами души* и т.п. Другой путь – более целесообразен для решения нашей задачи. Он состоит в том, чтобы к каждому модифицируемому глаголу найти, опираясь на идею лексических функций, ту специфическую форму обозначения большей против нормы интенсивности действия, которая соответствует именно этому глаголу. При этом следует иметь в виду, что словообразовательный способ обозначения большей против нормы интенсивности, будучи по своему определению нерегулярным явлением, не может решить поставленную задачу для всех глаголов. Что же касается способа лексического, то его природа вовсе не предполагает обязательных исключений. Поэтому теоретически можно ожидать, что все глаголы, семантика которых принципиально совместима с идеей интенсивности, должны получить, по крайней мере, одно решение обсуждаемой задачи – лексическое. В то же время для некоторых глаголов таких решений будет два – и лексическое, и словообразовательное. Впрочем, с учетом возможной синонимии как внутри словообразовательных средств (см. выше), так и внутри средств лексических и фразеологических, можно смело утверждать, что для некоторых глаголов таких искомых форм, содержащих значение большей против нормы интенсивности, окажется заведомо больше, чем две. Принимая во внимание относительную семантическую слабость словообразовательных средств по сравнению с лексическими, вполне естественно ожидать большого количества «троек», как, например, *тщательно гладить – наглаживать* и *тщательно наглаживать, внимательно смотреть – всматриваться* и *внимательно всматриваться, сильно обидеть – разобидеть* и *сильно разобидеть*.

Полная картина сочетаемости русских глаголов с различными языковыми средствами выражения интенсивности может быть представлена только в форме словаря, о проекте которого говорилось на V Международной конференции по славянскому словообразованию в Виттенберге. Однако даже предварительный анализ лексических средств русского языка, способных обозначать большую против нормы интенсивность для русских глаголов, позволяет сделать ряд важных заключений.

4. Интенсивность как «сила» и как «тщательность».

Главное из этих заключений – необходимость различать внутри повышенной интенсивности большую против нормы силу действия и большую против нормы

тщательность, старательность, аккуратность действия. При этом наиболее часто первое значение выражаться наречием *сильно*, а второе – наречием *старательно*. Ср., например, *сильно краситься* и *старательно краситься, сильно долбить* и *старательно долбить, сильно барабанить* и *старательно барабанить* и т.п. Очевидно, что «тщательность» как одна из ипостасей большей против нормы интенсивности характерна для целенаправленных действий лица. Ср., например, *Лыжи сильно* (не *старательно*!) *скользят*, но *Лыжник старательно* (и *сильно*) *скользит, Иван сильно* (не *старательно*!) *изменился* и *Иван старательно* (и *сильно*) *изменил свою внешность, Забор сильно* (не *старательно*) *нагнулся* и *Иван старательно* (*с усилием, осторожно, сильно*) *нагнулся* и т.п.

В то же время, как кажется, *сильно* и *старательно* у многих модифицируемых глаголов образуют не привативную, но эквиполентную оппозицию, в которой сильный член это *сильно* (не каламбур!). Например, *сильно мстить, благодарить, роскошествовать, сердить* обозначает не только «силу» соответствующих действий, но их «тщательность». В то же время для большого количества действий «сила» и «тщательность» выражаются почти фразеологично и без семантической дифференциации: *строго экзаменовать, соблюдать; торжественно обещать, присягать, провозглашать, клясться; категорически возражать, требовать, отрицать, утверждать, настаивать, запрещать; горячо позравлять, благодарить, желать, приветствовать; глубоко сочувствовать, соболезновать, проверять, вникать, спать, заблуждаться, ошибаться, ясно представлять себе, подразумевать, сознавать; полностью соответствовать, оправдывать, соглашаться, активно вмешиваться, обсуждать, сопротивляться; убедительно, воплощать, воспроизводить, отображать* (хотя *имитировать* и *копировать* только *старательно*), а также *врать нагло, просить убедительно* (что никак не соответствует свободному значению этого наречия), *свидетельствовать убедительно, предлагать настойчиво, вмешиваться активно, беседовать доверительно* и т.п.

Вместе с этим существует и немало таких глаголов, семантика которых не чужда интенсивности ни как «силе», ни как «тщательности», однако органичное формальное воплощение получает только одна из этих ипостасей. Например, *лечить, учиться, работать* можно только *старательно*, но едва ли *сильно*, но, может быть, только *изо всех сил, не щадя живота своего, до изнеможения* и т.п. Оказывается, впрочем, что для большого количества глаголов большая против нормы интенсивность действия ни в одной из ипостасей не может быть органично выражена. Таковы, как кажется, например, глаголы *производить, создавать, сооружать, завтракать, обедать, ужинать* (хотя *есть* можно и *жадно*, и *разборчиво*), *руководить, командовать, ябедничать, избирать, переизбирать* (в отличие от *выбирать* по отношению к предметам, где «тщательность» легко выразить»), *угощать* (*настойчиво* ?) и мн.др. Особенно показательны в этом отношении глаголы *гадать, колдовать*. Герой известной сказки Леонида Филатова семантически безупречно, но коммуникативно весьма необычно призывает: *Ты башку себе продуй да потщательней колдуй!* Зато агрессивная и обширная реклама современных оккультистов предпочитает говорить о *силе* своих конкретных воздействий (приворотов, отворотов и т.п.). Напомню, что речь вовсе не идет о глаголах, семантике которых чужда идея интенсивности, таких, например, как *удочерить, женить, директорствовать, жить, числиться, состоять* и т.п.

5. ***Интенсивность действия и русская языковая картина мира.***

Итак, можно утверждать, что большая против нормы интенсивность действия, выражаясь весьма разнообразными словообразовательными и лексическими средствами, реализуется в русском языке, во-первых, далеко не во всех необходимых случаях, а во-вторых, нередко соединяется с различными другими семантическими элементами. Эта частая непоследовательность и существенная неточность делают поставленную в начале доклада задачу для многих модифицируемых глаголов нерешаемой. Причем эта принципиальная неразрешимость для одних случаев выступает на фоне множества синонимичных и квазисинонимичных решений для других случаев. Ср. *смотреть – всматриваться – пристально смотреть – пристально всматриваться – внимательно смотреть – внимательно всматриваться – напряженно смотреть – напряженно всматриваться – сильно всматриваться – тщательно всматриваться – изо всех сил всматриваться* и т.п.

Нетрудно при этом видеть, что большая против нормы интенсивность действия в качестве самого органичного средства для своего выражения избирает в русском языке наречие *сильно* (с учетом, в частности, разговорных и просторечных словосочетаний, таких, как, например, *сильно прятать* или *сильно болеть*). В результате этого интенсивность как «тщательность» оказывается нередко в тени интенсивности как «силы». В частности, такие лексические показатели, как *тщательно, аккуратно, внимательно, во всех деталях* и т.п. явно уступают *сильно* и по частотности, и по синтагматической свободе употребления. В то же время общественные потребности, как кажется, настоятельно требуют означивания именно большей против нормы тщательности действия, откуда, видимо, и известный призыв сатирика *«Тщательнее надо, ребята»*, и эпатирующая калька с английского: *«Мы стараемся сильнее!»*.

В то же время в русском языке нет фиксированных словообразовательных средств ни для выражения интенсивности вообще, ни для интенсивности как «силы», ни для интенсивности как «тщательности». В отличие, например, от «повторяемости» (*пере-*), степени результативности (*недо-* и *пере-*), незначительной продолжительности (*по-*) или «результативности усилий» (*вы-*)[5]. Более того. В русском языке для выражения «тщательности», действия существует конфикс *вы- -ся*, как словообразовательное средство выступающий только в паре *служить – выслуживаться*, где представлена и еще одна сема «внешне, напоказ», естественно, влекущая за собой и отрицательную общую холистическую оценку. Замечу, что тот же конфикс *вы- -ся* со значением «старательно напоказ» выступает в словах с десемантизированными корнями типа *выпендриваться, выдрючиваться* и т.п. Таким образом, «тщательность» в русском языке, разделяя общие слабости с «интенсивностью» вообще, оказывается не только в тени «интенсивности – силы», но и несколько компрометируется специализированным средством, содержащим отрицательную оценку. Все это следует иметь в виду, пытаясь воссоздать русскую языковую картину мира в соответствующей области. Для построения такой полной картины необходимо также решить задачу, аналогичную решаемой, относительно меньшей против нормы степени интенсивности действия. Не ставя перед собой сейчас именно эту задачу, отмечу лишь два момента. Во-первых, семантическая структура меньшей против нормы интенсивности действия вовсе не будет зеркальным отражением большей против нормы интенсивности. Во-вторых, для выражения меньшей против нормы интенсивности (в обязательном соче-

тании с ограниченной продолжительностью) в русском языке есть специализированное средство, конфикс *по - -ива* (*читать – почитывать, смотреть – посматривать, болеть – побаливать* и т.п.).

Возвращаясь к поставленной в начале доклада задаче, в заключение хочу отметить ее коммуникативную особенность[6]. Дело в том, что обозначение большей против нормы интенсивности, а особенности тщательности действия, в русском языке не принято в том случае, когда младший (по возрасту и/или положению) говорит о действиях старшего в его присутствии. Не отсюда ли частые языковые «неуклюжести» типа благодарности за *внимательное прочтение* (за то, что старший *вчитывался, читал старательно, прилежно*) или *чуткое руководство* (за то, что старший *руководил тщательно*)?

Примечания:

1. О таком разграничении см.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – Москва. – 1999. – С .194 и далее.
2. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб. – 1996. – С. 22-123.
3. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. – Том 2. – С. 165-166.
4. См., например, работы Караулова Ю.Н., Морковкина В.В., Шведовой Н.Ю..
5. „Грамматика говорящего”. Об этом см. в прекрасной книге Б.Ю. Нормана. – СПб. – 1996; а также Земская Е.А. Словообразование и текст. – ВЯ. – 1990. – № 6.
6. Крысин Л.П. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц. // Семиотика и информация. Вып.28. – Москва.

БРАНКО ТОШОВИЧ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОРРЕЛЯЦИОНАЛ: КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

0. В настоящем докладе рассматриваются следующие вопросы: 1. что такое словообразовательная категория, 2. какое место занимает она в категориальной системе языка, 3. какие типы словообразовательных категорий существуют и 4. в каком отношении находятся деривационные и языковые категории, в первую очередь грамматические.

1. Словообразовательный корреляционал представляет собой общую систему (сеть) гомогенных и гетегоренных отношений словообразовательных единиц – форм, значений, функций и категорий. Одной из центральных частей его являются категориальные отношения.

I

2. Понятие категории используется в самых различных значениях, которые можно свести к трем основным: (1) группа, класс, разряд, множество, совокупность однородных явлений (2) основное (самое широкое, самое общее) понятие, (3) общие свойства, дифференциальные признаки классов.

Под понятием категории мы подразумеваем общие свойства, возникающие на основании гомогенного или гетерогенного отношения в определенной группе (классе, разряде) элементов, т. е. общие свойства форм, значений, функций, находящихся в гомогенной или гетерогенной связи. Категория – это корреляция как минимум двух сущностей, порождающая третью сущность: понятие. Ее не образуют формы, значения или функции, отдельное взятые. Подобно тому как форма, значение или функция не может стать категорией также изолированное множество форм, значений или функций не создает языковую категорию. Но и совокупность форм, значений или функций, если они не находятся в взаимной связи, в единстве, не порождает категорию. Чтобы какое-нибудь явление назвать категорией, необходимо (а) иметь как минимум два элемента, (б) которые должны находиться в отношении и (в) которые в свою очередь должны создавать общее свойство. Теоретически это может быть: **(1)** единство различных форм с общим значением (**f_1, f_2, f_3… f_x = ‘Z’**), напр., окончания существительных типа *стол, стола, столу* с общим значением образуют семантико-формальный класс, **(2)** единство различных форм с общей функцией (**f_1, f_2, f_3… f_x = F**), напр., слова типа *стол, карандаш, книга* выражают одну и ту же функцию – номинативную и образуют функционально-формальный класс, **(3)** единство различных значений с общей формой (**‘z_1’, ‘z_2’, ‘z_3’… ‘z_x’ = F**), напр., выполнение значения действия в настоящем, будущем и прошлом одной и той же формой типа *иду* образует формально-семантический класс, **(4)** единство различных значений с общей функцией (**‘z_1’, ‘z_2’, ‘z_3’… ‘z_x’ = F**), напр., передача значения действия в настоящем, будущем и прошлом с одной и той же функцией (скажем воздействием) образует функционально-семантический класс, **(5)** единство различных функций с общей формой (**F_1, F_2, F_3… F_x = f**), напр., выполнение различных функций типа общения, сообщения и воздействия одной формой типа *садик* образует формально-функциональный класс, **(6)** единство различных функций с общим значением (**F_1, F_2, F_3… F_x = ‘Z’**). напр., вы-

полнение различных функций словами различного значения образует семантико-функциональный класс. Во всех комбинациях всегда подразумевается наличие формы.

Варианты **1** и **6** базируются на общности значения, **3** и **5** на общности формы, а **2** и **4** на общности функции. В теории словообразования под категорией подразумевается исключительно общность значения или общность форм. Нам неизвестны случаи толкования словообразовательной категории как общности функций. Сама функция не фигурирует как важное словообразовательное понятие.

Языковые категории имеют двуплановый характер. Они состоят из плана содержания (внеязыковое содержание, выраженное языковыми средствами) и плана выражения (языковые средства, используемые для передачи внеязыкового содержания)[1]. В первом случае ставится вопрос, какое общее содержание выражается при помощи различных форм, а во втором какая общая форма выражает различные типы содержания. Значение является преимущественно элементом плана содержания, форма планом выражения, а функция элементом, объединяющим оба плана (с какой целью используется единица плана выражения, т. е. определенная форма или же единица содержания, т. е. значение).

Гетерогенность является важным свойством языковых категорий. Она может иметь интра- и экстракатегориальный характер. Интракатегориальную гетерогенность образуют языковые сущности (напр. языковая форма и языковое значение), экстракатегориальную языковые и неязыковые сущности (напр. языковая форма и форма материального мира). Языковые категории отражают неязыковые (философские, логические, понятийные, онтологические и др.), напр. предметность, признаковость, отношение и т. п.

II

3. Если исходить из трехмерного характера категории (К = f + z + F), то систему деривационных категорий (D_{kat}) образуют двучленные или трехчленные единства деривационных форм (D_{for}), деривационных значений (D_{zna}) и деривационных функций (D_{fun}).

$$\mathbf{D_{kat} = D_{for} \leftrightarrow D_{zna} \leftrightarrow D_{fun}}$$

Так как словообразование является сугубо операционной областью и дисциплиной, можно, как четвертый важный элемент словообразовательной категории добавить деривационный прием.

Данный подход требует максимального различения деривационной категории, деривационного значения, деривационной функции и деривационной формы (что представлено на схеме в конце работы)[2]. Если данные понятия совпадают и используются друг вместо друга, то одно из них является лишним. Явление, которое называ-

---

[1] О. Есперсен выдвигает форму как высший критерий: в синтаксисе любого языка он признает только такие категории, которые находят в нем формальное выражение (Есперсен 2002: 52).

[2] Полное и строгое разграничение и сужение понятия категории я языке вряд ли является возможным и целесообразным. Этой точке зрения придерживается и Милош Докулил: “Излишние ограничения в употреблении термина «категория» в языкознании повели бы к борьбе с такими обычными теперь выражениями, как категория настоящего времени, категория кондиционала настоящего времени, категория инфинитива, категория слова, категория субстантива, категория подлежащего, категория придаточных предложений и т. п., которая была бы напрасной и заранее обреченной на неудачу. Для таких ограничений нет и достаточно веских теоретических оснований”. (ДОКУЛИЛ 1967, 4).

ем формой, нет смысла считать категорией. Это разграничение является очень важным, так как в теории словообразования царит большая путаница: словообразовательной категорией называются самые различные вещи и выделяются разнородные типы. В дальнейшем коротко остановимся на толковании словообразовательной категории, формы, значения и функции.

4. Словообразовательной категорией теоретически можно считать любое объединение словообразовательных форм, значений и функций с общим свойством, например случай, когда как минимум две словообразовательные формы (1) выступают в одной и той же словообразовательной функции (2) и выражают общее словообразовательное значение.

В.Н. Немченко выделяют три толкования словообразовательной категории [производных слов]: "1. Совокупность производных слов разных словообразовательных моделей, принадлежащих к одной и той же части речи. 2. Совокупность производных слов, объединенных общностью части речи их производящих, способа синхронического словообразования и основных, наиболее общих словообразовательных значений. 3. "Объединение морфем близкой или тождественной словообразовательной семантики» (В. В. Лопатин)". (НЕМЧЕНКО 1984, 226). В словаре "Основные понятия словообразования в терминах" В. Н. Немченко дает такие определения: 1. „совокупность производных слов, объединенных общностью части речи их производящих, способа словообразования и основного, наиболее общего словообразовательного значения", 2. "совокупность производных слов разных способов словообразования, объединенных общностью словообразовательного значения" (НЕМЧЕНКО 1985, 139).

Д. А. Осильбекова констатирует, что словообразовательной категорией принято называть совокупность синонимических словообразовательных типов и что в отечественных работах 70-х годов единственным безусловно признаваемым всеми авторами критерием выделения словообразовательной категории являлся общность словообразовательного (деривационного) значения (ОСИЛЬБЕКОВА 1988б, 81)[1].

По мнению Р. С. Манучаряна словообразовательная категория не только не занимает в теории словообразования первостепенного места, какое отводится грамматической категории в теории грамматики, но и находится в целом на периферийном положении по сравнению с такими единицами описания, как словообразовательный тип (модель), способ словообразования, словообразовательное гнездо (МАНУЧАРЯН 1974, 31-32). "Высказывались даже сомнения в правомерности данного понятия. Лишь в отдельных работах последних лент, и прежде всего в коллективном труде чешских лингвистов, посвященном словообразованию существительных, словообразовательная категория занимает место основной единицы описания". (МАНУЧАРЯН 1974, 31-32). Он считает словообразовательную категорию двуплановой единицей, т.

[1] "Одни исследователи считают, что словообразовательные типы одной категории должны быть представлены производными, образованными от слов одной части речи (И. С. УЛУХАНОВ), другие – не считают это требование обязательным (З. М. ВОЛОЦКАЯ, Р. С. МАНУЧАРЯН). Так, З. М. Волоцкая в словообразовательную категорию локативных производных включает как отглагольные (*лесопильня, зимовье*), так и отыменные (*пожарище, шашлычная*) образования с общим значением «там, где». Спорным является также вопрос о введении в определение словообразовательной категории требования общности способов словообразования" (ОСИЛЬБЕКОВА 1988б, 81-82).

е. единицей, относящейся одновременно к плану выражения и плану выражения (МАНУЧАРЯН 1975, 38).

И. С. Улуханов дает следующее определение словообразовательной категории: “Слова с разными формантами, но с тождественными формантными частями значений, мотивированные словами одной и той же части речи, образуют словообразовательную категорию, например, категории глаголов со значением становиться каким или более каким», становиться кем-чем», «наделять чем», «делать каким» и т. п.”. (УЛУХАНОВ 1977, 129-130). Он категориями и подкатегориями называет мотивированные слова с общими компонентами в значении (например, категория мотивированных nomina agentis) и подкатегория (nomina agentis – лица; nomina agentis – неодушевленные предметы и др.) (УЛУХАНОВ 1975, 27).

Он справедливо указывает на то, что проблематика, связанная со словообразовательными категориями, разрабатывалась главным образом на материале имен существительных. “Словообразовательные категории русского глагола специальному анализу не подвергались. Лишь при описании способов действия рассматривались такие словообразовательные категории мотивированных глаголов, как глаголы со значением начала действия, дистрибутивные глаголы и т. д. Некоторые словообразовательные категории глаголов, мотивированных именами, рассмотрены на материале немецкого языка в работах представителей «словообразования, ориентированного на содержание» (термину “словообразовательная категория” у этих авторов соответствует термин “словарный блок”)” (УЛУХАНОВ 1975, 28).

В данной работе И. С. Улуханов делает анализ одной глагольной категории, а именно категории отыменные глаголы, объединенные общностью словообразовательной семантики, но различающиеся средствами ее выражения типа *партизанить*, *геройствовать*, *столярничать*, *психовать*, *невеститься*, имеющих суффикс **-(ть)**, **-свова(ть)**, **-ова(ть)/-ирова(ть)** или суффиксально-постфиксальный формант **-иться**[1].

Недостатком такого подхода является то, что **(1)** здесь больше речь идет об общих значениях, чем о категориях (сам автор подчеркивает не категориальный, а семантический аспект: “Естественно, что это – не единственный возможный способ семантической классификации данных глаголов” (УЛУХАНОВ 1975, 35); “В данной статье мы стремились показать принципы семантической организации лишь одного из участков словообразовательной системы” (УЛУХАНОВ 1975, 35), **(2)** в таком подходе получается огромное количество словообразовательных категорий, вследствие чего такая категоризация теряет свой смысл, **(3)** отсутствуют названия выделенных категорий (даются только их значения) – автор приводит и такие “категории”: “дей-

[1] Глаголы рассматриваемой категории делятся на восемь подкатегорий: 1) “совершать действие, свойственное кому” (без дополнительных компонентов в словообразовательной семантике): *фиглярничать*, *столярничать*; 2) “совершать действие, свойственное кому, состоя на службе (= работать кем)”: *учительствовать*; 3) “совершать действие, свойственное кому; субъект действия является теми, кто назван мотивирующим именем (= быть кем)”: *вдовствовать*; 4) “совершать действие, свойственное кому, состоя на службе; субъект действия является тем, кто назван мотивирующим именем (= работать, будучи кем)”: *профессорствовать*; 5) “совершать действие, свойственное кому; субъект действия не является тем, кто (что) назван(о) мотивирующим именем” : *парусить*; 6) “совершать действие, свойственное кому; субъект действия не является тем, кто назван мотивирующим именем; действие не одобряется говорящим”: *школьничать*; 7) “совершать действие, свойственное кому; действие не одобряется говорящим”: *виртуозничать*; 8) “совершать действие, свойственное чему; субъект действия отсутствует”: *вьюжить* (УЛУХАНОВ 1975, 29). Данные подкатегории выделены на основе компонентов словообразовательного значения глаголов.

ствовать с помощью того, что названо мотивирующим именем” (*багрить, циклевать*), “наделять тем, что названо мотивирующим именем” (*крахмалить, маслить, мылить, смолить*) (УЛУХАНОВ 1975, 35). Особенно остро проблематизирует данный подход следующий вывод автора: “Это деление, с нашей точки зрения, отражает особенности лексического значения глаголов в мотивирующих имен, но никак не характеризует их словообразовательное значение: *столярничать* и *фиглярничать* входят в одну словообразовательную подкатегорию, а *учительствовать* – в другую” (УЛУХАНОВ 1975, 35). Если не характеризует словообразовательное значение, а только лексическое, можно ли говорить о словообразовательной категории?

5. Словообразовательная форма – это новая форма, созданная словообразовательным путем, т. е. форма мотивированного слова по отношению к форме мотивирующего слова. В словообразовательной литературе данное понятие используется в значении ‘словообразовательная структура производного слова’, ‘производное слово’ (НЕМЧЕНКО 1984, 149). Мы различаем частичную и полную словообразовательную форму. Частичную образуют словообразовательные аффиксы (форманты) – суффиксы, приставки, инфиксы, постфиксы, аффиксоиды и т. п. Полной является новое слово, полученное словообразовательным путем, т. е. производное и сложное слово.

6. Словообразовательное значение – это общее значение, которое отличает все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих (ГАН 1980. I, 135). Существуют частные словообразовательные значения – повторяющиеся в ряде слов наиболее распространенные значения, более узкие по сравнению с общим словообразовательным значением (ГАН 1980. I, 1366)[1]. Частые словообразовательные значения неотделимы от общего значения как его основные реализации. Словообразовательные значения слов одной части речи отличаются от категориальных морфологических значений[2].

7. Словообразовательная функция редко встречается в словообразовательных работах и используется не в строгом терминологическом значении (поэтому и не определяется). Для нас словообразовательная функция представляет собой назначение частичной или полной словообразовательной формы с определенным значением в языковой коммуникации, т. е. функция подразумевает, в каких целях употребляется

---

[1] “Так, среди существительных с суф. **-лк(а)** с общим словообразовательным значением “предмет, производящий действие или предназначенный для его выполнения” можно выделить следующие семантические подтипы: 1. “предмет, предназначенный для выполнения действия” (*молотилка*); 2) “предмет приспособление, являющееся субъектом действия” (*коптилка*), 3. “помещение, предназначенное для выполнения действия” (*читалка*), 4. “лицо – субъект действия” (*сиделка*), 5. “животное (возможно и лицо) – субъект действия” (*жужжалка*) – (ГАН 1980. I, 136).

[2] Под этим подразумевается морфологическое значение, общее для всех форм, образующих ряд (ГАН 1980. I, 456). “Последние всегда группируются в такие ряды значений, которые находятся в отношении противопоставления в рамках единой категории, охватывающей все слова одной части речи (например, грамматические значения мужского и других родов, охватывающие весь класс существительных и составляющие грамматическую категорию рода, или значения совершенного и несовершенного вида, составляющие грамматическую категорию глагольного вида). У словообразовательных значений это свойство отсутствует” (ГАН 1980. I, 137-138). “Словообразовательным значением является, например, значение становления признака, формально выраженное у глаголов на **-еть** (*белеть, прочнеть, седеть*). В то же время каждый из этих глаголов имеет индивидуальное лексическое значение, а часть таких глаголов содержит, например, компонент значения “изменение цвета” (*белеть, желтеть, зеленеть*), не имеющий специального формального выражения внутрисловными средствами. Кроме того, эти слова имеют ряд грамматических значений, свойственных глаголу как части речи” (ГАН 1980. I, 866).

определенная словообразовательная форма и(ли) ее значение. Основной словообразовательной функцией является номинация, т. е. ономасиологическая функция. Вторая важная функция – прагматическая (модальная, перлокутивная): дериваты и дериватемы используются в целях передачи отношения говорящего к окружающему мир, что особенно сильно проявляется в категории субъективной оценки, категории увеличительности и категории уменьшительности.

8. Чтобы какое-нибудь явление в словообразовании назвать категориальным, оно должно выполнить два условия: (а) быть собственно (преимущественно) категориальным, а не преимущественно семантическим, функциональным или формальным, (б) быть полностью или большей частью словообразовательным. Если придерживаться только этих условий, то целый ряд категорий, которые упоминаются в словообразовательных исследованиях, окажутся за рамками деривационной категориальной системы. Если же радикально применять данные критерии, ставится вопрос: существуют ли вообще словообразовательные категории.

Существует шесть теоретически возможных комбинаций словообразовательных форм, значений и функций, ведущих к образованию деривационной категории: **1.** словообразовательные формы $\mathbf{f_1, f_2, f_3 \ldots f_x}$ имеют общее словообразовательное значение **ˈZ' ($\mathbf{f_1, f_2, f_3 \ldots f_x}$ + ˈZ'),** напр., несколько суффиксов передают одно и то же общее значение (так, **-тель** обозначает деятеля и орудие: *преподаватель* и *выключатель*), **2.** словообразовательные формы $\mathbf{f_1, f_2, f_3 \ldots f_x}$ имеют общую словообразовательную функцию **F ($\mathbf{f_1, f_2, f_3 \ldots f_x}$ + F)**, напр., несколько суффиксов выполняет одну и ту же функцию (**-ор**, **-тель**, **-ант** используются для обозначения деятеля: *организатор*, *учитель*, *коммерсант*); **3.** словообразовательные значения **ˈ$\mathbf{z_1}$', ˈ$\mathbf{z_2}$', ˈ$\mathbf{z_3}$'… ˈ$\mathbf{z_x}$'** имеют общую словообразовательную форму **F (ˈ$\mathbf{z_1}$', ˈ$\mathbf{z_2}$', ˈ$\mathbf{z_3}$'… ˈ$\mathbf{z_x}$' + F)**, напр., различные значения выражает один и тот же суффикс (**-тель** обозначает деятеля и орудие: *преподаватель*), **4.** словообразовательные значения **ˈ$\mathbf{z_1}$', ˈ$\mathbf{z_2}$', ˈ$\mathbf{z_3}$'… ˈ$\mathbf{z_x}$'** имеют общую словообразовательную функцию **F (ˈ$\mathbf{z_1}$', ˈ$\mathbf{z_2}$', ˈ$\mathbf{z_3}$'… ˈ$\mathbf{z_x}$' + F)**, напр., различные значения одного и того же суффикса выполняют одну и ту же функцию (**-тель** в словах *преподаватель* и *выключатель* выполняют номинативную функцию), **5.** словообразовательные функции $\mathbf{F_1, F_2, F_3 \ldots F_x}$ имеют общую словообразовательную форму **f ($\mathbf{F_1, F_2, F_3 \ldots F_x}$ + f)**, напр., различные словообразовательные функции выполняет один и то же суффикс (слова *сварка*, *идейка* с суффиксом **-к-** имеют номинативную и модальную функцию), **6.** словообразовательные функции $\mathbf{F_1, F_2, F_3 \ldots F_x}$ имеют общее словообразовательное значение **ˈZ' ($\mathbf{F_1, F_2, F_3 \ldots F_x}$ + ˈZ')**, напр., словообразовательные функции суффиксов с общим словообразовательным значением (суффикс **-ор**, **-ель**, **-ант** в значении ˈчеловекˈ).

Словообразовательная категория – это совокупность, которая не подводится под другую категории (грамматическую, лексическую, лексико-семантическую и т. п.). Она обладает в плане содержания общим словообразовательным признаком, а в плане выражения словообразовательными средствами. В плане выражения любая словообразовательная категория должна иметь формальный словообразовательный показатель. В словообразовательных категориях отсутствует отношение детерминации (обязательности), так как одна словообразовательная категория не предполагает другую. Напр., категория уменьшительности не предполагает наличие категории увеличительности. Для словообразовательных категорий характерно отношение кон-

стелляции (независимости), но не характерно отношение интердепеденции (когда словообразовательные категории присутствуют вместе и не могут существовать друг без друга).

III

9. Чтобы разобраться в словообразовательных категориях, надо уточнить их отношение к близким понятиям, каким являются в первую очередь словообразовательная система (и подсистема), словообразовательный класс, словообразовательный тип, общее словообразовательное значение, словообразовательный способ (прием), словообразовательное поле, словообразовательная парадигма, словообразовательная синонимия и словообразовательный разряд[1].

10. Словообразовательная система является совокупностью всех словообразовательных единиц языка в их взаимосвязи и взаимодействии как определенная область языка, общей языковой системы (НЕМЧЕНКО 1985, 145). По отношению к словообразовательной системе словообразовательная категория является более узким понятием, точнее является одной из ее частью.

11. Словообразовательный класс представляет собой совокупность производных слов разной словообразовательной структуры, относящихся к одной и той же части речи (НЕМЧЕНКО 1985, 128). Он не подразумевает обязательного соотношения формы, значения и функции, что характерно для словообразовательной категории.

12. Словообразовательным полем называется, в частности, набор суффиксов, которые (а) сообщают производным именам одно и то же общее словообразовательное значение, (б) сообщают производным именам один и тот же пучок значений определенных грамматических категорий числа и одушевленности (РЕВЗИНА 1969, 10). Другими словами, словообразовательное поле представляет собой набор суффиксов, связанных определенными парадигматическими отношениями[2].

Р.С. Манучарян считает, что “[…] в системе словообразовательных понятий надо иметь единицу, обобщающую равнозначные словообразовательные типы (словообразовательная категория), так единицу, обобщающую равнозначные словообразовательные типы и подтипы и функционально покрывающую различия между ними. За последней можно закрепить наименование словообразовательного поля. В таком поле возможно выделение центра, или ядра, конституируемого специализированны-

---

[1] “Для обозначения совокупности синонимичных словообразовательных типов в лингвистической литературе используются термины “словообразовательный разряд”, “словообразовательное поле”, “словообразовательная категория” (ОСИЛЬБЕКОВА 1988а, 156).

[2] В пределах суффиксальной системы О. Г. Ревзина выделяет три словообразовательных поля: поле деятеля, поле действия-состояния (поле отвлеченности) и поле вещи. Словообразовательное поле деятеля порождает одушевленные имена, маркированные по признаку расчлененности, т. е. регулярное образующие множественное число. В общем поле деятеля выделяются суффиксы, образующие деятелей мужского пола и деятелей женского пола. Названия животных входят в производные имена деятеля. Словообразовательное поле действия и состояния составляют суффиксы, которые образуют неодушевленные имена, немаркированные по признаку расчлененности, т. е. не имеющие форм множественного числа. Далее можно выделить суффиксы, образующие имена со значением отвлеченного признака (nomina abstracta) и со значением отвлеченного действия (nomina actionis). Словообразовательное поле вещи различает в себя суффиксы, образующие неодушевленные имена, маркированные по расчлененности, т. е. образующие множественное число. О. Г. Резвина выделяет два подполя: группы суффиксов со значением места и орудия действия.

ми в данном значении и регулярным и формантами, и периферии, представленной неспециализированными формантами" (МАНУЧАРЯН 1981, 214)[1].

13. Что касается словообразовательного типа, он используется в двух значениях: 1. как формально-семантическая схема построения производных слов, которые мотивируются производящими словами определенной части речи, имеют одинаковый словообразовательный формант и выражают одно и то же словообразовательное значение, 2. как совокупность производных слов, относящихся к определенному словообразовательному типу (НЕМЧЕНКО 1985, 132-133). Данное понятие характеризуется общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы, 2) семантического соотношения между производными и производящими, 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования, а для аффиксальных способов тождественностью аффикса (ЗЕМСКАЯ 1973, 182). Словообразовательный тип как и словообразовательная категория является двупланной единицей, однако "[…] словообразовательный тип в плане выражения сохраняет конкретность (определенность) формального показателя словообразовательного значения и на нее опирается, словообразовательная же категория отвлекается от материальной определенности форманта, вследствие чего ее единство зиждется прежде всего на инвариантности функции (значения и назначения). В этом смысле можно сказать, что словообразовательный тип выступает как единица формально-функциональная, а словообразовательная категория – как функционально-формальная" (МАНУЧАРЯН 1981, 201). Словообразовательные типы являются относительно конкретными вариантами данного инварианта (прежде всего в плане выражения): "Словообразовательная категория идентифицирует, таким образом, ряды производных с разными формантами и способами словообразования на основе общности словообразовательного значения. В границах словообразовательной категории и имеет место взаимодействие разных формантов, соответствующих словообразовательных типов и способов словообразования" (МАНУЧАРЯН 1981, 210-211).

М. Докулил толкует словообразовательную категорию как объединения синонимических словообразовательных типов (способов)[2]. Он включает словообразовательную категорию в состав способа словообразования (префиксации, суффиксации, конфиксации и т. д.) (DOKULIL 1968). При этом под словообразовательной категорией подразумевается плоскость, отличающаяся от типа тем, что она отвлекается от единства форманта и является, таким образом, двухмерной. Словообразовательная категория входит одновременно в (1) состав класса словообразовательного способа,

---

[1] В этой работе встречается и термин номинационное поле (категория имен деятеля, действия и т. п.) (МАНУЧАРЯН 1981, 201).

[2] Эту точку зрения не разделяет Р. С. Манучарян: "Однако объем и значимость словообразовательной категории, на наш взгляд, нецелесообразно ограничивать рамками определенного способа словообразования. Дело в том, что между способами выражения словообразовательных значений и характером самых значений в индоевропейских языках не существует однозначной зависимости или соответствия. В сопоставительно-типологическом аспекте сфера расхождения формальных и функциональных объединений еще более расширяется […] Словообразовательная категория идентифизирует, таким образом, ряды производных с разными формантами и способами словообразования на основе общности словообразовательного значения. В границах словообразовательной категории и имеет место взаимодействие разных формантов, соответствующих словообразовательных типов и способов словообразования" (МАНУЧАРЯН 1975, 39).

(2) в состав ономасиологической категории и (3) в состав комплексной категории части речи.

Е. А. Земская, как и М. Докулил, считает, что словообразовательная категория формируется группой словообразовательных типов с общностью деривационного значения, способа словообразования и производящих основ: “Словообразовательная категория формируется группой словообразовательных типов, объединяемых общностью: 1) деривационного значения, 2) способа словообразования, 3) производящих основ; но словообразовательные типы, образующие словообразовательную категорию, различаются словообразовательными аффиксами” (ЗЕМСКАЯ 1973, 241-242). В качестве примера она приводит “категорию имен существительных”, (1) обладающих значением ‘производитель действия, названного производящей основной’, (2) образуемых суффиксацией, (3) производных от основ глаголов. В эту категорию Е. А. Земская включает существительные с суффиксами **-тель** (*отправитель*, *получатель*), **-ец** (*борец*, *творец*), **-ун** (*бегун*, *крикун*), **-щик** (*нормировщик*, *сортирвщик*) и др.

Совокупность словообразовательных типов с общим деривационным значением Д. А. Осильбекова (вслед за М. Докулилом, Е. А. Земской и А. Н. Тихоновым) называет словообразовательной категорией (ОСИЛЬБЕКОВА 1988а, 158). “Такие словообразовательные типы должны объединять производные, образованные от слов одной части речи, так как только такие производные могут иметь тождественное деривационное значение. Объединение в одну словообразовательную категорию производных от слов разных частей речи происходит скорее на основе общности лексического значения. Например, З. М. Волоцкая выделяет словообразовательную категорию локативных производных, включающую как отглагольные, так и отыменные образования с общим значением “там, где” (ОСИЛЬБЕКОВА 1988а, 158). Она считает, что при объединении словообразовательных типов в словообразовательные категории выявляются их взаимосвязи и взаимодействия как внутри категории, так и за ее пределами. “С помощью понятия словообразовательной категории первая подсистема словообразования предстает как упорядоченная сеть оппозиций словообразовательных типов, которые они составляют на основе сходства и различия их деривационных значений” (ОСИЛЬБЕКОВА 1988а: 159).

14. Общее словообразовательное значение представляет собой словообразовательное значение производных слов, характеризующееся высокой степень обобщенности, являющееся общим для всех производных определенного словообразовательного типа (НЕМЧЕНКО 1985, 152). Проблема с данным понятием состоит в том, что в литературе почти с таким же толкованием используется словообразовательное значение – обобщенное значение производных слов определенной словообразовательной структуры, устанавливаемое на основании семантического соотношения данных производных слов с их производящими и выражаемое при помощи словообразовательного форманта (НЕМЧЕНКО 1985, 150). Еще труднее разграничить общее словообразовательное значение и словообразовательную категорию, особенно там, где используется понятие категориального значения, типа: “Под словообразовательным значением имеется в виду общее категориальное значение слов, объединяющихся в словообразовательный тип, основанное на семантическом соотношении мотивированной и мотивирующей основ” (ЛОПАТИН 1966, 76).

И. А. Мельчук считает, что дериватемы (= словообразовательные значения)[1] не объединяются в грамматические категории (МЕЛЬЧУК 1998?, 374)[2]. “В отличие от граммем, дериватема не обязательно противопоставляется другим дериватемам, возможным при данной основе. Иными словами, дериватема не предполагает того обязательного выбора, который язык навязывает говорящему в случае словоизменительных категорий; дериватема выражает смысл (= некоторый “кусок” семантического представления), который говорящий выбирает, ориентируясь только на описываемую им внеязыковую действительность. Таким образом, в содержательном отношении дериватема сближается с лексическим значением […]. По этой причине дериватемы гораздо менее системны, чем граммемы; следовательно, и логическое исчисление дериватем неизбежно окажется менее полным, чем исчисление граммем […]. В частности, и классы дериватем, и их количество устанавливается далеко не так точно. Но это и неудивительно: система дериватем языка *L* обычно является гораздо более произвольной и непредсказуемой по сравнению с системой граммем того же языка” (МЕЛЬЧУК 1998?: 374).

Т. В. Шкварцова признает единственным и определяющим признаком словообразовательной категории общность деривационного значения (ШКВАРЦОВА 1993, 7). “Словообразовательная категория […] понимается как множество производных слов, включая сложные и сложнопроизводные, различных словообразовательных структур, объединенных единством деривационного значения, независимо от способа их образования и частеречной принадлежности производящих, представляющих словообразовательный тип или, наоборот, единичных, уникальных. Принципиально допускается также возможность объединения в рамках одной категории производных разных частей речи на основе общности их деривационного значения (напр., деривационная категория предельной степени выражения признака или оценки может объединять производные *домина*, *суперзвезда*, *высоченный*, *толкануть* и мн. др.)” (ШКВАРЦОВА 1993, 9). Но в конкретном анализе самых категорий она не находит общего решения. Например, на одном месте говорится о категории отвлеченности (с. 9, 13, 14), на другом о словообразовательной категории отвлеченности (с. 13), на третьем о функционально-семантической категории обобщенности-отвлеченности (с. 9),

[1] Дериватемой также называется единица словообразовательного уровня языка, представляемая совокупность словообразовательных типов, объединенных общностью словообразовательного значения (НЕМЧЕНКО 1985, 32).

[2] Под категорией подразумевается максимальное множество значений, исключающих друг друга в одной и той же позиции (семантической или логической) (МЕЛЬЧУК 1997, 247). Граммемой И. А. Мельчук называет словоизменительное значение. В его классификации языковых значений выделяются лексические и грамматические значения (МЕЛЬЧУК 1997, 251). Грамматические далее членятся на словоизменительные (= граммемы) и словообразовательные (= дериватемы). Он различает семантические и синтаксические дериватемы. В классификации дериватем И. А. Мельчук, как и в случае граммем, пользуется противопоставлением фактов (= событий, процессов, действий, состояний, свойств, отношений…) и участников (= участников фактов, т. е. людей, коллективов, животных, предметов, веществ, локализаций… словом, сущностей) – (МЕЛЬЧУК 1998?, 375). Он выделяет четыре основных класса дериватем: 1. дериватемы, обозначающие факты и присоединяющиеся к обозначениям фактов, 2. дериватемы, обозначающие факты и присоединяющиеся к обозначениям участников, 3. дериватемы, обозначающие участников и присоединяющиеся к обозначениям фактов, 4. дериватемы, обозначающие участников и присоединяющиеся к обозначениям участников (МЕЛЬЧУК 1998?, 375).

на четвертом о понятийной функционально-семантической категории отвлеченности (с. 10), а на пятом о производных категориях отвлеченности (с. 10-11, 12)[1].

15. Словообразовательный способ является (1) способом изменения производящего слова или словосочетания, в результате которого возникает (образуется) новая лексическая единица, а также отражение данного изменения в структуре производного слова, (2) формальной схемой построения производного слова, определяемая характером словообразовательного форманта (НЕМЧЕНКО 1985, 176). Словообразовательный способ и словообразовательная категория не совпадают, но имеют точки соприкосновения. А. М. Зализняк считает важным уточнить, включается ли способ образования в состав словообразовательной категории как ее обязательный компонент (в духе М. Докулила), или производные одной словообразовательной категории могут относиться к разным способам. "Второй, более широкий подход представляется более правильным; именно он соответствует принципу описания "от значения к форме (формам) его выражения" (ЗАЛИЗНЯК 1989, 31)[2].

Словообразовательный прием используется в литературе в значении словообразовательного способа. Чешская „Русская грамматика" отождествляет категорию с деривационным приемом (способом, типом): в небольшом разделе "Общеграмматические категории глагольного словообразования" не говорится о категориях, а рассматривается вопрос общесемантической рекатегоризации, т. е. общекатегориальных переходов и видов изменения (транспозиции, модификации и мутации) (ЧЕШСКАЯ 1979, 529-530).

16. Под словообразовательной парадигмой подразумеваются разные явления и соотношения: словообразовательное гнездо, оппозиция производной и производящей

---

[1] В рамках существительных выделяются четыре словообразовательные категории: (1) категория отвлеченности, (2) категория лица, (3) категория неодушевленного предмета и (4) категория субъективной оценки. В системе прилагательных Т. В. Шкварцова различает десять категорий, но без категориальных названий и лишь с семантическими толкованиями: 1. прилагательные словообразовательной категории "имеющий отношение к неодушевленному предмету или явлению, свойству, признаку" (*культовый, древнегреческий, выгодный, идеальный*; *агрессивный*), 2. словообразовательная категория прилагательных со значением „не имеющий отношения к тому, что названо производящим словом" (*вненаучный, внетекстовый, надбазисный*), 3. прилагательные словообразовательной категории "обладающий внешним или внутренним предметным, качественным или процессуальным признаком, названным производящим" (*скалистый, зубчатый, сварной, розоватый, глуповатый*), 4. категория прилагательных с деривационным значением "не имеющий предмета, признака, свойства, названного производящим" (*бесконечный*), 5. категория прилагательных со значением "имеющий отношение к лицу или группе лиц, названных производящим" (*авторский, народный*), 6. категория прилагательных со значением "сделанный, состоящий из вещества, материала или включающий в свой состав вещество, материал" (*медный, бронзовый, йодистый*), 7. категория прилагательных со значением "производящий действие и предназначенный для выполнения действия, названного производящим" (*изумительный, поразительный*), 8. прилагательные со значением "похожий на что-л. или имеющий сходство с чем-л." (*почковидный, газообразный*), 9. категория прилагательных с деривационным значением "направленный против кого-л. или чего-л." (*антинаучный, противогрибковый*), 10. словообразовательная категория прилагательных со значением субъективно-экспрессивной оценки (*сложнейший, тоненький, сверхъестественный, суперинтересный*) (ШКВАРЦОВА 1993, 16-17).

[2] Она ссылается на В. В. Лопатина, который приводит категорию высокой степени проявления признака, представленную в русском языке как префиксальными, так и суффиксальными прилагательными (префиксы раз-, **архи-**, **наи-**, суффиксы **-ущ-**, **-енн-** и др. "По справедливому замечанию В. В. Лопатина способ образования производных и СК несовместимы как исходные единицы в пределах одного и того же описания. При описании словообразовательной системы "от СК" разные СТ и разные способы выступают как реализация некоего инварианта. Очевидно, что таким инвариантом является словообразовательное значение (СЗ) как значение словообразовательного типа" (ЗАЛИЗНЯК 1989, 31).

основ, совокупность форм словообразования данной лексемы и т. д. (МАНУЧАРЯН 1975, 41). В. Н. Немченко выделяет два значения этого понятия: 1. совокупность производных слов, непосредственно мотивированных одним и тем же производящим, 2. совокупность производных слов, выражающих одно и то же общее, обобщенное словообразовательное значение (НЕМЧЕНКО 1985, 143). В толковании Р. С. Манучаряна проводится обобщение словообразовательных парадигм – как совокупностей форм словообразования – на семантической основе, т. е. рассмотрение целых классов средств выражения словообразовательных значений и классов без выражения этих значений. "Словообразовательная парадигма определяется нами как комплекс словообразовательных значений (а также и категорий в целом), выражаемых на базе производящих слов (основ) определенного класса по моделям мотивационных отношений, свойственных данному языку. Такую парадигму целесообразно дифференцировать и терминологически и назвать словообразовательно-семантической" (МАНУЧАРЯН 1975, 41). Она характеризуется набором частных словообразовательных значений и набором общих, категориальных словообразовательных значений[1].

Структура категории выступает в форме парадигмы.

17. Словообразовательная синонимия толкуется как синонимия производных слов, имеющих общий корень, точнее она является словообразовательным типом с идентичным словообразовательными значением, но с разными словообразовательными средствами (НЕМЧЕНКО 1985, 144). В теории словообразования некоторые ставят знак равенства между словообразовательной синонимией и словообразовательной категорией.

18. Словообразовательным разрядом называется (1) совокупность производных слов разных словообразовательных типов, однородных по словообразовательному значению, (2) словообразовательный тип – ряд слов, обладающих общими чертами, среди которых – единство словообразовательно значения (НЕМЧЕНКО 1985, 130, 133), совокупность семантически однородных словообразовательных типов (ОСИЛЬБЕКОВА 1988а: 156-157). В сопоставлении словообразовательных категорий и лексико-грамматических разрядов А. К. Зализняк приходит к выводу, что словооб-

[1] "В рамках такой, например, подсистемы, какую представляют отглагольные производные, а тем более – такой более узкой подсистемы, как отглагольные существительные, все словообразовательные значения и основанные на них категории (субъекта действия, объекта действия, места действия, результата действия и др.) так или иначе коррелируют друг с другом, вступают в парадигматические отношения: обладают общностью базисного, мотивационного признака, они различаются теми семантическими признаками, которые обусловлены принадлежащими им классами специализированных формантов. Сочетания семантических сходств и различий образуют соотношения парадигматического характера, которыми и объединяются словообразовательные категории в ту или иную микросистему. В самом широком и общем смысле можно было бы сказать, что все словообразовательные категории одной макросистемы (например, макросистемы отглагольных существительных) противопоставлены друг другу, но поскольку, как мы видели, между некоторыми категориями существует более тесная корреляция, принимающая характер эквиполентных, грауальных и привативных оппозиций, целесообразно в подобных случаях говорить о "противопоставленности", а в общем случае – о "сопоставленности" словообразовательных категорий одной микросистемы" (МАНУЧАРЯН 1981, 209-210). При этом дается оговорка: "Хотя объединение словообразовательных категорий как частных в рамках более общих не может быть произведено в полном объеме и по единому основанию, сам по себе учет парадигматических отношений словообразовательных категорий в сопоставительно-типологическом аспект существен, т. к. позволяет правильно оценить место "совпадающих" категорий в словообразовательной системе сравниваемых языков. Категория уменьшительности существительных имеется, например, и в русском, и в армянском языке, но в русском ей противопоставлена категория увеличительности.

разовательная оформленность большей части отвлеченных существительных позволяет разделить их на словообразовательную категорию “отвлеченный процессуальный при знак” со сложным внутренним устройством (ср. *мигание*, *раздувание*, *стрижка*, *ходьба*, *правонарушение* и *рывок*, *прыжок*, *беготня*, *болтовня*) и “отвлеченный непроцессуальный признак”, семантически более однородную (*тонкость*, *свежесть*, *доброжелательность*, *изящество*, *безвкусица*, *быстрота*, *глубина*, *удаль*) (ЗАЛИЗНЯК 1989, 34)[1].

Словообразовательный разряд и словообразовательная категория являются близкими понятиями, поэтому не случайно то, что И. И. Ковалик определяет словообразовательную категорию как совокупность словообразовательных разрядов, объединяющих, в свою очередь, семантически однородные словообразовательные типы (КОВАЛИК 1961, 11). Он выделяет только две словообразовательные категории: названия живых существ и названия конкретных предметов и абстрактных понятий.

19. В литературе часто отождествляются словообразовательные категории и лексико-семантические группы. О месте последних в словообразовании писала З. А. Харитончик[2]. Она указывает на то, что обязательный компонент описания словообразовательной модели получает уточнение в виде перечисления лексических категорий, к которым принадлежат производящие лексические единицы, типа предмет, лицо, абстрактные или отвлеченное понятия, единицы измерения, материал, занятие, учреждение, предприятие, вещества, болезнь, страна, территория, город и другие. Она подчеркивает, что категоризация лексического материала в виде лексических полей – не просто методологический прием, используемый исследователями с целью достижения оптимального описания языковых явлений (ХАРИТОНЧИК 2000, 47). Этот автор приходит к выводу, что лексические поля – определенные лексические субкатегории, релевантность которых для словообразования не вызывает ни у кого сомнения (ХАРИТОНЧИК 2000, 48). Далее констатируется, что в целях унификации семантического описания языковой системы можно оставаться на уровне весьма обобщенных семантических категорий типа агенс, инструмент, партитивность, локативность, посессивность, чему способствует тесная семантическая связь словообразования с син-

---

[1] “По объему практически совпадают СК собирательности и ЛГР собирательных существительных (принадлежность к собирательным немотивированных слов типа *хлам, мебель сомнительна*), СК единичности и разряд сингулятивов (*крестьянин*, *соломина*, *росинка*, *малок*, *уголек*, железка, *карамелька* и под.). Напротив, ЛГР вещественных существительных по заполнению конкретным фактическим материалом гораздо шире СК вещественности (*древесина*, *сливки*, *опилки*, *свинина*, *телятина*, *клубника*, *голубика*, *кофеин*, *сахарин*, *анестезин*)” (ЗАЛИЗНЯК 1989, 34).

[2] “Осознание того, что части речи, выступая в роли суперкатегорией, определяющих направление словообразовательных процессов, типы отношений между классами производящих и производных, а также общекатегориальную семантику дериватов, являются не единственными категориями, релевантными для словообразования, вызвало в жизни использование исследователями в своих словообразовательных изысканиях такой таксономической единицы как лексическое (словесное) поле, или лексико-семантическая группа (ЛСГ), которая представляет собой “совокупность (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» (ЛИНГВ. ЭН. СЛ., 1990, 380). Целесообразность, плодотворность и даже необходимость использования этого классификационного типа убедительно продемонстрированы в многочисленных описаниях словообразовательных систем разных языков, в том числе и славянских. В терминах лексических полей представляются в первую очередь результаты словообразования, т. е. производные единицы” (ХАРИТОНЧИК 2000, 46).

таксисом, или ограничиться популярными в настоящее время таксономическими классами Люди, Животные, Артефакты, Натурфакты (ХАРИТОНЧИК 2000, 49).

В. И. Кодухов считает, что словообразовательные категории носят смешанный лексико-грамматический характер (КОДУХОВ 1987, 231). “Примеры показывают, что грамматические категории могут соприкасаться с лексическими группировками слов, что грамматика и лексика могут взаимодействовать, порождая лексико-грамматические категории” (КОДУХОВ 1987, 231). Словообразовательные категории, по его мнению, связывают слова с морфологической структурой, характерной для той или иной части речи. В то же время они связаны с образованием новых лексем и лексическими группировками слов. К лексико-грамматическим категориям В. И. Кодухов относит категории абстрактности, вещественности, одушевленности существительных, способа действия глаголов, относительности и качественности прилагательных.

В немецкой дериватологии выделяются различные словообразовательные группы, которые по-разному называются: Abteilungparadigma = парадигма разделения, выделения (DEUTSCHE WORTBILDUNG 1973, 135), Wortbildungsparadigma = словообразовыательная парадигма, Funktionsstand (ERBEN 1983, 67), Wortstand = положение, состояние слова (HENZEN 1965, 29), Wortbildungskategorie = словообразовательная категория (OHNHEISER 1987: 11), Wortbildungsgruppe = словообразовательная группа (FLEISCHER/BANZ 1995, 70-71). Вольфгант Флайшер и Ирмгильд Банз говорят о словообразовательных группах и об ономасиологических категориях (FLEISCHER/BANZ 1995). Под словообразовательной группой они подразумевают “формативно-структурно” различные модели с одим семантическим инвариантом (FLEISCHER/BANZ 1995, 70). Такими являются, например, в рамках существительных словообразовательные модели и типы для обозначения лиц (Personenbezeichnungen: *Peter* Петр), собирательные названия (Kollektiva: *Menschheit* человечество), обозначение свойств (Eigenschaftbezeichnungen: *Klarhaiet* ясность), названия приборов (Gerätebezeichnungen: *Kocher* керосинка, примус, электроплитка), обозначения пространственности (Bezeichnungen von Räumlichkeiten: *Gefägnis* тюрьма); – в рамках прилагательных ‘высокая степень качества’ (‘hogen Grad der Eigenschaft’: *superklug* суперумный), ‘возможность базисного содержания’ (‘Möglichkeit des Basisinhalt’: *tragbar* портативный, переносный), ‘наличие базисного содержания’ (‘Vorhandensein des Basisinhalt’: *schmerzlich* мучительный); – в рамках глаголов ‘снабжать чем’ (‘versehen mit’: *ölen* промасливать), ‘приватив’ (‘privativ’: *entlausen* производить дезинфекцию, уничтожать вшей), ‘(неожиданное) начало действия’ (‘(plötzlicher) Beginn der Handlung’: *erklingen* зазвенеть, зазвучать). Отдельные модели, т. е. типы одной словообразовательной группы кроме семантического инварианта часто передают специфические семантические признаки, определенные оттенки, ср. *superklug* ‘суперумный по отношению к *hyperkorrekt* ‘суперкорректный’. В рамках ономасиологически сильнее ориентированных словообразовательных групп выделяются семантические подгруппы, напр. в обозначении лиц различные подгруппы на **-er**: *Maler* (художник, живописец) ‘professionel’, *Anlieger* (владелец участка, прилегающего к дороге [реке, озеру]) ‘habituell’, *Finder* (нашедший,/нашедшая [потерянную] вещь)‘okkasionel’, которые отличаются своим словообразовательным значением. Таким образом, с одной стороны, Вольфгант Флайшер и Ирмгильд Банз не го-

ворят о словообразовательных категориях, а о словообразовательных группах. С другой, они выделяют ономасиологические категории, и о них отдельно пишут (FLEISCHER/BANZ 1995, 86-87). Авторы подчеркивают, что с ономасиологической точки зрения централью роль занимают существительные. Но и здесь они возвращаются к понятию словообразовательных группы и дают список „классических“ групп: 1. Nomen (мн. ч. Nomina) acti – обозначение состояния как следствие или результат действия: *Bildung* ‘образование’, 2. Nomen actionis – обозначение действия, процесса: *Gesigne* ‘(надоедливое) пение’, 3. Nomen agentis – обозначение носителя действия: *Forscher* ‘исследователь’, 4. Nomen patientis – обозначение лица, на которое действие распространяется: *Prüfung* ‘экзамен’, 5. Nomen qualitatis – обозначение свойства, качества: *Güte* ‘добро, благо, хорошее’, *Klugheit* ‘толковость, смышленность, благоразумие’, 6. Nomen instrumenti – обозначение инструмента, прибора: *Schalter* ‘выключатель; переключатель’, *Hebel* ‘рычаг’, 7. Nomen loci (Lakativum, мн. ч. Lokativa) – названия мест: *Ablage* ‘место для хранения, архив’, *Bäckerei* ‘пекарня’, 8. Kollektivum – собирательное название группы однородных явлений как единого: *Regierung* ‘правительство’, *Stedentschaft* ‘студенчество’, 9. Soziativum – обозначение отдельного по его отношению к другому: *Gehilfe* ‘помощник, ассистент; подсобник, соучастник (преступления)’, *Mitschüler* ‘товарищ [подруга] по школе, школьный товарищ, школьная подруга’. Дальнейшие ономасиологически ориентированные словообразовательные группы можно расчленить на общие группировки типа названия лиц, животный, материалов и артефактов. Ономасиологически ориентированные группы охватывают также Simplizia (простые слова) и номинативные группы слов (многословные названия).

То, что одни называют словообразовательными категориями, другие считают лексико-грамматическими категориями. Так, С. Д. Кацнельсон пишет: “Такими лексико-грамматическими категориями являются в пределах имени – имена собственные и нарицательные, одушевленные и неодушевленные, имена действия, действующего лица и результата действия, названия орудий, названия частей тела, термины родства; в пределах глагола – глаголы покоя и пространственного перемещения, глаголы чувственного восприятия, глаголы внутреннего переживания, глаголы речи, знания, понимания и желания и т. д.” (КАЦНЕЛЬСОН 1986, 122). Далее уточняется: “Я преднамеренно ограничиваюсь здесь перечислением таких лексико-грамматических категорий, которые встречаются в лингвистической литературе и приобрели в некотором роде права гражданства. Некоторые из них имеют даже специальное “свидетельство” об этом – принятую латинскую номенклатуру вроде nomina agentis, actionis, acti, instrumenti или verba dicendi, declarandi, sentiendi, cognoscendi”.

IV

20. В исследованиях часто используется понятие словообразовательной категории, но мало кто считает целесообразным пояснить, что это такое, хотя в заглавии целого ряда работ используется данное понятие (ГРЯЗНОВА 1990; ДЕДУШЕВА 1997; ЗАЛИЗНЯК 1989; КОРЯКОВЦЕВА 1994; МИЛОСЛАВСКИЙ 1989; ОСИЛЬБЕКОВА 1988а, 1988б, 1989; ПОЗДНЯКОВА 1999; САХАРНЫЙ 1993; ТЯПКО 1999; ШКВАРЦОВА 1993; KLESZCZOWA 1998 и т.д.)[1]. Словообразовательные категории,

[1] Это заметил и Р. С. Манучарян: “Хотя словообразовательная категория упоминается в работах различной ориентации, применение данного понятия и термина в целом нельзя признать ни систематическим, ни последова-

которые выделяются в литературе, относятся, как правило, только к одной части речи: существительным, т. е. к именам.

Н. В. Крушевский и В. А. Богородицкий одними из первых выдвинули учение о словообразовательных категориях как основу словообразования (БОГОРОДИЦКИЙ 1935, 136). Так, В. А. Богородицкий писал: “Желая с своей стороны выдвинуть в морфологии на первый план семасиологическую сторону, мы постараемся вопрос о суффиксах имен существительных свести на вопрос о суффиксальных категориях, посредством которых классифицируется в русском языке все разнообразие предметов мира” (БОГОРОДИЦКИЙ 1935, 136).

В анализе “несинтаксических категорий” А. М. Пешковский использует понятие “чистая словообразовательная категория”: “[…] абсолютно синтаксических категорий в языке не существует. Даже чисто словообразовательные категории, как уменьшительность, увеличительность, собирательность и т. д., неразрывно связаны с частями речи (а мы уже знаем, что части речи – синтаксические понятия). Уменьшительность и увеличительность, например, свойственны в русском языке существительному и прилагательному, но не свойственны глаголу, а собирательность свойственна только существительному.“ (ПЕШКОВСКИЙ 1934, 10). По его мнению, эти категории неразрывно связаны с синтаксисом, так как они относятся к частям речи (“а мы знаем, что части речи – синтаксические понятия”). Выдвигая главенство синтаксиса над морфологией, А. М. Пешковский утверждает, что без формы словообразовательных категорий еще можно было бы пользоваться языком, а без формы словосочетания – нельзя (ПЕШКОВСКИЙ 1935, 102).

Рассматривая основные аспекты словообразования, В. В. Виноградов говорит об основных категориях (“В тесной связи с анализом системы словообразования в русской грамматике обозначились и определились основные категории, относящиеся к структуре разных частей речи” (ВИНОГРАДОВ 1997, 182) и лексико-словообразовательных категориях (ВИНОГРАДОВ 1997, 183).

В книге “Категории языка” В. В. Мартынов словообразовательные категории соотносит к категориями номинации, предикации и локации: “Если категории предикации и локации являются категориями словоизменения, то категории номинации – категориями словообразования” (МАРТЫНОВ 1982, 130)[1]. Но он отдает предпочтение названию словообразовательный тип и различает словообразовательный тип, определяемый синтаксически, и словообразовательный тип, который синтаксически не может быть определен (оценочно-экспрессивное словообразование) (МАРТЫНОВ 1982, 138). Первый он называет позиционным, “поскольку причисляемые к нему производные лексемы получат формантный маркер, могущий заменить его позиционную характеристику”, другой оценочным, „поскольку причисляемые к нему производные лексемы получат формантный маркер, могущий заменить его оценочную характеристику“. Он подчеркивает: “Первый тип обращен внутрь языка, второй тип – во внеязыковую деятельность”. В рамках позиционного словообразовательного типа он вы-

---

тельным. В большинстве случаев специальное его обоснование отсутствует, что в значительной мере объясняется именно тем, что словообразовательная категория редко избиралась оперативной единицей развернутого описания и классификации словообразовательных явлений” (МАНУЧАРЯН 1981, 196).

[1] Но это не категории, а функции.

деляет и анализирует агент действия (Nomen agentis: *преподаватель*), инструмент действия (Nomen instrumenti: *нагреватель*), пациент действия (Nomen patientis: *изгнанник*), место действия (Nomen loci: *кофейня*), действие (Nomen aktionis: *плавание*), качество (Nomen abstractum: *радость*), увеличение (Nomen augmentativum: *дождище*), уменьшение (Nomen deminutivum: *цветик*), собирательность (Nomen collektivum: *учительство*), единичность (Nomen singulativum: *жемчужина*). В. В. Мартынов ограничивается рассмотрением "собственно языковых категорий", т. е. тех категорий, которые прямо или косвенно могут быть определены синтаксически. "Предполагалось, что основные словоизменительные и словообразовательные категории дублируют категории синтаксиса и что таковыми являются также некоторые лексические группы слов" (МАРТЫНОВ 1982, 180). Он утверждает, что "[…] функция номинации[1], с одной стороны, вполне определима синтаксически, так как она реализуется внутри всех позиций цепочки через установленные связи между элементами, занимающими одну позицию; с другой, она соотносит формируемые номинативные единицы с неязыковой действительностью" (МАРТЫНОВ 1982, 184). В. В. Мартынов приходит к выводу о том, что категории языка имеют внутреннюю и внешнюю ориентации. "Внутренне ориентированные категории определяются только синтаксически, внешне ориентированные – также экстралингвистическими характеристиками, связанными с отношением говорящего к миру. Это относится к словоизменению, словообразованию и особенно к лексике" (МАРТЫНОВ 1982, 184).

В списке основных понятий словообразования в академической грамматики, состоящем из 46 терминов, не числится словообразовательная категория (ГАН 1980, 133-142).

V

21. Одним из важных вопросов является типология словообразовательных категорий. В этом плане выделяются подход Р. С. Манучаряна (МАНУЧАРЯН 1981). Он различает два основных типа – словообразовательные категории по признакам плана выражения и словообразовательные категории по признакам плана содержания (МАНУЧАРЯН 1981, 202-208). "Возможна классификация по признакам плана выражения с выделением – по виду конституирующих формальных средств – некоторых категорий префиксальных, суффиксальных, конфиксальных и т. д., которые могут оказаться таковыми в одном или нескольких языках; по причинам, указанным выше, такая классификация имеет ограниченное значение и будет подчинена выделению словообразовательных значений по признакам плана содержания. В рамках того или иного языка многие категории окажутся префиксально-конфиксальными, суффиксально-конфиксальными, суффиксально-конверсионными и т. д. в том смысле, что будут характеризоваться применением синонимичных префиксов и конфиксов, суффиксов и конфиксов, суффиксов и флексий" (МАНУЧАРЯН 1981, 202).

Автор подчеркивает, что определяющее значение имеет деление СК по признакам плана содержания, которые связано в конечном счете с различными возможностями деления словообразовательных значений. На этом плане он различает следующие категории:

[1] Раньше номинацию автор называет категорией (!?).

“По отношению к частеречной характеристике производных – категории, отождествляющие ряды производных, принадлежащих к одной и той же части речи, и категории, отождествляющие ряды производных, принадлежащих к разным частям речи (основанные на некоторых межтиповых значениях, выражаемых прежде всего именными префиксами; таковы в русском и армянском языках категории усилительности, противоположности и др., см. выше). Условно назовем это деление различением *внутриклассовых* и *межклассовых категорий*.

По отношению к частеречной характеристике производящих – категории, отождествляющие ряды производных с общностью типового словообразовательного значения, и категории, отождествляющие ряды производных с общностью межтипового словообразовательного значения. Во втором случае к одной категории, например, собирательности, места, относятся производные, имеющие производящие базы разных частей речи, т. е. словообразовательная категория выступает как объединение не типов, а макротипов. Если учесть, что на уровне макротипов частеречные различия производящей базы нейтрализуется и над различиями в мотиве номинации возвышается единство семантико-классификационной, номинационной функции дериваторов, то словообразовательные категории, различаемые по данному признаку, можно соответственно назвать мотивационно-словообразовательными (объединяющими типы) и номинационно-словообразовательными (объединяющими макротипы).

По соотношению частеречной характеристики производных и производящих – категории, отождествляющие ряды производных с общностью транспозитивного […] типового значения, связанного с непременным различием частеречной семантики производных и производящих и категории, отождествляющие ряды производных с общностью нетранспозитивного типового значения. Соответственно различаются транспозитивные (не транспонирующие) и нетранспозитивные (или не транспонирующие) словообразовательные категории.

По характеру семантического соотношения между производными и производящими – категории, отождествляющие ряды производных с общностью мутационного словообразовательного значения, транспозиционного и модификационного. Мутационные словообразовательные значения объединяются тем, что обозначаемое называется и характеризуется как носитель признака (в широком смысле), выраженного производящим со значением действия, предмета или качества (при знака в узком смысле); транспозиционные словообразовательные значения объединяются тем, что признак (в широком смысле) называется и характеризуется как отвлеченный от его носителя […]; модификационные словообразовательные значения объединяются тем, что обозначаемое называется и характеризуется через добавление к базовому значению как основному некоторого дополнительного признака (сро., например, значения уменьшительности, увеличительности). Соответственно можно говорить о словообразовательных категориях мутационных, транспозиционных и модификационных. Данное деление частично пересекается с предыдущим: мутационные категории могут быть как транспозитивными (ср. категорию носителя отношения к действию), так и нетранспозитивными (ср. категорию носителя отношения к предмету); транспозиционные категории являются и транспозитивными (транспонирующими); модификационные категории – нетранспозитивными.

По характеру семантического соотношения между словообразовательными значениями можно различать объединения словообразовательных категорий с противоположностью эквиполентного, градуального и привативного характера” (МАНУЧАРЯН 1981, 203-205).

Наконец, выделяются маркированные и немаркированные словообразовательные категории (МАНУЧАРЯН 1981, 208-209).

Слабости этой классификации состоят в том, что (1) она является незаконченной, и (2) что не приводятся конкретные примеры. Такой подход дал целый ряд рамочных словообразовательных категорий, без их заполнения конкретным подкатегориями. Остается, в частности, неясным, какие подкатегории в исследуемых автором языках (русском и армянском) относятся, например, к мотивационно-словообразовательным, номинационно-словообразовательным и т. д. Образно говоря, Р.С. Манучарян создал конструкцию с фундаментом (теоретическое осмысление словообразовательной категории) и крышей (выделение рамочных категорий), но без этажей.

Милош Докулил различает ономасиологические категории мутационного, транспозиционного и модификационного типов, точнее эти типы выделяются применительно к более ономасиологическим категориям (DOKULIL 1968).

22. Словообразовательные категории, распространяющиеся на более чем одну часть речи, можно назвать словообразовательным категориальным сплавом. Но в литературе используются другие термины, в первую очередь супер- и сверхкатегория.

Так, И. С. Улуханов говорит о словообразовательных надкатегориях или суперкатегориях: “[…] в работах по словообразованию выделяются и такие значения, которые являются обобщением компонентов, входящих в словообразовательную семантику мотивированных слов. Так, например, в системе мотивированных существительных выделяются существительные со значением “носителя отношения к действию” […] или (что то же самое) “носителя процессуального признака”. Эти “категории над категориями” образуют своего рода суперкатегории. Они могут объединять несколько словообразовательных категорий. Так, в категорию “носителя отношения к действию” входят не только nomina agentis, но и такие категории, как “объект действия”, “результат действия” и др.” (УЛУХАНОВ 1975, 28).

Случаи, когда внутренняя, содержательная сторона словообразовательной категории разных частей речи преодолевает “частеречный порог”, А. М. Зализняк называет надкатегорией. “Например, СК существительных “подобие предмета” (*шляпка, ушко, плечики, язычок, зубец, негроид, металлоид*) и СК прилагательных “подобие предмету” (*щеголеватый, молодцеватый, мужиковатый, мастеровитый, зубчатый, ворсинчатый, трусливый, змеистый, творожистый*) могут рассматриваются как реализации одной надкатегории “подобие” (ЗАЛИЗНЯК 1989, 33). Она констатирует, что в системе словообразовательных категорий преобладают категории, основанные на одном частеречном мотивирующем признаке, в то же время в ряде случаев и этот, мотивирующий, частеречный порог может быть преодолен. Так СК собирательности ориентирована в основном на имена существительные, однако в качестве производящих могут выступать и прилагательные (*молодежь, старье, молодняк*)” (ЗАЛИЗНЯК 1989, 33).

Р.С. Манучарян выделяет словообразовательные макрокатегории. “Так, можно говорить о словообразовательной макрокатегории степени качества прилагательных, реализуемой противопоставлением категории интенсивности качества и категории ослабленности, неполноты качества” (МАНУЧАРЯН 1981, 205). “В русском языке существует противопоставленность категорий уменьшительности и увеличительности в рамках макрокатегории размерно-оценочных существительных. В прилагательных русского и армянского языков можно выделить противопоставлены категории “внутреннего местонахождения” и “внешнего”, ср. *внутришкольный – внешкольный* […]. Категории снабжения, наделения предметом противопоставлена категории лишения, отчуждения предмета в отсубстантивных глаголах: *захламить, зашторить… окаймить, опушить… – обезжирить, обесмыслить*. С другой стороны, категории отчуждения предмета от объекта противостоит категория отчуждения предмета от субъекта: обезводить, обессилить – обезводеть, обессилеть. На этой основе выделяется, следовательно, макрокатегория отчуждения” (МАНУЧАРЯН 1981, 206).

23. Во многих работах упоминается словообразовательная подкатегория, но без уточнения, о чем речь идет. Это делает лишь И.С. Улуханов, который определяет ее как совокупность производных слов определенной словообразовательной категории, имеющих одинаковые дополнительные компоненты значения (УЛУХАНОВ 1977: 18), и Р.С. Манучарян, считающий под этом понятием объединения соответствующих подтипов (МАНУЧАРЯН 1981, 212).

VI

24. Деривационные категории образуют широкую сеть отношений с другими категориями, среди которых в первый план выступают понятийные, ономасиологические, семантические и грамматические (морфологические и синтаксические). Некоторые из них являются явными или скрытыми, классифицирующими или словоизменительными. В корреляционной сети (корреляционале) происходит переплетение гомогенных сущностей (только категорий) и гетерогенных сущностей (категорий и форм, категорий и значений, категорий и функций).

Р.С. Манучарян подчеркивает, что можно говорить о противопоставленности словообразовательных категорий, находящихся между собой в тесной корреляции (МАНУЧАРЯН 1981, 209). “Сила связи” между такими категориями и находит свое отражение в том, что они могут объединяться в макрокатегории или же включаться одна в другую. Но если для грамматических категорий характерно то, что они, как правило, проявляются в противопоставлении по крайнем мере двух категорий низшего ранга (“категориальных форм”), то в сфере словообразования дело обстоит иначе. В каждом языке легко обнаружить немало таких словообразовательных категорий, которые не вступают в непосредственные противопоставления с другими. Но, с другой стороны, совершенно обособленных, изолированных словообразовательных категорий в системе языка не существует, о чем свидетельствует, в частности, возможность выдвижения и обоснования понятия “словообразовательная парадигма” […]” (МАНУЧАРЯН 1981, 209).

25. Одним из самых сложных вопросов является соотношение словообразовательная категория ↔ грамматическая категория.

М. М. Покровский подчеркивал, что словообразовательные категории определяются законами развития морфологических категорий и что морфологические связи

между словообразовательными категориями оказывают сильное влияние на семантические изменения слов (ПОКРОВСКИЙ 1899, 38).

Рассматривая данный вопрос, В. В. Виноградов делает важный категориальный вывод: в словообразовательных категориях явно различаются две стороны – структурно-грамматическая и семантико-лексикологическая. По его мнению словообразовательные категории отличаются от грамматических отсутствием в них строгой системности, наличием внешне мотивированных ограничений, многообразием тождественных или близких значений у многих словообразовательных элементов, препятствующих их грамматической обобщенности (ВИНОГРАДОВ 1997, 190). “Есть глубокая качественная разница между сущностью словообразовательных и сущностью тех грамматических категорий, которые выражают разного рода отношения действительности. Грамматические категории этого типа – такие, как категория падежа, категория глагольной модальности, категория времени, категория лица с точки зрения речи и т. п., – выражая отношения между предметами и явлениями действительности, а также отношения речи к действительности, совсем не воспринимаются как продукт простого обобщения лексического материала и отвлечения от него. Независимо от их генезиса они являются грамматическими категориями иного качества и иной степени абстрагированности, чем такие грамматические категории, как, например, категория рода имен существительных, категория глагольного вида, категория относительности имен прилагательных, категория лица и одушевленности имен существительных и другие подобные, крепко связанные с лексико-семантическими своеобразиями словесного материала, крепко связанные со своей лексикологической базой. Таким образом, есть глубокие качественные различия в природе разных типов грамматических категорий. Вникая в состав и функции словообразовательных категорий и сопоставляя их с грамматическими категориями, следует учитывать эти качественные различия между общими категориями грамматической системы языка. Возможно сопоставление словообразовательных категорий лишь с теми морфологическими категориями, которые сохраняют яркие признаки своей связи с лексическими категориями” (ВИНОГРАДОВ 1975, 192). В. В. Виноградов далее указывает на то, что некоторые словообразовательные категории очень тесно сближаются с семантически родственными им грамматическим категориями и являются лишь средством их смыслового осложнения, обогащения и расчленения или дифференциации на отдельные разряды[1]. “Взаимодействие общих морфологических и словообразовательных категорий наглядно иллюстрируется таким приемом: в сфере категории отвлеченности имен существительных, находящей морфологическое выражение в отсутствии форм множественного числа, а у слов типа *вид, слух* и т. п. в форме родительного падежа единственно числа на *-у*, активные способы современного словообразования дают возможность ярко расчленить категории отвлеченного качества, состояния, действия и идеологического направления” (ВИНОГРАДОВ 1975, 192). В. В. Виноградов считает важным различать самый процесс формирования словообразовательной категории, пополнения ее новыми словами, а также морфологические правила образования слов

[1] Таковы, по его мнению, категории лица, отвлеченности, вещественности и т. п. в системе имен существительных; такова категория предельной степени признака имен прилагательных; такова категория процесса-состояния в системе глагола и др.

соответствующего типа и законы семантического развития у слов, относящих к этой категории (ВИНОГРАДОВ 1997, 190). При этом он подчеркивает: “Характер тех словообразовательных категорий, которые выражаются чисто морфологическими средствами суффиксации, префиксации или путем их совместного применения, неоднороден. Эти словообразовательные категории никогда не достигают такой широты обобщения и грамматической абстракции, как, например, грамматические категории падежа, числа или времени. Их значение и способы функционирования того или иного лексико-семантического типа, тех или иных словообразовательных разрядов ограничены в пределах той или иной части речи. Категории частей речи со свойственным каждой из них кругом грамматических и лексических категорий имеют в славянских языках определяющее влияние на семантику словообразовательных категорий” (ВИНОГРАДОВ 1997, 190).

26. Очень важным, сложным и спорным является соотношение словообразовательная категория ↔ лексическая категория, лексико-семантическая категория, семантическая категория. Об этом писали некоторые исследователи. Так, А. А. Потебня указывал на тесную связь грамматических и лексических категорий. (ПОТЕБНЯ 1899, 25). Он писал о развитии таких словообразовательных категорий, какими являются категория действия, собирательности и отвлеченности, иногда отождествляя категории мышления с категориями языка. А. К. Зализняк подчеркивает, что словообразовательные категории могут составлять часть более широких ономасиологических категорий или пересекаться с ними. “Например, СК “производитель действия”, “носитель признака”, “женскость” пересекаются с ономасиологической категорией “лицо”, которая может выражаться не только словообразовательным, но и собственно лексическими средствами (ср. немотивированные *автор, брат, врач, друг, отец,* мать)”.

VII

В заключение можно сказать следующее.

1. Почти все анализируемые подходы, толкования и определения кажутся оправданными и приемлемыми. Но как только они выходят на уровень конкретного выделения категорий, теряется сила убедительности, исчезает результативность и целесообразность использования данного понятия. Особенно характерно отождествление словообразовательных категорий, с одной стороны, и лексических, семантических и лексико-семантических категорий (в частности, лексико-семантических групп).

2. Нам кажется, что понятие словообразовательной категории надо использовать в строгом терминологическом смысле, а именно как предельное общее понятие уровня других доминант в языке (формы, значения и функции) и не провозглашать категорией любые объединения любых единиц. Исходя из этого положения, нет смысла называть словообразовательной категорией то, что не является сугубо категориальным и преимущественно словообразовательным, точнее не надо во что бы то ни стало искать и находить словообразовательные категории по образцу других уровней, прежде всего грамматического, на котором категории выделяются по строгим критериям, ведущим к выделению очень ограниченного количества (категория числа, рода, падежа, лица, наклонения, залога и т. п.). Лучше отказаться от этого понятия, чем превращать его в выражение с стертой семантикой, тем более что в словообразовании

существует целый ряд терминов, которые могут успешно и адекватно, выразить то, что обозначается словообразовательной категорией (имеем в виду, в первую очередь, словообразовательный тип, словообразовательное поле, словообразовательную группу и словообразовательный разряд).

3. Некатегориальное использование словообразовательной категории приводит к неблагожелательному результату – выделению огромного количества таксономических единиц.

4. Если строго придерживаться критериев, по которым определятся словообразовательная категория, только некоторые из упоминаемых в литературе можно отнести к категориальной системе. На наш взгляд, бесспорными словообразовательными категориями является категория субъективной оценки, а также категория увеличительности и категория уменьшительности. Категорию собирательности, которую А. М. Пешковский называет "чистой словообразовательной категорией", более оправдано считать морфологическо-деривационной, чем словообразовательной. Если под категорией подразумевать общие свойства, признаки, то также можно назвать словообразовательными категориями усилительность (интенсивость), ослабленность, неполноту качества. Названия типа nomen actionis, nomen agentis не выполняют условия для их включения в словообразовательные категории. Такой подход мы считаем односторонним, так как словообразовательная категория сводится в принципе к категории имени существительного (или имен). Переходом на другие части речи, прежде всего на глагол, категориальный подход превращается в семантический. В результате вместо выделения собственно категорий получаются семантические типы. При этом авторы, будучи не в силах найти соответствующие категориальные названия, прибегают к толкованиям чисто семантического характера.

5. В рассмотрении данного вопроса существуют следующие возможности: (1) использовать словообразовательную категорию в самом широком смысле, т. е. нетерминологически, (2) считать словообразовательными категориями только те явления, которые являются собственно категориальными и исключительно или преимущественно словообразовательными, (3) выйти за рамки формы, значения и функции и словообразовательные категории рассматривать только как операционные понятия. Нам кажется, что второй подход является, с научной точки зрения, самым оправданным и целесообразным, так как стремится к максимальному разграничению фундаментальных языковых феноменов (доминант), какими являются форма, значения, функция и категория.

Литература:

БОГОРОДИЦКИЙ 1935: Борогодицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – Москва-Ленинград. – 356 с.

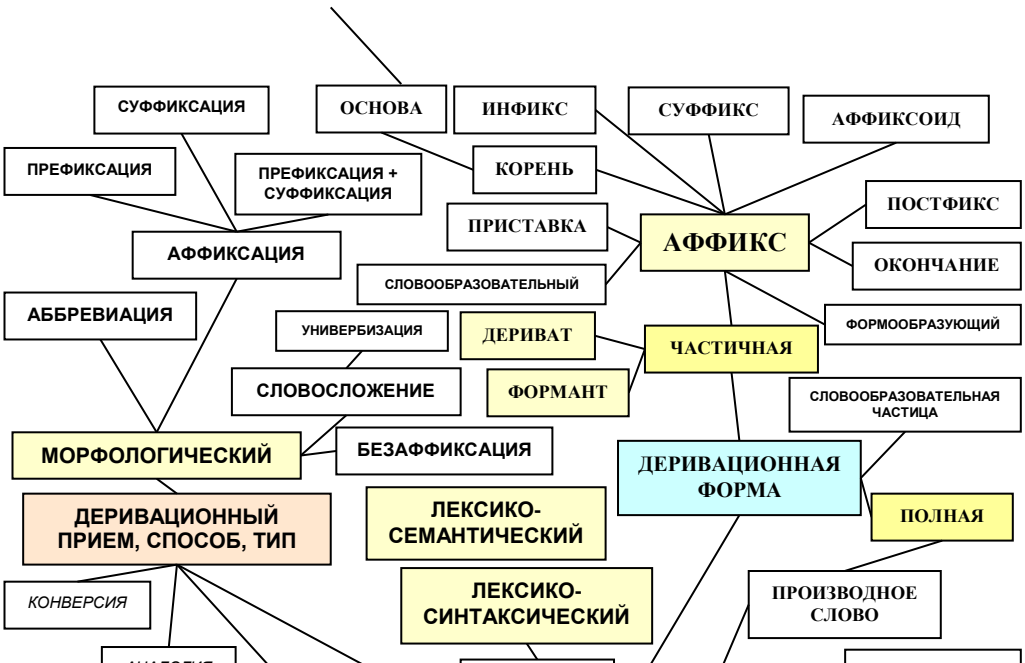
Виноградов 1975: Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков). – In: Виноградов В.В. Избранные труды – Исследования по русского грамматике. – Москва. – С. 166-197.

ГАН 1980: Русская грамматика Т. 1 / Под редакцией Шведовой Н.Ю. – Москва. – С. 133-142.

ГОЛАНОВА 1991: Голанова И.Е. Словообразовательные средства, выражающие категорию ответственности в разных типах речи. – In: Грамматические исследования – Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. – Москва. – С. 102-131.

ГРЯЗНОВА 1990: Грязнова В.М. Словообразовательная категория суффиксальных личных существительных в русском литературном языке первой половины XIX века / АДД. – In: МГПИ им. В. И. Ленина. – Москва. – 38 с.
ДЕДУШЕВА 1997: Дедушева Г.Д. Эвалюативность как словообразовательная категория (на материале русского и украинского языков). – In: Система и структура схиднослов'янських мов: мижкафедральний збирник наукових праць. – Кіїв. – С. 101-105.
ДОКУЛИЛ 1967: Докулил М. К вопросу о морфологической категории. – In: Вопросы языкознания. – Москва. – № 6. – С. 3-16.
ЕСПЕРСЕН 2002: Есперсен О. Философия грамматики.– Москва. – 404 с.
ЗАЛИЗНЯК 1989: Зализняк А.М. Словообразовательные категории как одно из проявлений языковой асимметрии. – In: Вопросы грамматической асимметрии. – Ташкент. – С. 30-35.
ЗЕМСКАЯ 1973: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – Москва. – 304 с.
КАПРАЛЬ 1999: Капраль М.И. Словообразовательная категория женскости в современных восточнославянских языках. – In: Otveneves a szegedi szlavisztika = Пятьдесят лет сегедской славистике. – Szeged. – С. 215-222.
КАЦНЕЛЬСОН 1986: Кацнельсон С.Д. О грамматической категории. – In: Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. – Ленинград. – С. 106-129.
КИРШОВА 1997: Киршова М.П. Некоторые наблюдения за развитием двух словообразовательно-семантических категорий в сербском и русском языках. – In: Славистика. – Београд. – Бр. 1. – С. 178 -181.
КОВАЛИК 1961: Ковалик И.И. Вопросы словообразования имен существительных восточнославянских языков в сравнении с другими славянским языками / АДД. – Львов. – 39 с.
КОДУХОВ 1987: Кодухов В.И. Введение в языкознание. – Москва. – 286 с.
КОРЯКОВЦЕВА 1994: Коряковцева Е.И. Имена действия: периферия словообразовательной категории (отадъективные nomina actionis в истории русского языка). – In: Известия РАН. – Москва. – № 53/5. – С. 57-68.
КУБРЯКОВА 1965: Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. – Москва. – 178 с.
КУБРЯКОВА 1974: Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. – Москва. – 318 с.
ЛОПАТИН 1966: Лопатин В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования. – In: Вопросы языкознания. – Москва. – № 1. – С. 79-86.
ЛОПАТИН 1987: Лопатин В.В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков. – In: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – Москва. – С. 46-53.
МАНУЧАРЯН 1974а: Манучарян Р.С. К типологии словообразовательных значений. – In: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Москва. – Т. 33. – № 6. – С. 516-526.
МАНУЧАРЯН 1974б: Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и словообразовательные категории. – In: Евеван: Вестник общественных наук АН Армянской ССР. – Ереван. – № 12 (384). – С. 25-36.
МАНУЧАРЯН 1975: Манучарян Р.С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения (на материале сопоставления русского и армянского языков) / АКД. – Ереван. – 53 с.
МАНУЧАРЯН 1981: Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. – Евеван. – 314 с.
МАРТЫНОВ 1982: Мартынов В.В. Категории языка. – Москва. – 192 с.
МЕЛЬЧУК 1997: Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. – Москва. – 416 с.
МЕЛЬЧУК 1998: Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 2. – Москва. – 543 с.
МИЛОСЛАВСКИЙ 1989: Милославский И.Г. Вид русского глагола как словообразовательная категория. – In: Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – Москва. – № 4. – С. 37-44.
НАВОЗОВА 1985: Навозова Л.М. Словообразовательная форма собирательности и логическое содержание категории собирательности в современном русском языке. – In: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск. – С. 143-157.
НЕМЧЕНКО 1984: Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. – Москва. – 255 с.

НЕМЧЕНКО 1985: Немченко В.Н. Основные понятия словообразования в терминах. – Красноярск. – 208 с.
ОСИЛЬБЕКОВА 1988а: Осильбекова Д.А. Отглагольные локативные существительные как словообразовательная категория. – In: Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. – Томск. – С. 156-159.
ОСИЛЬБЕКОВА 1988б: Осильбекова Д.А. Словообразовательная категория. – In: Современный русский язык. – Москва. – С. 80-84.
ПЕШКОВСКИЙ 1934: Пешковский А.М. О грамматическом разборе. – In: Руский язык и литература в средней школе. – Москва. – № 3. – С. 7-17.
ПЕШКОВСКИЙ 1935: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Москва. – 451 с.
ПОЗДНЯКОВА 1999а: Позднякова Е.М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке: Когнитивный аспект исследования. – Московский государственный лингвистический ун-т, Тамбовский государственный ун-т им. Г. Р. Державина. – Москва-Тамбов. – 109 с.
ПОЗДНЯКОВА 1999б: Позднякова Е.М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке: Когнитивный аспект исследования. – Московский государственный лингвистический ун-т, Тамбовский государственный ун-т им. Г. Р. Державина. – Москва-Тамбов. – 110 с.
ПОКРОВСКИЙ 1896: Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. – In: Ученые записки МГУ. – Москва. – Вып. 23. – С. 1-124.
ПОКРОВСКИЙ 1899: Покровский М.М. Материалы для исторической грамматики латинского языка. – In: Ученые записки МГУ. – Москва. – Вып. 23. – С. 64-70.
ПОТЕБНЯ 1899: Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Харьков. – Т. III. – 663 с.
РЕВЗИНА 1969: Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. – Москва. – 153 с.
САВИНОВА 1989: Савинова Е.К. Ономасиологическая категория локативности и ее отражение в производных наименованиях / АКД. – Москва. – 20 с.
САХАРНЫЙ 1993: Сахарный Л.В. Категоризация “картины мира” в словообразовательной системе: опыт компактного описания словообразовательной системы русского языка.,– In: Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь. – С. 49-72.
ТЯПКО 1999: Тяпко Г.Г. О функционально-стилистическом расслоении словообразовательной категории nomina abstracta attributivitatis в славянских языках: на материале сербских и хорватских литературно-языковых идиомов. – In: Slavia. – 68/1. – С. 83-98.
УЛУХАНОВ 1975: Улуханов И.С. О словообразовательной категории (на материале глаголов, мотивированных именами). – In: Известия АН СССР, Серия литературы и языка. – Москва. – Том. 14. – № 1. – С. 27-35.
УЛУХАНОВ 1977: Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – Москва. – 256 с.
ХАРИТОНЧИК 2000: Харитончик З.А. Лексические поля и словообразовательные процессы. – In: Słowotwórstvo a inne sposoby nominacji. – Katowice. – S. 46-52.
ШКВАРЦОВА 1993: Шкварцова Т.В. Словообразовательные категории существительных и прилагательных в устной научной речи: АКД. – Москва. – 19 с.
KLESZCZOWA 1998: Kleszczowa K. Kategoria słowótworcza nomina loci w perspektywie historycznej. – In: Prace językoznawcze: Studia historycznojęzykowe. – Katowice. – S. 83-95.
DOKULIL 1962: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. – Praha.
ERBEN 1983: Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. – Berlin. – 160 s.
HENZEN 1947: Henzen W. Deutsche Wortbildung. – (Halle) Saale. – 307 s.
OHNHEISER 1987: Ohnheiser I. Wortbildung im Sprachvergleich. Russisch – Deutsch. – Leipzig. – 154 s.


СУФФИКСАЦИЯ
ОСНОВА
ИНФИКС
СУФФИКС
АФФИКСОИД
ПРЕФИКСАЦИЯ
ПРЕФИКСАЦИЯ + СУФФИКСАЦИЯ
КОРЕНЬ
ПОСТФИКС
ПРИСТАВКА
АФФИКС
АФФИКСАЦИЯ
ОКОНЧАНИЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
АББРЕВИАЦИЯ
ФОРМООБРАЗУЮЩИЙ
УНИВЕРБИЗАЦИЯ
ДЕРИВАТ
ЧАСТИЧНАЯ
СЛОВОСЛОЖЕНИЕ
ФОРМАНТ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЧАСТИЦА
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ
БЕЗАФФИКСАЦИЯ
ДЕРИВАЦИОННАЯ ФОРМА
ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПРИЕМ, СПОСОБ, ТИП
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
ПОЛНАЯ
КОНВЕРСИЯ
ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ
ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО

Г.А.НИКОЛАЕВ

СИНКРЕТИЗМ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В словообразовательной системе современного русского языка (как и других славянских языков) мы сталкиваемся с такими явлениями, которые, если отвлечься от чисто классификационных задач, не могут не вызвать вопросов у вдумчивого исследователя. К числу таких явлений следует отнести возможность осложнения одним генетически формантом производящих основ, принадлежащих к разным частям речи. Так, суффиксы *–ец, -ник, -ство* и др. могут осложнять субстантивные, адъективные и глагольные основы, при этом соответствующие производные образования проявляют склонность к неединственной мотивации (ср. русск. *горец, мудрец, лжец; лесник, сапожник, шутник; братство, богатство, озорство;* болг. *габровец, сънливец, търговец; разколник, неверник, застъпник; божество, убожество, сводничество;* польск. *wdowiec, myśliwiec, strzelec; pomocnik, grzesznik, kierownik; przekupstwo, lenistwo, gospodarstwo*).

Вызывает вопрос и довольно распространенное в словообразовании славянских языков явление аффиксальной редупликации (т.е. удвоения или даже утроения «однозначных» или одних и тех же аффиксов) в морфологическом словообразовании. Ср.: русск. *поверхностность, ходатайствование, мужественность;* болг. *цялостност, сиротност, поверхностност;* польск. *wartościowość, państwowość* и т.п. (КРЮЧКОВА 2000). Не поддается объяснению с современных позиций и тот факт, что суффикс (тематический распространитель) **–ьj(e)*, осложняя в древности основы страдательных причастий, образовывал имена со значением отвлеченного действия (nomina actionis). и др.

Ответ на эти вопросы можно найти в истории славянских языков, обратившись к такому феномену, как *семантический синкретизм.*

Семантический синкретизм был свойствен славянским языкам в древнейший период их истории и охватывал все типы языковых значений (категориальные, грамматические, словообразовательные, лексические), проявляясь в недостаточной дифференцированности семантики языковых единиц, в совмещении категорий, которые позднее будут выделены и войдут в семантическую парадигму этих языковых единиц. «Синкретизм, понимаемый как «нерасчлененность», свойствен мифологическому сознанию, представляющему «вещь» как целостность со всеми ее атрибутами и функциями, включая также и «имя» вещи как ее сущность» (КОЛЕСОВ 2002, 145 - 146).

Явление синкретизма изучено недостаточно, хотя о диффузности, нерасчлененности разных типов значений в древних языках говорили в российской науке со времен А.А.Потебни. Ученый, не используя этот термин, фактически раскрыл содержание явления и дал ему лингвистическое обоснование и языковую аргументацию (ПОТЕБНЯ 1968). Я не буду приводить здесь языковые факты, доказывающие существование семантического синкретизма в древнеславянских языках: они известны специалистам и становятся уже хрестоматийными. В современных исследованиях по исторической семасиологии понятие синкретизма является ключевым. Историки язы-

ка уже не могут изучать лексическую систему древних славянских языков, не учитывая явления синкретизма.

Однако феномен синкретизма имеет не только чисто историческое значение. Во-первых, до сих пор в славянских языках существуют формы и слова с синкретичными значениями (например, формы имен и глаголов в соответствующих парадигмах или слово в поэтическом тексте). Во-вторых, феномен семантического синкретизма в древнем состоянии славянских языков, разрушавшийся по направлению к современности, оставил значительный след на разных языковых уровнях в виде ряда особенностей, казалось бы, противоречащих логике сложившейся системы. Объяснить эти особенности как раз и можно, лишь учитывая присутствие феномена синкретизма в истории этих языков.

Поскольку активный период существования синкретизма относится к XI-XIV вв., историю этого явления удобнее наблюдать на материале восточно- и южнославянских языков, как языков, имеющих непрерывную письменную традицию в этот промежуток времени. Поэтому в дальнейших своих рассуждениях мы будем опираться в основном на материал из древнерусских разножанровых письменных источников.

В нашу задачу входит рассмотрение специфики словообразовательных явлений в условиях синкретизма и роли словопроизводства в процессе его разрушения. Прежде всего речь должна идти о словообразовательной семантике, хотя с явлением синкретизма оказались связаны и другие категории словообразования.

Семантические проблемы древнерусского словообразования до сих пор не вызывали особых беспокойств у исследователей: древнерусская семантика производных слов изучалась путем экстраполяции современной системы семантических отношений на древнерусскую. Это продолжалось бы и дальше (да собственно, и продолжается), если бы историки языка не заговорили всерьез о специфике древнерусской языковой семантики, связанной с синкретизмом, а отдельные романтики словообразовательной науки не пытались примерить это понятие к словообразовательной семантике.

Учитывая семантическую специфику древнерусского языка, мы должны иначе подходить к смысловой стороне словообразовательных единиц в древнерусском языке, нежели к семантике современных производных слов. В первую очередь это касается семантической стороны основной единицы словообразовательной системы – словообразовательного типа (СТ). Феномен СТ как совокупности производных слов, характеризующихся единством производящих основ (в плане их частеречной отнесенности), словообразовательного значения и словообразующего средства, не был изначально дан языку, а складывался в нем и отстаивался по направлению к современному его состоянию. Все составляющие СТ в древнерусском языке оказывались в определенной мере размытыми (по сравнению с позднейшими характеристиками).

Первая константа СТ – словообразовательная база - действительно представляла частеречное единство, но характеризовалась синкретичной категориальной семантикой (например, совмещением субстантивности и адъективности) и была поэтому чревата будущей дифференциацией. Нерасчлененность древнего имени отражалась в частности в общих именных словообразовательных средствах будущих субстантивов и адъективов. Ср. замечание А.А.Потебни об одинаковых суффиксах существитель-

ных и прилагательных, например, суффиксе *–ок* в словах *уз-ок, пруд-ок, гад-ок, мерз-ок, бел-ок, желт-ок, низ-ок* и т.п., присоединявшемся к основам, которые были «на меже между существительными и прилагательными» (ПОТЕБНЯ 1968, 42). Общеименными были и другие суффиксы, образующие синкретичные имена, которые в дальнейшем определялись в своей частеречной принадлежности. Именно категориальный синкретизм производящих именных основ и дальнейшая их дифференциация привели к тому, что генетически один и тот же суффикс присоединяется теперь к основам разных частей речи (существительных и прилагательных), оформляя разные словообразовательные значения, а следовательно, и разные словообразовательные типы.

Признание категориального синкретизма древних производящих основ заставляет нас сделать вывод о том, что словообразование в древнерусском и других славянских языках первоначально носило по преимуществу внутрикатегориальный характер. Сейчас это свойственно только префиксации и постфиксации. В древности и суффиксация была в основном внутрикатегориальной:имена образовывались от имен. Внутрикатегориальными были и такие сугубо «отглагольные» (с современной точки зрения) СТ, как суффиксальные типы имен на *–ние, -тие, -тель* и др. Из исследований по историческому словообразованию известно, что все они формировались путем интеграции «однозначных» (или «близкозначных») именных аффиксов: *-*n*-+ *-*ьje,* *-*t*-+ *-*ьje,* *-*t*-+ *-*elь*. Ср. наиболее показательный в этом плане пример: первично – т ь л ѣ-т и - т ь л ѣ-н ъ - т ь л ѣн -и ѥ, затем – т ь л ѣ-т и - т ь л ѣ-н и ѥ.В сферу приглагольного, а потом и отглагольного, словообразования они были включены в ходе развития глагольно-именных отношений в языке, усиления удельного веса глагола в семантической системе языка (ПОТЕБНЯ 1968, 5; РОМАНОВА 1985; НИКОЛАЕВ 1994).

Усиление глагола и адъектива в системе частей речи языка было связано с распадом категориального синкретизма, на основании чего происходила более четкая дифференциация частей речи, укрепление их категориальной семантики и формирование межкатегориального словообразования. Все, что передавало значение действия и связанных с ним обстоятельств, попадало в деривационную (формо- или словообразовательную) зависимость от глагола. То же самое происходило и с качественными значениями, которые вовлекались в сферу зависимости от прилагательного (АРУТЮНОВА 1961). В результате, с одной стороны, возникали словообразовательные типы, отражающие новые межкатегориальные отношения, а с другой – происходило переосмысление прежних отношений и перемотивировка ранее возникших дериватов. Так, в сферу приглагольного словообразования были вовлечены генетически приименные СТ имен с суффиксами *–ние, -тель, -тие, -ьба, -ъка,* часть имен на *–ьць, -ьникъ, -ьство, -ьствие* и др.

Вторая константа СТ – семантика производного слова (СЗ) – тоже представляла синкретичное единство, объединяя так называемые отвлеченные значения (качество, действие) с конкретными значениями (лицо, место, орудие и т.д.). Диффузность значений в древности не устранялась даже контекстом. Ср. пример А.А.Потебни: *Бог спас наш*, где слово *спас* совмещает значение лица (*Бог – спаситель наш*) и действия (*Бог – спасение наше*) (АРУТЮНОВА 1961). Число таких примеров может быть значительно увеличено за счет фрагментов из древних текстов. Древнерусское произ-

водное слово совмещало в своей семантике ряд значений, которые не только нельзя было отделить одно от другого (в современном понимании), но невозможно квалифицировать их как словообразовательные значения, т.е. обобщенные, отличающиеся от лексических. В этом смысле СТ в древности представлял собой то, что в современной теории словообразования принято называть словообразовательной категорией (УЛУХАНОВ 1975)., но только с учетом отсутствия оппозиции (по крайней мере, четкой) складывающих ее словообразовательных значений.

Третья константа СТ – словообразовательное средство - при кажущейся устойчивости не было на самом деле таковым, а находилось в состоянии неустойчивого варьирования, легко заменялось одним из многочисленных вариантов, морфем чаще составных, состоящих, как и данный формант, из тех же «однозначных» компонентов (первичных аффиксов), но соединенных в иной последовательности или с иным первичным аффиксом (**-ot-a,*-ot-tь,*-t-t-v-o, *-t-t-v-ьj-e, *-n-ьj-e,* -t-ьj-e,*-t-el-ь* и т.п.) (МАРКОВ 2001; МЕЙЕ 1951, 281,296 и др.).

Редупликация «однозначных» аффиксов была вызвана семантическими причинами (НИКОЛАЕВ 1994; КРЮЧКОВА 2000). Древнеславянская семантика, помимо синкретизма, характеризовалась и большей конкретностью. Как было отмечено выше, отвлеченные значения в древнем языке находились в синкретическом единстве с конкретными значениями. Эта языковая особенность частично сохранилась в современных славянских языках в сфере образований нулевой суффиксации, в семантике которых до сих пор оказываются тесно переплетенными значения действия и результата (например, в наименованиях звуков: *крик, плач, вой, стон* и т.п.), орудия и объекта (*корм, воз*), действия и места действия (*сток, выход, суд*), действия, места и результата действия (*сад*) и т.д.

Необходимость передачи отвлеченных значений, особенно остро возникшая в письменный период славянских языков и связанная с деятельностью первых славянских книжников, призванных переводить на родной язык отвлеченную богословскую и философскую лексику греческих сочинений, нашла выражение в приеме удвоения языковых знаков (слов в словосочетании: плачь и вопль, миръ и любовь; ср. более поздние плачевопльствие, миролюбие; морфем в слове: хытр-ост-ьство (Срезн.), ун-ост-ьств-ие (ГА XIII-XIV) и т.п.). Фактически уже в это время словообразование явилось одним из средств прояснения значений в слове-синкрете.

Это особенно хорошо видно на таких примерах редупликации, как дѣтельникъ (ФСт XIV в.) идѣтельство (там же), добродѣтельникъ (ГА XIII-XIV вв.) - добродѣтельствие (там же). Дело в том, что слова дѣтель и добродѣтель, являющиеся производящими для приведенных здесь дериватов с суффиксами *–ьникъ* и *–ьство/–ьствие*, были синкретичными и могли выступать в значении действия и лица, что отмечено в древнерусских словарях. Правда, словари фиксируют такой этап в истории этих слов, когда значение лица и действия были не только дифференцированы, но и оформлены разным грамматическим родом. В.М.Марков в статье «К вопросу о происхождении суффикса *–тель* в славянских языках» (МАРКОВ 2001). аргументировано объяснил это явление, поэтому я не буду здесь повторять сказанное им. Отмечу только, что эта «двузначность» образований с суффиксом *–тель*, встречающаяся в древних текстах, восходит к

прежней синкретичности словообразовательных значений приглагольных образований. Ср., например, сохранившийся синкретизм в семантике таких образований, как у в ѣ щ а т е л ь , п о д ꙗ т е л ь , получивших в словаре И.И.Срезневско двойное толкование (деятель и деятельность) применительно к одному контекстному употреблению: е и же И(и)с(у с о)в а м(о)л(и)т в а у в ѣ щ а т е л ь (Переясл.л.6496 г.). В свою очередь нередко имена с суффиксом *–ние* в евангельских текстах выступали в значении лица: и с к а с т а ѥ г о в ъ р о ж д е н и и и в ъ з н а н и и , т.е. среди родных и знакомых (Остр. ев., 44) и др.(МАРКОВ 2001, 92).

В нашем случае мы имеем дело с использованием словообразовательных аффиксов для прояснения семантики синкретичной производящей основы: суффикс *–ьникъ* «вытягивает» из синкреты соответствующую сему и оформляет значение лица, в то время как суффиксы *–ьство, -ьствие* на основании другой семы той же синкреты оформляет значение действия. И это повторяется в целом ряде примеров, в которых оказываются оформленными то и другое значение (ж и т е л и н ъ - ж и т е л ь - с т в о , д ѣ л а т е л и н ъ - д ѣ л а т е л ь с т в о , о б р ѣ т е л ь н и к ъ - о б р ѣ т е л ь с т в и ѥ и т.п.) или только одно из них (в л а с т е л и н ъ , у м ѣ т е л и н ъ и т.п.). Показательно, что прояснение семантики синкреты осуществлялось не только морфологическим, но и чисто семантическим путем (путем семантической деривации), что мы и видим в словах д ѣ т е л ь , д о б р о - д ѣ т е л ь , б л ю с т е л ь и др.

Приведенные здесь случаи свидетельствуют о прояснении словообразовательных значений в синкретических основах морфологическим или семантическим способами. Наряду с этим в древнерусском языке во многом аналогичными средствами преодолевалась синкретичность и категориальной семантики, что можно проиллюстрировать образованием имен с суффиксом *–ица* на основе категориально недифференцированных основ типа д ѣ в а - д ѣ в -и ц а , в ъ д о в а - в ъ д о в -и ц а , л и с а - л и с -и ц а и т.п. Известно, что производящие слова этого типа совмещали субстантивные и адъективные значения и могли иметь членные формы типа д ѣ в а ꙗ, в ъ д о в а ꙗ. Дальнейшая судьба этих пар отмечена тем, что оба их составляющих оказались в разряде существительных, семантически сблизились до уровня синонимии (производящего и производного), а потому развили дополнительное значение субъективной оценки (ГРАММАТИКА 1970).

Развитие словообразовательных значений проходило на основе «генетически исходной семантической доминанты» (РОМАНОВА 1985, 134) в каждом конкретном случае по-разному и было сбалансировано с развитием семантики производящей базы данного словообразовательного типа. Это соответствие процессов в крайних точках словообразовательной модели (производящее > производное) подразумевало и зависимость семантического оформления производного от характера и результатов прояснения семантики производящего. Если в сфере производного обычно происходило усиление семантической доминанты при распаде синкреты (например, усиление значения отвлеченного действия, как в случае со словом т ь л ѣ н и ѥ, или значения действующего лица, как в слове л о в ь ц ь), то в сфере производящего наряду с распадом синкреты и утверждением категориальной семантики могла произойти и

смена производящей базы (например, замена субстантивной мотивированности на глагольную: т ь л ѣ т и вместо т ь л ѣ н ъ , л о в и т и вместо л о в ъ).

В этом плане вряд ли будет верным однозначное отнесение имен типа б о г а т ь с т в о , у б о ж ь с т в о к отадъективным образованиям. Структура имен на *–ьство* и их семантика свидетельствуют, что их производящей базой были древние синкретичные имена с агентивной доминантой, в связи с чем образования типа б о г а т ь с т в о , у б о ж ь с т в о , ч ю в ь с т в о , б ѣ г ъ с т в о и т.п. имели в качестве производящей основы эквивалент современным существителдьным со значением лица (б о л г а т ъ , у б о г ъ , ч ю в ъ , б ѣ г ъ и т.п.) (ПОТЕБНЯ 1968, 95), называя качество или состояние этого лица. Собственно, и в современном русском языке слова *богатство, убожество* и т.п. могут быть квалифицированы как отсубстантивные, если учесть субстантивность слов типа *богатый, убогий* и т.п., выступающих в значении лица, носителя признака (НИКОЛАЕВ 1996).

На выбор и усиление семантической доминанты производной синкреты влияла укрепляющаяся категориальная семантика производящего слова. В свою очередь смена производящей базы в том или ином типе образований зависела от складывающегося характера межкатегориальных словообразовательных отношений и направления их развития и проходила путем замены опосредованных связей в словообразовательной цепи (СЦ) на непосредственные.

Становление СЗ в типе производных слов, наряду с описанными здесь процессами, опиралось и на традиции текстового употребления данных образований. Наиболее показательна в этом плане история имен с суффиксами *-тель* и *–ние* в славянских языках. Оба типа слов имели в качестве производящей базы древние именные синкретичные основы, соотнесенные с глагольными основами (имена с суффиксами *–(*e*)*n*- и *–*t-)*. Оба типа слов возникли в результате осложнения этих древних основ суффиксами- распространителями со сходной семантикой по отношению к суффиксам производящих основ: **tьlĕ-n(ъ)-ьj(e), ži-t(ь)-el(ь)* и т.п. В определенной мере производящие и производные в каждой такой паре можно рассматривать как близкозначные слова, как синкретичные образования, имеющие одинаковый набор сем, характерный для слов, связанных непосредственными и опосредованными отношениями с глагольными основами (действие, лицо, результат, объект и т.д.). Поэтому имена на *-ние* и *–тель* были тоже близкозначными в условиях определенной нерасчлененности лексической и словообразовательной семантики: имена на *-ние* могли выступать в значении лица (ср. приведенный выше отрывок из Остр.ев.), а имена на *–тель* - в значении действия (см. выше). Собственно, имена на *–тель,* имея суффикс, составленный из двух акциональных аффиксов, должны были выражать именно значение действия (в условиях синкретизма). Традиция употребления имен на *–ние* и *–тель* в условиях одножанровых текстов славяно-книжной направленности явилась, очевидно, основной причиной усиления в одних именах (с суффиксом *–ние*) акциональной, в других (именах с суффиксом *-тель*) агентивной семантики. Это стало возможным при установлении для тех и других общей производящей базы в виде инфинитивных основ, происшедшем в ходе развития глагольно-именных словообразовательных отношений (МАРКОВ 2001, 96).

В других случаях распад синкретической семантики приводил к возможности оформлять одним словообразовательным средством разные значения, ранее входив-

шие в синкрету, а теперь составляющие семантическую парадигму слова. Такие явления вели к формированию словообразовательной омонимии в процессе выкристаллизовывания словообразовательных типов в системе языка.

Становление и развитие словообразовательной семантики тесным образом были связаны с аналогичными процессами в формообразовании. Так, недифференцированность субъектно-объектных отношений отражалась в языке не только в отсутствии глагольных залоговых категорий, но и в семантике приглагольных имен. Неоформленность оппозиции типа *томить – томиться* определяла синкретизм активного-пассивного в семантике образований типа *томление.* Позднéе, в связи со становлением в языке категории залога, значения, связанные с ним в семантике производного имени, будут разграничиваться через соответствующую мотивированность: *томление голодом* – значение действия, мотивируется глаголом *томить; томление от голода* – значение состояния, мотивируется глаголом *томиться.*

Недифференцированность субъектно-объектных отношений в древнем состоянии славянских языков помогает нам объяснить и факт становления в именах на *–ние* акциональных значений. Естественно, если придерживаться современных языковых схем, мы не сможем объяснить появление значения действия в именах, созданных путем осложнения суффиксом *–ие* основ страдательных причастий. Признание феномена семантического синкретизма в древних языках позволяет нам отвести категорические заявления относительно сущности производящих слов как страдательных причастий и производных слов как nomina actionis. В этих случаях, как уже отмечалось выше, в определенной степени те и другие можно рассматривать даже как близкозначные слова, учитывая древнюю нерасчлененность значений (ср.: *tьlěnъ* и *tьlěnьje, stanъ* и *stanьje, sъ(p)nъ* и *sъ(p)nьje* и т.п.). Значение отвлеченного действия в именах на *–ние* вторично и связано с развитием, с одной стороны, глагольно-именных словообразовательных отношений в языке (в сферу которых были вовлечены и имена на *–ние,* приобретшие инфинитивную соотнесенность), с другой стороны, - с семантической деривацией ‘конкретное - отвлеченное’, укреплявшейся с развитием абстрактного мышления носителей языка (НИКОЛАЕВ1998, 96).

Коль скоро речь зашла об именах с суффиксом *–ние,* необходимо рассмотреть еще одну из сторон их семантики, которая в конечном итоге тоже связана с феноменом синкретизма. Известно, что в литературе дискутируется вопрос об отражении видовых различий глагола в семантике производных имен, особенно имен на *–ние.* Отмечая некорректность постановки данного вопроса, обратим внимание на один факт, который может внести определенность в дискуссию. Показательно, что в древнерусском языке, применительно к которому говорить о категории вида можно только с большими оговорками, отмечается активный процесс образования имен на *–ние* от будущих видовых пар (подание - подаѩание, падание - падение, купование - купление, уставлѩание - уставление и т.п. (Примеры взяты из Мерила Праведного ХIУ в. Другие древнерусские слова, источник которых не указан, отмечены в исторических словарях русского языка). Чем ближе к нашему времени, тем более укрепляется грамматическая категория вида и тем более разрушается возможность образования от видовых пар имен на *–ние*, а ранее образованные пары имен разрушаются за счет устранения одного из составляющих. Наверное, этот процесс имел бы иное направление развития, если бы имена на –

ние действительно отражали видовые значения производящих глаголов. Но исчезая из употребления, слово на –*ние* передавало свою семантику остающемуся однокорневому образованию. Последнее начинает соотноситься с глаголом в двух его видовых формах, выступая со значением отвлеченного действия при соотнесенности с формой несовершенного вида (например, *воспитание* – действие по значению глагола *воспитывать*) и со значением результата действия при соотнесенности с формой совершенного вида (*воспитание* – результат действия по значению глагола *воспитать*). Эти значения можно разграничить в контексте (ср.: *воспитание молодежи* и *хорошее воспитание*), тем не менее, слова такого типа (а их довольно много в современном языке) очень напоминают собой синкреты.

Разрушение синкретизма в языке проходило при активном участии в этом процессе словообразования. Словообразовательные средства оказались востребованными для оформления выделяющихся значений из синкрет. Именно на этот период (начиная с XIV века) падает всплеск продуктивности многих словообразовательных средств славянских языков. В это же время активно развивается конфиксальный способ образования производных слов в связи с перемотивировкой прежних суффиксальных структур, возникших на базе предложно-падежных форм, вызванной ориентацией процессов словообразования на исходные формы слова (инфинитив и именительный падеж). Это было тоже связано с процессом разрушения древнего семантического синкретизма, усилением языковой парадигматики и укреплением исходных форм парадигм.

Литература:

VONDRÁR 1906: Vondrár V. Vergleichende slavische Grammatik. – Göttingen.

АРУТЮНОВА 1961: Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. – Москва.

КОЛЕСОВ 2002: Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб. – С. 145-146.

КРЮЧКОВА 2000: Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования. – Саратов. – 262 с.

МАРКОВ 2001: Марков В.М. К вопросу о пролисхождении суффикса –*тель* в славянских языках // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. – Казань. – С. 91-102.

Мейе 1951: Мейе А. Общеславянския язык. – Москва.

НИКОЛАЕВ 1994: Николаев Г.А. Очерки по историческому словообразованию русского языка // Beiträge zur Slavistik. Bd. XXI. – Frankfurt am Main u.a. – S. 21-61.

НИКОЛАЕВ 1996: Николаев Г.А.Из истории становления и развития субстантивно-адъективных словообразовательных отношений // Beiträge zur Slavistik. Bd. XXIX. Fr/M. – S. 247.

НИКОЛАЕВ 1998: Николаев Г.А. Проблемы исторической семасиологии русского языка // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Т. 135: Языковая семантика и образ мира. – Казань.

ПОТЕБНЯ 1968: Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Москва. – 542 с.

РОМАНОВА 1985: Романова Н.П. Вопросы словообразования в научном наследии А.А.Потебни // Наукова спадщина О.О.Потебні і сучасна філологія. – Київ. – С.131-142.

УЛУХАНОВ 1975: Улуханов И.С. О словообразовательной категории // Известия АН СССР. ОЛЯ. – Москва.– Т. 34. – № 1.

МАРСЕЛЬ ФЕРРАН

ОБ ОДНОМ РАЗНОГЛАСИИ МЕЖДУ Г.О. ВИНОКУРОМ И В.В. ВИНОГРАДОВЫМ

“В известном смысле может показаться “естественным” в словах вроде *малина, смородина* выделить звукосочетание **ин** и приписать ему функцию обозначения ягоды. Но так как остающиеся после такого выделения звукосочетания **мал, смород** сами по себе лишены функции, ссылкой на которую можно было бы объяснить разницу между ягодами малиной и смородиной, то суффикса **-ин** в данных словах не существует. […] На тех же основаниях отрицаем наличие суффикса **-ик** в словах вроде *брусника, клубника, гвоздика* (Виноградов, 83), потому что *брусника* не есть ягода, характеризующаяся отношением к чему-либо, что можно было бы обозначить звуковым комплексом *брусн*”.

“Указание на то, что известный комплекс звуков сознается или не сознается, “чувствуется” или “уже не чувствуется” как морфема, собственно, не объяснение, а нечто само по себе требующее объяснения…”[1].

Аргументация Г.О. Винокура безупречна, но мне кажется, что В.В. Виноградов не ошибался: есть в *брусника* суффикс. Суффикс этот не только “чувствуется”, а абсолютно реален. Разногласие между Г.О. Винокуром и В.В. Виноградовым объясняется тем, что их подход, по-видимому, неодинаков. Они доходят до значения производного не тем же путем, не тем же “каналом”. Дело в том, что любой знак, будь он “произвольный” или “мотивированный”, может быть воспринят “в целом” (употребляю выражение Г.О. Винокура – иными словами “произвольно”, без анализа внутреннего состава знака). В практике говорящего восприятие “в целом” всегда возможно и всегда самодостаточно, не говоря уже о том, что и в случае мотивированного знака оно часто необходимо, поскольку расшифровка мотивированного знака не всегда дает полную информацию о его значении. Этого “канала” и придерживается В.В. Виноградов, сознательно или бессознательно, в отличие от строгого аналитического метода Г.О. Винокура.

При восприятии “в целом” серия слов на **-ик(а)** “ягода” может быть представлена так:

земля**ника** = “**ягода** растения земляники”
клубн**ика** = “**ягода** растения клубники”
черн**ика** = “**ягода** растения черники”
ежев**ика** = “**ягода** растения ежевики”
брусн**ика** = “**ягода** растения брусники”.

Знакомясь с новыми единицами, по мере того как серия пополняется, сознание языка воспринимает каждый раз повторяющийся конечный сегмент **-ик(а)**, слева, а параллельно и одновременно с ним, справа, каждый раз повторяющееся родовое значение “ягода”, вследствие чего сознание носителя языка ассоциирует формальный

[1] Г.О. Винокур. Избранные труды по русскому языку. М., 1959. “Заметки по русскому словообразованию” (статья 1946 г.), стр. 422, 423. В.В. Виноградов. Современный русский язык. М., 1938. “Уже не чувствуется”: слова “уже не” относятся к теме другого порядка – смешение словообразования с этимологией.

элемент -**ик**(**а**) с смысловым элементом “ягода”, образуя из них “опосредствованный” знак

-**ик**(**а**) : форма

——— ———

“ягода” : значение.

Этот “опосредствованный” знак и есть суффикс -ик(**а**) “ягода”.

Эпилог. В книге 1947 г. “Русский язык” В.В. Виноградов продолжает “чувствовать” суффикс в *брусника*. В **Грамматике Академии** (Т. I, 1952), раздел которой о словообразовании существительных вручен В.В. Виноградову, нет серии на -**ика** “ягода”.

А.В.НИКИТЕВИЧ

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО И СЛОВОСОЧЕТАНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕРИВАТОВ С ОБЩИМ КОРНЕМ

В дериватологии, как известно, исследуются процессы выведения одних единиц из других, и единицами этими, как правило, являются слова. Лишь в некоторых случаях к области словообразования относят отношения, связывающие производное слово и словосочетание, на базе которого оно образовано. Сюда прежде всего относятся имена существительные с суффиксом *–к-* типа *керосинка, зачетка*, легко соотносимые с сочетаниями *керосиновая лампа, зачетная книжка***.** Ср.: «Многие существительные данного типа семантически мотивируются конкретными словосочетаниями с мотивирующим прилагательным в качестве определения, которые синонимичны этим существительным или (реже) не синонимичны им: ср. *неотложная помощь – неотложка, комиссионный магазин – комиссионка*» (ГРАММАТИКА 1970, 83). Префиксально-суффиксальные образования типа *Заполярье, Заонежье* «семантически мотивированные составными географическими наименованиями (ср. ‘пространство, находящееся за Полярным кругом, за Онежским озером’), структурно мотивируются прилагательными, входящими в состав этих наименований» (ГРАММАТИКА 1990, 157). Как случаи *эллиптической субстантивации* рассматриваются «субстантивированные прилагательные, семантически мотивированные конкретными словосочетаниями с мотивирующим прилагательным в качестве определяющего слова. Например: *скорый* (поезд), *выходной* (день), *контрольная* (работа)» (ГРАММАТИКА 1970, 161). И, естественно, различные случаи сложения и аббревиации напрямую связываются с мотивацией именно словосочетанием. Ср.: *филологический факультет – филфак, физическая культура – физкультура.* К словосочетаниям можно отнести и предложно-падежные формы имен существительных, мотивирующих префиксально-суффиксальные имена существительные. Ср.: *на столе – настольный, под окном – подоконник.* Пусть одно из звеньев такого «словосочетания» и является незнаменательным, но *словом*.

При указании на номинативную функцию словосочетаний признается, что «оно (словосочетание) является основным типом *раздельнооформленных* (неоднословных, расчлененных, составных. «аналитических» и т.д.) *номинаций*». (СПОСОБЫ 1982, 88).

«Словосочетание как номинативное средство служит расчлененным означающим единого означаемого и, таким образом, изофункционально цельнооформленной номинативной единице – слову. *Диагностическим признаком словосочетания – эквивалента слова* является, во-первых, его устойчивость, клишированность, высокая - б'ольшая, чем случайно, - повторяемость в тексте… Во-вторых, таким признаком следует считать наличие однословного, нерасчлененного соответствия (синонима, квазисинонима, энгионима) в том же языке или возможность стяжения путем семантической конденсации, аббревиирования, создания сложносокращенного слова и др. в однословное наименование. Ср.: *быть учителем – учительствовать, самый крупный – крупнейший*…и т.д. Указанием на эквивалентность словосочетания слову может, в-третьих, являться наличие однословного соответствия ему в другом языке.., для рус-

ского языка – прежде всего в других индоевропейских, и в первую очередь в славянских». (СПОСОБЫ 1982, 89-90).

Следует, правда, отметить, что большинство «диагностических признаков словосочетания – эквивалента слова» свидетельствует о *его многосторонних связях и взаимодействии с производными словами*, и, шире – с различными словами, родственными с ним по корню. Если считать, что словообразование является составной частью более широкого и сложного деривационного процесса, связывающего родственные единицы разных уровней, то, безусловно, заслуживает внимания сама постановка вопроса: *как взаимодействуют дериваты с общим корнем, представляющие два смежных уровня структуры – слова и словосочетания?*

Исследование отношений мотивированности родственных единиц, как известно, базируется на представлении о том, что "словообразовательная мотивация – это отношение между двумя однокоренными **словами**, значение одного из которых либо а) определяется через значение другого, либо б) тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи» (РУССКАЯ 1980, 133). Таким образом, применимость понятия *мотивированность* в том его виде, как оно сформулировано традицией, ограничено, во-первых уровнем слов, и, во-вторых, постулированием необходимости *ссылки на значение мотивирующего слова*, что, как известно, далеко не всегда возможно. Ср.: «С именем Г.О.Винокура обычно связывают определение производного слова в качестве мотивированного, то есть способного быть истолкованным через слово мотивирующее. Сейчас уже ясно, что «работает» этот принцип чрезвычайно плохо (ср. хотя бы: *сиять* 'излучать *сияние*' ↔ *сияние* 'отвлеченное существительное по глаголу *сиять*'), и это заставляет возвращаться к аргументам Г.О.Винокура» (КАДЬКАЛОВА 2001, 185). Поэтому неудивительна попытка Э.П.Кадькаловой интерпретировать известное высказывание Г.О.Винокура следующим образом: «Логическим следствием этого подхода стал вывод об определимости лексического значения мотивированного слова *через первичный элемент его структуры* («первичную основу»), то есть через *корень* (!) или практически – через какое-то из слов *с этим же корнем* (ср. иное содержание понятия *словообразовательная мотивированность* в академических грамматиках 1970 и 1980)». (КАДЬКАЛОВА 2001, 185).

Выход за пределы отношений слово ↔ слово, в частности, анализ и систематизация случаев определенной корреляции производных глаголов и словосочетаний с деривационно родственными глаголу компонентами показывает, что мотивированным словам могут соответствовать словосочетания, не обязательно включающие в свой состав единицу мотивирующую, но обязательно *«какое-то слово с этим корнем»*. Это положение можно было бы представить и следующим образом: отсутствие словосочетания с производящей единицей может привести *к вовлечению в деривационный процесс других родственных единиц.* К примеру, среди глаголов, представляющих значение 'интенсивно и (или) тщательно совершить действие', немало таких, которые в качестве деривационных соответствий имеют сочетания с родственными именами существительными и прилагательными. Ср.: *выбелить – произвести побелку, иссушить – сделать сухим, истощать – сделаться тощим, нагрешить – наделать грехов, открахмалить – обработать крахмалом.*

Выводы, представленные в докладе, базируются на анализе около 2000 русских префиксальных глаголов 6-ти семантических групп (1) направление действия в пространстве, 2) степень интенсивности действия, 3) количество субъектов и объектов действия, 4) совершение действия во времени, 5) значение совершенного вида, часто в сочетании со значением результативности действия, 6) прочие значения), каждая из которых представлена более конкретными, частными словообразовательными значениями (всего, по нашим подсчетам, 57 значений). Например, глаголы, обозначающие «направление действия в пространстве» могут дифференцировать его на «действие, направленное внутрь, ~наружу, ~на поверхность предмета, ~с поверхности предмета, ~вниз, ~вверх и т.д.; глаголы, представляющие «степень интенсивности действия» могут выражать ее по-разному: «с чрезмерной интенсивностью», «с большой интенсивностью», «с небольшой интенсивностью или не полностью»; глаголы, обозначающие совершение действия во времени, как известно, могут представлять такие частные значения, как «доведение до определенного предела во времени», «окончание, прекращение», «начало», «действие, совершенное дополнительно» и др.

Особенностью последней из названных групп - глаголов со значением ‘действие, совершенное дополнительно’ - является корреляция большей части из них со словосочетаниями, имеющими в своем составе деривационно родственный компонент. В этой роли может выступить производящий глагол (*довооружить – вооружить полностью, докупить – купить в дополнение*), родственный глагол с другим префиксом (*доплатить – уплатить все, подкопить – накопить в добавление*), родственное производящему глаголу имя **(** *досолить – прибавить соли***)**. Существенным моментом, на который хотелось бы обратить внимание, является активное взаимодействие различных типов деривационно родственных компонентов по организации словосочетаний. Словосочетание способно обеспечить взаимодействие деривационно родственных единиц, глагольных и именных компонентов (там, где они не синтезированы посредством производного слова). Как синтагматически организованная структура, оно может соединить различные результаты собственно словообразования, различные родственные единицы, не только связанные отношениями опосредованной мотивации, но и представляющие различные звенья других деривационных объединений (например, словообразовательных парадигм).

Производные глаголы и некоторые их семантические группы может отличать наличие дискретных соответствий с деривационно родственными компонентами. Это необходимо принимать во внимание, так как очевидны примеры противоположного рода: существование производных глаголов и даже их целых семантических групп, словообразовательных типов, для которых характерно отсутствие таких развернутых соответствий, как словосочетания с деривационными и лексически конкретизирующими компонентами. К примеру, подавляющее большинство глаголов с префиксом с- со значением ‘произвести, осуществить над чем-либо какое-либо действие, добиться чего-нибудь’(сосчитать, смерить, свешать, спрятаться, схоронить, смешать, скутать, стасовать, стреножить, сжать, смолотить, смолоть) не имеют деривационно родственных аналитических конструкций. Аналогично: ряд глаголов действия с префиксом вы- (выдрать, выпороть, высечь, выдрессировать, вымуштровать, вышколить, выучить) и подавляющее число глаголов с префиксом у-: увидеть, услышать, уверовать; увянуть, угаснуть, утонуть; украсть, убаюкать, утерять, урегулировать, уловить. При-

чем, в последнем случае это касается не только глаголов действия, но и глаголов состояния, чувственного восприятия и мышления. Порой создается впечатление, что прибавление префикса может вести и не вести к установлению коррелятивных связей со словосочетанием. Другими словами, вполне возможно указать и на такое функциональное деление глагольных префиксов: 1) префиксы, в сочетании с которыми глаголы соотносятся с деривационно родственными словосочетаниями, и 2) префиксы, прибавление которых «лишает» глаголы каких бы то ни было корреляционных связей с родственными им словосочетаниями.

Причины же отсутствия каких бы то ни было корреляционных отношений лежат в особенностях деривационных и семантических связей данных глаголов с родственными им словами. Характер взаимодействия с деривационно родственным окружением определяет специфику всех интерпретационных моделей, которые и представлены в словарных дефинициях. К наиболее типичным случаям, в которых нельзя выделить развернутую структуру деривационного типа, относятся: 1) наличие простых однословных отношений синонимии (скутать ‘Закутать во что-либо для сохранения тепла’), 2) периферийность позиции деривационно родственного глагола в составе дефиниции (как правило, в форме деепричастия). Ср.: сосчитать ‘Сосчитав, определить сумму, количество, число’, смешать ‘Мешая, перемешивая, соединить в одно целое что-либо’; 3) периферийность позиции деривационно родственного имени (смерить ‘Определить величину, количество чего-либо посредством принятых мер измерения’, смолотить ‘Молотьбой отделить зерно от колоса’).

Если согласиться с тем утверждением, что производность как тип отношений наблюдается на различных языковых уровнях, естественно допустить возможность подобных отношений и между производными словами и различными типами словосочетаний. К примеру, как отношения *функциональной производности*, связывающие имена существительные и устойчивые глагольно-именные сочетания, некоторые исследователи ГАЙСИНА 1985, 66) рассматривают случаи деривационной транспозиции имени в глагол как единственного способа представления глагольной семантики. Например: *пользоваться авторитетом – Ø*, *выражать признательность – Ø* и т.п.

Если не акцентировать внимание на самом термине *производность*, то все же следует признать очевидность определенных отношений, которые устанавливаются между производными словами и соответствующими им типами словосочетаний. Однако необходимо иметь в виду, что словосочетания способны эксплицитно «поддерживать» лишь определенные типы сем. Сочетание целого «набора» семантических компонентов в структуре производного глагола не предполагает обязательную корреляцию их всех с соответствующими неоднословными структурами. Какие-то «минимизированы» (либо «абстрагированы») настолько, что не могут быть представлены отдельным словом (*накрутить, надвинуть*), какие-то «не помещаются» (по той же причине) в границы словосочетания, поскольку требуют более широкого «контекста пояснения» и более протяженного синтагматического пространства. Ср.: *наклеить* ‘Прикрепить что-нибудь к чему-либо или поверх чего-либо с помощью клея’.

Производные различных семантических групп могут соотноситься с одними и теми же типами словосочетаний по той простой причине, что 1) тип словосочетания по семантике, уровню представляемых сем является достаточно обобщенным (стать каким и покрывать чем) и 2) для перечня глагольных сем в данном префиксальном

производном (группе производных, представляющих частное словообразовательное значение) в языке находятся лишь сочетания для вполне конкретных сем, не обязательно определяющих словообразовательную специфику, результат словообразовательного процесса (последнего «деривационного шага»). Поэтому у глаголов, представляющих, например, «направление действия в пространстве», в качестве коммуникативных эквивалентов могут выступать словосочетания, не представляющие эксплицитно эти, ведущие для семантики производного слова, семы, но представляющие другие, не менее значимые, но не имеющие к «пространству» никакого отношения, особенности его структуры. К примеру, глаголам надпилить, надпороть, надрубить, надсверлить, обозначающим ‘действие, направленное на часть предмета’ (ГРАММАТИКА 1970), соответствуют сочетания, эксплицирующие скорей сему ‘интенсивности’, а не’направление в пространстве’. Ср.: надпороть ‘слегка, немного распороть’, надрубить ‘разрубить или подрубить слегка, не до конца’.

Особенности словообразовательной семантики, специфика каждого частного значения не может не влиять на факторы, обеспечивающие взаимодействие родственных единиц, и, в частности, таких, как производные слова и словосочетания. К примеру, сочетания с деривационным компонентом *насквозь*, эксплицирующим специфику словообразовательного значения ‘действие, направленное сквозь предмет’ (ср.: *пробуравить* ‘Буравить насквозь, на какую-либо глубину’, *прорубить* ‘Рубить насквозь или глубоко’), не соотносительны по виду с производными префиксации. И если в типичном случае легко находится родственный глагол с другим префиксом, способный организовать словосочетание, коррелятивное по виду (ср.: *об*ъехать – *про*ехать вокруг, *об*жарить – *под*жарить со всех сторон, *об*расти – *за*расти со всех сторон, *о*кутать – *за*кутать со всех сторон, *о*бежать – *про*бежать вокруг, *над*пилить – слегка *рас*пилить, *пере*пилить – *рас*пилить надвое), то здесь это наталкивается на определенное препятствие. Среди членов глагольной префиксальной парадигмы может вообще не оказаться единиц, связанных отношениями синонимии, или коррелирующих друг с другом по характеру сочетаемости с каким-то общим компонентом. Так, в словообразовательной парадигме глагола *рубить* из 19 префиксальных производных (*врубить, вырубить, дорубить, зарубить1,2, изрубить, нарубить, надрубить, недорубить, обрубить, отрубить, перерубить, порубить, подрубить, прирубить, прорубить, разрубить, срубить, урубить*) каждое обладает такой «лексико-словообразовательной спецификацией», что вряд ли обнаружит свойства синонимичности с тем или иным «соседом». Ср.: *нарубить* и *надрубить*, *порубить* и *перерубить* и т.д. Поэтому, если сочетание *рубить насквозь* соответствует по семантике лишь форме несовершенного вида *прорубливать*, то в конструкции, эквивалентной глаголу *прорубить*, позицию производящего глагола *рубить* (который, естественно, с этой «ролью» не справляется) не сможет заменять ни один из 18 префиксальных «собратьев» глагола *прорубить*. Другими словами, следует признать, что деривационный отношения здесь имеют следующий вид: *прорубливать – рубить насквозь, прорубить – Ø*.

- Однако, вероятно, следует признать и то, что если между глаголом *прорубить* и приводимым в составе его дефиниции сочетанием *рубить насквозь* нельзя увидеть отношений *«парадигматической соотнесенности», «коммуникативной эквивалентности»,* то следует увидеть более важный тип отношений: *отношения про-*

изводности. Ср.: *рубить насквозь→ прорубить,* аналогично: *жечь насквозь→ прожечь, грызть насквозь→ прогрызть*. Фактами речи это легко подтверждается: *грызть, грызть и в итоге прогрызть* и т.п.

Результаты взаимодействия производных слов и деривационно родственных им словосочетаний зачастую зависят от *динамических изменений в семантике входящих в словосочетание слов* и, в конечном счете, определяют специфику деривационных конструкций, их типов.

Одним из важнейших понятий теории деривационной грамматики является слово в деривационной функции. У каждой знаменательной части речи, вне сомнения, можно найти «свои» деривационные слова. Так, при анализе словосочетаний – коммуникативных эквивалентов глаголов – самое пристальное внимание приходится уделять глаголам в деривационной функции, их типам (быть, сделать, стать и др.). Причем более детальный анализ позволяет расширить круг глаголов, способных выступить в деривационной функции, включить в их число и менее очевидные (составить, допустить, изготовить и др.). При этом имеет смысл обратить внимание на случаи функциональной десемантизации, своеобразную «динамику» варьирования полнозначности глагольной номинации, в результате которой глаголы в деривационной функции могут различаться степенью лексикализованности, а сочетания с их участием – степенью аналитичности. К примеру, глагол составить образует целую серию устойчивых глагольно-именных сочетаний: составить акт, составить донесение, составить конкуренцию, составить конспект, составить мнение, составить план, составить представление, составить протокол, составить смету, составить список (ДЕРИБАС 1975, 148). Лексическая «составляющая» каждого из приведенных выше сочетаний есть результат взаимодействия семантики глагола и семантики имени. Так, у глагола составить в словаре отмечается 9 значений. Часть из них «ориентирована» на первообразное, физическое действие. Ср. в 1-м значении ‘Сложить, соединить, скрепить вместе отдельные части чего-либо’: составить поезд, составить эшелон; составить фразу, составить уравнение, составить слово (из букв). Часть значений глагола составить носит более отвлеченный характер. Ср. в 5-м значении ‘Создать, выработать путем наблюдений, логических умозаключений’: составить понятие, составить мнение, составить представление; в 6-м значении ‘Являться чем-либо, представлять собой что-либо’: составить радость, составить гордость, составить счастье (ССРЛЯ 1963, 374-377). Безусловно, деривационная функция глагола базируется на его не первичных, больше отвечающих физической природе действия, значениях, но тех из них, которые в той или иной степени «делают» глагол несамостоятельным, зависящим от семантики присоединяемого имени. Разница между сочетаниями составить поезд и составить мнение сразу же бросается в глаза. Но даже в пределах одного значения можно увидеть различия в степени отвлеченности обозначаемого действия и, следовательно, возможны различные по степени семантической слитности типы сочетаний. Ср.: в 4-м значении ‘Создавать что-либо, подбирая, объединяя какие-либо материалы; писать какой-либо текст, содержащий совокупность каких-либо сведений’: составить учебник, составить словарь и составить доклад (донесение, протокол). Не случайно, вероятно, последние примеры уже получают возможность, если не коррелировать, то как-то взаимодействовать с деривационно родственными глагола-

ми. Ср.: составить донесение и донести (о чем-либо), составить доклад и доложить, составить протокол и запротоколировать.

В семантической структуре глагола *допустить* отмечаются следующие значения: ‘1. Позволить прийти, войти, подойти куда, к кому-, чему-либо’. Например: К себе никого *не допускал* (ср. *не подпускал*). ‘2. Позволить, разрешить (что-либо делать)’. ‘3. Посчитать возможным, предположить’. Естественно, что первое значение глагола не способствует развитию деривационной функции. Однако уже второе значение, судя по семантике возникающих здесь устойчивых сочетаний (ср. *допустить* к чему-либо – *дать доступ*), может явиться основой развития деривационной функции у глагола. Тем более это касается третьего значения. Безусловно, не в каждом из устойчивых сочетаний с глаголом *допустить* можно констатировать выступление глагола в деривационной функции. Например, сочетания *допустить к экзаменам, допустить к работе***,** реализующие 2-ое значение глагола *допустить* являются лексически конкретизированными или свободными в том смысле, что глагол в них в большей степени сохранил свою лексическую полнозначность или «независимость» от семантики имени. Однако в сочетаниях, например, *допустить бестактность, допустить оплошность, допустить ошибку, допустить просчет* деривационная функция глагола не вызывает сомнений. Это подтверждается не только возможной корреляцией по семантике с глаголами (*допустить оплошность – оплошать, допустить просчет – просчитаться*), но и существующей семантической дифференциацией между сочетанием и глаголом (*допустить промах* и *промахнуться*), а также фактами «чистого» аналитизма (*допустить произвол – ∅, допустить халатность – ∅*).

Подобные примеры характерны для всех славянских языков, могут быть многократно увеличены и, безусловно, свидетельствуют о том, что сочетания с глаголами в деривационной функции должны быть включены в модель сопоставления деривационных подсистем глагола. При этом необходимо сопоставление всего комплекса глаголов, способных выступить в деривационной функции, а не только « десемантизированных глаголов, выступающих в роли формантов» (СИДОРЕЦ 1993, 64). Сопоставление всего массива имеющих отношение к процессу деривации словосочетаний с более широким кругом именных компонентов, способных представить семантику процесса, может существенно дополнить описание собственно словообразовательных подсистем, эксплицитно обнажая всю сложность взаимодействия лексического и грамматического (словообразовательного) в процессе создания новых единиц номинации. Таким образом, должны приниматься во внимание различные типы словосочетаний: деривационные (в строгом понимании этого термина), устойчивые и свободные. Хотя очевидна подвижность границ между различными их типами.

Заслуживает внимания и сугубо формальный аспект взаимодействия родственных единиц. Своеобразное «тяготение» родственных элементов друг к другу, «давление формы», в частности, «префиксальная солидарность» (ср. проспиртовать – пропитать спиртом) отличает целые группы словообразовательных значений. Не только слова в деривационной функции, словосочетания, но и элементы морфемной структуры (префиксы, корни) способны конструктивно поддержать рассматриваемое нами взаимодействие деривационно родственных единиц смежных уровней (производных слов и собственно словосочетаний). К примеру, глагол натереть, являясь, безусловно, лексически полнозначным, образует целую серию словосочетаний как эквивалентов

глаголам с префиксом на-: намылить – натереть мылом, навощить – натереть воском, наканифолить – натереть канифолью, насмолить – натереть смолой. Можно ли на основании приведенных примеров, подобно известным фактам лексической солидарности, говорить о явлении своеобразной солидарности префиксальной? «Родство по префиксу» может связывать различные компоненты словосочетаний с соответствующим производным глаголом (доверять – испытывать доверие; наваксить – натереть ваксой). В одних случаях «родство по префиксу» связывает глагол и именной компонент сочетания – отглагольное имя, в других – сами глаголы. Легко можно найти целый ряд фактов, подтверждающих существование (пусть в неявном, завуалированном виде) отмеченной выше префиксальной солидарности, поддерживающей деривационные и смысловые связи родственных единиц смежных уровней. Ср.: продемонстрировать – произвести, провести демонстрацию; проконтролировать – произвести контроль, проверку; выточить – выделать точением, выутюжить – выгладить утюгом; отштукатурить – отделать штукатуркой, отрапортовать – отдать рапорт; разграфить – расчертить на графы; окантовать – окаймить кантом; забетонировать – залить бетоном, застенографировать – записать стенографически, зашифровать – засекретить при помощи шифра, запеленать – завернуть в пеленки.

Нельзя также не обратить внимания на своеобразные межкорневые единства, образуемые рядом глаголов, тяготеющих к выступлению в деривационной функции. Ср.: офутеровать – обложить футеровкой, оштрафовать – наложить штраф, запломбировать – положить пломбу, заскирдовать – уложить в скирды, запаковать – сложить в пакет; проинформировать – дать информацию, просигналить – подать сигнал, прокалибровать – придать нужный калибр, отрапортовать – отдать рапорт. Способность некоторых глагольных корней в различном префиксальном окружении синтезировать глаголы в деривационной функции, в конечном счете, влияет на состав устойчивых глагольно-именных сочетаний. К примеру, с глаголом наложить в Словаре В.М.Дерибаса приводятся следующие номинации: наложить отпечаток (печать, резолюцию, арест, вето, взыскание, визу, запрет, запрещение, обязательства, ответственность, пошлину, штраф, эмбарго) (ДЕРИБАС 1975, 72). Нетрудно убедиться, что в ряде случаев соответствующие производные глаголы просто отсутствуют. Ср.: наложить вето – ∅, наложить пошлину – ∅. А это позволяет лишний раз убедиться в реальности взаимодействия синтетизма и аналитизма на более широком участке деривационной системы. Другие глаголы с этимологически родственным корнем –лож-, либо не участвуют в образовании устойчивых глагольно-именных сочетаний (например: положить, обложить, уложить), либо сочетаются с другим, более ограниченным кругом имен (сложить обязанности, сложить ответственность, сложить полномочия).

Несколько иная картина наблюдается у деривационного объединения глаголов с этимологически исходной единицей дать. Не только исходный глагол, но и производные от него способны образовать целые серии устойчивых глагольно-именных сочетаний. Ср.: дать аванс (анализ, бой, в долг, взятку, визу, в кредит, в обиду, возможность, вознаграждение…всего 152 (!) сочетания); подать апелляцию (весть, в отставку, в суд, голос, жалобу, заявку, заявление, знак, идею, команду); придать вид (видимость, значение, силы, смысл, форму, характер); отдать в аренду (в печать, голос, долг, должное, жизнь, команду, на откуп) (ДЕРИБАС 1975, 41-46). Глагол дать с родственными единицами обладает значительным деривационным потенциалом в

смысле выступления в деривационной функции. И подтверждением этому являются как факты соответствия сочетаний с данными глаголами префиксальным производным, так и случаи чистого аналитизма. Ср.: дать консультацию – проконсультировать, дать директиву – ∅; подать сигнал – просигналить, подать голос – ∅; придать золотистый цвет – озолотить, придать значение – ∅; отдать рапорт – отрапортовать, отдать в аренду – ∅.

Таким образом, при анализе префиксальных производных глаголов и их аналитических соответствий следует принимать во внимание деривационные связи как между производными словами и компонентами деривационных и лексически конкретизированных сочетаний, так и между деривационно родственными компонентами самих производных слов (глаголов, предикатных имен). Поэтому речь может идти о таком «расширении» традиционных рамок анализа производной глагольной лексики, при котором затрагиваются целые подсистемы деривационно родственных единиц. Сюда относится и такая подсистема как производное слово и соответствующее ему словосочетание. Более сложные объединения образуют целые группы производных глаголов (словообразовательные типы, категории) и соответствующие им словосочетания и их парадигмы, вплоть до фрагментов словообразовательных гнезд и соответствующего им по семантике корпуса дискретных, аналитических (в широком понимании) номинаций.

Анализ указанных выше комплексных деривационных фрагментов позволяет, учитывая способность, в частности, устойчивых глагольно-именных сочетаний выступить в деривационной функции, соотнести семантические области, покрываемые аффиксацией и подобными устойчивыми глагольно-именными сочетаниями (НИКИТЕВИЧ 2000а, 185-186). При этом становится ясно, что типы взаимоотношений между производными глаголами и словосочетаниями с точки зрения их возможностей представить определенные значения ограничиваются тремя: 1) *производные аффиксации и словосочетания представляют одну и ту же семантическую область* (*смешить – вызывать смех*); правда, возможны различия по степени дифференциации этой общей семантики; 2) *производные аффиксации и словосочетания «представляют» различные семантические зоны* (ср. в языке 18 века сочетание *прийти в посмеяние* и отсутствие для него однословного эквивалента (НИКИТЕВИЧ 2002б, 226); более точная оценка взаимоотношений между аффиксацией и аналитизмом в ряде деривационных полей позволяет отметить наличие отношений *«включения»* при несомненной избыточности аналитических средств: аффиксация репрезентирует лишь часть семантики, покрываемой аналитическими конструкциями.

К третьему типу следует отнести факты, когда *производные аффиксации и аналитизма представляют собой независимые, не пересекающиеся друг с другом группы номинаций.* Сюда относятся случаи: а) аналитизм, «не подвластный» аффиксации: *авторитет – Ø, завоевывать авторитет, заслужить авторитет, иметь авторитет, пользоваться авторитетом* (всего 17 сочетаний); б) аффиксация, не подвластная аналитизму: многочисленные случаи производных словообразования, не имеющих развернутых коммуникативных коррелятов среди сочетаний. К примеру, среди глаголов с префиксом *по-* со значением ‘привести кого-л., что-л. в то или иное состояние’ значительно число таких, которым просто нет аналитических соответствий. *Здесь полностью господствует словообразовательный синтетизм*. Ср.: *починить,*

покорежить, порвать, посечь. Слабость деривационных связей, отсутствие имен, - все это неизбежно сказывается на общем деривационном потенциале глагольных номинаций.

Учет различных по структуре родственных единиц позволяет говорить о взаимодействии деривационно родственного окружения в широко очерченном, далеко выходящем за пределы собственно словообразования, номинативном пространстве глагольного слова, а также заложить более широкую основу сопоставления значительных по объему комплексных деривационных фрагментов вербальных номинаций, включающих в себя не только производные префиксации, но и различные типы деривационных и сходных с ними по функции сочетаний.

Литература:

ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 1970: Москва. – 767 с.

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 1982: Москва. – 295 .

РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1980: Т.1. – Москва.

КАДЬКАЛОВА 2001: Кадькалова Э.П. Возвращаясь к «Заметкам…» Г.О.Винокура // Русский язык: исторические судьбы и современность. – Москва. –С. 85-186.

ГАЙСИНА 1985: Гайсина Р.М. Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики. – Уфа. – 81с.

ДЕРИБАС 1975: Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Москва. – 240 с.

СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 1963: Т.14. – Москва.

СИДОРЕЦ 1993: Сидорец В.С. Неоднословное наименование действия у восточных славян – избыточность или необходимость. – Мозырь. – 94 с.

НИКИТЕВИЧ 2000а: Никитевич А.В. Несловообразовательные номинации как потенциал «развития» деривационного гнезда // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materialy z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. – Katowice. – С. 184-190.

НИКИТЕВИЧ 2000б: Никитевич А.В. Устойчивые глагольно-именные сочетания и аффиксальные производные как способы представления глагольной семантики (синхронно-диахронический аспект) // Wortbildung: interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinar als Forschungsgegenstand. Materialien der 3 Konferenz der Kommission fur slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. – Innsbruck. – С. 217-230.

З.А. ХАРИТОНЧИК

О СОХРАНЕНИИ МОТИВИРОВАННОСТИ АББРЕВИАТУР

Сколько бы ни спорили лингвисты о том, является ли аббревиация способом словообразования или способом формирования вариантов слов и словосочетаний (ср., например, мнения следующих авторов: СМИРНИЦКИЙ 1959; MARCHAND 1960; НИКАНОРОВА 1971; МОГИЛЕВСКИЙ 1977; GINZBURG et al. 1979, 108, 188 – 189.; КУБРЯКОВА 1981; ШЕВЧУК 1983; ŠTEKAUER 2000 и др.), не вызывает сомнения, что начиная с конца 19 века и до настоящего времени, это весьма продуктивное как в современном русском, так и в других языках явление. Аббревиатуры стали характерной чертой письменной речи. Будучи широко распространенными в газетном и научном типах текста, они проникают не только в художественный текст, но и в разговорную речь, и не случайно, что многие исследователи усматривают в аббревиации в современном русском языке (АЛЕКСЕЕВ 1968), как, впрочем, и в других языках (см., например, РАЙЛЯН 1983; Елдышев 1985), новый словообразовательный способ

В общей системе производных слов аббревиатуры образуют пограничный пласт и отличаются от других типов дериватов как в формальном, так и семантическом отношении.

Выступая как семантический эквивалент некоторого мотивирующего комплекса, некоторого синтаксического целого, в формальном отношении любое производное слово, являясь определенным свернутым трансформом, в котором мотивирующая единица сохраняется в том или ином преобразованном виде, асимметрично по отношению к мотивирующей единице, отличаясь от нее формальной структурой меньшей длины. Иначе говоря, размер (длина) единицы производной и мотивирующей и степень репрезентации обозначаемого в этих двух типах номинации – в цельнооформленном производном слове и раздельнооформленном сочетании слов – являются разными. Именно разноразмерность и сопряженные с нею различия в степени расчлененности семантического представления одного и того же, значимость которых в системе словообразования неоднократно подчеркивалась Е.С.Кубряковой (см. КУБРЯКОВА 1981, 71 и другие ее работы), приводят к установлению в языковой системе еще одного типа асимметрии формы и содержания языковых единиц. Несмотря на это, в сложных и аффиксальных дериватах репрезентация мотивирующих единиц морфологической основой, корнем или словоформой позволяет при необходимости достаточно легко реконструировать исходное суждение или развернутое наименование, восстановить опущенные предикаты и/или аргументы пропозиции, чему способствует и то, что корреляция между формой и значением поддерживается словообразовательной моделью.

При аббревиации процесс свертывания некоторой развернутой номинации, осуществляемый путем усечения любых линейных частей источника мотивации (КУБРЯКОВА 1981, 90) в ответ на потребности лингвистической экономии в синтаксической организации высказывания и выражения наибольшего количества информации в единицу времени приводит к тому, что формально исходная единица, в подавляющем числе случаев многокомпонентное образование, оказывается представленной в аббревиатурах минимальными формальными отрезками -– слогом, буквой и т.д. в зависимости от типа аббревиации. Вследствие своих формальных характеристик аббревиатуры

оказываются единицами, для которых установление формальной корреляции производной формы с исходной и соответственно ее семантическая выводимость, а тем самым и установление мотивационных отношений единиц, т.е. реконструкция мотивирующей единицы, а с этим может быть связано установление референциальной отнесенности аббревиатуры, в значительной степени затруднено. Именно поэтому так востребованы словари аббревиатур (см., например, СЛОВАРЬ 1977; DIRECTORY 1977; ВОЛКОВА, НИКАНОРОВА 2000 и др.). Тем самым создаются также благоприятные условия для демотивации и лексикализации аббревиатур и их перехода в разряд простой, непроизводной лексики. Лексикализации данного типа единиц способствует и то, что аббревиация – трудно моделируемый словообразовательный процесс, в котором в отличие от аффиксации и словосложения невозможно выделить регулярные словообразовательные значения. (Ср., однако, точку зрения Краева А.Д. о наличии микромоделей в области аббревиации в КРАЕВ 1985, 99).

Формально-семантическая специфика аббревиатур в системе производных слов делает их интересными с точки зрения осознания их носителями языка как единиц мотивированных или немотивированных. Не вызывает сомнения то, что при возникновении аббревиатур, как и других типов производных слов, имеет место опора говорящих на уже имеющийся опыт и систему наименований данного языка, т.е. в динамическом, процессуальном аспекте между аббревиатурами и исходными единицами устанавливаются мотивационные отношения, причем вследствие максимального усечения формальных параметров мотивирующих единиц семантические изменения минимальны и сводятся в большинстве случаев к стилистической отмеченности возникших единиц, хотя это не исключает возможности их семантических преобразований. Данное правило хорошо вписывается в систему закономерностей соотношения формы и содержания, согласно теории Естественной морфологии Майерталера – Вурцеля – Дресслера (MAYERTHALER 1981; WURZEL 1984; DRESSLER 1987) и согласуется с иконичностью языковых единиц. Иное дело мотивированность аббревиатур как их статическое свойство в системе производных слов, возникающее как следствие их производности. Закономерно возникает вопрос, насколько минимальная форма манифестации исходной единицы в производной достаточна для носителей языка и способна возбудить в нас некие ассоциации с другими единицами и сигнализировать не только о связи звукового комплекса с какими-то обозначаемыми сущностями, но и о связях слов, тем более что в случае аббревиатур установление второго типа связи, т.е. с развернутым исходным наименованием, может быть кардинально значимо для прочтения их значения. Данный вопрос особенно актуален в настоящее время, когда назрела необходимость, как указывает И.С.Улуханов, разработки теории «синхронных степеней мотивации» (УЛУХАНОВ 1992, 74) и создания общей синхронной типологии мотивированности, которая учитывала бы не только прототипические случаи словообразовательной мотивированности, но и пограничные явления в области словообразования, обусловливающие ее размытый характер.

Определение мотивированности или же немотивированности лексических единиц, степени мотивированности, при которой слово сохраняет свой производный характер – это не только исходный вопрос для теории синхронного словообразования, решение которого связано с определением границ словообразовательной системы данного языка, а в плане функционирования – с закономерностями использования и, что

на сегодня наименее разработано в теории словообразования, процессами декодирования речи, понимания многочисленных ее составляющих – производных слов. Актуальна эта проблема, как убедительно продемонстрировано в цитируемой статье И.С.Улуханова, а также и в работах многих других авторов, исследующих внутреннюю форму и мотивированность языковых единиц, и с когнитивной точки зрения. Мотивированность лексических единиц является семиотической приметой их содержания и соответственно когнитивным признаком, фиксирующим элемент когнитивной деятельности в процессах номинации и сохраняющим след этой деятельности в форме наименования. Благодаря мотивированности осуществляется фиксация некоторого знания людей о предмете, явлении или свойстве в его названии, с тем, чтобы в самом материальном знаке-заместителе была подсказка пользователю именем о том, что же этот знак замещает. Свойство вторичных номинативных единиц, будь то словосочетания, дериваты или производные значения, в подавляющем своем большинстве сохранять свою производную сущность и мотивированность в течение столетий (интересны в этом плане данные о мотивированности единиц разных лексических полей и соотношении в них мотивированной и немотивированной лексики, полученные на материале современного английского языка Л.Н.Крот (КРОТ 2002), сопротивление процессам демотивации, детерминированным функциональной спецификой языковой системы и семиотической природой языкового знака, процессы ремотивации свидетельствуют о принципиальной значимости мотивированности при рождении, запоминании и распознавании лексических единиц, в целом для овладения языком, его знания и успешного использования. Выступая в качестве семиотической опоры, благодаря которой в языковых формах закрепляются связи и ассоциации, существующие или существовавшие у говорящих, о называемых объектах, явлениях и свойствах окружающей действительности, мотивированность приводит к отсутствию абсолютной произвольности в языковых системах и сложной иконическо-индексально-символической природе языкового знака.

На фоне широкого осмысления когнитивной значимости словообразовательных явлений, видения словообразования как языковой подсистемы, предназначенной для перевода смыслов с глубинного уровня на поверхностный и наоборот, с поверхностного на глубинный, выявления общего и частного в моделях вербализации человеческого опыта интересным представляется исследование аббревиатур, в которых, как указывалось ранее, осуществляется максимально компактная по сравнению с другими словообразовательными способами упаковка в языковую форму некоторого знания.

Казалось бы, аббревиатуры, особенно, инициального типа, демонстрирующие наибольшую формальную редукцию мотивирующих единиц, сразу же должны переходить в разряд немотивированных слов. Знания референциальной отнесенности, т.е. отнесенности к миру пропущенной сквозь призму человеческого сознания действительности, может быть достаточно для успешного функционирования аббревиатур, о чем свидетельствуют возможность порождения на их основе производных слов разного типа (например, *гаишник, кагэбэшник, эсэнгэшный, омоновец*), приобретаемые ими грамматические свойства, а также их изолированное, вне мотивирующего контекста употребление. Несмотря на достаточно широкие возможности человеческой памяти и способность носителей языка к инференции, способность воссоздавать то, что формально не выражено, на основе имеющихся представлений о мире и связях в нем,

.удержать связь (а это главное условие сохранения мотивированности на синхронном срезе) аббревиатур типа *ВНИИГАЗ* ‘*Всероссийский научно-исследовательский институт природных газов и газовых технологий*’, *ОПВС РУВД* ‘*отдел паспортно-визовой службы районного управления внутренних дел*’ и многих других с развернутым наименованием, которое само по себе трудно для запоминания вследствие своей длины, – чрезвычайно сложная для носителей языка задача. Для носителей языка, не связанных с тем достаточно узким профессиональным или социальным кругом людей, для которых данные наименования есть составные компоненты релевантного для них фрейма деятельности, мотивационные связи аббревиатур вне контекста не реконструируются. Далеко не все из нас способны расшифровать аббревиатуры типа *НВФ* ‘*незаконные вооруженные формирования*’ на стенде с фотографиями и надписью «*Члены НВФ, подлежащие уничтожению*» (КП, 34, 2003)., или *МГМУ* в следующем тексте «*В этом году Ирина заканчивает МГМУ, ее хобби – рисовать портреты*» (КП, 34, 2003) в тексте под фотографией. Легко предположить, что у значительного числа носителей русского языка возникнут трудности в расшифровке и соответственно понимании и таких аббревиатур, как: *ВАК* ‘*высший аттестационный комитет*’, *ГТС* ‘*городская телефонная сеть*’, *МТС* ‘*мобильные телесистемы*’, *ИССА* ‘*Интернет-система сервиса абонента*’, названий многочисленных НИИ, учебных заведений и т.д.

Тем более сложно установление мотивационных связей для аббревиатур-заимствований, если только они не калькированы и не частотны типа *ФБР* ‘*Федеральное бюро расследований*’, *ЦРУ* ‘*Центральное разведывательное управление*’ и др. В число трудно расшифруемых, попадут, вероятно, несмотря на их частотность, *НАТО* ‘*Североатлантический блок*’ от англ. *NATO* ‘*North Atlantic Treaty Organization*’, *TOEFL* ‘*Teaching English as a foreign language*’ и даже *VIP*, ставший частью таких слов как *VIP-персона, VIP-команда, VIP-забег.* Мало вероятно удержать в памяти мотивацию аббревиатур предшествующих периодов или же окказиональные аббревиатуры, создаваемые в определенном тексте и ограниченные его рамками.

Несомненно, прав, И.С.Улуханов, утверждая, что осознание лексической единицы как мотивированной или немотивированной оказывается делом индивидуальным и здесь имеет смысл ориентироваться на некоторый «обобщенный, средний» тип носителя языка. В этом плане весьма перспективна, на наш взгляд, программа исследований, намеченная в уже указанной работе И.С.Улуханова, языкового анкетирования, установления индекса известности слова как для «усредненной» языковой личности, так и для представителей различных социальных групп и т.д., и анализ мотивированности лексических единиц. Даже небольшой эксперимент, проведенный среди студентов Минского государственного лингвистического университета, показывает, насколько неоднозначной может быть интерпретация аббревиатур вне контекста. Так, аббревиатуру *VIP* ‘very important person - очень важное лицо’ правильно расшифровали 27 испытуемых, двое дали интерпретацию *VIP* как ‘very important people – очень важные люди’, один – как ‘very intelligent person - очень умный человек’ и один определил значение данной аббревиатуры как ‘знаковая личность’, не расшифровывая ее мотивирующего словосочетания. Большинство испытуемых (17 из 30) не смогли расшифровать достаточно часто встречаемые на страницах сегодняшних газет аббревиатуры *УБЭП* ‘*управление по борьбе с экономической преступностью*’, *УБОП* ‘*управление по борьбе с организованной преступностью*’. Не всем испытуемым были известны мотивирую-

щие сочетания таких сокращений как *СПИД* ‘*синдром приобретенного иммунодефицита*’, *РУВД* ‘*районное управление внутренних дел*’ , *УЗИ* ‘*ультразвуковое исследование*’ и др. Думается, однако, что эксперимент, организованный иначе, с привлечением контекста, требуемого для распознавания смысла любого слова, мог бы дать несколько иные результаты.

Именно поэтому наряду с указанной программой имеет смысл исследования функционирования производных единиц, особенно в текстах, ориентированных на некоторый усредненный уровень их читателей или слушателей, каковыми являются тексты, производимые в условиях массовой коммуникации (радио, пресса, телевидение).

Обращение к функциональному аспекту сокращенных лексических единиц разных типов в газетных текстах не только подтверждает ранее сделанные наблюдения о частотности использования в них аббревиатур. Оно демонстрирует, что говорящие, в нашем случае пишущие, стремясь к коммуникативному успеху, используют ряд коммуникативных стратегий, благодаря которым достигается не только определенное стилистическое разнообразие, но, наряду с осуществлением стилистических задач обеспечивается, и это главное в контексте нашего сообщения, мотивационная «поддержка» аббревиатур, т.е. «поддержка» со стороны исходного свертываемого наименования. Ведущими коммуникативными стратегиями в использовании аббревиатур являются следующие.

1. Полные развернутые наименования предшествуют употреблению аббревиатур, особенно инициального типа:

«*Вы как-то специально готовитесь к игре*? *Изнуряющие тренировки, шпаргалки, судорожное перечитывание* ***Большой Советской Энциклопедии*** *накануне ночью*?

Боже упаси. Если ты не располагаешь определенным багажом, то ***БСЭ*** *и другие* ***энциклопедии*** *можно оставить в покое*» (КП, 33, 2003).

Следует подчеркнуть, что говорящие, как правило, не удовлетворяются использованием только развернутой мотивирующей единицы сокращений, но дополняют ее целым лексическим рядом (*БСЭ и другие энциклопедии*), который составляют компоненты развернутого наименования, образованные на их основе словообразовательные парадигмы, синонимические группы и т.д. Например:

« ***Торг*** *платежом красен*

Очередной раунд переговоров о вступлении нашей страны во ***Всемирную торговую организацию*** *состоялся в Женеве. Главные аспекты были обсуждены во время встречи министра экономики Андрея Кобякова с генеральным директором* ***ВТО*** *доктором Супачаи Паничпакди. ... предполагается, что в этом году белорусская сторона проведет еще ряд встреч с делегациями членов* ***ВТО****, чтобы досконально обговорить условия членства Беларуси в этой организации. ...эти условия должны отвечать нашим интересам, а именно способствовать наращиванию торгового потенциала страны и ее скорейшей интеграции в* ***мировую торговую систему***». (СБ, 35, 2003)

« *Страсбург: всему свое время*

В понедельник в Страсбурге начнет работу январская сессия ***Парламентской Ассамблеи Совета Европы****. Одним из ключевых моментов повестки дня этого мероприятия станут выборы председателя* ***Ассамблеи*** *и его заместителей, обновление состава и руководства* ***ПАСЕ****. На сессии также будут рассмотрены вопросы уча-*

*стия **Совета Европы** в выработке Конституции **Евросоюза**. Как сообщил на брифинге заместитель начальника управления информации МИДа Андрей Савиных, ожидается, что в работе сессии примет участие делегация Национального собрания. Белорусские **парламентарии** проведут ряд встреч с руководством **Совета Европы** и **Ассамблеи**, в ходе которых будут обсуждены актуальные вопросы **межпарламентского** сотрудничества...*» (СБ, 36, 2003)

С их помощью задается тематический контекст, разрешается омонимия, столь частое явление среди инициальных аббревиатур, осуществляется поддержка-напоминание, т.е. вся коммуникативная тактика говорящего направлена на то, чтобы обеспечить адекватное прочтение слушателем использованной аббревиатуры, независимо от того, носит ли она узуальный или окказиональный характер. Даже такие частотные аббревиатуры, как названия стран и их объединений, например, *США*, *СНГ*, *ЕС*, организаций типа *ООН,* зачастую используются после мотивирующих их единиц, о чем свидетельствуют следующие примеры.

«*Прах надежд на возможность мирного исхода американо-иракского противостояния вчера был развеян на Капитолийском холме президентом **Соединенных Штатов**. В своем ежегодном обращении к конгрессу он ясно дал понять.... Хотя Буш и говорил о том, что действия его **страны** определяются исключительно национальными интересами, однако для **США** не так уж безразлично, как кажется, мнение мирового сообщества. Подтверждением этому является аннонсированный президентом **Соединенных Штатов** доклад главы госдепа Колина Пауэлла в Совете Безопасности ООН*»(КП, 35, 2003).

2. Не менее распространена и такая тактика использования аббревиатуры, когда развернутое наименование не предшествует, а следует за ней. Например:

«*В каком состоянии пребывают клубы интеллектуальных игр в Израиле*? — *В цветущем состоянии. Существует **ИЦИК - Израильский центр интеллектуальных клубов***» (СБ, 34, 2003).

Однако и в этом случае имеет место дополнительная предварительная «подсказка» для декодирования аббревиатуры, как бы подготавливающая слушателя к поиску соответствующей расшифровки и указывающая некоторые ориентиры этого поиска (в приведенном контексте в виде названия игр и страны).

«*Голландское председательство **ОБСЕ** объявило позавчера о назначении германского посла Эберхарда Хайкена Главой Офиса **ОБСЕ** в Минске.*

*Информация на официальном сайте **организации** по этому поводу почти полностью состояла из цитат известных договоренностей между Беларусью и **Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе**. Напомним, что они зафиксированы в решении Постоянного совета **ОБСЕ** 30 декабря прошлого года*».

*Тем самым было подтверждено, что данное назначение стоит рассматривать в развитие конструктивного **сотрудничества**. В соответствии с решением Постоянного совета **ОБСЕ** по офису этой **организации** в Минске, основной его задачей является **содействие** правительству Беларуси по согласованным направлениям, и в частности в дальнейшем институциональном строительстве в области экономики и охраны окружающей среды*»(СБ, 31, 2003).

3. Еще одним типом ориентиров для точного прочтения аббревиатуры является помещение ее в такой тип контекста, в котором самого развернутого наименования не

дано, но присутствуют его составные части, как это имеет место в следующем примере:

«*Священная для* ***Европы*** *банковская тайна доживает последний год: на заседании министров финансов* ***ЕС*** *принято решение ее отменить. 12 стран* ***ЕС****, кроме Бельгии, Австрии и Люксембурга, будут докладывать друг другу об иностранных вкладчиках. Даже Швейцария сдает позиции. Таким образом, налоговые ведомства стран* ***Евросоюза*** *получат доступ к сведениям о счетах своих граждан*» (СБ, 33, 2003).

Первая часть аббревиатуры подсказана предшествующим контекстом, а позже употребленное слоговое сокращение содержит и вторую ее часть.

4. Прочтению аббревиатуры способствует наличие в тексте ряда гипонимов, синонимов, слов, выступающих в качестве производящих баз для компонентов развернутого наименования и т.д., слов, ключевых для соответствующего фрейма ситуации. Например: «*К сожалению, к своей собственной жизни, да и к здоровью других людей наши граждане относятся весьма небрежно. Лишним подтверждением тому является увеличивающееся год от года количество* ***ДТП****. Остановимся только на самых «популярных* ***нарушениях****: 113* ***аварий произошло*** *в прошлом году из-за превышения скорости, при этом 29 человек* ***погибли*** *и 223* ***получили ранения****. «Авторы» 106* ***столкновений*** *в момент* ***удара*** *были просто пьяны, и из-за «зеленого змия» число жертв увеличилось еще на 144 человека. По-прежнему, рискуя жизнью, пешеходы неожиданно появлялись в неположенных местах из-за стоящего у обочины* ***транспорта****. 160* ***ДТП****, 19 убитых и 221 искалеченный - таков прошлогодний результат подобных действий.*» (СБ, 36, 2003). В данном примере для расшифровки аббревиатуры *ДТП* '*дорожно-транспортное происшествие*' создаются такие опоры, как: *произошло, транспорт, нарушение, авария, столкновения* и др.

Даже слоговые и сложно-слоговые аббревиатуры, где форма дает большую подсказку о замещаемом элементе, и те весьма часто даются с мотивационной поддержкой. Например:Р

«*От проблемы паспортизации пожилых людей, как рассказали корреспонденту «СБ» в пенсионном управлении* ***Министерства труда и социальной защиты****, действительно нельзя отмахиваться. Согласно установленным правилам... И если МВД объявит, что старые образцы являются недействительными, отдуваться пред обиженными обладателями просроченных паспортов, не сумевших получить пенсию, придется именно* ***социальным*** *работникам. Поэтому кампания по паспортизации напрямую затрагивает и* ***Минсоцзащиты...*** .» (СБ, 35, 2003).

Материал других языков, в частности, английского (Lehrer 1996; Курило 2002; Супранович 2002 и др.), показывает, что описанные тактики употребления аббревиатур характерны не только для современного русского языка, но используются носителями и других языков, что позволяет сделать вывод об общей значимости мотивационных отношений для адекватного декодирования аббревиатур. Становятся очевидными и определенные ограничения расстояния (обычно 2 – 3 предложения, реже 4 – 5) между аббревиатурой и ее развернутым основанием или его частью.

Отсутствие таких коммуникативных опор в контексте может рассматриваться как ее лексикализация и соответственно потеря (частичная или полная) единицей своей производного характера (например, *вуз, загс,* вероятно, *спид*, и многие другие), что

и влечет за собой ряд важных (грамматических, словообразовательных и т.д.) следствий.

Выше описанные способы употребления аббревиатур доказывают, что использование аббревиатуры в тексте вместе, а не вместо ее исходного, развернутого наименования нельзя считать чисто стилистическим приемом. Данными стратегиями в процессе коммуникации обеспечивается необходимая поддержка мотивационных отношений сокращений, релевантных для языковой компетенции носителей языка, что в свою очередь способствует сохранению производного статуса этого класса единиц и на синхронном срезе.

Литература:

АЛЕКСЕЕВ 1968: Алексеев Д.И. Создание новых словообразовательных способов (аббревиация). В: Словообразование современного русского литературного языка. – Москва. – С. 66 – 99.

ВОЛКОВА, НИКАНОРОВА 2000: Волкова Н.О., Никанорова И.А. Англо-русский словарь сокращений. – 3-е изд. – Москва.

ЕЛДЫШЕВ 1985: Елдышев А.Н. Строение и мотивированность сокращенных слов. (К проблеме взаимодействия формально-содержательных признаков в слове). Автореферат дисс. ...канд.филол. наук. – Москва.

КРАЕВ 1985: Краев А.Д. Аббревиация как словообразовательный процесс (на материале англоязычных энергетических терминов и номенклатур). В: Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. – Владивосток. – ДВГУ. – С. 95 – 106.

КРОТ 2002: Крот Л.Г. Мотивированность лексических единиц и структура лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка). Дисс. канд. филол.наук. – Минск.

КУБРЯКОВА 1981: Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – Москва.

КУРИЛО 2002: Курило Н.А. О функционировании сокращений в газетном тексте (на материале современного английского языка). - В: Теория коммуникации. Языковые значения. (Выпуск 2). Сборник науч. статей. – Минск. – С. 47 – 54.

МОГИЛЕВСКИЙ 1977: Могилевский Р.И. О месте аббревиации в системе словообразования (на материале славянских языков). В: Труды Самаркандского гос.университета. Новая серия. Вып.299. – С. 3 – 37.

НИКАНОРОВА 1971: Никанорова И.А. Усеченные единицы типа *doc, pop* в современном английском языке (к вопросу о слове и варианте слова). Автореферат дисс. ...канд.филол. наук. – Москва.

РАЙЛЯН 1983: Райлян С.В. Аббревиация – эффективное средство стилистического словообразования. В: Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. – Владивосток. – С. 68 – 74.

СЛОВАРЬ 1977: Словарь сокращений русского языка (под ред. Д.И.Алексеева). – Москва.

СМИРНИЦКИЙ 1959: Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – Москва.

СУПРАНОВИЧ 2002: Супранович Н.В. Тематическая детерминированность в функционировании аббревиатур. В: Теория коммуникации. Языковые значения. (Выпуск 2). Сборник науч. статей. – Минск. – С. 54 – 57.

УЛУХАНОВ 1992: Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слова. В: Вопросы языкознания – 1992. – № 5 – С. 74 – 89.

ШЕВЧУК 1983: Шевчук В.Н. Относительно статуса аббревиатур в английском языке и их перевода на русский язык (на материале военных сокращений). В: Система языка и перевод. Сб.статей. – Москва. – С.120 – 130.

DIRECTORY 1977: Directory of Aerospace and Military and Technology Abbreviations and Definitions. Dictionary of the Defense Industry. – La Jolla. – California.

DRESSLER 1987: Dressler W.U. Word Formation as Part of Natural Morphology. In: W.U.Dressler (Ed.). Leitmotifs in Natural Morphology. Amsterdam – Philadelphia. – P. 99 – 125.

LEHRER 1996: Lehrer A. Identifying and Interpreting blends: an experimental approach. In: Cognitive linguistics. 7 – 4. – P.359 – 390.

MARCHAND 1960: Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. – Wiesbaden.

GINZBURG et al 1979: Ginzburg R.S., Khidekel S.S., Knyazeva G.Y., Sankin A.A. A Course in Modern English Lexicology. – Moscow.

ŠTEKAUER 2000: Štekauer P. English Word-Formation. A History of Research (1960 – 1995). – Tübingen.

MAYERTHALER 1981: Mayerthaler W. Morphologische Natürlichkeit. – Wiesbaden.

WURZEL 1984: Wurzel W. Flexionsmorphologie und Natürlichkeit: ein Beitrag zur morphologischen Theoriebildung. In: Studia Grammatika 21. – Berlin.

Принятые сокращения: КП – Комсомольская правда, СБ – Советская Белоруссия.

А.А. ЛУКАШАНЕЦ

ДА ПРАБЛЕМЫ ІНВЕНТАРЫЗАЦЫІ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫХ СРОДКАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Праблема інвентарызацыі словаўтваральных сродкаў у сучаснай беларускай мове ўяўляецца значна больш складанай, чым гэта можа паказацца на першы погляд. Такое становішча абумоўлена, на наш погляд, дзвюма групамі фактараў:

тых, якія могуць разглядацца ў пэўнай ступені як спецыфічныя для беларускай мовы і беларускага мовазнаўства ў цэлым;

тых, якія з'яўляюцца агульнымі для славянскай дэрываталогіі і якія звязаны вызначэннем агульных падыходаў да праблемы інтэрпрэтацыі словаўтваральных сродкаў і іншых сегментаў марфемнага плана ў структуры матываванага слова.

Сярод фактараў першай групы трэба назваць у першую чаргу наступныя.

1. Стан і ўзровень сучаснай беларускай дэрываталогіі. Тут трэба прызнаць, што нягледзячы на наяўнасць адпаведных раздзелаў па словаўтварэнню ў акадэмічных граматыках беларускай мовы (БГ 1985), а таксама паяўленне першага Словаўтвараль-нага слоўніка беларускай мовы (ССБМ 2000), на сённяшні дзень беларускае словаўтварэнне не можа пахваліцца вычарпальнай паўнатой фіксацыі ўсіх спосабаў словаўтварэння і словаўтваральных тыпаў, сістэмнага апісання парадыгматычных адносін словаўтваральных сродкаў нават для літаратурнай мовы, не гаворачы пра аказіянальнае словаўтварэнне, даследаванне якога знаходзяцца яшчэ толькі ў эмбыянальным стане.

2. Пэўны кансерватызм беларускай дэрываталогіі і нежаданне змяняць тыя стэрэатыпныя погляды, што склаліся на некаторыя словаўтваральныя з'явы яшчэ ў сярэдзіне мінулага стагоддзя, хаця яны ўжо даўно не адпавядаюць сучасным уяўленням і сучаснаму ўзроўню лінгвістычнай навукі ў цэлым і сучаснай дэрываталогіі ў прыватнасці. Прыкладам тут можа паслужыць погляд на імперфектывацыю як на формаўтварэнне, які да апошняга часу з'яўляецца дамінуючым у беларускім мовазнаўстве. Такі падыход, як уяўляецца, не адпавядае сучасным поглядам на сутнасць дзеяслоўнай катэгорыі трывання, якая, па сутнасці, мае характар не чыста граматычнай(!), а лексіка-граматычнай класіфікуючай катэгорыі, а значыць, проціпастаўленне закончанае/незакончанае трыванне павінна разглядацца не ў межах формаўтварэння, а толькі словаўтварэння. Так, як словаўтваральныя пары мэтазгодна разглядаць не толькі прыклады ўтварэння закончанага трывання ад дзеясловаў незакончанага трывання (*пісаць – падпісаць, ехаць – прыехаць, весяліць – развесяліць*), але і ўтварэнне незакончанага трывання ад дзеясловаў закончанага трывання (*перапісаць – перапісваць, расшыфраваць – расшыфроўваць, аб'яднаць – аб'ядноўваць*). Такім чынам, выбар таго ці іншага падыходу мае вельмі істотнае значэнне для вызначэння межаў і характару ўнутрыдзеяслоўнага словаўтварэння, а таксама для вызначэння рэпертуару дзеяслоўных словаўтваральных сродкаў.

Другі прыклад. Гэта ўтварэнне ступеней параўнання прыметнікаў у беларускай мове. Існуюць, на наш погляд, дастаткова важкія прычыны, каб проціпастаўленне станоўчая (зыходны прыметнік) – вышэйшая – найвышэйшая ступені параўнання прыметнікаў паслядоўна ўключаць у сферу словаўтварэння. На карысць такога мер-

кавання гаворыць перш за ўсё змяняльнасць вышэйшай ступені ў беларускай мове па склонах, ліках і родах. Гэта азначае, што лексічныя адзінкі, якія рэпрэзентуюць кожную ступень параўнання ў беларускай мове маюць аднолькавую словазмяняльную парадыгму і аднолькавы набор форм, што ўласцівы дадзенай часціне мовы. Параўн.:

прыгожы – прыгажэйшы – найпрыгажэйшы
прыгожага – прыгажэйшага – найпрыгажэйшага
прыгожаму – прыгажэйшаму – найпрыгажэйшаму
…….
прыгожая – прыгажэйшая – найпрыгажэйшая
прыгожай – прыгажэйшай – найпрыгажэйшай
……..
прыгожыя – прыгажэйшыя – найпрыгажэйшыя
прыгожых – прыгажэйшых – найпрыгажэйшых
прыгожым – прыгажэйшым - найпрыгажэйшым
і г.д.

Такім чынам, утварэнне ступеней параўнання прыметнікаў у беларускай мове цалкам упісваецца ў сферу мадыфікацыйнага ўнутрыпрыметнікавага словаўтварэння, а рад лексічных адзінак з паслядоўнай градацыяй інтэнсіўнасці праяўлення прыметы (зыходны прыметнік – вышэйшая ступень параўнання – найвышэйшая ступень параўнання) уяўляе сабой паслядоўны словаўтваральны ланцужок: *разумн*(*ы*) → *разумн-**ейш***(*ы*) → ***най**-разумнейш*(*ы*); *выс*/*ок*/(*і*) → *выш-**эйш***(*ы*) → ***най**-вышэйш*(*ы*). Апошняе таксама вядзе да змянення межаў паміж формаўтварэннем і словаўтварэннем гэтай часціны мовы на карысць апошняга. Аднак у традыцыйнай марфалогіі сённяшняга дня дзейнічаюць ранейшыя стэрэатыпы, якія, відаць, падтрымліваюцца рускай лінгвістычнай традыцыяй, хаця вышэйшая ступень параўнання прыметнікаў у рускай мове істотна адрозніваецца ад беларускай мовы. У рускай мове вышэйшая ступень параўнання прадстаўлена адной нязменнай формай, якая можа быць уключана ў якасці састаўнога кампанента словазмяняльнай парадыгмы прыметніка.

3. Тэндэнцыі і зрухі, якія праявіліся ў беларускай мове і беларускім словаўтварэнні ў канцы мінулага стагоддзя і якія аказалі пэўны ўплыў на сістэму словаўтваральных сродкаў, асаблівасці іх парадыгматычных адносін. Пры гэтым у беларускай мове справа не абмяжоўваецца толькі тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі, якая вядзе не толькі да пашырэння словаўтваральнай актыўнасці іншамоўных словаўтваральных сродкаў і іншамоўных лексічных адзінак у якасці словаўтваральнай базы, але і можа прывесці да паяўлення новых словаўтваральных фармантаў. Так, бясспрэчна, суфіксальнымі фармантамі ў сучаснай беларускай мове зараз лічацца элементы **-мен**, **-смен** (*яхтсмен*, *спартсмен*, *бізнесмен*, *кангрэсмен*). У гэтым жа кірунку рухаюцца, як можна меркаваць, і элементы **-гейт**, **-голік** (*працаголік* ‘той, хто вельмі шмат працуе’, *тратаголік* ‘той, хто любіць траціць грошы’). Дарэчы, трэба адзначыць, што паяўленне слоў працаголік, тратаголік і пад. вядзе да пераразмеркавання словаўтваральнай структуры слова *алкаголік* (*алкагол-**ік*** і *алка-**голік***) (ЛУКАШАНЕЦ 1998).

Для словаўтваральнай сістэмы беларускай мовы гэтага перыяду значна больш відавочным і значна больш важным з'яўляецца другі працэс, процілеглы інтэрнацыяналізацыі. Гэта тэндэнцыя да нацыяналізацыі, сутнасць якой заключаецца ў

маніфестацыі спецыфічных для беларускай мовы сродкаў. Цікава, што сучасная тэндэнцыя да нацыяналізацыі набывае характар адштурхоўвання ад рускай мовы. У дачыненні да словаўтварэння тэндэнцыя да нацыяналізацыі знаходзіць сваё выражэнне ў імкненні да рэвізіі наяўных словаўтваральных сродкаў, да іх нарматыўнай пераацэнкі. Напрыклад: *суфіксавы* замест *суфіксальны*, *прэфіксавы* замест *прэфіксальны*, *двухтомавы* замест *двухтомны*, *нармалёвы* замест *нармальны*, *спартовы* замест *спартыўны* (пашырэнне суфіксальных прыметнікаў з ***-ав-***, ***-ов-*** за кошт утварэнняў з суфіксамі ***-альн-***, ***-ыўн-***);

параза замест *паражэнне*, *выступ* замест *выступленне*, *наступ* замест *наступленне*, *выстава* замест *выстаўка* (пашырэнне ўтварэнняў з нулявым суфіксам за кошт назваў на ***-нн***(е) і ***-к***(а).

Усё гэта сведчыць аб тым, што ў словаўтварэнні беларускай мовы адбываюцца істотныя зрухі, звязаныя з перамяшчэннем ад перыферыі да цэнтра і ад цэнтра да перыферыі. Акрамя змены рэпертуара словаўтваральных сродкаў і іх пераацэнкі з пункту погляду прадуктыўнасці і нарматыўнага стутусу названыя працэсы могуць прывесці да больш глабальных зрухаў. І справа тут не толькі ў тым, што адбываецца перамена арыенціраў з усходніх на заходнія (ШАКУН 1996) адштурхоўванне ад рускай мовы і збліжэнне з польскай. Значна больш істотным трэба лічыць тое, што пашырэнне ва ўжытку лексічных адзінак і ў тым ліку матываваных з пэўнымі словаўтваральнымі фармантамі, якія атрымалі пашырэнне ў пэўным дыялектным масіве, можа азначаць імкненне (свядомае ці несвядомае) змяніць дыялектную аснову (базу) літаратурнай беларускай мовы*. Вядома, што ў аснове сучаснай беларускай літаратурнай мовы ляжаць цэнтральныя мінска-маладзечанскія гаворкі. Між тым, у апошні час у межах названай тэндэнцыі назіраецца актывізацыя ў маўленні і нават імкненне нарматыўна замацаваць многія факты, якія ўласцівы паўночна-заходнім беларускім гаворкам.

4. На вызначэнне рэпертуару словаўтваральных сродкаў сучаснай беларускай мовы ўплываюць асаблівасці яе гістарычнага фарміравання. У прыватнасці для словаўтварэння маюць істотнае значэнне тыя гістарычныя марфаналагічныя пераўтварэнні на марфемным шве, якія знаходзяць адлюстраванне на пісьме. Іншымі словамі гаворка тут ідзе пра размежаванне сінхраніі і дыяхраніі пры аналізе словаўтваральнай структуры матываванага слова. Названая асаблівасць у пэўным сэнсе можа разглядацца як спецыфічная для беларускай мовы з'ява.

Праілюструем гэта палажэнне на прыкладзе ўтварэння назоўнікаў nomina collectiva тыпу *звяр'ё* (ад *звер*), *каменне* (ад *камень*), *жалеззе* (ад *жалеза*), *калоссе* (ад *колас*) і прыставачна-суфіксальных назоўнікаў nomina loci тыпу *узмор'е* (ад *мора*), *зарэчча* (ад *рака*), *раздарожжа* (ад *дарога*), *узбярэжжа* (ад *бераг*), а таксама асобных адпрыметнікавых назоўнікаў са значэннем абстрактнага паняцця *вяселле* (ад *вясёлы*), *прыволле* (ад *прывольны*), *раздолле* (ад *раздольны*).

Праблема заключаецца ў тым, што ў беларускім словаўтварэнні на сённяшні дзень няма адзінай думкі адносна таго, які суфіксальны фармант неабходна выдзяляць у гэтых, безумоўна, матываваных словах. У літаратуры па гэтаму пытанню існуюць па меншай меры тры пункты погляду (гл. табліцу 1).

---

* Такая думка выказана А.А. Крывіцкім у час вучнага абмеркавання праблемы.

Згодна з першым, ва ўсіх словах падобнага тыпу выдзяляецца суф. *-j-*. Параўн.: “Суфіксы *-j-/-оўj-*. Назоўнікі з суфіксамі *-j-/-оўj-* (арфаграфічна словы на *-’е*, *-’ё*: *пер’е*, *звяр’ё*; *-е*, *-ё* пасля “*ў*”: *здароўе*, *пугаўё*) утвараюцца ад дзеясловаў, прыметнікаў і назоўнікаў. Суфікс *-j-* захоўваецца ў сучаснай літаратурнай мове толькі пасля асноў на губныя зычныя ці *р*, у астатніх выпадках ён асіміляваўся з папярэднім зычным, выклікаўшы яго падваенне; параўн. *пяро – пер’е* (*п’ерјэ*) і *багаты – багацце*” (БГ 1985, 261).

Другі пункт погляду на названую праблему прадугледжвае выдзяленне ў структуры разглядаемых дэрыватаў у якасці самастойных фармантаў адпаведна ***-н’***-: :*камень – камен-**н**-*(е), ***-л’***-: *вясёл*-(ы) – *вясел-**л**-*(е), ***-ж***-: *бераг – уз-бярэж-**ж**-*(а), ***-с’***-: *колас – калос-**с**-*(е), ***-ч***-: *рак*-(а) – *за-рэч-**ч**-*(а), ***-ш***-: *выс*/ок/-(і) – *уз-выш-**ш**-*(а) (БМ 1987 22).

Табліца 1.

Прыклады	**інтэрпрэтацыя суфіксальнага фарманта**		
	1	**2**	**3**
1. nomina colltctiva			
звер → звяр’ё	**-j-**	**-j-**	**-Ø-**
жалеза → жалеззе	**-j-**	**-з’-**	**-Ø-**
камень → каменне	**-j-**	**-н’-**	**-Ø-**
колас → калоссе	**-j-**	**-с’-**	**-Ø-**
повад → паводдзе	**-j-**	**-дз’-**	**-Ø-**
сук → сучча	**-j-**	**-ч-**	**-Ø-**
крыло → крылле	**-j-**	**-л’-**	**-Ø-**
ліст → лісце	**-j-**	**-Ø-**	**-Ø-**
2. nomina loci			
мора → узмор’е [узморјэ]	**-j-**	**-j-**	**-Ø-**
бераг → узбярэжжа	**-j-**	**-ж-**	**-Ø-**
рака → зарэчча	**-j-**	**-ч-**	**-Ø-**
выс/ок/і → узвышша	**-j-**	**-ш-**	**-Ø-**
мост → замосце	**-j-**	**-Ø-**	**-Ø-**
3. nomina abstraktioni			
весяліцца → вяселле	**-j-**	**-л’-**	**-Ø-**
прывольны → прыволле	**-j-**	**-л’-**	**-Ø-**
багаты → багацце	**-j-**	**-ц’-**	**-Ø-**

Нарэшце, згодна з трэцім пунктам погляду, у разглядаемых дэрыватах абгрунтоўваецца мэтазгоднасць выдзялення ў якасці словаўтваральнага суфіксальнага фарманта нулявога суфікса. “Словы тыпу *бязлессе*, *забалоцце*, *палессе*, *падполле*, *суквецце*, *узбярэжжа* і інш, пра якія ёсць розныя меркаванні наконт словаўтваральных сродкаў, у Слоўніку характарызуюцца як утвораныя прыставачна-бяссуфіксным спосабам (далучэннем да ўтваральнай асновы прыстаўкі і нулявога суфікса): *бяз-лесс-**Ø***-(е), *за-балоцц-**Ø***-(е), *па-лесс-**Ø***-(е), *пад-полл-**Ø***-(е), *су-квецц-**Ø***-(е), *уз-бярэжж-**Ø***-(а)…

У Слоўніку лічацца ўтворанымі пры дапамозе нулявога суфікса (на месцы былога суфікса ***-j-***) словы тыпу *багацце* (*багац-**Ø**-*(е), *вяселле* (*вяселл-**Ø**-*(е), зыходзячы з таго, што ў старажытнай мове гук ***-j-***(***-й-***) у пазіцыі на мяжы марфем заўсёды выклікаў чаргаванне зычнай у канцы папярэдняй марфемы (параўн. *лісце* з *ліст-**й**-*(е). Гэта быў закон, які не меў выключэнняў (ССБМ 2000, 5).

Які ж з гэтых пунктаў погляду найбольш адэкватна адлюстроўвае характар словаўтваральнай структуры разглядаемых дэрыватаў? На наш погляд, у гэтых словах у сучаснай беларускай мове неабходна вядзяляць тыя структурныя элементы, якія рэальна ў іх выяўляюцца. Іншымі словамі, мы схіляемся да таго пункту погляду, згодна з якім побач з суфіксальным фармантам ***-j-*** (*звяр'ё, узмор'е*) у сістэме словаўтваральных сродкаў сучаснай беларускай мовы функцыянуюць таксама фарманты ***-н'-*** (*каменне, карэнне*), ***-л'-*** (*вяселле*), ***-с'-*** (*калоссе, палессе*), ***-ж-*** (*узбярэжжа, раздарожжа*), ***-ш-*** (*узвышша*), ***-ч-*** (*зарэчча*) і інш. Нулявы суфікс мэтазгодна выдзяляць толькі ў словах тыпу *лісце*, г. зн. толькі ў тых выпадках, калі словаўтваральнае значэнне матэрыяльна не выражана. У словах жа *каменне, вяселле, калоссе, узбярэжжа, узвышша* "гістарычны" ***-ьj-*** захоўваецца ў выглядзе "асіміляваных" ***-н'-***, ***-с'-***, ***-ч-***, ***-ц'-***, ***-ж-***, ***-ш-***. У такім выпадку мае месца звычайная ў сучаснай беларускай мове для марфемнага шва з'ява – вымаўленне аднолькавых зычных гукаў (адзін з якіх з'яўляецца фіналлю мавывавальнай асновы, а другі па сутнасці суфіксальным фармантам) у інтэрвакальнай пазіцыі як адзін падоўжаны. Аднак гэта ўжо сфера фанетыкі і арфапіі, а не словаўтварэння. Тым больш што ў аналагічных выпадках на стыку прыстаўкі і кораня праблем адносна члянення слоў не ўзнікае (***рас-сыпаць, раз-злаваць***).

Бачыць ва ўсіх разгледжаных выпадках суфіксальны фармант ***-j-*** з сінхроннага пункту погляду таксама немэтазгодна, паколькі гэта факт далёкай гісторыі і знаходзіцца ў сферы дыяхроннага словаўтварэння.

Такім чынам, сярод матываваных назоўнікаў з гістарычным суфіксам ***-ьj-**** у сучаснай беларускай мове выдзяляюцца тры групы дэрыватаў:

- з суфіксам ***-j-:*** *звяр'ё, пер'е, афіцар'ё, узмор'е, заазер'е*;
- з суфіксамі ***-н'-***, ***-с'-***, ***-ч-***, ***-ц'-***, ***-ж-***, ***-ш-***, ***-дз'-***, ***-з'-***, ***-л'-***: *каменне, калоссе, зарэчча, багацце, раздарожжа, узвышша, паводдзе, палоззе, вяселле*;
- з суфіксам ***-Ø-***: *лісце*.

З другога боку, нават калі пакінуць у баку пытанне аб марфемным статусе сегментаў ***-н'-***, ***-с'-***, ***-ч-***, ***-ц'-***, ***-ж-***, ***-ш-***, ***-дз'-***, ***-з'-***, ***-л'*** у прыведзеных вышэй прыкладах, якое з'яўляецца, як было паказана, дыскусійным у беларускім словаўтварэнні, то ўсё роўна ўзнікае праблема атаясамлівання гэтых сегментаў, а таксама ***-Ø-*** з фармантам ***-j-***, да якога яны ўласна і ўзыходзяць. У такім выпадку, як уяўляецца, неабходна ўлічваць тры моманты:

а) ступень семантычнай тоеснасці/падабенства;

б) пазіцыйную абумоўленасць;

в) фармальнае падабенства.

З пункту погляду словаўтваральнага значэння разглядаемыя сегменты ў структуры матываваных слоў маюць тоесную семантыку, што дае аднолькавыя падставы разглядаць іх ці як морфы адной марфемы, ці як фарманты-сінонімы. З пункту погляду пазіцыйнай абумоўленасці (варыятыўнасці) ужыванне гэтых суфіксаў залежыць ад

характару фінальнай часткі матывавальнай асновы, што служыць дастаткова сур'ёзнай падставай, каб лічыць іх морфамі адной марфемы. І толькі трэцяе патрабаванне, звязанае з крытэрыем фармальнага падабенства, дазваляе паставіць пытанне аб тым, каб лічыць разглядаемыя суфіксы ў сучаснай беларускай мове самастойнымі словаўтваральнымі фармантамі з сінанімічнымі значэннямі.

Асаблівасцямі развіцця фанетычнай сістэмы беларускай мовы абумоўлены і некаторыя іншыя праблемы, звязаныя з характарам марфаналагічнага ўзаемадзеяння матывавальнай базы і словаўтваральнага фарманта. Параўнаем прыклады:

а) *прафесар – прафесар-**ств***(а), але *студэнт – студэн-**цтв***-(а) ці *студэнц-**тв***-(а) з [*студэнт*- + -***ств***-(а)];

б) *інжынер – інжынер-**ск***-(і), але *даследчык – даследчы-**цк***-(і) ці *даследчыц-**к***-(і) з [*даследчык*- + -***ск***-(і)] і г.д.

У сучасным беларускім словаўтварэнні марфаналагічныя змены на стыку марфем пры ўтварэнні слоў тыпу *студэнт – студэнцтва, даследчык – даследчыцкі* існуюць розныя трактоўкі. З аднаго боку, гавораць пра сцяжэнне фінальнай зычнай матывавальнай асновы і пачатковай зычнай суфіксальнага фарманта. Параўн: “Нярэдка пры стварэнні новага слова шляхам аб’яднання ўтваральнай асновы і ўтваральнага сродка ў ёй адбываюцца розныя змены: …сцяжэнне зычных к + с → ц: кастрычнік + ск-(і) → кастрычні[ц-к]-(і), параўн. май-(Ø) → май-ск-(і); т + с → ц: кандыдат- + -ск-(і) → кандыда[ц-к]-(і); ч + с → ц: ліхач + ств-(а) → ліха[ц-тв]-(а), чытач + ск-(і) → чыта[ц-к]-(і); ц + с → ц: выдавец + тв-(а) → выдаве[ц-тв]-(а)” (ССБМ 2001, 6).

З другога боку, падобныя марфаналагічныя пераўтварэнні на стыку асновы і суфікса разглядаюць як звычайныя чаргаванні фінальных зычных асновы. “На стыку марфем часта ўзнікаюць чаргаванні… *к* : *ц* – пры ўтварэнні прыметнікаў пры дапамозе суфікса -*ск*- ад назоўнікаў з асновай на *к* (*батрак – батрацкі, памешчык – памешчыцкі, чыноўнік – чыноўніцкі*)…” (ШАКУН 1978, с. 79). Безумоўна, першы падыход з гістарычнага пункту гледжання з’яўляецца больш правільным, аднак у гэтым выпадку ўзнікае праблема мяжы паміж асновай і суфіксам. Іншымі словамі, да якой часткі слова (асновы ці суфікса) трэба адносіць гук, які ўзнік на месцы двух гістарычна асобных гукаў. Відавочна, што з пункту гледжання сінхроннага словаўтварэння больш прымальным трэба лічыць другі падыход, г. зн. выдзяляць суфіксальныя морфы -к-(і), -тв-(а), а тыя змены, што адбываюцца на стыку марфем, трактаваць як чаргаванні канца матывавальнай асновы. У такім выпадку элементы -***к***-(і), -***тв***-(а) разглядаюцца як морфа суфіксальных фармантаў -***ск***-(і) і -***ств***-(а) адпаведна.

Да другой групы фактараў, якія аказваюць істотны ўплыў на ўяўленні аб сістэме словаўтваральных сродкаў мовы, трэба аднесці тыя, якія можна лічыць агульнымі для іншых славянскіх (і не толькі) моў і якія ўжо атрымалі тое ці іншае рашэнне ў практычных апісаннях словаўтваральных сістэм, хаця і не з’яўляюцца бясспрэчнымі. У першую чаргу гэта фактары семантычнага (ступень сематнычнага падабенства і семантычнай тоеснасці фармантаў) і фармальнага (ступень фармальнага падабенства і адрознення фармантаў) плана, з якімі звязаны як вызначэнне межаў морфнага вар’іравання фармантаў, так і характару парадыгматычных адносін паміж фармантамі.

Назавем некаторыя з іх:

1. Дакладнае і паслядоўнае размежаванне оманіміі і полісеміі словаўтваральных фармантаў і, як вынік, ступень морфнага вар'іравання фармантаў, у тым ліку і аманімічных. Напрыклад, суф. -чык, са значэннем памяншальнасці (*прыборчык, магнітафончык*) і суф. ***-чык/-шчык/-льшчык/-альшчык*** і інш. са значэннем асобы (*даследчык, наборшчык, стругальшчык, інструментальшчык*).

2. Вызначэнне інвентару тыпаў словаўтваральных сродкаў.

2.1. Наяўнасць камбінаваных фармантаў (напрыклад, конфіксаў) як адзіных словаўтваральных сродкаў ці толькі прызнанне камбінаваных спосабаў словаўтварэння: ***уз***-*гор*-***ак, за***-*мор*-***ск***-(і).

2.2. Словаўтваральны статус інтэрфіксаў (міжмарфемных пракладак) на стыку матывавальнай асновы і словаўтваральнага суфікса (самастойныя словаўтваральныя, аснова- ці суфіксаўтваральныя сродкі). Ад вырашэння гэтага пытання залежыць не толькі набор разнавіднасцей словаўтваральных фармантаў і іх рэпертуар, але і ступень морфнага вар'іравання саміх фармантаў і характар марфаналагічнага пераўтварэння матывавальнай асновы. Напрыклад: *іспан*-***ец***, *алжыр*-***ац***, але *амерык*-***анец***, *амерык**ан-ец*** ці *амерык*-***анец***? І як вынік: *іспан*-***к***(а), *алжыр*-***к***(а), але *амерык*-***анк***(а) ці *амерыкан*-***к***(а)? Параўн. таксама: *беларус – беларус*-***к***-(а), *кітаец – кіта*-***янк***-(а) [*кітаj*-***анк***-(а)], *негр – негр*-***ыцянк***-(а), *баск – баск*-***онк***-(а); *шліфав/а/ць – шліфоў**шчык*** і *шліфаваць – шліфава*-***льшчык*** ці *шліфаваль*-***шчык***; *шліфава/льшчык/ – шліфава*-***льшчыц***-(а) ці *шліфаваль/шчык/ - шліфаваль*-***шчыц***-(а) і г.д.

Названы комплекс праблем цесна звязаны, як можна бачыць, з месцам і статусам інтэрфіксаў у структуры матываванага слова, а таксама з пытаннем аб характары лінейных пераўтварэнняў матывавальнай асновы. Сапраўды, калі мы прызнаем лінейныя пераўтварэнні асновы ўлева (г. зн. усячэнні), то ці варта адмаўляць лінейныя пераўтварэнні ўправа (г. зн. нарашчэнні), паколькі ў абодвух выпадках размова ідзе аб элементарным прыстасаванні матывавальнай асновы да таго ці іншага словаўтваральнага фарманта. Яскравым прыкладам могуць паслужыць пары матываваных назоўнікаў тыпу *шліфаваць – шліфоўшчык* і *шліфавальшчык, паліраваць – паліроўшчык* і *паліравальшчык* (параўн. рус. *шлифовать – шлифовщик* і *шлифовальщик, полировать – полировщик* і *полировальщик*). У адпаведнасці з традыцыяй акадэмічных апісанняў словаўтварэння ў словах *шліфоўшчык, паліроўшчык* (рус. *шлифовщик, полировщик*) выдзяляецца суфіксальны фармант ***-шчык*** (рус. ***-щик***), а ў словах *шліфавальшчык, паліравальшчык* (рус. *шлифовальщик, полировальщик*) – суфіксальны фармант ***-льшчык*** (рус. ***-льщик***). Аднак абсалютна відавочна, што ў першым выпадку адбываецца ўсячэнне матывавальнай асновы да зычнага гука, у другім матывавальная аснова нарошчваецца зычным гукам. У выніку абедзвюх аперацый становіцца магчымым далучэнне да дзеяслоўнай асновы на галосную суфікса ***–шчык***. Параўн.: "Калі ў якасці самастойных вытворных суфіксаў ці аламорфаў простых суфіксаў выдзяляюць сегменты тыпу *-овск-, -йск-, овн-, -шн-, -овник, -шник* і падобныя, ствараецца ўражанне, што ў межах гэтага комплексу (г.зн. паміж суфіксам і інтэрфіксам) больш цесная сувязь, чым паміж асновай і інтэрфіксам. Нязначымыя адрэзкі (інтэрфіксы) разглядаюцца як часткі суфікса, г.зн. як яго своеасаблівыя "слугі". Між тым калі выкарыстоўваць метафарычнае паняцце "слугі", то інтэрфікс з'яўляецца хутчэй "слугой" асновы, чым суфікса: адзін і той жа інтэрфікс абслугоўвае вытворныя ад адной і той жа асновы з рознымі суфіксамі, г.зн. "патрабуе" выкары-

стання інтэрфікса іменна аснова, а не суфікс. Параўн.: *петь – пе*(*в*)*ец, пе*(*в*)*ица, пе*(*в*)*учий, пе*(*в*)*ун, пе*(*в*)унья; *гну – гну*(*ч*)*иха, гну*(*ч*)*онок, гну*(*ч*)*иный*; *Америка – америк*(*ан*)*ец, америк*(*ан*)*ка, америк*(*ан*)*ский, америк*(*ан*)*ствовать*. Параўн. таксама бел.: *Амерыка – амерык*(*ан*)*ец, амерык*(*ан*)*ка, амерык*(*ан*)*скі*; *мыць – мы*(*й*)*шчык, мы*(*й*)*шчыца, мы*(*й*)*ны*.

Такім чынам, інтэрфікс прыдае аснове такі выгляд, што яна можа ўключацца ў словаўтварэнне ў якасці утваральнай; адначасова з гэтым ён садзейнічае таму, каб прыдаць адзінства будове розных вытворных ад адной і той жа асновы. У тых выпадках, калі інтэрфікс дзейнічае па патрабаванню законаў марфаналогіі, часцей за ўсё асновы з зыходам на галосную далучаюць да сябе інтэрфіксы-зычныя (дзеяслоўныя асновы + інтэрфікс *-л-* ці *-в-*; асновы нескланяльных запазычаных назоўнікаў + інтэрфікс *-j-, -ш-, -н-, -т-*, радзей іншыя)...

Разглядаць інтэрфікс як частку суфікса – значыць не зусім адэкватна адлюстроўваць яго ролю у складзе слова. Параўноўваючы шматлікія “вытворныя суфіксы”, лёгка заўважыць, што многія з іх паўтараюцца больш чым у дзесяці “вытворных суфіксах”: *-овск-, -овец, -овств*(о), *-овк*(*а*), *-овник, -овниц*(*а*), *-овн*(*ый*), *-овнича*(*ть*), *-овщик, -овщиц*(*а*), *-овищ*(*е*), *-овщин*(*а*), *-овин*(*а*), *-овизн*(*а*). Калі такія паўтаральныя сегменты разглядаць як асобныя будаўнічыя элементы слова, апісанне структуры рускай мовы спросціцца, хаця мы і ўвядзем новую адзінку – інтэрфікс. Такім чынам, выдзяленне вытворных суфіксаў, тоесных па значэнню простым, не толькі неправамерна, але і немэтазгодна. Пры такім апісанні рэзка ўзрастае колькасць суфіксаў (ці іх варыянтаў), што вельмі ўскладняе апісанне словаўтварэння. (ЗЕМСКАЯ 1981, 180 – 181).

На наш погляд, пры сінхронным апісанні словаўтваральнай сістэмы мовы найбольш аптымальным з’яўляецца разгляд інтэрфіксаў як асноваўтваральных элементаў у структуры матываванага слова. Па-першае, здымаецца неабходнасць выдзяляць асобныя структурныя элементы з не зусім выразным узроўневым статусам (фактычна сегменты, якія выкарыстоўваюцца ў якасці міжмарфемных “пракладак” паміж матывавальнай асновай і словаўтваральным суфіксам, у адрозненне ад інтэрфіксаў, якія злучаюць часткі складаных слоў, не з’яўляюцца адзінкамі марфемнага узроўню мовы). Па-другое, істотна змяншаецца ступень морфнага вар’іравання словаўтваральнага фарманта. Па-трэцяе, такі падыход цалкам упісваецца ў межы лінейных пераўтварэнняў матывавальнай асновы, як аднаго са спосабаў марфаналагічнага прыстасавання базы да фарманта. Напрыклад, у Тлумачальным слоўніку беларускай мовы у 5-ці тт., 6-ці кн. (ТСБМ 1977 – 1984) намі выяўлена 615 суфіксальных назоўнікаў са значэннем асобы, што ўтвораны з дапамогай суфіксальнага фарманта ***-чык/-шчык*** (у традыцыйных апісаннях з дапамогай ***-чык/-шчык/-тчык/-льшчык/-альшчык/-эльшчык/-аўшчык***). Калі прыняць пункт погляду, згодна з якім прыстасаванне матывавальнай асновы адбываецца і за кошт яе нарашчэння, гэтыя назоўнікі размяркоўваюцца наступным чынам:

- морф ***-чык*** (з усячэннем матывавальнай асновы і без усячэння) – 127 слоў (*адказчык, абрэзчык, перакладчык, камітэтчык, канатчык, кулямётчык, дакладчык, пераносчык, возчык, праходчык, перабежчык, валютчык, газетчык, гранатчык, манетчык, любімчык, шчасліўчык*);

- морф ***-чык*** (з нарашчэннем матывавальнай асновы элементам ***-т-***) – 4 (*набытчык, здабытчык, здатчык, раздатчык*);

- морф ***-шчык*** (з усячэннем матывавальнай асновы і без усячэння) – 357 (*аліментшчык, бетоншчык, гардэробшчык, дываншчык, дрэсіроўшчык, вярбоўшчык. аконшчык, зборшчык, прытворшчык, галантарэйшчык, ігольшчык, каніцельшчык, здзельшчык, самавольшчык, мільёншчык*);

- морф ***-шчык*** (з нарашчэннем матывавальнай асновы элементам ***-ль-***) – 109 слоў (*шліфавальшчык, нізальшчык, падавальшчык, плакальшчык,*);

- морф ***-шчык*** (з нарашчэннем матывавальнай асновы элементам ***-аль-***) – 2 (*інстументальшчык, стрыгальшчык*);

- морф ***-шчык*** (з нарашчэннем матывавальнай асновы элементам ***-эль-***) – 2 (*плацельшчык, пляцельшчык*);

- морф ***-шчык*** (з нарашчэннем матывавальнай асновы элементам ***-аў-***) – 12 (*аўтакранаўшчык, банкаўшчык, дахаўшчык, кранаўшчык, клеймаўшчык, фруктаўшчык, лямпаўшчык, фальгаўшчык, вагаўшчык*).

Такім чынам, матывавальныя асновы 113 назоўнікаў марфаналагічна прыстасоўваюцца да суфіксальнага фарманта шляхам нарашчэння аднаго зычнага гука (мінімальнае лінейнае пераўтварэнне ўправа) і толькі 16 назоўнікаў – шляхам нарашчэння двух гукаў. Усё гэта не перавышае колькасць і працягласць лінейных пераўтварэнняў асновы ўлева, а значыць, можа быць прынята пры апісанні словаўтваральнай сістэмы беларускай мовы.

Літаратура:

БГ 1985: Беларуская граматыка. – Т. 1. – Мінск.

БМ 1987: Беларуская мова. Цяжкія пытанні фанетыкі, арфаграфіі, граматыкі. – Мінск. – 144 с.

ЗЕМСКАЯ 1981: Земская Е.А. Словообразование. // Современный русский язык. – Москва.

ЛУКАШАНЕЦ 1998: Лукашанец А.А. Актыўныя працэсы ў сучасным беларускім словаўтварэнні. // Беларуская мова ў другой палове ХХ ст. – Мінск. – С. 19 – 27.

ССБМ 2000: Бардовіч А.М., Круталевіч М.М., Лукашанец А.А. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. – Мінск.

ТСБМ, 1977 – 1894: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5-ці тт., 6-ці кн. – Мінск.

ШАКУН 1978: Шакун. Л.М. Словаўтварэнне. – Мінск.

ШАКУН, 1996: Шакун. Л.М. Моўныя арыенціры і словаўтваральны працэс. // Беларусь паміж Усходам і Захадам. – Ч. 2. – Мінск. – С. 118 – 122.

РУБЕН С. МАНУЧАРЯН

НУЛЕВЫЕ КОРНИ

Со времени Ф.Ф. Фортунатова, выделявшего "положительные и отрицательные формальные принадлежности слов", представление о значимом отсутствии языкового элемента не только вошло в лингвистический обиход, но и чрезвычайно расширилось. По аналогии с нулевой флексией в словоизменении, оказалось возможным говорить о нулевом аффиксе в формообразовании и словообразовании, нулевой фонеме в фонологии и морфонологии, нулевых служебных словах в синтаксисе. Уместно, впрочем, напомнить справедливое замечание В.В. Виноградова о том, что по сути дела понятие нулевой морфемы Потебней было осознано и развито раньше, чем Бодуэном де Куртенэ, Соссюром или Фортунатовым (ВИНОГРАДОВ 1938, 17). Для истории лингвистической мысли представляет большой интерес тот факт, что способ описания посредством нулевого элемента был найден еще индийскими грамматистами (БЛУМФИЛД 1968, 224).

Вышеуказанные термины объединяются значением их общего компонента "нулевой", который интерпретируется как "выполняющий определенную лингвистическую (семиологическую) функцию без специального (звукового) выражения, лишь через противопоставление выраженным (положительным) элементам того же ряда или парадигмы" (АХМАНОВА 1966, 272).

Обобщающим правомерно считать термин "нулевой показатель", достаточно известный русской лингвистической литературе. Ш. Балли пользовался общим термином "нулевой знак", в соответствии с соссюровским пониманием знака как объединения означающего с означаемым. Соответствующее определение (применительно к одному виду нулевого знака) выглядит у него следующим образом: "Нулевым знаком является знак, фигурирующий без положительного означающего, но с определенным значением в определенном месте синтагмы, которую можно заменить одной или несколькими синтагмами того же вида, где этот суффикс имеет эксплицитную форму" (БАЛЛИ 1955, 177).

Дальнейшее расширение "нулевого" способа описания можно видеть в том, что неизменяемость трактуется как частный, нулевой случай изменяемости (А.И. Смирницкий), наречиям приписывается нулевой комплекс парадигматических форм (Г.О. Винокур), несклоняемые существительные относятся к нулевому типу склонения (А.А. Зализняк).

Транспонируя понятие нулевого показателя из плана выражения в план содержания, постулируют даже "нулевое значение". А.М. Пешковский, обращая внимание на то, что особое значение сравнения и той или иной степени этого сравнения есть, в сущности, только в сравнительной и превосходной степенях, указывал: "Однако по сравнению со сравнительной и превосходной степенями здесь (в положительной степени – Р.М.) получается особое нулевое значение, т. е. по сравнению с теми категориями здесь тоже сознается особая нулевая категория, которую мы и называем категорией "положительной степени". Другими словами, самое отсутствие значения создает здесь своего рода значение. . . " (ПЕШКОВСКИЙ 1956, 28-29). В соответствии с этим

подходом А.М. Пешковский постулирует и такие "нулевые категории", как изъявительное наклонение, несовершенный вид, невозвратный залог.

Материал русского языка (и, по-видимому, не только русского) допускает, на наш взгляд, выделение и нулевых корней, хотя это и кажется парадоксальным. Первоначальное обоснование этого термина и понятия было дано нами в докладе и последующей публикации в сборнике материалов предыдущей (пятой) Международной конференции Словообразовательной комиссии при Международном комитете славистов (МАНУЧАРЯН 2002). Малодоступность этого издания побуждает нас вначале кратко изложить соответствующий фрагмент статьи, а затем продолжить рассмотрение вопроса.

Термин "нулевой корень" применим к исключительным случаям, но имеет право на существование, тем более, что в принципе он не противоречит трактовке корня как главной и обязательной морфемы слова. "Нулевой корень" не есть "нуль корня".

Применительно к русскому языку мы имеем в виду прежде всего уникальное в своем роде слово *вынуть*. Трактовка его современного морфемного состава неоднозначна. По мнению Б. Унбегауна, это слово, замечательное полным исчезновением корня . Н.М. Шанский усматривает здесь корневое -Н-, которое апплицируется с -Н-суффиксальным. В.Н. Немченко предлагает считать корнем ВЫН-. На наш взгляд, в пользу того, что в *вынуть* имеется нулевой корень, т. е. значимое отсутствие корня, говорит сопоставление с "нормальными" словами, имеющими семантически однородную структурную схему ВЫ . . . НУТЬ. Ср. вы-ки-нуть, вы-дви-нуть, вы-тя-нуть, вы-дер-нуть, вы-толк-нуть и др.

Существенно, что в слове *вынуть* ВЫ- сохраняет типичное для этого префикса значение "изнутри наружу", а -НУ- типичное для этого суффикса значение однократности. Лексическое значение "взять изнутри", присущее данному слову и отличающее его от значений других слов данного ряда, выражается именно отсутствием звукового комплекса между префиксом ВЫ- и суффиксом -НУ-, т. е. на месте материально выраженного корня в одноструктурных словах, поэтому это отсутствие значимо. Что касается однокоренных слов, то обычное рассмотрение в одном гнезде с *вынуть* слов *вынимать*, *выем*, *выемка* предполагает признание нетипичных чередований.

Продолжим рассмотрение вопроса. Как можно видеть, предлагаемое обоснование нулевого корня вполне согласуется с вышеприведенной общелингвистической трактовкой нулевых показателей. Если исходить из того, что повторяемость в ряде слов обязательна для аффиксов, но не корней, то и единичность нулевого корня в принципе возможна. Однако в современном русском языке обнаруживается и такое исключительное по морфемному составу слово, как *предок*. Показательно, что его трактовка в современной лингвистической литературе также неоднозначна, причем колебания встречаются даже у одного и того же автора. В школьном словообразовательном словаре З.А. Потихи оно дано как нечленимое (в отличие от *потом-ок*), в его же словаре "Строение русского слова" – как членимое (ср. ПОТИХА 1964 и Потиха 1981, 233), в "Словообразовательном словаре русского языка" А.Н. Тихонова *предок* (как и *потомок*) приводится как не членимое. В "Толково-словообразовательном словаре русского языка" Т.Е. Ефремовой оба эти слова считаются членимыми и производными. В академической "Русской грамматике" в параграфе с характерным загла-

вием "Существительные, мотивированные наречиями и предлогами" слово *предок* отмечено как мотивированное предлогом *перед* и содержащее суффикс -ОК (семантически "параллельное" *потомок* отсутствует, по-видимому, как немотивированное). Наконец, обращает на себя внимание оговорочная формулировка в учебном пособии В.Н. Немченко: "В слове *предок* в качестве корневой морфемы выступает предлог *пред*-, который является носителем основной идеи слова, выражая его основное лексическое значение, а отрезок *-ок* представляет собой словообразующий суффикс". Здесь же отмечается "аналогичное производное" *потомок*, мотивированное наречием (НЕМЧЕНКО 1984, 17-18).

Представляется, во-первых, вполне оправданной членимость слова *предок*, как и *потомок*. Во-вторых, их аналогичность (морфемно-структурная или словообразовательная) вряд ли может быть признана правомерной: слово *потомок* имеет корневую морфему, соотносящуюся с полнозначным словом-наречием, а фразеологичность его лексической семантики этому не препятствует (ср. мн. *потомки* – "люди будущих поколений"). Что касается интересующего нас существительного *предок*, лексическая семантика которого также фразеологична ("древний предшественник по роду, а также соотечественник из прежних поколений"), то при учете современных языковых соотношений признание корнем неполнозначного слова-предлога является натяжкой: предлоги в составе слова преобразуются в префиксы.

На наш взгляд, существенно (как и в случае со словом *вынуть*) то, что морфемные компоненты здесь имеют свои обычные, типовые значения: префикс ПРЕД- выражает характерное значение предшествования, а суффикс -ОК – частное значение лица. Нулевой корень в слове *предок* можно постулировать по сопоставлению с такими одноструктурными словами, как *пред-крыл-ок*, *пред-рост-ок*, *пред-топ-ок*, в которых ПРЕД- также имеет общее значение предшествования (во времени или пространстве), а -ОК -частное значение предмета. Эти слова имеют ограниченную сферу употребления, но, согласно словарям, входят в состав современного литературного языка.

На фоне слов с нулевыми корнями можно оценить такие, в своем роде тоже исключительные, факты словаря, как *переборщить*, *отбояриться*. Они отмечаются и комментируются в отдельных работах как исключения из общего положения о главной роли корневой морфемы (МИЛОСЛАВСКИЙ 1980, 61-62). Можно было бы полагать, что здесь наблюдается не *значимое отсутствие корня*, а, напротив, *незначимое присутствие*, т. е. "пустой" (опустошенный) корень. Действительно, семантика этих слов является чрезвычайно широкой, общей и практически сводится к значению соответствующей структурной схемы, так что обычная индивидуализирующая функция корня не проявляется. Ср. *переборщить* – "перейти меру в чем-либо" и обобщенное значение слов типа *пере-сол-ить*, *пере-перч-ить*, *пере-мудр-ить*; *отбояриться* – "уклониться, отделаться от кого-чего" и обобщенное значение слов типа *от-говор/ить-ся*, *от-брык/ать-ся*, *от-молч/ать-ся*. В то же время, однако, *переборщить* – это не *пересолить* или *переперчить*, *отбояриться* – это не *отмолчаться* или *отговориться* и т. п.

Таким образом, корни в таких словах, как *переборщить*, *отбояриться*, не лишены семиологической функции, но она перекрывается иной функцией – обобщительной, приобретенной словом.

Нулевые корни, как и "десемантизованные", являются одним из результатов исторических изменений разного рода. В известной мере это даже закономерные (ожидаемые) аномалии. Поскольку исторические изменения в языках, особенно родственных, имеют общие черты, можно полагать, что выявление и сопоставление подобных явлений окажется полезным и для общей теории.

Литература:

АХМАТОВА 196б: Ахматова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва.

БАЛЛИ 1955: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – Москва.

БЛУМФИЛД 1968: Блумфилд Л. Язык. – Москва.

ВИНОГРАДОВ 1938: Виноградов В.В. Современный русский язык. Вып. I. – Москва.

ЕФРЕМОВА 2000: Ефремова Т.Е. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва.

МАНУЧАРЯН 2002: Манучарян Р.С. К терминологии словообразования // Swetlana Mengel (Hg.), Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. LIT – Yerlag, Münster-Hamburg-London.

МИЛОСЛАВСКИЙ 1980: Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – Москва.

НЕМЧЕНКО 1984: Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. – Москва.

ПЕШКОВСКИЙ 1956: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Москва.

ПОТИХА 1964: Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь. – Москва.

ПОТИХА 1981: Потиха З.А. Строение русского слова. – Москва.

РУССКАЯ ГАРАММАТИКА 1980: Т.1. – Москва.

ТИХОНОВ 1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – Москва.

JERZY SIEROCIUK

NIEKTÓRE ASPEKTY LEKSYKALIZACJI SŁOWOTWÓRCZEJ

W Słowniku terminologii językoznawczej (GOŁĄB i in. 1970) leksykalizacja objaśniana jest następująco:

"Proces językowy polegający na tym, że przejrzysta pod względem budowy słowotwórczej forma zrywa więź z wyrazem podstawowym, od którego pochodzi, i staje się jednolitym znakiem pewnej treści realnoznaczeniowej. Przykładem leksykalizacji mogą być przymiotniki grzeczny (utworzony od dawnego zwrotu k rzeczy 'do rzeczy') lub niedorzeczny (od nie do rzeczy), które utraciły niemal całkowicie swoją wyrazistość słowotwórcza. Leksykalizacja jest procesem zarówno formalnym, jak i znaczeniowym. Forma zleksykalizowana łatwiej ulega zamianom znaczeniowym niezależnie od znaczenia wyrazu podstawowego, z którym zerwała więź".

W akademickim ujęciu gramatyki historycznej (KLEMENSIEWICZ i in. 1965) wywierającym największy wpływ na powszechną znajomość określonej interpretacji interesującego nas pojęcia czytamy:

"Jedną z historycznych przemian słowotwórczych jest nieustannie żywy proces leksykalizacji. <Przez leksykalizacje rozumiemy przekształcenie się wyrazistej pod względem słowotwórczym formacji w jednolity znak wyrazowy - odpowiednik desygnatu> (DOROSZEWSKI). Wskutek leksykalizacji znaczenie wyrazu nie tłumaczy się, nie motywuje się jego dwuczłonową budową słowotwórczą, tj. wzajemnym stosunkiem pnia i formantu" (KLEMENSIEWICZ i in. 1965,184).

Powyższe przytoczenia jednoznacznie utożsamiają zjawisko leksykalizacji z problematyką słowotwórczego opisu języka. Z drugiej też strony wyraźnie wskazują też na metodologiczne ograniczenie jego stosowania - jak z powyższego wynika jest to wyłącznie domeną badań diachronicznych. Jednocześnie podkreślenia wymaga wskazanie ograniczenia żywotności tegoż zjawiska - język literacki (szczególnie w odmianie pisanej).

Czy leksykalizacja możliwa jest do obserwacji wyłącznie na materiale historycznym języka ogólnego?

Historycy języka terenem swoich obserwacji czynią tu zazwyczaj jego pisaną odmianę. Nie dziwić też powinno koncentrowanie uwagi na dużym przedziale czasowym; przy takim podejściu wykazanie "zaniku wyrazistości dwuczłonowej budowy słowotwórczej wyrazu" (KLEMENSIEWICZ i in. 1965,185) wydaje się jedynie możliwe do przeprowadzenia.

Przekonanie, że leksykalizacja jest zjawiskiem niemożliwym do obserwacji w materiale współczesnym podkreślane jest niejako nieobecnością tejże problematyki (i terminu) w akademickiej gramatyce współczesnego języka polskiego (GRZEGORCZYKOWA i in. 1998).

Wydaje się jednak, że złożoność procesu leksykalizacji możliwa jest do obserwacji także poza materiałem historycznym. W konkretnej, rozpatrywanej tu sytuacji są to przykłady pochodzące z języka mówionego - zwłaszcza z gwar.

Zanim jednak przejdziemy do przykładowych analiz kilka uwag natury metodologicznej. Dla naszych rozważań istotne okazują się tu możliwości badawcze dostępne przy

próbach analizy języka ogólnego i gwar. Te możliwości wynikają z założeń metodologicznych poszczególnych dyscyplin językoznawczych.

W badaniach języka ogólnego (literackiego) dominuje traktowanie przedmiotu analizy jako struktury jednolitej i powszechnie dominującej. Poddawany obserwacji konstrukt językowy jest tworem wyabstrahowanym, swoistą wypadkową wielu struktur cząstkowych. W rozważaniach tych nie są dostrzegane uwarunkowania społeczne czy też geograficzne. Brak uwzględniania tego typu czynników ogranicza często wskazanie przyczyn sprawczych jak i mechanizmów rządzących istotnymi dla ogólnej charakterystyki języka zjawiskami, np. synonimią czy wariantywnością.

Sygnalizowane ograniczenia metodologiczne obce są ujęciom dialektologicznym, gdzie rozpatrywanie zjawisk językowych w perspektywie przestrzennej jest jednym z podstawowych sposobów traktowania materiału językowego. W badaniach gwaroznawczych na co dzień obcuje się z konkretnym użytkownikiem lokalnej odmiany języka. Szczególnie cenne wyniki przynoszą obserwacje idiolektalne. Rozpatrywanie zróżnicowania materiału idiolektalnego w perspektywie przestrzennej daje możliwość obserwowania zjawisk niemożliwych do uchwycenia w tradycyjnych (globalnych) badaniach języka ogólnego. Z punktu widzenia możliwości badawczych oferowanych przez dialektologię analiza materiału polszczyzny ogólnej odpowiada monograficznemu ujęciu pojedynczego punktu. Przy takim podejściu trudne jest - w wielu wypadkach nawet niemożliwe - wskazanie elementów swoistych dla rozpatrywanego materiału. Osobliwości językowe i specyfika zachodzących tu procesów w większości wypadków możliwe są do naszkicowania dopiero na tle zjawisk zlokalizowanych przestrzennie.

W referacie na poprzedniej konferencji wskazywałem możliwości oddziaływania czynnika geograficznego na semantykę formantów odnotowywanych w polszczyźnie mówionej - polszczyźnie potocznej i w gwarach (SIEROCIUK 2002); tu chciałbym wskazać na możliwości wynikające ze spojrzenia dialektologicznego na zjawisko leksykalizacji słowotwórczej.

W trakcie badań terenowych bardzo często stajemy wobec faktów, które tylko z pozoru reprezentują zjawiska oczywiste, niejako książkowe. Analizując materiał pozyskany od konkretnego interlokutora zauważa się przykłady świadczące o porwaniu oczekiwanych -z punktu ogólnej teorii słowotwórstwa i doświadczenia wynikającego ze znajomości reguł polszczyzny ogólnej - relacji derywacyjnych. Poszukując poświadczeń terenowej żywotności elementów współtworzących podstawową opozycję derywacyjną

derywat : wyraz podstawowy

uzyskujemy potwierdzenia typu:

tatarczysko to pole, na którym rosła *gryka;*

padlina to mięso ze *zdechłego* zwierzęcia

ewentualnie:

zdechlizna to mięso z *padłego* zwierzęcia[1].

W zestaw ten wpisują się także zapewnienia informatorów, *że w* ***kołysce*** *dziecko się* ***kolebie*** lub też - w innym miejscu - analogicznie: *w* ***kolebce*** *dziecko się* ***kołysze***. Dla wszystkich z wyszczególnionych przykładów polszczyzna ogólna - także inne gwary - dostarcza potwierdzenia żywotności wyrazów będących dla nich punktem wyjścia procesu derywacyjnego. Wyposażeni w podstawową wiedze teoretyczną z zakresu słowotwórstwa

[1] Przykłady te pochodzą z różnych miejscowości.

bez trudu w wyrazach tych wyodrębniamy oba elementy składowe wyrazu pochodnego. Mówiąc też o pochodności tychże jednostek niejako jednocześnie podkreślamy oczywistość takiego procesu.

Chciałbym jednak podkreślić, że przy powyższym rozumowaniu przekraczamy granice środowiskowe. Przykłady funkcjonujące w innym środowisku językowym, charakterystyczne dla konkretnego idiolektu oceniane są wedle naszego własnego (tzn. badacza lub użytkownika języka ogólnego) doświadczenie językowe, naszej własnej kompetencji językowej. Doświadczenie językowe użytkownika gwary i doświadczenie językowe badacza (lub użytkownika języka ogólnego) to dwa odrębne światy. Obok typu *kołyska* nie musi funkcjonować typ *kołysać*; ten, kto zna typ *kolebać* nie musi znać typu *kolebka*. Badacz terenowy przekonuje się o tym każdego dnia.

Czy zatem uznać za przykłady ilustrujące zjawisko leksykalizacji przykłady pozbawione w lokalnej gwarze (czy w konkretnym idiolekcie) wyrazów zawierających nich podstawy słowotwórcze? Przestrzegając zasad opisu synchronicznego nie możemy przywołanych jednostek uznać za przejrzyste słowotwórczo - brak tu podstaw do uruchomienia mechanizmów pozwalających wykazać dwuczłonowość tychże wyrazów.

Wskazywanie przywoływanych tu stanów możliwe jest dopiero po naniesieniu na mapy interesujących nas jednostek. Porównanie obszarów żywotności derywatu i jego wyrazu podstawowego często wskazuje na funkcjonowanie specyficznych stref, w których omawiane zjawiska mają miejsce. Są to tereny zlokalizowane na obrzeżach zwartych obszarów dominacji określonego typu leksykalnego, tereny będące swoistymi strefami przejściowymi pomiędzy obszarami dominacji odmiennych typów słowotwórczych (i leksykalnych) (SIEROCIUK 1996 ,45-52 i odpowiednie mapy).

Złożoność procesu leksykalizacji oraz jego szczególne uwarunkowania chciałbym prześledzić na przykładzie nazwy *Murzyn*.

Rozpatrzmy najpierw funkcjonowanie tejże nazwy w polszczyźnie ogólnej.

Słowniki współczesnej polszczyzny przynoszą potwierdzenie funkcjonowania tego leksemu w kilku znaczeniach, wśród których zasadnicze to 'człowiek należący do odmiany czarnej' (DOROSZEWSKI 1962). Inne znaczenia do naszych rozważań nie wnoszą nic istotnego. Odnotować tu też należy podany przez autorów słownika źródłosłów tejże nazwy: "łc. Maurus, mieszkaniec północnej Afryki" (DOROSZEWSKI 1962). Podobnie rzecz ujmuje redagowany w Poznaniu (istotne jest to w kontekście dalej przywoływanego gwarowego materiału wielkopolskiego) *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny* (ZGÓŁKOWA 1999): "Murzyn z *łacińskiego* Maurus; [...] 'człowiek rasy czarnej; człowiek mający czarną skórę'.

Swą budową *Murzyn* przywołuje znane zwłaszcza polszczyźnie minionej nazwy typu: *Rusin, Węgrzyn, Turczyn, Tatarzyn* itp.- utworzone cząstką *-in* // *-yn*. Przywołane przykłady wyszły już z obiegu w polszczyźnie współczesnej. *Murzyn* nadal jest powszechnie znany, lecz w świetle tychże samych najnowszych leksykonów jest to nazwa o niejasnej budowie. Materiał słownikowy nie przynosi bowiem potwierdzenia żywotności wyrazu, który mógłby tu być rozpatrywany jako punkt wyjścia ewentualnego procesu derywacyjnego. Dla badaczy polszczyzny współczesnej jest to jednostka niepodzielna. Brak wyrazu o wyraźnym związku morfologicznym nie daje tu nawet podstaw do rozpatrywania typu *Murzyn* w obrębie zjawisk dokumentujących zjawisko leksykalizacji.

Zatem przyjąć należy stwierdzenie, że dla przeciętnego użytkownika współczesnej polszczyzny wyraz ten jest niepodzielny pod względem budowy słowotwórczej.

Słowniki polszczyzny historycznej dostarczają nam poświadczeń żywotności formy mogącej być dla interesującej nas tu nazwy wyrazem podstawowym. Dla polszczyzny XVI wieku dysponujemy potwierdzeniem zarówno dla MURZYN (70 poświadczeń) jak i MURZYĆ 'czernić' (1 poświadczenie) (SŁOWNIK XVI 1984). Jednostkowe potwierdzenie dla czasownika nie może tu być argumentem na rzecz ograniczonej jego żywotności w polszczyźnie tego okresu.

Przyjmując istnienie związku derywacyjnego pomiędzy tą parą leksemów musimy jednocześnie postawić pytane: czy *Murzyn* może być derywatem odczasownikowym? Przytoczone wyżej nazwy z *-in* // *-yn* reprezentują przecież tym odrzeczownikowy.

Czy *-in* może pojawiać się przy podstawie verbalnej?

W zestawionym przez zespół K.Kleszczowej przeglądzie staropolskich formacji rzeczownikowych czytamy:

"Leksemy motywowane nacechowane przyrostkiem *-in* stanowią zaledwie 4-elementową klasę. W 3 **odrzeczownikowych** formacjach relacje między formantem a podstawą są czytelne, choć niejednolite. [...]

Motywację czasownikową dostrzegam w derywacie:

rytwin 'wycięty pas murawy, darń' od *ryć*.

Wśród leksemów niemotywowanych znalazły się: *MURZYN*; *papin*; *pokoczyn* czy *pokocin*; *przestarzyn bot.*; *stwolin*; *zbiecin*" (KLESZCZOWA 1996,177).

Powyższy cytat potwierdza dopuszczalność formacji odczasownikowych z *-in* oraz obecność tejże cząstki w innych wyrazach. Tym samym nie jest wykluczona pochodność wyrazu *Murzyn* właśnie od czasownika *murzyć*. Ten historyczny materiał pozwala traktować nazwę *Murzyn* na równi z innymi formami złożonymi i wyodrębniać w niej dwa podstawowe składniki struktury słowotwórczej: *Murz-* + *-yn*. Nie ulega jednak wątpliwości, że mamy tu do czynienia z jednostką odpowiadająca wszelkim warunkom leksykalizacji[1].

Ta leksykalizacja stwierdzana może być jedynie w odniesieniu do polszczyzny ogólnej. Inaczej przedstawia się bowiem sytuacja w gwarach, gdzie nie mamy już obrazu jednoznacznego. W znaczeniu podstawowym 'człowiek należący do odmiany czarnej' jest to wyraz znany wszystkim naszym dialektom. Na znacznych obszarach panujący tu stan językowy pokrywa się z uwarunkowaniami języka ogólnego - brak tam bowiem formy verbalnej. Tak jest m.in. na przeważającej części Małopolski i Mazowsza, gdzie tym samym nazwę tę cechuje brak "wyrazistości dwuczłonowej budowy słowotwórczej wyrazu" (KLEMENSIEWICZ i in. 1965,185).

Materiał pozyskiwany z gwar wielkopolskich pozwala inaczej patrzeć na opisywane zjawisko. W codziennym użyciu jest bowiem czasownik *murzyć* 'czernić, brudzić (szczególnie sadzą)' [BRZEZIŃSKI 1987]. W czasie tradycyjnego noworocznego kolędowania, które jest znane praktycznie w całej Wielkopolsce, uczestnicy tego obrzędu *murzą* (szczególnie) dziewczęta po twarzach. Poza użyciem kulturowym czasownik ten też się pojawia: *umurzyć się* to 'zabrudzić się czymś czarnym (sadzą lub smarem)'. W tej sytuacji ktoś *umurzony* to 'ktoś ubrudzony (na czarno) na twarzy'.

---

[1] Tym samym uzyskujemy argumenty dopuszczające nieco inne - niż to mamy w przywoływanych słownikach polszczyzny ogólnej - spojrzenie na źródłosłów tego leksemu. Ten aspekt zagadnienia nie jest jednak przedmiotem naszego zainteresowania.

Gwary wielkopolskie dowodzą funkcjonowania uwarunkowań diametralnie przeciwnych do sytuacji panującej w polszczyźnie ogólnej. O leksykalizacji nazwy *Murzyn* trudno tu mówić. Ale relacje takie występują jedynie na ograniczonym terytorium i nie można ich przenosić na ogół gwar polskich.

Przywoływanie innych przykładów prowadzi do uszczegółowienia opisu funkcjonowania interesującego nas mechanizmu. Ze względu jednak na ograniczenia wydawnicze nie będą one tu przedstawiane.

Przedstawiony materiał upoważnia do przedstawienia kilku wniosków - przy czym niektóre mogą jeszcze mieć postać hipotez - jak się wydaje istotnych dla ogólnej charakterystyki zjawiska leksykalizacji na poziomie słowotwórczym.

Zasadniczą kwestią jest: czy leksykalizacja opisywana może być jedynie z punktu widzenia językoznawstwa diachronicznego? Przykłady czerpane z języka mówionego, a szczególnie z gwar, nie dają podstaw do wykluczania tego zjawiska z zestawu zagadnień mieszczących się w opisie synchronicznym. Jednak możliwość obserwowania przebiegu tegoż procesu warunkowana jest zmianą niektórych założeń metodologicznych - szczególnie jeśli idzie o uwzględnienie czynnika geograficznego.

Materiał gwarowy daje nam też możliwość obserwowania istotnego etapu przebiegu samego procesu leksykalizacji. Oderwanie się nowej jednostki słowotwórczej od swojej podstawy zachodzi na obrzeżach terenu dominacji wyrazu będącego dla niej punktem wyjścia procesu derywacyjnego. Konstatacja ta wynika z analizy map językowych, na których naniesiono poświadczenia obu elementów zależności derywacyjnej. Mapy językowe pozwalają też określić kierunek i dynamikę opisywanego zjawiska.

I wreszcie pytanie istotne z metodologicznego punktu widzenia: Czy leksykalizacja powinna być rozpatrywana niejako w kontekście "globalnym" - języka narodowego pojmowanego jako synteza wszystkich jego odmian użytkowych? Czy uprawnione jest tu równoprawne traktowanie podstawowych jego odmian? Z przywołanego materiału wynika bowiem i to, że leksykalizacja słowotwórcza może mieć inny charakter i odrębną dynamikę właśnie w zależności od odmiany językowej. Są podstawy, żeby mówić o socjolingwistycznym jej uwarunkowaniu.

Literatura:

BRZEZIŃSKI 1987: W. Brzeziński, Słownictwo krajniackie. Słownik gwary wsi Podróżna w Złotowskiem, t. II. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łodź.

DOROSZEWSKI 1962: Słownik języka polskiego, pod red. W. Doroszewskiego, t. IV. – Warszawa.

GOŁĄB i in. 1970: Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, Słownik terminologii językoznawczej. – Warszawa.

GRZEGORCZYKOWA i in. 1998: R. Grzegorczykowa, R. Laskowski, H. Wróbel [red.], Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia, Warszawa.

KLEMENSIEWICZ i in. 1965: Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk, Gramatyka historyczna języka polskiego. – Warszawa.

KLESZCZOWA 1996: Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Przegląd formacji rzeczownikowych, pod red. K. Kleszczowej. – Katowice.

SIEROCIUK 1996: J. Sierociuk, Budowa wybranych formacji rzeczownikowych - szczególnie nazw miejsc - w gwarach między Wisłą a Wieprzem. – Lublin.

SIEROCIUK 2002: J. Sierociuk, Wpływ czynnika geograficznego na semantykę gwarowego formantu, [w:] Slavisce Wortbildung: Semantik und Kombinatorik, pod red. S. Mengel. – Műnster-London-Berlin. – P. 461-469.

SŁOWNIK XVI 1984: Słownik polszczyzny XVI wieku, t. XV. – Wrosław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź.

ZGÓŁKOWA 1999: Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny, pod red. H. Zgółkowej, t. XXII. – Poznań.

ЛЮДВИГ СЕЛИМСКИ

NOMINA ACTIONIS / ACTI В БЕЛОРУСКИЯ И БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК. НЕРЕГУЛЯРНИ ОБРАЗУВАНИЯ

В статията се прави съпоставка на словообразувателния строеж на nomina actionis / acti в белоруски и български, като се установяват, от една страна, тъждествените в исторически смисъл суфиксални средства или общите за двата езика словообразувателни типове (т. 1 и 4), а от друга страна суфиксалните средства, по които двата съпоставяни езика се различават един от друг (т. 2, 3, 5 и 6). При това, за целите на съпоставителното изучаване е счетено за съобразно разграничаването на славянските (или наследени) суфикси от онези, които са заети от други езици. За краткост на изложението се абстрахираме от nomina actionis / acti, които са регулярно образувани с помощта на белор. суф. -*нн*(*е*) и вар. и бълг. -*не* (и -*ние*).

1. *Общи за белоруския и българския език домашни суфикси*

i.1. ***Суф. -ø*** *м. р. и вар.:* ***-ø(а) / -ø(я)*** *ж. р.,* ***-ø(і) / -ø(ы)*** *мн. ч. Нулевият суфикс (-ø) и в двата езика се реализира при образувания от парадигматичен тип от м. р. и като -ø(а) / -ø(я) при формации от ж. р., а в белоруски и като -ø(і) / -ø(ы) при названия, които се употребяват само в мн. ч. (pl. t.).*

Суф. ***-ø*** се среща в белор. език в 393 образувания от м. р., считани за названия на отвлечено действие: 234 от глаголи от св. вид, като *абмалот, адказ, збыт, набег, прырост* и т. н. (в *распродаж* може би суф. –*ж*?) и 159 от глаголи от несв. вид, като *ад'езд, адыход, вышук, запуск, перавоз, праезд* и т. н. [1].

Във вар. ***-ø(а)*** се среща и в 12 формации от ж. р., като *абарона, ахова, ашчада, засцярога, пагроза* и др., при някои, като *кража*, с алтернация *д* : *ж*.

Суф. (вар.?) ***-ø(я)*** се предполага при 5 образувания от глаголи от несв. вид: *будоўля, гадоўля, купля, лоўля, патоля* (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 147). Но за суф. -*ø*(*я*) може да се говори само при *патоля* 'удовлетворение' (от *патóлиць* 'удовлетворя'). В останалите названия се явяват разширени суф. -*л*(*я*) и -*оўл*(*я*), срв. 2.12. Тук, т. е. към формациите с нулев суфикс (-*ø*), могат да се прибавят и няколко имена от категорията pl. t.: 6 образувани от глаголи от св. вид (*пошукі, прошукі*; *сховы, водведы, выведы, роды*) и 4 – от глаголи от несв. вид (*скокі*; *зводы, роды, розгляды*).

В бълг. език също се срещат образувания от този старинен тип (ШИМАНСКИ 1975 и лит.), както от м. р. (с -*ø*), обикновено с алтернация в коренната гласна, срв. бълг. *завòй* (: *завùя*), така и от ж. р. на -*ø*(*а*) или -*ø*(*я*). Към същия тип спадат и някои русизми, показващи и в бълг. език мотивираност от съответните глаголи: *донос, намек, отчет, преговори, прелом, разрез, разцвет, упрек*; *заслуга, награда, охрана, победа* и т. н. (други примери вж. у РАДЕВА 1991, 140). В отделни случаи функционират паралелно домашни думи с конкретно значение покрай заети от руски с абстрактно значение, срв. рус. *превра̀т* и бълг. диал. *прѐврат*. Срв. също *прѐговори* мн. ч. (от рус. *переговóры*), мотивирано от *преговарям* 'водя преговори' и домашното

[1] Данни относно броя на образуванията в белоруския език се привеждат според изчисленията у Лукашанец 2001, макар че в отделни случаи са допустими корекции.

прѐговор ‘повтаряне на нещо учено’, от *преговàрям*, *преговòря* ‘повтарям нещо учено’ (срв. DAMERAU 1960, 115). Част от този тип названия са въведени в употреба от книжовници с пуристични увлечения за заместване на паралелни образувания на *-ние*, заети или съвпадащи със съответни руски, срв. *произход* вм. *произхождение* (= рус. *происхождение*), *повѐля* вм. *повелѐние*, *пробѝда* вм. *пробѝждане*, *проява* вм. *проявление*, *промяна* вм. *променение*, *просвета* вм. *просвещение*, *употреба* вм. *употребление* и т. н. В някои случаи се явяват различия в семантиката на паралелните образувания, срв. *израз* и *изражение*, *предстàва* (термин от психологията) и *представлѐние* (понятие, свързано с театъра), *съпротива* и *съпротивление* и т.н.

1.2. **Суф**. блр. / блг. ***-к(а)***. В белор. език суфикс *-к*(*а*) се среща в общо 943 образувания: 559 от глаголи от св. вид, като *абкладка*, *высадка*, *пабудка*, *перазарадка*, *разбежка* и т. н. и 384 от глаголи от несв. вид, като *адмыўка*, *варка*, *ломка*, *пашыўка*, *перагонка* и т. н. Суф. *-к*(*а*) е слабо документиран в бълг. текстове от XVII-XVIII век на народна основа (SZYMAŃSKI 1968, 99-104), а непознат в стб. канонични паметници, но не може да се отрече домашният му и народен характер. Показателна е активността му в някои социални говори, за която се съди по новообразувания като разг. *издънка* ‘неуспех’ и жарг. *изцѐпка* ‘неуместна постъпка’ и *свàлка* ‘флирт’. И все пак в книжовния език той се активизира под руско влияние. Освен в лексикални русизми, като *престрѐлка*, *развѐдка*, *спрàвка*, *схвàтка* (DAMERAU 1960), той се среща и в заемки, които са мотивирани и в българския, като *закуска*, *застрахòвка*, *облицòвка*, *провѐрка*, *фехтòвка* и др. (DAMERAU 1960). Към тях започват да се числят и форми като *постъпка*, *простъпка*, застъпващи съответни руски на *-ок* (DAMERAU 1960: 113, 119), които по морфонологични причини в българския език преминават към женските *-а*-основи. В най-ново време суф. *-к*(*а*) служи за образуване на термини (названия на процеси), между другото и във вар. *-òвк*(*а*), вж. 1.3.

ii. 1.3. ***Суф****. блр.* **-оўк(а)** *– блг.* **-овк(а)***. Поради формални различия между бълг. и рус. език в поведението на мотивиращите основи, в редица заемки суф. -к(а) абсорбира част от мотивиращата основа и функционира в разширения облик* -овк(а) *(Damerau 1960: 39-40). Срв. напр. бълг.* маршир-òвка *и глагола* маршир-ѝвам *– срещу рус. глагол* марширов-ать*, а особено редица примери, като* групир-òвка, маскир-òвка, тренир-òвка *и мн. др., мотивирани от глаголите* групѝр-ам, маскѝр-ам, тренѝр-ам *и т. н. В разширен облик суфикса виждаме напр. в* осигурòвка*, образувано на бълг. почва, от* осигуря(вам*). Срв. 1.4.*

1.4. **Суф**. блр. ***-ілаўк(а)*** – блг. ***-иловк(а)***. Блр. *ураўнілаўка* и блг. *уравнилòвка* са заемки (от рус. *уравнѝловка*), които запазват мотивираността си. Примерът е показателен за това как в два езика, които по принцип не влизат във взаимодействие, могат да се окажат едни и същи или сходни словообразователни образци, заети от някакъв трети език.

1.5. **Суф.** блр. ***-нк(а)*** – блг. ***-анк*(а) / *-енк(а)* / *-янк(а)***. В белор. език *-нк*(*а*) се отбелязва в 5 формации, като *пагулянка* ‘разходка’ (от *пагуляць*). В бълг. език се среща в няколко названия на традиционни трудови или обредни дейности, като *бѐленка* (|| *белянка*) ‘седянка за белене на царевица’, *влàченка* ‘тлака за влачене на вълна’, *кръщѐнка* ‘кръщение’, *предянка* ‘седянка за предене’, *седянка*. Предположението за

обобщаване на суфикса -*енк*(*а*) по пътя на наслояване на суфикса -*к*(*а*) към готови образувания на -*н*(*е*) (SZYMAŃSKI 1968, 101) е приложим и към белор. език.

1.6. **Суф.** блр. -***цц*(*е*)** / -***цц*(ё)** – блг. -***ти*(*е*)**. В белор. език суф. -*цц*(*ё*) се отбелязва при 22 образувания от глаголи от св. вид, като *адбыццё, адплыццё, выбыццё, выкрыццё, раскрыццё* и др. под. и при 17 формации от глаголи от несв. вид, като *біццё, выццё, крыццё, ліццё, мыццё, развіццё* и др. под. В облик (вар. ?) -*цц*(*е*) се среща в 11 имена от глаголи от св. вид, като *заняцце, зачацце, перакрыцце, прыняцце, узняцце* и др. За участие на – отделен – суф. -*ц*(*е*) се мисли (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 147) въз основа на изгласа -*ц*(*е*) / -*сц*(*е*), явяващ се при 6 названия "от глаголи от св. вид", като *выйсце, нашесце, прыйсце, прышесце, шесце*. Според мене такъв анализ е приложим само при *выйсце* и *прыйсце*. А *прышесце, нашесце* и *шесце* не са мотивирани. Съотв. рус. *пришествие* е непроизводно (ТИХОНОВ 1985: 880), а *шествие* се изежда от *шествовать* (ТИХОНОВ 2: 393), за което няма белор. съответствие.

iii. *Почти всички названия на* -ти(е*) в бълг. език са русизми* (ORZECHOWSKA 1966, 96-102; SZYMAŃSKI 1968, 83-84) *и само част от тях се считат мотивирани от синхронно гледище:* възприятие, развитие, разкритие, разпятие *(СловР), към които може да се добави и* проклятие *(извеждано в СловР от* проклет*).*

iv. *1.7.* ***Суф****. блр. / блг.* **-еж**. *В белор. език суф.* -еж *се отделя при анализа само на 5 имена от глаголи от несв. вид:* грабеж, капеж, крадеж, крапеж *и* плацеж. *Може да се добави и* падзеж *'бавно загиване [...]', тълкувано и като паралелно на блр.* падзенне. *В бълг. език със суф.* -еж *се образуват названия на действия от домашни по произход непрефигирани глаголи от несв. вид:* бодеж, вървеж, гърмеж, кипеж, строеж, цъфтеж (RUSEK 1958, 212-217; SZYMAŃSKI 1968, 105-106; РАДЕВА 1991, 135) *– около 70 на брой в ОбрР.*

1.8. **Суф**. блр. / блг. -***н*(*я*)**, блр. -***атн*(*я*)** – блг. -***тн*(*я*)**, -***отн*(*я*)**. Суф. -*н*(*я*) се отбелязва в 20 образувания от глаголи от несв. вид, като *балбатня, валтузня, грызня, мітусня, разня, хлусня* и т. н. Трябва да прибавим и *гульня* (от *гуляць*), в което ЛУКАШАНЕЦ (2001, 147) отделя суф. -*лн*(*я*). В ОбрР се намират 17-18 български названия на действия със суф. -*ня*, като *псувня, ругатня, свирня* и др., употребявани в народната реч (RUSEK 1958, 217; SZYMAŃSKI 1968, 106-108). Към състава им причисляват и *сплетня* (Радева 1991: 137), което СловР извежда от *сплѐтнича*, докато според мене *сплѐтнича* се мотивира от непроизводното *сплетня* (срв. ТИХОНОВ 1985, 154). Относно разширените варианти на суфикса срв. блр. *траскатня* [= разг. *трасканіна*] '(рус.) трескотня' – бълг. нар. *блъскотня, шепотня* (RUSEK 1958, 229-230).

1.9. **Суф**. блр. / блг. -***тв*(*а*)**. В белор. език суф. -*тв*(*а*) се отбелязва в 4 имена, образувани от глаголи от несв. вид: *бітва, клятва, малітва, паства* (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 149). В бълг. език суф. -*тв*(*а*) е мъртъв, известен само в няколко думи (ORZECHOWSKA 1966, 123-124; SZYMAŃSKI 1968, 110-111; КАЛДИЕВА 1972, 35). Освен *жѐтва, клѐтва* и *молѝтва*, тук привеждат (РАДЕВА 1991, 137) и *жѐртва*, заето от руски или черковносл. (ORZECHOWSKA 1966, 120), което не е название на процес и не е мотивирано, а вместо *жѐтва* е по-добре парал. *жътва* 'жънене', от *жъна*. ОбрР попълва представата за този суфикс с *бѝтва* 'битка', заето от руски

(DAMERAU 1960, 66), а *менѝтва*, създадено от А. Т.-Балан не се възприе в книжовния език.

v. 1.10. ***Суф****. блр.* **-ак / -óк** *– блг.* **-ък***. В белор. език се отбелязват 6 "названия на абстрактни понятия" на* -ак*, като* абавязак *'задължение', 13 на* -óк*, като* глыток *(блр. 'глытальны рух') 'глътка', а можем да прибавим тук и формациите с разширение на същия суфикс: 2 на* -нак*, като разг.* світанак *(=* світанне*) 'разсъмване' и 19 на* -так (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 148), *като* вынятак *(=* выключэнне*) 'изключение'. Относно бълг. език констаттират, че "е загубил този тип"* (ИТСЯ, 70). *Тук на първо място някои сочат формации като* врясък, крясък, писък, плясък, тласък, трясък*, мотивирани от глаголи като* вряскам *и под., "чиято основа се съкращава"* (РАДЕВА 1991, 137), *т. е. от* вряскам *отпада* -к-*(*ам*), а се прибавя суф.* -ък*. Можем и да се абстрахираме от тълкуването* (СловР, 69) *на* врясък *като мотивиращо спрямо* вряскам*, а не обратно, както – правилно – са разгледани напр.* крясък, писък, трясък *като отглаголни* (СловР, 178, 254-255, 447). *По-важно е да се отбележи, че при сравнителното изследване по-правилно е производните от тази семантична група (звукоподражателни) глаголи да се считат образувани с нулев суфикс за м. р.* -ø *и вмъкване на гласна* -ъ-*, т. е.* пùск*(*а-м*) >* пùсЪк*. В такъв случай не изчезва от полезрението на изследвача генетичната връзка и структурна идентичност на бълг.* пùсЪк *(от* пùск*[*а-м*]) белор.* піск *(от* піскнуць*), рус.* писк *(от* пищáть, пúскнуть*), на бълг.* врясък *(от* вряскам*) и пол.* wrzask *(от* wrzasnąć, rzeszczeć*) и т. н. Към този тип привеждат и производни от префигирани глаголи, употребявани "с преносно значение за номинация на предмет, назован като резултат от действие:* изрàстък, отпечàтък, придàтък, добùтък*"* (РАДЕВА 1991, 137). *От тях трябва да се извади* добùтък*, значително отдалечено от първоначалното значение и немотивирано* (СловР, 110). *Може обаче да се приведе малка група образувания, като* помùнък, припàдък, упàдък *и* разсъдък*, в значението на които се съдържа в известна степен семантичният признак процесуалност и които ясно се мотивират от съответните глаголи* (СловР, 241, 242, 211, 332), *макар някои от тях да са заемки от руски (за* припàдък *вж. БЕР 5: 727) или от друг славянски език (сръбски, чешки). Домашно народно е* помùнък *'работа, с която човек изкарва прехраната си', срв. паралелните диал. или обл.* поминàлка, поминàчка, поминỳвка (БЕР 5, 510-511). *Тук спада и* напредък*, извеждано неправилно* (СловР, 228) *от нареч.* напред*, вместо от глагола* напредвам*, както и фолкл.* посѐдък *(в:* на посѐдък *'на гости на кратко седене'), липсващо в СловР. Срв. и жарг.* съвпадък *'съвпадение'.*

vi. 1.11. ***Суф****. блр.* **-ат** *– блг.* **-от***. В белор. език се сочат 5 формации със суф.* -ат (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 149), *като ведно с домашните блр.* тупат *'тропот',* хлюпат *'шляпане' и* шорхат *'тракане' се оказват заемките* дыктáт *и* постулáт*, образувани с интернационалния суф.* -áт *(= бълг.* диктàт, постулàт*), които според мене не спадат тук. Към този тип се броят блг.* грòхот, èкот, пỳкот, трòпот, чỳкот, шѐпот (РАДЕВА 1991, 137), *с някои резерви относно мотивираността на* грòхот*, а с предвиждане на морфонологични промени при* èкот *(отпадане на суфиксната част на изходния глагол* ек-*ва-м,* ек-*н-а). Тук спадат и диал.* скòкот *'гъдел' и* хлòпот *'хлопане, чукане'.*

1.12. **Суф**. блр./ блг. -***б*(*а*)**. В белор. език суф. -*б*(*а*) се отбелязва в *пахвальба* (от глагол от св. вид) и в 26 названия от глаголи от несв. вид, като *бажба*, *варажба*, *дружба*, *касьба*, *просьба*, *разьба*, *служба*, *стральба*, *хадзьба* и т. н. В бълг. език суф. -*б*(*а*) се отбелязва в някои точни съответствия на белор. формации, като *дружба*, *просба*, *служба*, *стрелба* и в производни от префигирани глаголи, като *препродàжба*, *разпредѐлба* и др. (RUSEK 1958, 204; SZYMAŃSKI 1968, 95-98; КАЛДИЕВА 1972, 7-34; РАДЕВА 1991, 134-135).

1.13. **Суф**. (блр.) -***іцьб*(а)** – (блг.) -***итб*(*а*)**. В белор. език се отбелязват само 2 формации: *дзяліцьба* и *жаніцьба*. Докато основният суф. -*б*(*а*) взаимодействува в бълг. език и с именни основи, то производният -*итб*(*а*), разширен с -*ит*- от инфинитивната (или супинна) основа на мотивиращия глагол, се свързва само с глаголни основи и всичките (12 на брой в ОбрР) образувани с него имена, като *берѝтба*, *вършѝтба* и др., се отличават с по-ярко изразена процесуална семантика (RUSEK 1958, 204-209; КАЛДИЕВА 1972, 34-35; РАДЕВА 1991, 134-135).

1.14. **Суф**. блр. -***ств*(*а*)** – блг. -***ств*(*о*)**. В белор. език суф. -*ств*(*а*) се отделя при анализа на 6 имена от глаголи от св. вид, като *забойства*, *задзірства* ‘закачка, заяждане’, *зазнайства* ‘възгордяване’, *прытворства*. Названията на -*ств*(*о*) от глаголни основи, като *убийство*, са изключения и не са характерни за новия бълг. език, а още по-голяма рядкост са в народните говори (SZYMAŃSKI 1968, 111-112). Някои формации от този тип са заемки от руски език, напр. *притворство*, *произвòдство*, особено като втори компонент на сложни думи, като *градоустрòйство*, *книгоиздàтелство* и др. (РАДЕВА 1991, 141).

vii. 1.15. ***Суф**. блр.* **-янств(а)** *– блг.* **-янств(о)**. *Отбелязва се еднократно в блр.* п’янства *и блг.* пиянство.

viii. 1.16. ***Суф**. блр. / блг.* **-от(а)**. *В белор. суф.* **-от(а)** *се отбелязва в 14 “названия на абстрактни понятия”, като* дрымота *‘дрямка’. В бълг. език се среща рядко в народни думи, като* дремота*, а отделянето му в* рàб-ота (ИТСЯ, 58) *е грешка, допусната на фона пол.* robić*, укр.* робити *и т. н.*

ix. 1.17. ***Суф**. блр.* **-нь** *– блг.* **-н**. *В белор. език суф.* -нь *участва в строежа на 4 “названия на абстрактни понятия”, като* казань *‘проповед’. В бълг. език суф.* -н *(според някои автори* -ан*), ясно се отделя в* кòпан *‘копане’,* òран *‘оране’,* прòдан *‘продаване, продажба’.*

1.18. **Суф**. блр. -***ушк*(*і*)** pl. t. – блг. -***ушк*(*а*)**. Суф. -*ушк*(*і*) в белор. език се намира в 2 образувания pl. t.: *пабягушкі* (в: *на пабягушках* ‘за разпращане насам-нататък’) и *пасядушкі* (= *пасядзéнкі*) ‘седянка’. В бълг. език освен в разгов. *почерпỳшка* ‘почерпка’ (ДИМОВ 1970, 51), суф. -*ушк*(*а*) в отглаголна функция се отбелязва в диал. *съмнỳшка* ‘съмване, съмнало’, означаващо процес (от глагола *съмне се*), и нар. *редỳшка* ‘лека епидемия’, тълкувано като ‘болест, която дохожда от време на време и ряди мнозина’ (ГЕРОВ 1977, 212, при синоним. *порѐдѝя*). Като недостатъчно прозрачни словообразувателно, *редỳшка* и *съмнỳшка* не са анализирани в СловР, макар че ОбрР ги включва. А спадащите формално тук *плетỳшка* ‘плитка’ и *треперỳшка* ‘накит […]’ са названия на предмети, макар и да пазят връзка с мотивиращите глаголи.

1.19. **Суф**. блр. -***віц*(*а*)**, -***авіц*(*а*)** – блг. -***авиц*(*а*)**. В белор. език се отбелязват три формации от този тип: *бліскавіца* ‘мълния’, *дыхавіца* ‘задух’ и *касавіца* ‘сенокос’. Срв. бълг. *кихàвица* ‘кихване, кихане’, *хълцàвица* ‘хълцане’ и названията – вече опредметени – на природни явления като *блескàвица* ‘мълния’, *светкàвица* (от *святка се*), *трескàвица* (от *тряска се*) и др.

2. Характерни за белоруския език домашни суфикси

2.1. Суф. -***ацьб*(*а*)** се отбелязва само в *барацьбá* (от *барóцца, барýся, бóрашся*), в състава на което ЛУКАШАНЕЦ (2001, 147) отделя само -*б*(*а*).

2.2. Суф. -***об*(*а*)** се отбелязва само във *вучоба* (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 147). Според мене тук спадат още: разг. *жадóба* ‘силно желание’ (от *жадáць*), *шкадóба* (= *шкадавáнне*, от *шкадавáць, шкадýю, шкадýеш*), а евентуално и *хвароба* ‘болест’ (от *хварэць* ‘боледувам’).

2.3. Суф. -***ыш*** се отделя при анализа на 5 съществителни, образувани от глаголи от св. вид (все префигирани, от основа *іграць*): *адыгрыш, выйгрыш, найгрыш, пройгрыш, розыгрыш*.

2.4. Суф. -***ч*(*а*)** се среща в 18 “названия на абстрактни понятия”, като *аддача, выдача, задача* и т. н. Бълг. *задàча* ‘определена работа […]’, заето от руски, може да се приеме за мотивирано (от *зада*[*ва*]*м* ‘определям, възлагам някому някаква работа, задача и под.’, но СловР го счита немотивирано.

2.5. Суф. -***айк*(*а*)** се среща само в обл. *пячайка* (= *пякотка*) ‘възгара, киселини в стомаха’.

2.6. Суф. -***ів*(*а*)** / -***ыв*(*а*)** в белор. език участва в 5 названия от несв. глаголи: *коліва* ‘колене (действие по глагола *калоць*)’, *мліва* ‘мелене’, *поліва* ‘*плевене*)’, *прадзіва* ‘предене’; разг. *вáрыва* ‘вариво’. В бълг. език само диалектни формации, като *град’во* ‘строеж, градене’, *кройво* ‘шиене’, *ткайво* ‘тъкане [...]’ (SZYMAŃSKI 1968, 113) са названия на действие. Повечето от останалите, отбелязани в ОбрР, като *варѝво, горѝво, градѝво, кладѝво, мливò* ‘зърнена храна, закарана на мелница да се меле’, *огнѝво, палѝво, печѝво, пѝво, плетивò, предѝво, садѝво, сечивò, сетивò, сòчиво, сýшиво, топлѝво, четивò, ядѝво*, са развили предметни значения.

х. 2.7. ***Суф****. блр.* **-нін(а) / -янін(а)**. *В белор. език* -нін(а) *се отбелязва в 24 названия от несв. глаголи, като* беганіна, стралянiна, *а* -анін(а), -янін(а) *– само в* мітусяніна *(=* мітусня*) ‘суетня’ и* трасяніна *(=* трасéнне*) ‘друсане, тръскане (при пътуване с кола)’. Аналогичните български производни имат предметно значение:* косенина, сеченѝна *нар. ‘място на изсечена за нива гора’,* требенина *‘място, където е изтребена гора, трънe; требеж’.*

2.8. Суф. -***отак*** се подозира в състава на 6 “названия на абстрактни понятия”, като *адработак, заработак* (от *адрабіць, зарабіць*), различавани от “названията със значение на отвлечено действие”, в състава на които се отделя суф. -*от* (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 146, 148).

2.9. Суф. -***ін*(*а*)** се отбелязва единично, в *адносіна* канц. ‘отношение’.

2.10. Суф. -***ух*(*а*)** се среща само в *заваруха* разг. ‘суматоха, неразбория’.

2.11. Суф. -***л*(*е*)** се отбелязва в *пахмелле* ‘махмурлук’, а колкото до *вяселле* ‘сватба’, също считано за абстрактно название на действие (Лукашанец 2001: 147), то се мотивира не от глагол, а от прилагателно.

2.12. Суф. ***-л(я)*** / ***-оўл(я)***. По-горе (1.1), редом с *патоля* са приведени още 4 формации с този изглас: *будоўля, гадоўля, купля, лоўля*. В строежа им се търси парадигм. суф. -*ø*(*я*). Според мене се отнася за разширени суфикси: -*л*(*я*), в *ку́пля* ‘покупка’ и *лоўля* ‘лов’, образувани от *купіць* и *лавіць*, и -*оўл*(*я*) – в *галадо́ўля* (от *галада́ць*), а, с някои уговорки, и в *будоўля* и *гадоўля*. При отделяне само на суф. -*л*(*я*) в *будоўля* и *гадоўля*, а не на усложнения суф. -*оўл*(*я*), трябва да се отчита поне алтернация -*ав*- : -*оў*-, ако се излиза от инфинитивната / перфектната основа (напр. *будава́ць, будава́л*), или -*у*- : -*оў*-, ако се изхожда от презентната основа (напр. *будýю, будýеш*).

2.13. Суф. ***-энств(а)*** се открива в *паслушэнства* ‘послушание’ и конкретизираното *упрыгажэнства* ‘украшение’.

2.14. Суф. ***-ноўк(а)*** се отделя (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 148) в 5 образувания, като *абстаноўка, падстаноўка, пастаноўка, перастаноўка* (и може би *расстаноўка*), обосновавани от глаголите *абставіць, падставіць* и т. н. Обаче се отнася за заемки от руски, където се разглеждат по-различно: *абстановка* е немотивирано (ТИХОНОВ 1985, 686), *подстановка* отделя суф. -*к*(*а*) (ТИХОНОВ 1985, 161), а *постановка* и *перестановка* – суф. -*овк*(*а*) (ТИХОНОВ 1985, 159). Съответстващите бълг. *обстанòвка* и *постанòвка*, заети от руски (DAMERAU 1960, 104, 113), СловР основателно счита немотивирани.

2.15. В белор. език се подозира (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 147-148) функционирането на още три суфикса:

****-льн(я)***. В блр. *гульня* трябва да се отделя не единичния суф. *-*льн*(*я*), а само -*н*(*я*), защото -*л*- спада към основата на мотивиращия глагол *гуляць*;

****-ак(а)***. Неоснователно е отделянето на единично срещан суф. *-*ак*(*а*), предполагаем в *по́марака* ‘умопомрачение’, в което трябва да виждаме парадигматичния суф. -*ø*(*а*) за ж. р., от глагола *памарочыць*;

****-в(а)***. Подозира се в *прошва* ‘съшиване; вшита ивица’ и разг. *разжыва* ‘забогатяване’, които могат да се интерпретират като парадигматични, със суф. -*ø*(*а*) за ж. р., както съответните в руски език (ТИХОНОВ 1985, 350, 398).

3. Характерни за българския език домашни суфикси

3.1. Суф. ***-ал(о)***: в производни в народния език, като *блъскàло* ‘блъсканица’ и *тъпкàло* ‘навалица’ (RUSEK 1958, 222-227).

3.2. Суф. ***-алк(а)***: според ОбрР еднократно в *умиралка* (срв. *умирàчка*).

3.3. Суф. ***-ачк(а)***: жарг. *кльопàчка* ‘ядене’, диал. *поминàчка* ‘поминък’ (БЕР 5, 511), нар. *умирàчка* ‘умиралка’ и др., разгледани обстойно у RUSEK 1960.

3.4. Суф. ***-(а)ниц(а)*** / ***-ениц(а)***: в *блъсканица, гоненица* и др., на брой 37 в ОбрР. Неправилно РАДЕВА (1991, 137) прибавя към тях *мѐсеница* и *цѐпеница* – названия на предмети (‘месена баница’ и ‘част от отсечено и нацепено дърво’), а от словообразувателно гледище резултат от суфиксална субстантивация.

3.5. Суф. ***-ѝл(о)***: в *купѝло* ‘купуване’, *венчѝло* ‘венчавка’, *котѝло* ‘раждане, котене’, *прасѝло* ‘отделно опрасване на свиня’, *патѝло* ‘страдание’, *теглѝло* ‘мъка, тегло, патило’, нар. *търпѝло* ‘търпене; мъка, теглило’. В народните говори се среща и във вар. -*ал*(*о*) и -*ел*(*о*) (КЯЕВА 1996). Блр. разгов., шег. *купіла* означава не процес ‘купуване’, а ‘средство (за купуване); пари’.

3.5. Суф. ***-отевиц(а)*** / ***-етевиц(а)***: в *шумотевица, гълчетевица* (Rusek 1958: 219-222), у SZYMAŃSKI (1968, 116) от съответните съществителни на -*от*.

4. Общи за белоруския и българския език заети суфикси

4.1. Блр. ***-аж*** / ***-яж*** – блг. ***-аж***. В белор. език се среща в 11 формации като *дубляж* (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 147). В бълг. език само 14 названия на *-аж* (по ОбрР) са мотивирани от глаголи на *-ирам*, както напр. *дублаж* от *дублирам*, а някои имена на *-аж* обосновават производни от тях глаголи, като *масажирам, силажирам, тиражирам, шантажирам* (срв. и блр. *шантаж* и *шантажаваць*). Този тип се разраства и в двата езика.

4.2. Блр. ***-цы(я)*** / ***-ацы(я)*** / ***-ізацы(я)*** – блг. ***-ци(я)*** / ***-аци(я)*** / ***-изаци(я)***. Типът е твърде продуктивен и в двата езика и продължава да се развива.

4.3. Блр. ***-інг*** – блг. ***-инг***. Срв. блр. *трэнінг* и блг. *тренинг* ‘тренировка’. Засега е с твърде ограничена продуктивност и в двата езика.

4.4. Блр. ***-арый*** – блг. ***-ар***. Срв. единичните блр. *коментарый* и блг. *коментар*, което според СловР не е производно.

4.5. Блр. ***-і(я)*** / ***-ы(я)*** – блг. ***-и(я)***. В белор. език се отбелязва в 8 “названия на абстрактни понятия”, все от международната лексика, като *амністыя* (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 149), докато в бълг. език този суфикс, проникнал най-напред по устен път от средно- и новогръцки, се среща и в редица народни думи от домашни основи, като *просѝя* (SZYMAŃSKI 1968, 108-109), *разправѝя*, *управѝя* и др. Срв. и разширените облици *-тѝ*(*я*), като в *мъмъртѝя* ‘мъмрене’, и *-отѝ*(*я*), като в *блъскотѝя* (СловР, 38), паралелно на *блъсканица*.

5. Характерен за белоруския език от заетите суфикси е суф. ***-унак***. С помощта на суф. *-унак* са образувани 13 “названията за абстрактни понятия”: 5 от глаголи от св. вид (*паратунак, падрахунак, парахунак, разрахунак*) и 8 от глаголи от несв. вид, като *кірунак, рабунак* и др. (ЛУКАШАНЕЦ 2001, 148). Като извадим от състава им *гатунак*, което е немотивирано, както в полски (*gatunek*) и в немски (*Gattung*), от който е заето в полски, за отбелязване тук е разпространението на суф. *-унак* в образувания и от домашни основи или от заемки не от полски или немски. Срв. *дарунак* и *аддарунак, падарунак* ‘подарък’, *пацалунак* ‘целувка’, *прахарчунак* ‘разходи за храна’, *ушчунак* ‘наказание, изискване’ (от *ушчуць, ушчунуць*) и още няколко с опредметена семантика, както и някои pl. t., като *жадункі* ‘капризи’, прост. *справункі* ‘работи’.

6. Характерен за българския език от заетите суфикси е суф. ***-лък***, в производни като *пазарлък* ‘пазарене’, прост. *харчлък* ‘харчене’. Той се среща и при формации от домашна основа, като *омразлък* ‘омраза’.

* * *

И така, общи за белоруския и българския език са преди всичко парадигматичните типове отглаголни названия на действия: от м. р. на *-ø* и от ж. р. на *-ø*(*а*) / *-ø*(*я*), а след това словообразователните типове, изграждани с домашни суфикси, а именно: *-к*(*а*), блр. *-ц*(*е*) / *-ц*(ё) – блг. *-ти*(*е*), *-нк*(*а*), *-еж*, *-тв*(*а*), блр. *-ак* / *-óк* – блг. *-ък*, блр. *-ат* – блг. *-от*, *-б*(*а*), блр. *-ств*(*а*) – блг. *-ств*(*о*), *-от*(*а*), блр. *-нь* – блг. *-н*, блр. *-нін*(*а*) / *-янін*(*а*) – блг. *-анин*(*а*), блр. *-ушк*(*і*) pl. t. – блг. *-ушк*(*а*), *-віц*(*а*), *-авіц*(*а*) – блг. *-авиц*(*а*), които заедно с разширените варианти възлизат към 20 на брой. Като говорим за общи типове, абстрахираме се от някои различия между изграждащите ги суфикси, които се дължат на закономерните фонологични промени, както и от някои морфологични особености, като напр. реализацията само във форми за мн. ч. (т. нар. pl. t.) на производните с някои суфикси в един от езиците (белор.). В областта на установяваните

общи типове се отбелязват и известни различия между двата езика, които се отнасят главно до количествено-честотните им характеристики. Така напр. в белор. език се характеризират с по-голям брой производни в сравнение с бълг. език суфиксите *-к*(*а*), *-цц*(*е*) / *-цц*(ё), *-от*(*а*), *-ак* / *-óк*, а в бълг. език с по-голям брой образувания се отличават суфиксите *-еж*, *-б*(*а*) и *-итб*(*а*).

Значителна общност между двата езика се отбелязва и в областта на заетите суфикси *-аж* (*-яж*), блр. -(*із*)*ацы*(*я*) – блг. -(*из*)*аци*(*я*), блр. *-інг* – блг. *-инг*, блр. *-і*(*я*) / *-ы*(*я*) – блг. *-и*(*я*), като само за последния от тях може да се каже, че е по-продуктивен в бълг. език, в който се среща и при образувания от домашни основи, а и в разширените облици *-тù*(*я*) и *-отù*(*я*).

Специфични за белор. език са основните домашни суфикси *-об*(*а*), *-ыш*, *-ча*, *-ів*(*а*) / *-ыв*(*а*), *-айк*(*а*), *-ух*(*а*), *-л*(*я*), *-ів*(*а*) / *-ыв*(*а*), *-ін*(*а*), *-л*(*е*), вероятно и **-ак*(*а*) и **-в*(*а*), и разширените *-ацьб*(*а*), *-ніна*(*а*) / *-янін*(*а*), *-ноўк*(*а*), *-отак*, *-оўл*(*я*), *-энств*(*а*), евентуално и **-льн*(*я*). За бълг. език са характерни домашните суфикси *-ал*(*о*), *-алк*(*а*), -(*а*)*ниц*(*а*) / *-ениц*(*а*), *-ачк*(*а*), *-ùл*(*о*) и *-отевиц*(*а*) / *-етевиц*(*а*). Тези различия между двата езика се отнасят за суфикси с рядка или единична употреба, т. е. засягат крайната периферия на системата.

Сред заетите суфикси специфичен за белор. език е суф. *-унак*, свързващ го с украинския и полския език, а отличителен за бълг. език е суф. *-лък*, обединяващ го с някои южнославянски езици.

Литература:

БЕР 5 1996: Български етимологичен речник. Том V: падеж – пуска. Отг. ред.: Ив.Дуриданов. Акад. изд. “Проф. Марин Дринов”. – София.

ГЕРОВ 1977: Геров Н. Речник на българския език. Част четвърта: П. Фототипно издание. “Български писател”. – София (1 изд. от 1901 г.).

ИТСЯ: Историческая типология славянских языков. Фонетика, словообразование, лексика и гразеология. Ред. А. С. Мельничук. – Киев.

КАЛДИЕВА 1972: Калдиева С. Словообразувателните типове *-ба*, *-итба*, *-тва* в съвременния български книжовен език. // Български език XXII. – № 1-2. – С. 27-37.

КЯЕВА 1996: Кяева Е. Словообразувателни типове с наставка *–ло* в българските говори. // Български език XLVI. – № 1. – С. 104-110.

ЛУКАШАНЕЦ 2001: Лукашанец А.А. Словаўтварэнне і граматыка. НАН Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск. – 250 с.

ОбрР 1975: Обратен речник на съвременния български език. Ред. Л. Андрейчин. Изд. на БАН. – София. – 655 с.

РАДЕВА 1991: Радева В. Словообразуването в българския книжовен език. Унив. изд. “Св. Кл. Охридски”. – София. – 226 с.

СловР 1999: Словообразувателен речник на съвременния български книжовен език. А – Я. Ред. Й. Пенчев. Акад. изд. “Проф. Марин Дринов”. – София.

ТИХОНОВ 1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: 1-2. – Изд.“Русский язык”. – Москва.

ШИМАНСКИ 1975: Шимански Т. “Безсуфиксните” названия за действия в българския език като словообразователна проблема. // Български език XXV. – № 6. – С. 547-551.

DAMERAU 1960: Damerau N. Russische Lehnwörter in der neubulgarischen Literatursprache. Veröff. der Abt. f. sl. Spr. u. Lit. des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin. 24. – Wiesbaden.

ORZECHOWSKA 1966: Orzechowska H. Orzeczeniowe formacje odsłowne w językach południowosłowiańskich. Monografie Slawistyczne 8. – Wrocław-Warszawa-Kraków.

RUSEK 1958: Rusek J. Ze studiów nad nazwami czynności w języku bułgarskim i macedońskim. // *ZNUJ, 17, Filologia*, z. 4. – Kraków. – C. 203-234.

RUSEK 1960: Rusek J. Ze słowotwórstwa słowiańskiego. Przyrostek *-ačka*. // *ZNUJ, 24, Prace Językoznawcze, z. 3 (Filologia*, z. VI). – Kraków. – C. 65-93.

SZYMAŃSKI 1968: Szymański T. Słowotwórstwo rzeczownika w bułgarskich tekstach XVII-XVIII wieku. Prace Komisji Słowianoznawstwa 15. – Wrocław et al.

НАМ-СИН ЧО

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Начало систематического изучения словообразования было положено в 80-е годы. Эта тенденция проявилась на IX международном съезде славистов в Киеве (1983 г.) и на международной конференции по сопоставительному изучению словообразования в Москве (1984 г.). По мнению многих учёных, пришло время обобщить и систематизировать результаты изучения различных языков, выявить их особенности и универсальные процессы в словообразовании. Таким образом, в данной работе мы попытаемся рассмотреть актуальные проблемы сопоставительного анализа словообразования корейского и русского языков, которые до сих пор почти не изучены.

Для систематического сопоставления словообразования нам необходимо глубоко проанализировать и описать семантическую и функциональную характеристики словообразования, семантические отношения, вопросы формальной и семантической организации словообразовательной системы и подсистемы. Но эти вопросы могут решиться лишь посредством анализа деривационных отношений, словообразовательных структур, словообразовательных значений и их средств выражения, сходств и различий словообразовательных значений, регулярности и степени продуктивности деривационного процесса.

Сопоставительное изучение двух конкретных языков основывается на различии единиц (т.е. словообразовательной типа) словообразовательной системы. Ввиду того, что словообразовательный тип зависит от аффиксов, он употребляется для сравнения на лексическом уровне родственных языков. Он не подходит в качестве сопоставительной единицы неродственных языков (OHNHEISER 1987, 11). В этом контексте сопоставительный анализ двух неродственных языков должен распространяться на словообразовательную категорию. Как известно, словообразовательная категория существует отдельно от конкретной реализации определенных формантов и словообразовательных видов и обнаруживает семантическую универсальность одинаковых типов. Следовательно, словообразовательная категория может включать словообразовательную зону определенного номинативного поля, а словообразовательный тип проявляется как своеобразный конкретный вариант этого ивариантa (МАНУЧАРЯН 1987, 55). Из вышесказанного следует, что словообразовательная категория может функционировать как отправная единица не только для сравнения таких родственных языков, как славянские, в которых существует много общих формантов, но и для сопоставления неродственных языков (МАНУЧАРЯН 1981, 201-203). Возможность сопоставительного анализа неродственных корейского и русского языков происходит как от основной общности, обнаруживающейся в их функционировании, так и от семантической организации словообразовательной системы. Словообразовательная категория выводится из взаимодействия семантики мотивированного слова и категорио-семантического характера мотивирующего слова. Следовательно, при сопоставительном анализе двух языков следует обратить внимание прежде всего на отправные единицы, деривационную силу исходного слова, результаты словообразова-

тельного процесса и на количественное и качественное сходство и различие словообразовательной категории.

Основая цель нашей работы состоит в объяснение словообразовательного процесса, который обнаруживается в словообразовательной системе существительных и глаголов корейского и русского языков. Эта общая цель предпологает решение следующие конкретные задач:

1) Определение наиболее важных словообразовательных средств, выражающих словообразовательное значение;

2) Выявление значений словообразовательных формантов, сходства и различия по степени продуктивности в двух языках;

3) Установление средств компенсации, когда в одном из двух языков не существует какое-либо словообразовательное средство;

4) Нахождение эквивалентов, существующих в двух языках;

5) Описание общей типовой характеристики, проявляющейся в словообразовательной системе двух языков;

6) Определение основых прицип словообразовательного типа в двух языках.

Словообразовательные механизмы корейского и русского языков явно различается по своим семантическим особенностям отглагольных существительных. Одним из отчётливых различий словообразовательного механизма корейского и русского языков является семантическая характеристика отглагольных существительных. В русском языке глаголами со значением физического действия непосредственно мотивируются существительные, называющие действие (резание), субъект действия (резчик, резальщик), орудия действия (резак, резалка), результат действия (резка, резьба). Но в корейском языке, в отличие от русского, такие существительные не мотивируются прямо от глагола. В корейском языке продуктивны лишь отглагольные существительные с суффиксами -i, -eum, -gi, называющие действия мотивирующих глаголов, и отглагольные существительные с суффиксом –gae, которые обозначают предмет действия:

-i: nor-i, mor-i, pur-i,
(игра) (загон) (решение)
-eum: gareuchi-m, dou-m, moi-m, ssauu-m,
(учение) (помощь) (сбор) (драка)
-gi: sseu-gi, daji-gi, dalli-gi.
(писание) (трамбовка) (бег)
-gae: deop-gae, jiu-gae, ji-ge
(покрывало) (ластик) (заплечные носилки)

В корейском языке продуктивно образуются от глаголов лишь существительные со значением действия или предмета действия. Остальные отглагольные существительные, например, со значением места действия, являются непродуктивными и вообще не образуются. Они мотивируются преимущественно существительными в корейском языке. Глаголами мотивируются существительные со значением субъекта действия только в единичных случаях (ulda (плакать) → ul-bo (плакса), kkabulda (балаганить) → kkabul-i (балагур)) или результата (gubda (жарить) → gu-i (жаркое), jjida (парить) → jji-gae(тушёное мясо)). Ввиду того, что в русском языке существует много

суффиксов со значением действия или предмета действия, они могут выражать разные сферы значения. В корейском же языке число суффиксов с такими значениями ограниченно и, в частности, существуют только два суффикса -i, -gae, со значением действия или предмета действия; также мотивированные слова, называющие лицо, преимущественно образуются не от глаголов, а от существительных.

В словообразовательной паре *глагол – существительное со значением действия* в двух языках словообразовательный процесс проходит от глагола к существительному, где глагол является мотивирующим, а существительное – мотивированным:

(в корейском)
geodda → geol-eum, meokda → meok-gi
(шагать) (шаг) (есть) (действие по глаголу *есть*)

(в русском)
косить → косьба, резать → резание

Однако в словообразовательной паре *глагол – существительное со значением действия* существует такой случай, когда существительное функционирует как мотивирующее, а соответствующий глагол – как мотивированное слово. В русском языке такие глаголы активно образуются при помощи суффиксов -ова-, -нича-, -ствова-:

-ова- : ремонтировать, атаковать, протестовать
-нича- : фокусничать, гримасничать
-ствова- : пьянствовать, попустительствовать

Как видно из вышеприведенных примеров, в русском языке глаголы с такими суффиксами имеют словообразовательное значение «*выполнять действие, которое названо мотивирующим словом»*. То же самое словообразовательное значение наблюдается и у отсуществительных глаголов с суффиксом –ha в корейском языке (НАМ-СИН ЧО и др. 2000, 201-203). Более того, в корейском языке глаголы с суффиксом -ha проходят такой же словообразовательный процесс, как приведенные выше глаголы русского языка: существительным со значением действия мотивируется очень продуктивно глагол с суффиксом -ha-. Это самый продуктивный глагол в корейском языке со словообразовательным значением: *выполнять действие, названное мотивирующим существительным.* Например:

gongbu → gongbu-ha(da)
(учёба) (учиться)
cheongso → cheongso-ha(da)
(чистка) (чистить)
ssaum → ssaum-jil → ssaumjil-ha(da)
(драка) (действие драчуна) (драться)

В данном случае глагол функционирует как мотивированное, а существительное (обычно называющее действие) - как мотивирующее слова. В корейском языке

большая часть существительных, функционирующих как мотивирующее слово глагола с суффиксом -ha, имеют суффиксы -eum, -jis, -jil, которые называют действия. Действительно, в корейском языке суффикс -ha не сочетается непосредственно с существительным, которое называет конкретный предмет, обозначающий орудие действия или часть тела, а сочетается только через суффиксы -eum, -jil, -jis, -wha со значением действия:

*baneul-ha(da), *daepae-ha(da), *bis-ha(da)
(шить) (строгать рубанком) (причёсывать)
baneu-jil-ha(da), daepae-jil-ha(da); nun-jis-ha(da); uhyeong-wha-ha(da)
(шить) (строгать рубанком) (подмигивать) (типизировать)

В частности продуктивным является суффикс –ha, регулярно сочетающийся с существительным с суффиксом -jil и мотивирующий глаголы в корейском языке: garae-jil (работа корейской лопатой) → garaejil-ha(da) (работать корейской лопатой), jaenggi-jil (действие от глагола *пахать*) → jaenggijil-ha(da) (пахать сохой); nakksi-jil (ужение) → nakksijil-ha(da) (заниматься ужением), ssaum-jil (действие драчуна) → ssaumjil-ha(da) (драться).

Как видно из приведенных примеров, в словообразовательной паре *существительное – глагол с суффиксом -ha* мотивирующее существительное соотносится с мотивированным глаголом в лексической семантике. Они полностью совпадают содержательно, но отличаются друг от друга только по своей синтаксической функции, т.е. как части речи. Данный словообразовательный тип отражает траспозиционное словообразовательное значение. Это значит, что в этом случае речь идёт об обратном словообразовании. В этом случае в русском языке утверждается, что мотивирующее существительное не обозначает чистое действие в отличие от мотивированного глагола. Следовательно, в русском языке семантическое отношение этого словообразовательного типа относится к сложной транспозиции семантики (УЛУХАНОВ 1975, 39-40). Данное словообразовательное отношение наблюдается в том случае, когда существительное как мотивирующее обозачает действие, не как чистое действие, а как более предметно ощущаемое действие как общее положение дел (УЛУХАНОВ 1977, 25). Однако, в обратном словообразовании корейского языка не наблюдается такая семантическая характеристика мотивирующего существительного, потому что в корейском языке глагол с суффиксом -ha свободно образуется от существительного, называющего чистое действие.

В двух языках наблюдается тенденция, когда существительные со значением действия становятся постепенно абстрактными или конкретным по значению. Так, в корейском языке слова mideum (вера), jukeum (смерть), beori (заработок) и т.д. считаются отвлеченными существительными, а jjigae (жаркое), eoreum (лёд), meoki (корм), jim (груз) – конкретными существительными. Однако процесс такой абстракции или конкретизации значения *действия* происходит очень редко в отглагольных существительных с суффиксом -gi в корейском языке. Причина этого состоится в том, что существительные с суффиксом –gi наиболее хорошо сохраняют процессуальность мотивирующих глаголов. По сравнению с корейским языком, в русском языке семантическая конкретизация существительных со значением действия, мотивированных глаголом, происходит более часто и, следовательно, у многих существительных со

значением действия, наблюдаются следующие конкретизации действия, которые отражают семантическую валентность исходного глагола:

1) субъект действия: командование, управление, явление
2) орудие действия: зажигание, указка, свисток
3) материал для выполнения действия: обивка, смазка, удобрение
4) предмет или результат действия: владение, заготовка, вооружение, добыча
5) место действия: выставка, расположение, зимовка

Более того, в русском языке отглагольные существительные со значением действия развивают часто вторичные конкретные значения, которое являются результатом метафоризации основного действия. Следовательно, у таких существительных наблюдается одновременно действие и его вторичное конкретное значение. Однако в корейском языке не происходит подобный словообразовательный процесс в отглагольных существительных со значением действия. Причину этого мы видим в том, что в отличие от русского, в корейском языке отглагольное существительное обычно обозначает лишь действие исходного глагола и не развивает вторичное конкретное значение. Например, в русском языке глаголом *строить* мотивируется существительное *стройка*. Это существительное имеет следующие значения:

1) действие от глагола *строить*,
2) строящееся здание, сооружение,
3) территория, где строится что-л.

Однако в корейском языке соответствующее русскому *стройка* слово geonchuk имеет лишь значение действия. Другие значения, т. е. 2) строящееся здание, сооружение, 3) территория, где строиться что-л., не наблюдаются у данного существительного в корейском языке. Они выражаются через другие существительные, которые в отличие от русского, мотивируются не глаголом, а существительным:

geonchuk (стройка) → geonchuk-mul (сооружение)
geonchuk-jang (место стройки)

Этот факт имеет важное значение при сопоставительном анализе двух языков. В русском языке многие мотивированные существительные могут называть разные сферы значения в связи с семантической валентностью мотивирующего глагола. Однако в корейском языке подавляющее большинство существительных, обозачающих различные конкретные предметы, мотивируются не глаголом, а существительным, в отличие от русского. Из этого явствует, что русские глаголы имеют гораздо большую деривационную силу, чем корейские, а существительные в корейском языке более активно участвуют в образование мотивированных слов, чем глаголы. Таким образом, многие отглаголные существительные в русском языке мотивируются существительными в корейском языке.

До сих пор мы рассматривали словообразовательные значения и средства выражения в связи принадлежностью к определенной части речи мотивирующих слов в корейском и русском языках. В корейском языке словообразовательные значения проявляются сравнительно проще, чем в русском языке, а способы их выражения не

отличаются разнообразием. Следовательно, если мы сравниваем лишь семантические сходства и различия, степень продуктивности двух языков, которые являются неродственными, то мы можем говорить только о поверхностном соотношении словообразовательных типов.

Для того чтобы глубже проникнуть в данную проблематику и описать ее систематически, надо прежде всего классифицировать словообразовательное значение двух языков на общие категории и проанализировать разные характеристики, котрые обнаруживаются внутри семантической категории. В этом контексте мы сначала разделим словообразовательное значение двух языков на транспозиционное, мутационное, модифдкационное. Потом мы сопоставим тип словообразовательного значения и опишем его, как принадлежащего к определенной части речи мотивирующего слова. Можно типизировать словообразовательное значение двух языков следующим образом (НАМ-СИН ЧО и др. 1999, 349):

ЧР / СЗ	сущ → сущ.		гла. → сущ.		гла. → гла.	
	кор.	рус.	кор.	рус.	кор.	рус.
тра. зна.	-	-	+	+	-	-
мод. зна.	+	+	+	+	+	+
мут. зна.	+	+	-	-	-	-

Из вышеприведенной таблицы видно, что в корейском и русском языке проявляются словообразовательные значение одинаковых типов. В двух языках транспозиционное словообразовательное значение отглагольных существительных проявляет внешное сходство. Существительные с суффиксами -i, -eum, -gi являеются продуктивными в корейском языке и имеют то же самое значение, что и мотивирующие глаголы. Иногда утверждается, что эти суффиксы конкурируют друг с другом и проявление одного суффикса в одном словообразовательном гнезде исключает возможность появления другого суффикса (CHEOL-UI, SONG 1992, 159-160). Однако в действительности, в корейском языке суффикс -gi независимо от проявления других суффиксов -i, -eum, сочетается в принципе с основами всех глаголов и может мотивировать существительные со значением действия. Так, из суффиксов -i, -eum, -gi наиболее активно в образовании существительных со значением действия участвует суффикс -gi, потом суффикс -eum и -i. В корейском языке существительное с суффиксом -i постепенно теряет свою продуктивность в семантической сфере действия и часто обозначает абстрактное действие или конкретный предмет.

С другой стороны, в русском языке часто образуются при помощи различиных суффиксов существительные со значением действия, находясь при этом друг с другом в синонимических отношениях. В этом случае речь идет о семантическом переразложении суффиксов со значением действия (МОНАСТЫРЕНКО 1975, 336).

Модификационное словообразовательное значение отсуществительных существительных в двух языках обнаружвает содержательно значительные различия. В корейском языке, в отличие от русского, лишь отсуществительные существительные с суффиксами -jil и -aji имеют модификационное значение. Причем, существительные

с этими суффиксами мотивируются особо. В частности, в корейскоя языке совсем не существует увеличительной формы. В связи с тем, что в корейском языке увеличительную и уменьшительную функцию суффиксов несут не суффиксы, а прилагательные, существительные с увеличительными или уменьшительными значениями наблюдаются лишь в нескольких словах, а компенсация осуществляется посредством словосочетания *прилагательное + глагол*. Очень развитая в русском языке увеличительная и уменьшительная формы заменяется в корейском языке такими словосочетаниями, каким *слонёнок* (kokkiri saekki) = kokkiri (слон) + saekki (детёныш), *тигренок* (horangi saekki) = horangi (тигр) + детёныш (saekki), *котёнок* (goyangi saekki) + goyangi(кошка) + saekki (детёныш) и т.д. Ввиду этого в корейском языке нет необходимости в суффиксах, которые выражали бы субъективную оценку, в отличие от русского. Более того, у корейского существительного нет понятия *грамматический род*. Следовательно, не существует такая мотивация, при которой от существительного мужского рода регулярно образуется соответствующее существительное женского рода, являщегося продуктивым в русском языке. В корейском языке существительные женского рода обычно образуются не в форме простого мотивированного слова, а в форме сложного слова:

yeodaesaeng (студентка) = yeoja (женщина) + daehaksaeng (студент),
yeobaeu (актриса) = yeoja (женщина) + baeu (актёр),
yeogija (журналистка) = yeoja (женщина) + gija (журналист),
yeoseonsaeng (учительница) = yeoja (женщина) + seonsaeng (учитель).

В отглагольной мотивации корейского языка особенно продуктивно производство страдательных и каузативных форм с помощью суффиксов, в то время, как в русском языке деривация глаголов с помощью суффиксов ограниченна в связи с видовым значением и в большинстве случаев глаголы образуются с помощью различиных префиксов. Этот факт свидетельствует о том, что при образовании глаголов словообразовательное средство функционирует по-разному в двух языках: в корейском языке суффикс участвует активнее в образовании глаголов, в то время как в русском языке – префикс. Более того, словообразовательное и видовое значение глаголов с префиксами в русском языке обычно выражается и компенсируется в корейском языке словосочетанием *наречие + глагол*:

перерубить = dullo (надвое) + jareuda (рубить)
(наречие) (глагол)
выйти = bakkeuro (наружу из какого-н. места) + gada (идти)
(наречие) (глагол)
прочитать = da или kkeutkkaji (до конца) + lllda (читать)
(наречие) (глагол)

Сопоставительный анализ корейского и русского языков показывает, что их словообразовательные особенности проявляются по-разному в зависимости от частей речи мотивирующего и мотивированного слов, и более того, мотивации между одними и теми же частями речи резко различаются, причем не только их семантической разновидностью, но и продуктивностью. Такие различия, связанные с словообразовательными особенностями и словообразовательным процессом, проявляются отчётливо в следующих случаях:

В корейском словообразовании привлекает внимание прежде всего словообразовательная особенность слов китайского происхождения. В корейском языке слова китайского происхождения занимают больше половины всего собственно корейского словаря. Более того, слова китайского происхождения более употребительны и участвуют гораздо активнее в новообразованиях, чем слова собственно корейского языка. Однако и от слова собственно корейского происхождения могут активно образовываться новые слова. Так почему же слова китайского происхождения проявляют большую систематическую и активную продуктивность в словообразовани по сравнению с корейским языком? Причина заключается в том, что, во-первых, они заимствованы из китайского языка уже давно, а, во-вторых, китайский язык имеет большую деривационную силу, чем корейский язык (WON-SU, JEONG 1992, 81).

При анализе слов китайского происхождения надо обращать внимание прежде всего на то, с какой точки зрения следует интерпретировать независимость лексического значения отдельного слова китайского происхождения, т. е. в китайском языке отдельное слово проявляется как компонент предложения на основе независимой синтаксической особенности, в то время как в корейском языке оно функционирует не как отдельное независимое (полнознаменательное) слово, а как корень. Однако этот корень слова китайского происхождения часто из-за разнообразия его лексических значений т. е. из-за его многозначности функционирует как деривационный суффикс. В корейском языке мотивированное слово образуется продуктивно от мотивирующей основы при помощи суффиксации. Но в словах китайского происхождения по природе полнознаменательная основа, т.е. автосемантика, теряет свою собственную функцию и употребляется как суффикс со значением *лицо*. Можно назвать такое явление *суффиксацией полнознаменательного слова*, которая часто наблюдается в таких словах, как *sa, ga, ja, su* и т.д. Следующие суффиксы со значением *лицо*, свидетельствуют о том, что корень теряет собственное лексическое значение и функционирует просто как суффикс:

1) -ja: hak-ja (ученый), jiwon-ja (доброволец), hubo-ja (кандидат),
2) -sa[1]: gi-sa (журналист), bihaeng-sa (лётчик), byeonho-sa (защитник),
3) -sa[2]: gyo-sa (учитель), yak-sa (аптекарь), yori-sa ((повар), mok-sa (пастор),
4) -ga: misul-ga (художник), eumak-ga (музыкант), soseol-ga (романист),
5) -su: mok-su (плотник), unjeon-su (водитель), tu-su (питчер), napal-su (трубач).

Как видно из приведенных примеров, суффиксы -ja, - sa[1], - sa[2], -ga, -su теряют свое собственное лексическое значение и выражают совсем другое значение. Например, в словах, как ga-jeong (семья), ga-gu (мебель), ga-mun (социальное положение семьи), ga-sa (домашние дела) слово *ga* отражает его основное лексическое значение «дом». Однако в вышеприведенных примерах (4) слово *ga* теряет свое значение и обозначает «лицо, которое занимается тем, названное мотивирующим словом». Это значит, что полнознаменательное слово *ga* функционирует не как собственно корень, а как суффикс, который называет лицо. И такие слова, как ja, sa[1], sa[2], su также можно рассматривать как суффиксы. Учитывая эту тенденцию, можно считать универсальной суффиксацию корней китайского происхождения, которая наблюдается на современном этапе развития словообразования корейского языка. Вместе с тем, в русском языке активная суффиксация полнознаменательного слова не замечена. При помощи этой суффиксации в корейском языке слова китайского происхождения пока-

зывают высокую словообразовательную продуктивность. В связи с рассмотренной суффиксацией можно также отметить, что в мотивированных словах китайского происхождения изменяется продуктивность суффикса в зависимости от социального престижа: -bu -won -sa. Так, ganho-bu (медсестра) изменился (через ganho-won) на ganho-sa (медсестра). Причина этого состоит в том, что в корейском обществе -sa[1], -sa[2], который дословно значит «учёный конфуцианского толка или учитель», принято обычно тогда, когда хотят подчеркнуть особую любезность. Это явление говорит о продуктивности суффикса в корейском языке, который обозачает действующее лицо.

Ещё одно из главных различий словообразовательных процессов двух языков обнаруживается в типовой словообразовательной цепочке. Например, в корейском языке словообразовательная цепочка *глагол - существительное действия (орудия) - существительное действия - глагол* является типовой. Типовая цепочка в русском языке, соответствует вышеприведенной: *глагол - существительное - существительное - глагол.* Например:

(в корейском)
ssauda → ssa-um → ssaum-jil → ssaumjil-ha(da)
(драться) (драка) (действие драчуна) (драться)
nakkda → nakk-si → nakksi-jil → nakksijil-ha(da)
(удить) (рыболовный крючок) (ужение) (заниматься ужением)

(в русском)
учить → учитель → учительство → учительствовать

В этом случае типовые словообразовательные цепочки в двух языках совпадают структурно, но резко отличаются содержательно. В корейском языке от исходного глагола образуется существительное действия и это существительное мотивирует, в свою очередь, существительное со значением действия в сочетаниях с суффиксом -jil. В этом случае существительное со значением действия с суффиксом -jil можно образовать от существительного, называющего действия или орудия: ssauda (драться) → ssa-um (драка)→ ssaum-jil (действие драчуна) → ssaumjil-ha(da) (драться) или baneul (игла) → baneu-jil (шитьё) → baneu-jil-ha(da) (шить). Словообразовательный процесс, в результате которого образуются существительные действия с суффиксом -jil от существительного со значением орудия или действия, в корейском языке происходит. В русском языке тот же самый словообразовательный процесс, т.е. образование от существительного со значением орудия существительного действия, не наблюдается. Причем, в русском языке существительное, мотивированное исходным глаголом, является конкретным существительным, называющим действующее лицо (например, учить → учитель). Из изложенного выше следует, что словообразовательный характер двух языков может совпадать структурно, но содержательно резко различается друг от друга.

Словообразовательные различия двух языков четко выявляются ещё и при классификации и сопоставительном анализе значения глаголов с конкретным значением. Прежде всего, отсуществительные глаголы ярко контрастируют друг с другом по семантическим категориям. Русские глаголы, активно отражая значение мотивирующих существительных, относятся к разным семантическим категориям. Соответственно, можно сказать, что русские глаголы намного конкретнее по значению, чем

корейские глаголы. Кроме того, корейские глаголы, мотивированные в большей степени существительными, не выражают столь различиные значения, как русские глаголы, а конкретные значения в корейском языке обычно передаются через сложный глагол (см. глагол -ha(da)).

Очень трудно в одной работе перечислить подробно результаты сопоставительного анализа двух языков на словообразовательном уровне. Вместе с тем, из проведенного здесь сопоставительного исследования явствует, что корейский и русский языки проявляют много различий в словообразовательном процессе. В частности, корейский язык имеет гораздо меньшую мотивирующую силу по сравнению с русским. Следовательно, в корейском языке словообразовательные значения являются ограниченными, а слообразовательные средства их выражения – не столь богатыми и разнообразными, как в русском. Особенно это относится к отприлагательным существительным, которые являются не продуктивными, и чьи словообразовательные значения и средства их выражения крайне ограничны.

Литература:

АКТУАЛЬНЫЕ проблемы славянского языкознания в СССР. Материалы к IX международному съезду славистов, Киев (1983). – Москва.

МАНУЧАРЯН 1987: Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. – Ереван.

МАНУЧАРЯН 1981: Манучарян Р.С. Аспекты и вопросы сопоставительного изучения словообразования, Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – Москва. – С. 53-58.

МОНАСТЫРЕНКО 1975: Монастыренко З.А. Семантическая соотносительность производных имен действия и их производящих в современном русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования I. – Ташкент. – С. 334-339.

НАМ-СИН ЧО 1999: Нам-Син, Чо и др. Сопоставительный анализ словообразовательных категорий корейского и русского языков, (на метериале мотивированных существительных). // Исследования по славянским языкам, № 4. – Сеул. – С. 327-360.

НАМ-СИН ЧО 2000: Нам-Син, Чо и др. Сопоставительный анализ русских и корейских языков на словообразовательном уровне. Исследования по славянским языкам, № 5. – Сеул. – С. 197-238.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ изучение словообразования славянских языков. Тезисы международного симпозиума (1984). – Москва.

УЛУХАНОВ 1977: Улуханов И.С. Словообразрвательная семантика в русском языке и прицип её описания. – Москва.

УЛУХАНОВ 1975: Улуханов И.С.Отношение мотивации между глаголоми существительным со значением действия. Вопросы языкознания. – № 4. – С. 38-45.

CHEOL-UI, SONG 1992: Cheol-Ui, Song Изучение производных слов в корейском языке. – Сеул.

OHNHEISER 1987: Ohnheiser I. Wortbildung im Sprachvergleich. Russisch-Deutsch. – Leipzig.

WON-SU, JEONG 1992: Won-Su, Jeong Корейское словообразование. – Сеул.

Т.Г. ТРОФИМОВИЧ

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВОДНОГО НАИМЕНОВАНИЯ И ТИПОЛОГИЯ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ

Известно, что частью современной теории языковой номинации является учение об ономасиологической структуре производного наименования (ОСПН). Оформившееся в работах М.Докулила, Э. Секаниновой, Е.С.Кубряковой и др., это учение последовательно доказывает, что ОСПН состоит из ономасиологического признака (ОП) и ономасиологического базиса (ОБ). ОБ—это понятие, которое кладется в основу обозначения, в то время как ОП—понятие, которое уточняет основное содержание обозначаемого, ограничивая его или конкретизируя, или модифицируя основу называния [ЯН—ВН, 265]. Таким образом, давая имя, например, предмету, носитель языка эксплицирует в ОБ результаты своей классификаторской деятельности по дискретизации окружающей действительности. ОП выявляет связь названного с другим референтом, отношение к нему, а следовательно и указывает, какой именно отличительный признак именуемого предмета замечен, осознан как значимый и положен в основу наименования. Феноменальную сущность такого признака давно заметили психологи, философы и лингвисты. Оказалось, что она состоит не только в том, что «предметы называются в языке каждый по одной из примет, взятой из совокупности остальных» [ПОТЕБНЯ 1999, 129], и не только в том, что «одному бросается в глаза один признак, другому—другой, в соответствии с чем он и дает название тому или иному предмету» [ШУХАРДТ 1950, 205]. Феноменальность ОП, по мнению А.А. Потебни, в том, что признак, выраженный словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными признаками [ПОТЕБНЯ 1999, 125], что слово не есть внешняя прибавка к готовой уже в человеческой душе идее, но средство создания этой идеи [там же, с.143]. Известный психолог Л.С.Выготский в своих работах о соотношении мышления и речи неоднократно подчеркивал, что каждое слово является скрытым обобщением, представляющим собой чрезвычайный словесный акт мысли и отражающим действительность иначе, чем она отражается в ощущениях и восприятиях [ВЫГОТСКИЙ 1999, 14]. Все эти свойства слова, являющиеся фактами референции и номинации, подчеркивают исключительную значимость изучения ОСПН и в особенности характера ОП, который позволяет судить о понятийно-смысловых основаниях вторичной номинации, а также идти дальше, проникая в систему культурных кодов, аксиологические представления, ментальность носителей языка [МЕГЕНТЕСОВ 1994, ТОЛСТАЯ 2000].

Стремление подробнее изучить свойства ОП и его роль в номинации как процессе приводят к пониманию того, что характер привлеченного к именованию признака может быть использован как типологизирующий параметр при системном описании определенных групп названий. Мысли о возможности такого подхода высказываются в лингвистической литературе [ВЕНДИНА 2002]. Мы обратились к системе предметных наименований старорусского делового языка и попытались выявить их типы, опираясь на ОП, но при этом принимая во внимание всю ОСПН.

Встает вопрос о том, почему перечисленные нами проблемы решаются именно на таком материале. Прежде всего, представляется целесообразным обозначить новое направление историко-лингвистических исследований—историческую ономасиологию.

Это позволит осуществлять изучение языка прошлого в русле современной научной парадигмы антропоцентрического толка, рассматривая производные наименования как способы языкового выражения смысла. При этом важно, что с течением времени связь между названием и мотивировавшим его понятием может утрачиваться, хотя в прошлом она хорошо прослеживалась. Так, например современное *понятой (приглашенный быть свидетелем следственных действий человек)* не связано деривационными отношениями ни с глаголом *поняти (взять),* ни с неоднословным наименованием *понятой человек*, в то время как в старорусский период эта связь была живой. Исторический подход создает все условия для того, чтобы искать исходные деривационные связи, чтобы кажущееся отсутствие мотивации формы объяснять тем, что мотивационные связи стерты, демонтированы [КИБРИК 2001, 25].

Целый комплекс структурных и функциональных особенностей делает язык старорусской деловой письменности важным источником сведений о номинативных процессах и состоянии системы наименований в прошлом и настоящем. Известно, что возникнув в древнерусскую эпоху, деловой язык становится одной из значимых письменных традиций и выступает как автономный узус, имеющий свою стратегию [ЖИВОВ 2000, 574]. М.Л.Ремнева, например, считает, что существование в период Х1—ХУП вв. двух письменных языков (книжно-славянского и делового) характеризуют специфику культурно-письменной ситуации на Руси [РЕМНЕВА 2001, 17]. Есть основания считать, что деловой язык в полной мере отразил ту смену характера мыслительной деятельности восточных славян, которая, по мнению исследователей, произошла в старорусский период [КОЛЕСОВ 2002, 372].

Решению проблем языковой номинации не препятствует жанровое разнообразие памятников деловой письменности, поскольку оно, как известно, касалось композиционной организации текста и его лексико-фразеологических особенностей [ЗИНОВЬЕВА 2001, 9]. Напротив, разные по жанру документы позволяют привлечь широкий по тематической принадлежности круг наименований. Таким образом, язык старорусской деловой письменности по разным причинам является ценным источником материала для исторической ономасиологии.

Предлагаемая типология предметной номинации обладает большой разрешающей способностью. Поскольку в языке старорусской деловой письменности активно функционировали параллельно однословные и неоднословные предметные наименования субстантивно-атрибутивного типа, представилось возможным установить изоморфизм ономасиологической структуры универбов и бивербов и анализировать их в одном ключе. Современные представления об имени собственном и его семантизации, соединенные с диахроническим взглядом на название, создали условия для вовлечения в рассмотрение некоторых групп имен собственных. Следовательно, оказывается охваченным большой пласт предметных номинативных единиц.

Осмысление сущности ОП как явления ОСПН и как факта процесса номинации позволяют говорить о возможности его структурирования. Оно может быть осуществлено с помощью элементарных логических представлений об общем и частном. Тогда для группы названий выделяется ОП, являющийся обобщенным указанием на понятие, соотносимое с обозначенным понятием: место, предмет, занимающий пространство, действие. Назовем такой ономасиологический признак обобщенным (ООП). Однако, например, место—это не только место проживания, но и расположения, службы, работы, пре-

бывания и т.п. Это может быть квалифицировано как конкретизированный ономасиологический признак (КОП). Признак, непосредственной возводящий производное слово к другому имени (предмету), является частным (ЧОП): *таможенник—это тот, кто работает в таможне,* местом (ООП) его работы, службы (КОП) является таможня (ЧОП); *заречье—то место, которое расположено за рекой*, место с местом (ООП) расположения (КОП) за рекой (ЧОП); *сапожник—это тот, кто изготавливает сапоги*, действие (ООП) и его объект (КОП) сапоги (ЧОП) и т.д. Предложенные пути структурирования ОП позволяют представить ОСПН в виде следующей схемы: ОСПН=ОП (ООП—КОП—ЧОП)+ОБ.

В построении предлагаемой нами типологии предметной номинации немаловажной оказывается процедура выявления, анализа и квалификации ономасиологического признака, осуществимая при обращении к номинативному суждению, т.е. к схеме, модели возникновения названия. Его анализ позволяет обнаружить ОП и установить его сущность. Приведем несколько примеров. *Торговец—торговый человек; тот, кто торгует, занимается торговлей. Зарядье—место, расположенное за рядами (торговыми). Дворище—место, на котором раньше был двор. Бобылиха—та, которая является женой бобыля. Мостовщина—пошлина за проезд по мосту.* Далее необходимо выявить в номинативном суждении наиболее значимую информацию, соотносимую с ономасиологическим признаком. Несложно установить, что *торговец* получил свое название по выполняемому им действию (по агентивному признаку), как и аналогичные *ловец, отравитель, приемщик* и т.п. *Зарядье* названо так в зависимости от места расположения, *дворище*—в зависимости от того, что раньше располагалось на этом месте, *мостовщина*—в зависимости от места, за проезд по которому эту плату взимали (локальный признак у всех трех наименований). *Бобылиха* стала называться так в зависимости от принадлежности (посессивный признак).

Подвергнув такому анализу свыше 5000 предметных наименований, мы пришли к выводу, что наиболее многочисленными были агентивный (или акторный), посессивный, локальный (или локативный), нумерально-темпоральный и объектный их типы. Это значит, что в системе старорусской номинации актуальными и значимыми были признаки по действию, по принадлежности, по месту, по отношению к числу и времени, к объектам окружающего мира. По сути это совпадает с современными представлениями об универсальных концептуальных системах и наиболее значимых концептах [КУБРЯКОВА 2002, 85]. Каждый тип содержит в своем составе названия различных предметов, располагает своим набором деривационных средств, характеризуется своеобразным соотношением однословных и неоднословных единиц. Остановимся на их краткой характеристике, обратив особое внимание на сущность и свойства ОП.

Агентивность (от лат.agere – действующий, деятельный, ср. nomina agentis) можно понимать как деятельность, действие, а это значит, что предмет получил свое имя по действию, совершаемому им или кем-то другим. Определенные сложности в обнаружении агентивного ОППН, связаны, как нам представляется, с тем, что действие и глагол как средство его наименования, обладают особыми онтологическими свойствами. Обращение к основам валентностной грамматики и теории структурного синтаксиса позволяют более точно установить характер агентивного признака, поскольку предложение как конструкция, обнаруживающая сочетаемостные возможности глагола, может быть с известной долей условности соотнесено с номинативным суждением. В таком случае

представляется возможным выявить, с одной стороны, наличие у глагола левых и правых актантов, а с другой—установить истинную сущность ОППН. Обратимся для большей наглядности к конкретным старорусским предметным наименованиям. Рассмотрим четыре группы слов: (1)*перевозник, проситель, писарь;* (2) *посол, пленник, прощеник (получивший прощение, частично освобожденный от рабства);* (3) *зеркальник, псарь, конюх.* К группе (1) применимо такое номинативное суждение: *Х—это тот, кто делает что-то (перевозит, просит, пишет);* к группе (2): *Х—это тот, с которым или которому сделали что-то (послали, пленили, простили);* к группе (3): *Х—это тот, кто изготавливает что или ухаживает за кем.* Очевидно, что наименования первой группы представляют собой nomina agentis, поэтому факт привлечения агентивного признака налицо, причем поименованные сами являются исполнителями действия, т.е. его субъектами. В названиях второй группы выявляется признак по действию, однако определенно его исполнитель не устанавливается. Приведенные обстоятельства важны, как известно, для различения того, является ли названный предмет (лицо) деятелем или пациенсом. Думается, что в предложенном нами способе анализа наименований, когда во внимание принимается мотивация понятием, этот факт не имеет решающего значения. Важно то, что в качестве положенного в основу названия признака использован признак по действию.

Возвращаясь к упомянутой нами теории валентностной характеристики глагольного слова, а следовательно и к понятийной соотнесенности актантов, скажем, что к агентивному типу предметных наименований мы относим те единицы, в мотивации которых решающей оказывается действие, подразумевающее исполнителя (левые актанты), но не его объект (правые актанты). Тогда при структурировании агентивного ОП можно говорить о субъектном, бессубъектном и субъектно-объектном КОП.

Встает вопрос о правомерности именно такого структурирования и о том, укладывается ли его процедура в заявленное нами ранее обращение к общему и частному, подразумевающему такой способ оценки ОП как в примере: *беглец*—ООП по действию, КОП—действие движения, ЧОП—бежать. Однако тогда не учитываются в полной мере особенности семантики глагольного слова и характер его номинативной функции. В исследованиях М. Докулила, Е.С.Кубряковой, Е.В. Петрухиной и др. доказано, что семантика глагола сама по себе относительно бедна, она дополняется и уточняется семантикой его актантов [КУБРЯКОВА 1978, 107; ПЕТРУХИНА 2000]. «Глагол как носитель идеи непрерывности отражает связи между отдельными субстанциями, названными именами, а также между говорящим и содержанием высказывания, высказыванием и действительностью»,—утверждает Е.В.Петрухина [ПЕТРУХИНА 2000, 12]. Из этого следует, что частным по отношению к понятию действия может быть указание на наличие/отсутствие его субъекта. Таким образом, структурирование ОП производных наименований агентивного типа имеет свои особенности связанные со свойствами действия и глагольного слова как средства его называния.

По памятникам деловой письменности нами зафиксировано 773 агентивных универба и около 500 бивербов, которые представляют собой названия лиц, документов, устройств и орудий, помещений, кушаний, одежды, земельных угодий, плат и штрафов. Наиболее регулярными в сфере универбов являются наименования лиц, образованные при помощи формантов *–ник-, -льник-, -чик-, -щик-, -ец-, -тель- (глумник, встречник, заступник, послальник, провожальник, выборщик, доводчик, золотильщик, жнец. купец, ловитель, разоритель* и т.д.), наименования документов, плат, пошлин, представляющих

собой результат семантической конденсации (*мировая, отпускная, проплавная, перевозное, померное* и т.д.). Другие группы наименований не столь многочисленны. Агентивные неоднословные наименования представляют собой единицы, в которых атрибутивный компонент семантически и деривационно связан с глаголом в его прямом номинативном значении (*люди выбеглые, грамота меновая, пошлина въезжая, деньги заемные* и т.д.). Схемы возникновения таких наименований: *Х—это тот, который делает что-то; Х—это тот, с которым делают что-то; Х—то, что берут в качестве платы за то, что сделали; Х—это документ о том, что кто-то что-то сделал* и т.п.

Второе место по продуктивности занимает посессивный тип предметных наименований. Понятие посессивности, привлекаемое нами, должно быть разъяснено. В содержательном аспекте эта категория значительно шире. Мы же относим к посессивному типу те производные предметные наименования, в которых присутствует посессивный признак, т.е. предмет получил именно такое имя потому, что замеченным и привлеченным в именование оказался признак по принадлежности или обладанию. Выявить этот признак можно, анализируя номинативное суждение, в котором есть указание на то, что поименованный предмет назван по его отношению к другому лицу или предмету. Рассуждать в этом случае мы пытались таким образом: *братанич—это тот, кто является сыном брата, чьим сыном; мельничиха—жена мельника, чья жена; барсиха—это самка барса, самка кого; лосенок—детеныш лося, детеныш чей, кого; лососина—мясо лосося, чьё мясо; овчина—шкура овцы, шкура кого, вотчич—тот, который владеет вотчиной* и т.д. Если номинативное суждение выстроить по-другому, то использованными могут оказаться не только формы родительного падежа, но и притяжательные прилагательные, являющиеся одним из главных средств выражения посессивности (*мельничиха—мельникова жена, овчина—овечья шкура* и т.д.). Схема возникновения таких единиц: *Х—это тот/то, что принадлежит кому-то.*

Показательно, что посессивный признак реализован в большом количестве неоднословных наименований типа *люди архиепископли, деревня тиунова, грамота государева, деньги дьяковы* и под. (нами зарегистрировано более 400 таких единиц), а среди универбальных единиц—в фамилиях типа *Алексеев, Иванов,* в томонимах типа *Монино, Демидково,* в терминологии родства *(княжич, братанич),* в названиях мяса и шкур животных *(лосина, конина,оленина),* названиях жен *(бондариха, мельничиха)*, самок животных *(лосиха, барсиха)*. Предпринятый нами анализ посессивных единиц позволяет утверждать, что решающее значение в сфере предметных наименований имела принадлежность конкретному лицу, названному именем собственным. Такие единицы переживали процесс онимизации, который не сделал невозможным изучение их ономасиологической структуры. В количественном отношении памятники старорусской деловой письменности содержат во много раз больше посессивных онимов, чем апеллятивов (нами привлечено около 1000 фамилий и 1000 топонимов).

ОП производных наименований посессивного типа структурируется так: ООП—по принадлежности, КОП—лицу, животному, группе лиц, ЧОП—конкретное понятие (слово). Наиболее активные деривационные средства в универбальных единицах—суффиксы *–ов-, -ев-, -ин-, -j-, -ин-а, -их-а, -ич-, -н-а, -иц-а.*

Наименования нумерально-темпорального типа содержали в своем составе названия лиц, животных, построек, плат и штрафов, одежды, совокупности чего-либо и некоторые другие. Воспроизведение номинативного суждения и его анализ показывают, что

количественный и временной признаки были положены в основу при появлении этих единиц. Схема НС может быть представлена на следующих примерах. *Месячина—жалование, которое выдается сроком на месяц (то, что выдается на какой срок), третьяк—домашнее животное на третьем году жизни (тот, который в каком возрасте), десятина—налог в одну десятую часть (то, что в каком размере)* и т.д. Обращает на себя внимание, что структурирование ономасиологического признака в этом типе производных наименований наталкивается на определенные трудности. Абстрактность и вместе с тем полная определенность того, что обозначено числом или именем временного отрезка, не позволяет выявить КОП, поскольку конкретизация ООП может быть осуществлена только напрямую к ЧОП. Такая структура ономасиологического признака является отличительной особенностью именно этого типа предметных наименований.

Нумерально-темпоральный тип включает в себя названия лиц: *пятинщик (сборщик пятины), пятиобежник (лицо, получившее в собственность поместье в пять обеж), пятисотенный (подьячий при подразделении в 500 человек), пятероженец (женатый в пятый раз), годовщик (человек, выполнявший свою службу в течение года), двоеник/двоенец (близнец), двойник (один из двух работников, идущий в рекруты), одинец (одинокий человек), однодворец (владел двором без крестьян)* и т.д. Очевидно семантическое и деривационное разнообразие этих имен.

Часть наименований называла людей в зависимости от времени исполнения ими каких-либо обязанностей: *недельник, недельщик, годовщик, денщик.* Лица, занимавшие должности начальников определенной по численности группы людей, получали имена типа *пятидесятский—пятидесятник, тысящник—тысяцкий--тысячский.*.

Приведенные названия лиц показывают высокую значимость такого способа номинативной деривации как основосложение + суффиксация. Абстрактность названий чисел и ограниченные возможности их использования в качестве производящих слов приводили к тому, что потребности в именовании удовлетворялись указанным способом. Так появились универбы типа *пятиобежник*, *однодворец*, а также те, которые называли мужчин в зависимости от того, сколько раз они вступали в брак *(четвероженец, пятероженец, двоеженец--двоженец, втроженец)*. Велика доля единиц, образованных путем семантической конденсации и представляющих собой субстантивированные прилагательные: *пятисотенный, пятидесятский* и под. Другую модель этого способа номинативной деривации представляют названия *пятидесятник*, *десятник*, *сотник*, *тысячник*. Суффиксы *–ник-*, *-щик-*, *-ец-* характерны для этой группы имен.

Нумерально-темпоральный тип предметных наименований включает в себя и названия плат, штрафов, налогов: *недельное (плата за хранение товара в течение недели), месячное, месячина (содержание, выдаваемое на месяц), пятина (налог в размере одной пятой части стоимости продукции), годовое (плата за службу в течение года), девятина (девятая часть чего-либо, взимаемая в виде налога), двенадцатыня (одна двенадцатая часть, взимаемая в виде налога)* др. Среди этих наименований велика доля универбов-конденсатов *(недельное*, *месячное, годовое,осеннее, сотое, тридцатое, десятое)*, которые грамматически универсализованы и представляют собой существительные среднего рода. Есть основания считать, что такое единообразие определяется как свертыванием неоднословных наименований типа *жалование годовое*, так и тем, что наименования возникали по устойчивому сформировавшемуся в языке образцу. Дей-

ствительно, в старорусской деловой письменности функционировало большое количество однословных названий плат, налогов, штрафов, представлявших собой субстантивированные образования *(полавочное, важенное, записное, отказное, отвальное, свозное, свальное, свадебное, пудовое, проплавное, пролубное, взъезжее* и т.п.). Имеющийся в нашем распоряжении языковой материал свидетельствует о том, что среди названий агентивного, локативного, посессивного типов отмечено устойчивое параллельное употребление соотносительных бивербов и универбов. При этом в подавляющем большинстве случаев при свертывании словосочетания, в котором базовое имя и определяющее его прилагательное употреблены в мужском или женском роде, возникает универб среднего рода. Например, денежный сбор за взвешивание товара в важне (помещении для взвешивания) называл биверб *пошлина важенная* и универб *важенное* (СлРЯ, 2, 10), пошлину за запись, оформление какого-либо дела, документа называли соответственно *пошлина записная* и *записное* (СлРЯ, 5, 266) и т.д. Редки случаи типа *дань обежная* и *обежная (подать по количеству похотной земли в обжах) (СлРЯ, 12, 28).* Перечисленные выше нумерально-темпоральные наименования типа *годовое, десятое* в старорусском деловом языке употреблялись без неоднословных параллелей, что дает основание считать их единицами, возникшими по образцу.

Наименования нумерального типаиспользовались для называния некоторых типов построек (*семерня--дом, постройка из семи срубов, соединенных переходами, двойня--строение из двух срубов);* совокупности чего-либо (*пятидесятня-- отряд из 50 человек, пятидесятница--совокупность из 50 единиц, пятерица, пятерница--совокупность людей или вещей из 5 единиц);* животных в зависимости от их возраста (*семилеток, годовик, годовник, двоелеток, двулеток, одногодок, однолеток, третьяк, четвертак, селеток);* вещей и предметов (*однорядка--верхняя одежда без подкладки), одиначка--серьга с одной подвеской, одноколка--экипаж с одной осью).*

Нумерально-темпоральный признак ограниченно привлекался при возникновении старорусских неоднословных предметных наименований. В принципе, сочетание базового универба с атрибутивным компонентом, представляющим собой порядковое числительное, потенциально продуктивно. Можно предположить, что возникших таким образом неоднословных наименований, в старорусском языке было много. Однако в памятниках деловой письменности нами выявлено всего несколько десятков единиц типа *голова сотенный.*

Предпринимая обзор некоторых наиболее продуктивных типов старорусских предметных наименований, мы ставили перед собой задачу показать, каким образом выявление характера ОП и его структурирование может быть использовано в типологическом описании производных единиц универабльного и бивербального типа, а также то, как действует предлагаемый нами механизм изучения определенных номинативных типов.

Подведем итоги, сформулировав основные положения наших теоретических построений и выводы, полученные в результате анализа конкретного языкового материала.

1. Ономасиологический признак (ОП) является исключительно значимым элементом ОСПН и как понятие, которое уточняет основное содержание обозначаемого, может быть использован в качестве типологизирующего параметра в системном описании производных номинативных единиц. Именно характер ОП обнаруживает концептуальные приоритеты носителей языка в прошлом и настоящем, позволяет проследить, какие

свойства предметов оказываются чаще всего замеченными, эксплицированными в номинативных единицах, как происходит движение от смысла к способам его языкового выражения.

2. ОП имеет свою структуру, которая соотносится с логическими представлениями об общем и частном, а также с онтологическими свойствами явлений действительности, с соответствующими понятиями, мотивирующими данные наименованиями. Составные элементы структуры ОП (ООП, КОП, ЧОП) носят индивидуальный характер, однако это не нивелирует значимость их выявления, а позволяет доказать сложность переплетающихся смыслов, вовлеченных в процесс номинативной деривации.

3. ОП выявляется путем анализа номинативного суждения (НС), представляющего собой схематическую фиксацию внутренней формы слова и изоморфного ему атрибутивно-субстантивного словосочетания. Возможная вариативность НС не мешает рассмотреть в нем указание на мотивирующее понятие, установить связь между словообразовательными и несловообразовательными категориями.

4. Исследование деривационных средств, характерных для разных типов предметных наименований, позволяет определить их инвентарь не только как средств, эксплицирующих категоризаторскую деятельность носителей языка, но и оценить их инструментальную роль в реализации различных ОП.

5. Продуктивность агентивного, посессивного, нумерально-темпорального, локативного и объектного типов наименований обнаруживает концептуальную значимость соответствующих мотивирующих понятий и ОП в сфере старорусской предметной номинации. Судя по всему, концептуальные мотивирующие приоритеты в истории русского языка принципиально не менялись, хотя имели свои особенности на разных этапах эволюционного развития.

Литература:

ВЕНДИНА 2002: Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – Москва.
ВЫГОТСКИЙ 1999: Выготский Л.С. Мышление и речь. – Москва.
ЖИВОВ 2000: Живов В.М. О связанности текста, синтетических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и словаре. Сборник статей к 70-летию Ю.Д.Апресяна. – Москва.
ЗИНОВЬЕВА 2001: Зиновьева Е.И. Записные кабальные книги Московского государства XVI-XVII вв. Структура, лексика, фразеология. – СПб.
КИБРИК 2001: Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – Москва.
КОЛЕСОВ 2002: Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.
КУБРЯКОВА 2000: Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва.
КУБРЯКОВА 1978: Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологичеком освещении. – Москва
МЕГЕНТЕСОВ 1993: Мегентесов С.А. Производные номинации как субъектно-предикатный процесс в диахронии // Имя: слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка). Сборник научных трудов. – Киев.
ПЕТРУХИНА 2000: Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке. – Москва.
ПОТЕБНЯ 1999: Потебня А.А. Мысль и язык. – Москва.
РЕМНЕВА 2001: Ремнева М.Л. О содержании курса «История русского литературного языка» // Русский язык: исторические судьбы и современность. Материалы международного конгресса. – Москва.
ТОЛСТАЯ 2002: Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картины мира // Русский язык в научном освещении. № 1 (3).
ШУХАРДТ 1950: Шухардт Г. Вещи и слова // Избранные статьи по языкознанию. – Москва.
ЯН 1977: Языковая номинация. Виды наименований. – Москва.

Е.Г. ЛУКАШАНЕЦ

ПРОБЛЕМЫ ДЕРИВАЦИИ В СОЦИОЛЕКТЕ

Арготическая деривация[1] – явление малоизученное. И это несмотря на то, что практически все авторы работ, посвящаемых социолектам, так или иначе рассматривают особенности образования арготизмов (учитывая литературу только последних десятилетий – ДУБРОВИНА 1980, ГРАЧЕВ 1984, ГУСЕВА, МАНИОН 1988, ВОЛКОВ 1990, ЕЛИСТРАТОВ 1993, ЗАЙКОВСКАЯ 1993, ПУИГ М.САНЧЕС 1993, БЕРЕГОВСКАЯ 1996, ГРАЧЕВ 1997, КРАВЦЕВИЧ 1997, САЛЯЕВ 1998, ШИНКАРЕНКО 1998, ГОЛОВЕНКИНА 1999, ДУБЯГИНА 2001). Однако круг проблем, затрагиваемых исследователями, не очень велик. Каковы же те особенности арготической деривации, которые обычно привлекают внимание авторов?

Прежде всего, как отмечают многие исследователи, наиболее продуктивны в социолектах свойственные общенародному языку словообразовательные средства (ВИЛЮМАН 1955, БЕРЕГОВСКАЯ 1973, ЛОШМАНОВА 1975, ГУСЕВА 1983, БЕЛЯЕВА, ХОМЯКОВ 1985, ГРАЧЕВ 1986). С другой стороны, в арго имеются и специфически арготические средства – прежде всего морфологического словообразования (ШЕКУРОВ 1963, ИОСИФОВ 1966, МИЛЛЕР 1971, МАКОВСКИЙ 1982, БЕЛЯЕВА, ХОМЯКОВ 1985). При этом наиболее характерные для социолекта способы разнятся по языкам: в немецких арго – это словосложение (ПОРТЯННИКОВА 1971, ЕМЕЛЬЯНОВА 1972), во многих других языках – аффиксация, причем и в английских социолектах, и во французских, и в русских преобладает суффиксация, а префиксация и другие типы аффиксации в большей степени отмечены для прилагательных и глаголов (МИЛЛЕР 1971, САЛИМОВА 1971, САЛИМОВА 1974, БЕЛЯЕВА, ХОМЯКОВ 1985, ГРАЧЕВ 1986, ГУСЕВА, МАНИОН 1988).

Далее, говоря про суффиксацию (которая и будет основным предметом нашего дальнейшего исследования), перечисляют наиболее продуктивные социолектные суффиксы (САЛИМОВА 1971, САЛИМОВА 1972, САЛИМОВА 1974, ДУБРОВИНА 1980, БЕЛЯЕВА, ХОМЯКОВ 1985, ГУСЕВА, МАНИОН 1988), причем обычно указывают на различную продуктивность одних и тех же суффиксов в литературном (общенародном) языке и социолекте. Так, практически социолектной универсалией можно считать большее распространение и большую продуктивность в арго разговорных, просторечных и т.п. суффиксов, по сравнению с суффиксами книжными по сфере употребления (СКВОРЦОВ 1966).

Некоторые исследователи упоминают о семантических особенностях арготических суффиксальных производных слов, о сужении количества значений суффикса по сравнению с литературным языком (ИОСИФОВ 1966), о переосмыслении производящего слова (ЖИРМУНСКИЙ 1936, МИЛЛЕР 1971, ЕМЕЛЬЯНОВА 1972), о высокой степени идиоматичности семантики производных социолектизмов (ГУСЕВА 1983) и даже о десемантизации суффиксов (ЮМАТОВ 1971, БЕРЕГОВСКАЯ 1975). Эти факторы влекут за собой яркую экспрессивность арготизмов (ГУСЕВА 1983, НЕКВАПИЛ 1987), их образность (СОЛОВЬЕВА 1961), наличие многочисленных

[1] В работе не дифферцируются и используются как синонимичные термины а) арго, жаргон и социолект, б) словообразование (в синхронном смысле слова) и деривация, в) производность и мотивированность.

коннотаций, чаще пейоративного характера (СТРОНГИНА 1967, ВИНОКУРОВ 1981).

Такова общая картина исследования социолектного словообразования вообще и суффиксального – в частности. Понятно, что иные замечания исследователей в этой области интересны своей глубиной, однако не дают возможности создать более или менее целостную теорию арготической деривации.

Поэтому насущной задачей современного изучения словообразования в социолектах является не простая фиксация способов и средств словообразования у собранных слов, а вскрытие глубинных, существенных закономерностей процесса словообразования в этих подсистемах языка и – одновременно – сопоставление этого процесса со словопроизводством в литературном языке.

В свою очередь, эта задача не может получить надлежащего решения без рассмотрения тех общих проблем, которые возникают при рассмотрении словообразования в социолектах.

При описании словообразования в социолектах русского языка исследователь сталкивается с определенными трудностями, обусловленными как характером русского словопроизводства вообще, так и особенностями системы социолекта.

Наибольший интерес представляют проблемы, специфичные для социолектной деривации. Материалом исследования служат суффиксальные существительные со значением лица, отмеченные в современном воровском жаргоне (1560 слов).

Суффиксальные образования являются подтипом морфологически мотивированных номинаций, под которыми понимаются любые социолектные номинации, образованные различными морфологическими и морфолого-синтаксическим способами словообразования (ЛУКАШАНЕЦ 1996). Кроме морфологически мотивированных, в социолектах выделяются и другие типы номинации, в частности семантически мотивированные номинации (результаты семантических переносов) и немотивированные номинации (непроизводные слова, часто – заимствования). Поэтому прежде всего в арго особую важность приобретает необходимость различения типов номинации относительно конкретных слов.

Первая проблема – отграничение морфологически мотивированных номинаций от номинаций немотивированных. Эта проблема обусловлена следующими особенностями жаргона. Прежде всего, именно в социолектах довольно широко распространена т.н. асемантическая деривация: значение мотивированного слова не вытекает из значения мотивирующего, иной раз – никак не связано с ним: *смехач* ‘жертва карманного вора’, *ребрик* ‘мошенник’. С другой стороны, большое количество словообразовательных вариантов, в том числе и при оформлении явно заимствованных слов, ставит под сомнение некоторые случаи производности. Таковы, например, *балабан* ‘болтливый человек’ //*балабол* ‘лгун’// *балаболка* // *балабон* ‘болтливый человек’: отношения производности внутри этой группы не совсем понятны. Наконец, нельзя не упомянуть об окказиональном характере жаргонного словообразования, что позволяет выделять нестандартные способы деривации и тем самым рассматривать как мотивированные многие социолектизмы. Таковы, например, *ширакеша* ‘наркоман’ (от *ширять* с нестандартным суффиксом *–акеша*), *лапарузник* ‘вымогатель взятки’ (от *лапа* ‘взятка’) и т.д.

Вышеуказанные причины обусловливают трудности при различении производных от непроизводных слов. Например, есть два слова со значением ‘следователь’: *клюй* и *ключай*. Если первое – производное от *клевать*, то второе – от *ключ*? Это неубедительно, так как явно оба слова сходны по форме. Другой пример: *вафло* ‘человек, не подходящий для совершения преступления’ можно было считать производным от *вафля*, но, с другой стороны, в арго имеется *фуфло* ‘человек, не причастный к преступлению’. Еще примеры: *мурик* ‘мужик’ (от *мурка*? от *мура*? от *мужик* с субституцией фонем? немотивированное?); *лупарик* ‘рябой человек’ (от *лупить*? от *лупа*? немотивированное?); *шуляга* ‘игрок в карты, постоянно играющий’ (от *шулер*? от *жуляга* ‘игрок в карты, постоянно играющий’ с субституцией фонем? немотивированное?) и т.д. и т.п.. По-видимому, наиболее целесообразным решением здесь будет отнесение большинства подобных слов к суффиксальным, что обусловлено довольно широким пониманием мотивированности, возможным как для литературного языка (Ю.Д.Апресян, Е.Л.Гинзбург), так и, тем более, для социолекта.

В других случаях выбор немотивированного слова и мотивированного менее затруднителен. Речь идет о группах типа *карыга* и *карюка* ‘девушка’. Оба слова можно было бы на равных считать восходящими к греческому *κορη* ‘девушка’, и оба они имеют основообразующие аффиксы (субморфы). Однако с точки зрения синхронных связей в системе социолекта один арготизм следует считать результатом заимствования, а другой – морфологически мотивированной номинацией (с мутационным значением). Выбор здесь, в частности, сделан в пользу непроизводного характера слова *карыга*, что обусловлено большей продуктивностью суффикса *–ыга* (в общенародном языке) и наличием в нем стилистических компонентов.

Другая проблема, связанная с типами номинации в социолекте, – отграничение морфологически мотивированных номинаций от семантически мотивированных номинаций. Дело в том, что в социолекте есть слова, которые формально совпадают со словами общенародного языка, но которые вряд ли можно считать результатами семантических переносов. Таковы, например, социолектизмы: *кочегарка* ‘милиционер’, *арапник* ‘веселый человек’, *желтуха* ‘осведомитель’ и др. Здесь можно различать следующие случаи.

I. Социолектизмы, которые формально и семантически соотносятся с другими социолектизмами: *академик* ‘подследственный’ ← *академия* ‘тюрьма’, *арматурщик* ‘взломщик’ ← *арматура* ‘орудия для взлома’, *голубятник* ‘вор, совершающий кражи белья, вывешенного для просушки’ ← *голуби* ‘белье, вывешенное для просушки’. Подобные отношения производности дают веские основания считать первые арготизмы суффиксальными производными от вторых.

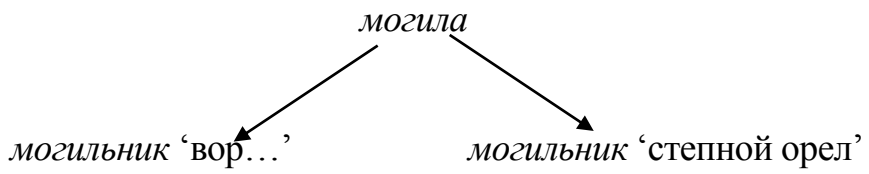
II. Социолектизмы, для которых в данном социолекте не найдено производящих.

1. Социолектизмы, омонимы которых в литературном языке (далее – ЛЯ) имеют значение «действие по глаголу»: *раскрутка* ‘проститутка’, *сбивка* ‘мошенник’, *чеканка* ‘проститутка’, *шлифовка* ‘подхалим’. Их также, на наш взгляд, нецелесообразно относить к семантически мотивированным, так как перенос наименования с опредмеченного действия на человека является маловероятным в русском языке («значение действующего лица не очень характерно для nomina actionis» (ЕРМАКОВА 1984, 110)).

2. Социолектизмы, омонимы которых в ЛЯ обозначают животных, растения, а также конкретные предметы, не имеющие функционального предназначения: данные слова чаще всего не являются отглагольными образованиями или не имеют значения орудия, инструмента. Среди них есть два вида существительных.

а) Не обладающие семантической мотивировкой или обладающие ею в незначительной степени: *лимонка* ‘проститутка’ (в ЛЯ ‘сорт груш; граната’), *цветник* ‘гомосексуалист’ (в ЛЯ ‘клумба с цветами’), *кругляк* ‘развратный мужчина’ (в ЛЯ ‘кусок дерева округлой формы’), *светляк* ‘смелый, дерзкий человек’ (в ЛЯ ‘небольшой жук’), *рассадник* ‘человек, получивший ножевое ранение’ (в ЛЯ ‘питомник’). Формальная членимость этих слов очевидна, и на этом основании они могут быть отнесены к морфологически мотивированным.

б) Имеющие мотивировку, которая совпадает с мотивировкой слов-омонимов: *могильник* ‘вор, совершающий кражи на кладбищах и в крематориях’ (в ЛЯ ‘вид степных орлов’). По-видимому, здесь имеют место отношения равнопроизводности:



То же: *полосатик* (‘особо опасный рецидивист, отбывающий наказание в колониях особого режима’ и ‘род крупных китов’): оба одушевленных предмета полосатые, но нельзя сказать, что заключенный назван так, потому что похож на кита. Другие примеры: *кукурузник* ‘Н.С.Хрущев’ (в ЛЯ ‘кукурузное поле’), *долгоносик* ‘еврей’ (в ЛЯ ‘название семейства жуков’), *строгач* ‘заключенный, отбывающий наказание в ИТУ строгого режима’ (в ЛЯ ‘строгий выговор’) и др.

Конечно, в этом случае возможна и другая точка зрения. Так, относительно подобных слов литературного языка (*полосатик* ‘жук’ и *полосатик* ‘кит’) О.П.Ермакова пишет о метафоре, которая опирается на словообразовательную структуру (ЕРМАКОВА 1984, 89-90), хотя при этом допускает, «что название *полосатик* скорее всего не будет ассоциироваться с китом» (там же, 90). Т.е. подобные случаи известный ученый относит к результатам семантических переносов. Однако даже в литературном языке нам представляется такая трактовка неубедительной: она объясняется скорее практической необходимостью более экономного лексикографического описания, чем реальными системными языковыми связями. И тем более такое решение представлялось бы неудачным для социолекта: его вторичность по отношению к исходной системе – литературному языку – является причиной ослабления связей между словами-омонимами (*полосатик* в арго и в ЛЯ), что, с другой стороны, способствует укреплению внутриарготических отношений между словами.

3. Социолектизмы, образованные от глагола, омонимы которых в литературном языке имеют значение инструмента, механизма, т.е. предмета, имеющего определенную функцию. Таково, к примеру, *пугач* ‘угрожающий кому-либо человек’ (в ЛЯ ‘игрушечный пистолет’). Мы предлагаем считать такие слова результатами функциональных переносов значения, а следовательно, семантически мотивированными номинациями.

4. Социолетизмы, омонимы которых в ЛЯ имеют также значение лица. Это наиболее разноплановая и трудная для анализа группа, допускающая возможность разных решений. В ней выделяются следующие подгруппы.

а) Социолектизмы с внутренней формой: *могильщик* ‘вор, совершающий кражи на кладбищах и в крематориях’ (в ЛЯ ‘рабочий, занимающийся рытьем могил’), *ночник* ‘вор, совершающий кражи из квартир ночью’ (в ЛЯ ‘тот, кто работает в ночное время’), *подборщик* ‘вор, совершающий кражи путем подбора ключей’ (в ЛЯ ‘рабочий, занимающийся подбором чего-либо’), *стекольщик* ‘вор, совершающий кражи путем выдавливания стекол в окнах’ (в ЛЯ ‘рабочий, занимающийся вставкой стекол’), *транспортник* ‘вор карманный, совершающий кражи в общественном транспорте’ (в ЛЯ ‘работник транспорта’).

Здесь та же ситуация, что и в случае со словами *полосатик* и др.: эти арготизмы отнесены нами к морфологически мотивированным номинациям.

б) Социолектизмы без внутренней формы: *расчетчик* ‘вор, изменивший свою воровскую специальность’ (в ЛЯ ‘специалист по расчетам’), *сцепщик* ‘конокрад’ (в ЛЯ ‘рабочий по сцепке вагонов’). Отсутствие внутренней формы не позволяет отнести данные социолектизмы к семантически мотивированным, хотя и в какой-то степени объединяет их с немотивированными арготизмами. Тем не менее при наличии хотя бы формальной мотивации, как уже было сказано, имеет смысл считать социолектные слова мотивированными (в данном случае – морфологически мотивированными).

в) Социолектизмы с несколько «стертой» внутренней формой (промежуточный между первым и вторым случаями тип): *забойщик* ‘палач’ (забивает до смерти?) (в ЛЯ ‘горнорабочий, работающий в забое’), *шатун* ‘любитель ухаживать за женщинами’ (шатается за женщинами?) (в ЛЯ ‘бродяга’), *подкатчик* ‘грабитель, заманивающий жертву в удобное место для ограбления’ («подкатывает» жертву?) (в ЛЯ ‘рабочий, занятый на подкатке’) и некоторые другие. Степень «стирания» внутренней формы разная у разных слов, при образовании некоторых наблюдаются и семантические переосмысления, что также затрудняет анализ: *кошатник* ‘вор, совершающий кражи путем проникновения через балкон’ (влезает на балкон, как кошка) (в ЛЯ ‘любитель кошек’), *колбасник* ‘мясник’ (колбаса – вид мяса) (в ЛЯ ‘специалист колбасного производства’). Все эти слова отнесены к суффиксальным производным.

Кроме проблем разграничения типов номинации, только в арго встает проблема разграничения деривации внеарготической и внутриарготической. Любое морфологически мотивированное слово в жаргоне образовано либо от слова литературного языка (внеарготическая деривация), либо от другого социолектизма (внутриарготическая деривация). Однако в ряде случаев отнесение социолектизма к тому или другому типу производных не является абсолютно бесспорным. Причиной этому служит, как и в других случаях, наличие большого числа вариантов. Например, социолектизмы *вольняга* и *вольняша* ‘вольнонаемный работник ИТУ’ можно с равной степенью вероятности относить как к внеарготическим мотивированным (← *вольнонаемный*), так и к внутриарготическим, поскольку в арго есть слово *вольный* с тем же значением. В таких случаях, по нашему мнению, лучше отдавать предпочтение внутриарготической мотивации, так как такие слова хорошо вписываются в общую систему словообразовательных вариантов арго, ср. *туфтальщик //туфтарь//туфтач* ‘мошенник’, *дубак* ‘дежурный по тюрьме’// *дубан* ‘милиционер’//*дубарь* ‘сторож’//*дубняк* ‘милиционер’.

Наконец, данная проблема связана с другой проблемой – проблемой разграничения мутационного и модификационного (по М.Докулилу) словообразования.

Прежде всего, надо отметить, что в арго деклассированных имеется небольшое число модификационных производных со значениями «существо женского пола», «невзрослость», «существо мужского пола». Таковы, например, *гольчиха* ‘несовершеннолетняя преступница’, *анекдотчица* ‘заключенная, осужденная за антисоветскую пропаганду’, , *гуранка* ‘русская жительница Забайкалья, произошедшая от смешанных браков с бурят-монголами’, *ментовка* ‘женщина-контролер СИЗО’, *саракотуха* ‘мать’, *марвихерша* ‘воровка, совершающая карманные кражи’, *быдлёнок* ‘ребенок проститутки’, *чувак* ‘друг’. Эти слова – их найдено 117 – подведены под условную рубрику грамматической модификации: их образование регулярно и ничем не отличается от соответствующих типов в литературном языке.

Другой группой модификационных производных в литературном языке, как известно, является группа слов с т.н. суффиксами стилистической модификации и субъективной оценки. Однако применительно к социолектам вряд ли можно говорить о значении субъективной оценки и, тем более, о значении стилистической модификации. Ведь почти любое слово социолекта несет в своем составе определенный коннотативный компонент: «Мы не ошибемся, если в центр определения того, что такое арготическое слово, положим момент специфической окраски отдельных арготических слов. Основной общий признак, отличающий язык арготирующего от языка инженера или квалифицированного рабочего, заключается в эмоциональной насыщенности первого» (ЛИХАЧЕВ 1964, 333). Во всяком случае, определение степени экспрессивности производного социолектизма не входит в нашу задачу. Поэтому следует лишь отметить в арго деклассированных большую группу слов, номинативное значение которых совпадает со значением производящих так же, как это происходит для соответствующих литературных производных с суффиксами субъективной оценки и стилистической модификации. Эту группу слов мы объединили в группу так называемой лексической модификации. Таковы, в частности, слова *уркаган* ‘авторитетный вор’ (← *урка*), *мертвяк* ‘пьяница, напившийся до бесчувствия’ (← *мертвый*), *ментяра* ‘контролер’ (← *мент*) и многие другие, всего 379 слов.

В этих случаях относительно модификационного характера производных не возникает сомнения: налицо производящее, с которых формально соотносится рассматриваемое слово, причем оба слова одинаковы (или очень близки) по значению. Однако есть и спорные случаи.

Так, например, есть слова *пономарь* и *пономарка* ‘хвастун’. Можно считать второе слово производным от первого с модификационным значением. Но, с другой стороны, есть слово *пономарить* ‘хвастать’, тогда возникает возможность рассмотрения слова *пономарка* как производного от *пономарить* с мутационным значением. Какое решение является здесь наиболее приемлемым? Следует, по-видимому, учитывать другие факторы, как-то: наличие всех трех слов в разным территориальных вариантах арго, их значение там, частотность и т.д. Так, оказалось, что слово *пономарка* с единственным значением ‘хвастун’ отмечено только в одном варианте, одном словарике, в котором не отмечено с этим значением слово *пономарь*, зато в этом словарике есть соответствующий глагол со значением ‘хвастать’. Таким образом, предпочтительней считать это слово отглагольным образованием. Подобно этому *слепой* ‘человек, не имеющий доку-

ментов’ и *слепыш* в том же значении не связаны отношениями производности, потому что второе слово выводится нами из арготического прилагательного *слепой* ‘без паспорта’, так как именно это слово имеется в том же словарике, что и *слепыш.*

Другой пример. *Медведь* и *медвежатник* ‘взломщик сейфов’. При этом оба эти слова наличествуют в четырех территориальных вариантах, что, казалось бы, однозначно предопределяет отнесение второго слова к модификационным производным. Однако в 7 словариках имеется слово *медведь* в другом, предметном значении – ‘сейф’. Таким образом, существует возможность относить арготизм *медвежатник* и к мутационным производным со словообразовательным значением ‘тот, кто имеет отношение к предмету, названному мотивирующим словом (= тот, кто взламывает сейф)’. Принимаем именно такое решение, исходя из системных отношений в арго, в частности продуктивности суффикса *–атник* в модификационных и мутационных производных: в арго имеется 8 слов с мутационным значением (*глушатник* ‘разбойник’ ← *глушить, горшатник* ‘человек, не пользующийся уважением’ ← *горший, дохлятник* ‘больной человек’ ← *дохлый, кобылятник* ‘мужчина-руководитель варьете, женской спортивной команды’ ← *кобыла, козятник* ‘наставник начинающих воров’ ← *козлята, кошатник* ‘вор, совершающий кражи путем проникновения через балкон’ ← *кошка, лебежатник* ‘вор, совершающий кражи у пьяных’ ← *лебедь, мокрятник* ‘сообщник убийцы’ ← *мокрое дело*) и всего одно слово с модификационным значением (*крысятник* ‘вор, совершающий кражи в ИТУ’ ← *крыса*).

Еще пример: *лимонщик* ‘миллионер’ ← *лимон* ‘миллион’ или *лимон* ‘богатый человек’? Принимаем первое: значение лица и предметное значение слова *лимон* не принадлежат одному словарику, в то время как значения ‘миллионер’ и ‘миллион’ зафиксированы у слов соответственно *лимонщик* и *лимон* в одном словарике. Таково же и *скачошник* ‘вор, совершающий кражи в квартирах со взломом’ ← *скачок* ‘кража из квартиры со взломом’, а не модификационное от *скачок* ‘вор, совершающий кражи в квартирах со взломом’.

Еще: *филонщик* ‘ленивый человек’ ← *филонить* ‘бездельничать’, а не ← *филон* ‘бездельник’, так как суффикс *–щик* образует в основном мутационные, а не модификационные производные (131 против 10). То же самое и *дембальщик* ‘солдат в увольнении’: оно является производным от *дембель* ‘демобилизация’, а не от *дембель* ‘демобилизованный или готовящийся к демобилизации солдат’, имея тем самым мутационное значение.

Подобным же образом следует рассматривать и некоторые образования на *–ак: блатняк* ‘вор в законе’, *дежурняк* ‘дежурный по тюрьме’, *мертвяк* ‘пьяница, напившийся до бесчувствия’. Для всех этих слов существует два варианта рассмотрения: как модификационных производных от соответствующих субстантивированных прилагательных с теми же значениями *блатной, дежурный, мертвый* и как мутационных производных, если считать их производящие все-таки прилагательными. Второе, по-видимому, предпочтительней, так как для ЛЯ суффикс *–ак* является продуктивным (в просторечии и разговорной речи) для образования существительных от прилагательных со значением «носитель признака» и непродуктивным при образовании отсубстантивных существительных со значением стилистической модификации. То же самое и для слова *полнокровняк* ‘богатый человек’: оно производное от *полнокровный* ‘бога-

тый’, а не ‘человек, имеющий при себе много денег’, тем более что именно в этом значении употреблено слово *полнокровный* в том словарике, в котором имеется слово *полнокровняк.*

Сложнее формально-семантические отношения между словами группы: *лопата // лопатка // лопатина // лопатник* ‘заключенный, выполняющий земляные работы’. На наш взгляд, правомерней следующее решение: первое и третье слова, имеющие омонимы в ЛЯ, считаются семантически мотивированными, а второе и четвертое являются производными от *лопата*, причем *лопатина* – модификационное производное от арготического *лопата*, а *лопатник* – мутационное производное от литературного *лопата.* Это решение делает, однако, лексико-словообразовательное гнездо несколько «расплывчатым», неупорядоченным, хотя и в большей степени соотносится со значением суффикса *–ник.*

Вообще образования с суффиксом *–ник* являются достаточно неясными мотивациями. С одной стороны, есть огромное число чисто мутационных образований с этим суффиксом: *авторучник* ‘онанист’, *атасник* ‘ночной сторож’, *бабник* ‘любитель ухаживать за женщинами’, *бабочник* ‘вор, совершающий кражи денег у женщин’, *баклушник* ‘бездельник’ и т.п. – всего 184 слова, а если считать со всеми морфами, то 245. Все слова имеют мутационные значения: «носитель процессуального признака», «носитель предметного признака», «носитель непроцессуального признака».

С другой стороны, имеются чисто модификационные производные. Часть из них образована от общелитературных слов. Таковы следующие слова: *аскетник* ‘больной человек’, *геройник* ‘смелый человек’, *дармоедник* ‘должностное лицо’, *землячник* ‘земляк’, *кадетник* ‘учащийся ПТУ’, *кикимарник* ‘глупый человек’, *крохоборник* ‘мелочный человек’.

Другие – производны от арготических слов: *арапник* ‘веселый человек’, *балабесник* ‘бестолковый человек’, *барыжник* ‘спекулянт’, *гумозник* ‘грязный человек’, *избачник* ‘вор, совершающий кражи из квартир’, *портачник* ‘неловкий человек’, *рогатник* ‘житель сельской местности’, *тяжеловозник* ‘заключенный, имеющий самый большой срок лишения свободы’, *шаромыжник* ‘нищий’, *ябдыльник* ‘ябеда’. Таким образом, суффикс *–ник* используется в арго как суффикс также и с модификационным значением.

Поэтому и возникает проблема квалификации образований на *–ник.* Дело в том, что некоторые арготизмы допускают разный подход к определению мотивирующего слова и, соответственно, вида словообразовательного значения.

Таковы слова: *винокурник* ‘самогонщик’ ← *винокурение* (ЛЯ) или *винокур* (ЛЯ), *дебоширник* ‘хулиган’ ← *дебоширить* (ЛЯ) или *дебошир* (ЛЯ), *егозник* ‘суетливый человек’ ← *егозить* (ЛЯ) или *егоза* (ЛЯ), *жлобник* ‘завистливый человек’ ← *жлобиться* (арго) или *жлоб* (арго), *жульник* ‘вор начинающий’ ← *жулить* (ЛЯ) или *жулик* (арго), *заводильник* ‘зачинщик’ ← *заводить* (арго) или *заводила* (ЛЯ), *задирник* ‘драчливый человек’ ← *задираться* (ЛЯ) или *задира* (ЛЯ), *обижник* ‘заключенный, утративший авторитет и преследуемый другими заключенными’ ← *обижать, обиженный* (арго) или *обиженный* (арго), *паскудник* ‘предатель’ ← *паскудить, паскудный* (ЛЯ) или *паскуда* (арго), *утюжник* ‘спекулянт билетами’ ← *утюжить* (арго) или *утюг* (арго), *фуфлыжник* ‘человек, не отдающий проигранного’ ← *фуфло* (арго) или *фуфлы-*

га (арго), *ширакежник* ‘наркоман, употребляющий морфий’, *ширять, ширка* (арго) или *ширакеша* (арго), *шкодник* ‘заключенный, совершающий мелкие кражи у своих’ ← *шкода* (ЛЯ) или *шкода* (арго).

Поскольку чисто модификационных образований с суффиксом *–ник* всего 17, по сравнению с мутационными 184, относим спорные случаи к мутации.

Таковы основные проблемы описания суффиксального словообразования в социолектах, в частности в русских арго деклассированных. Решение этих проблем не только поможет изучению проблем номинации в социолектах, но и позволит пролить свет на некоторые общие закономерности процесса словообразования в языке вообще.

Литература:

БЕЛЯЕВА, ХОМЯКОВ 1985: Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. – Ленинград. – 136 с.

БЕРЕГОВСКАЯ 1973: Береговская Э.М. К вопросу о диахроническом изучении французского арго // Типологическое сопоставление семантических классов знаменательных слов и их валентностных признаков в английском, немецком, французском и русском языках. – Смоленск. – С. 110-116.

БЕРЕГОВСКАЯ 1996: Береговская Э.М. Молодежный слэнг // Вопросы языкознания. – №3. – Москва.

БЕРЕГОВСКАЯ 1975: Береговская Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. – Смоленск. – 120 с.

ВИЛЮМАН 1955: Вилюман В.Г. О способах образования слов слэнга в современном английском языке // Уч.зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена. - Мат-лы Герценовских чтений. – Т. 111. – Ленинград. – С. 137-139.

ВИНОКУРОВ 1981: Винокуров А.М. Субстандартная суффиксация в английском языке США: Автореф.дис…канд. филол.наук. - Калинин. - 16 с.

ВОЛКОВ 1990: Волков Н.В. Имя собственное и его производные в структуре молодежной жаргонной лексики и фразеологии. // Вісн. Львів. ун-ту. Сер. Філол. – Вип. 21. – С. 67-72.

ГОЛОВЕНКИНА 1999: Головенкина Л.Х. Жаргонный лексикон современных подростков//Вопросы современной лингвистики. – Архангельск. – С. 37-41.

ГРАЧЕВ 1984: Грачев М.А. Некоторые тенденции в современном молодежном жаргоне // Науч. конф. молодых ученых Горьк. обл., посв. 150-летию со дня рожд. Д.И.Менделеева: Тезисы докладов. – Горький. – С. 230.

ГРАЧЕВ 1986: Грачев М.А. Русское дореволюционное арго 1861-1917 гг.: Автореф. дисс. …канд. филол.наук. – Горький. – 19 с.

ГРАЧЕВ 1997: Грачев М.А. Функционирование жаргонизмов наркоманов // Общее и особенное в региональной культуре Нижегородского края. – Нижний Новгород. – С. 169-170.

ГУСЕВА, МАНИОН 1988: Гусева Л.Г., Манион Я.Г. Локальный социально-возрастной жаргон // Живая речь уральского города. – Свердловск. – С. 96-104.

ГУСЕВА 1983: Гусева Т.А. Просторечная суффиксальная номинация: На материале производных имен существительных американского просторечия. Автореф. дис. … канд.филол.наук. – Ленинград – 16 с.

ДУБРОВИНА 1980: Дубровина К.Н. Студенческий жаргон // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – №1. – Москва. – С. 78-81.

ДУБЯГИНА 2001: Дубягина О.П. Современный русский жаргон уголовного мира. – Москва.

ЕЛИСТРАТОВ 1993: Елистратов В.С. Наблюдения над современным городским арго // Вестник МГУ. – Серия 9. Филология. – №1. – Москва. – С.80-87.

ЕМЕЛЬЯНОВА 1972: Емельянова И.И. Студенческая жаргонная лексика в немецкой литературе // Вопросы германской филологии. – Ленинград. – С. 47-52.

ЕРМАКОВА 1984: Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. – Москва. – 152 с.

ЖИРМУНСКИЙ 1936: Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. – Ленинград. – 238 с.

ЗАЙКОВСКАЯ 1993: Зайковская Т.В. Пути пополнения лексического состава современного молодежного жаргона: Автореф. дисс….канд. филол наук. – Москва. – 20 с.

ИОСИФОВ 1966: Иосифов О.В. Употребление имен собственных в английском слэнге // Вопросы английской филологии. – Пятигорск – С. 74—105.

КРАВЦЕВИЧ1997: Кравцевич Т.М. Думаем о жизни вместе… [О лексиконе школьников] // Репетитор. – №6. – С. 14-17.

ЛИХАЧЁВ 1964: Лихачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. - Москва. – С. 311-359.

ЛОШМАНОВА 1975: Лошманова Л.Т. Жаргонизированная лексика в бытовой речи молодёжи 50-60-х годов: Автореф. дис… канд.филол.наук. - Л. – 21 с.

ЛУКАШАНЕЦ 1998: Лукашанец Е.Г. О теоретических предпосылках к созданию типологии социальных диалектов // Материалы II международной научной конференции ”Язык и социум”. 5-6 дек. 1996. – Ч.1. – Минск. – С. 52-53.

МАКОВСКИЙ 1982: Маковский М.М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). – Москва. – 135 с.

МИЛЛЕР 1971: Митллер А.А. Основные пути формирования сленга // Иностранные языки. – Алма-Ата. – Вып. 6. - С. 45-59.

НЕКВАПИЛ 1987: Неквапил Й. О некоторых аспектах сопоставительного изучения сленга // Сопоставительное изучения словообразования славянских языков. – Москва. – С. 174—178.

ПОРТЯННИКОВА 1971: Портянникова В.Н. Некоторые проблемы лексической характеристики жаргонизмов: На материале "молодежного жаргона" современного немецкого языка в ФРГ: Автореф.дис… канд.филол.наук. - Москва. – 21 с.

ПУИГ САНЧЕС 1993: Пуиг Санчес М. Названия лиц, участвующих в процессе поставки, приготовления и потребления наркотических средств, в лексике русскоязычных наркоманов // Русский язык за рубежом. – №1. - С. 65-71.

САЛИМОВА 1974: Салимова Р.Х. Современное профессиональное просторечие. (На материале военной русской лексики советской эпохи) : Автореф.дис… канд.филол.наук. – Москва. – 22 с.

САЛИМОВА 1972: Салимова Р.Х. Компрессия, ее виды и место в лексико-грамматической системе сферы русского военного просторечия // Труды СамГУ. Новая серия. – Вып. 222. – Самарканд. – С. 277-292.

САЛИМОВА 1971: Салимова Р.Х. Теоретические вопросы изучения современного русского профессионального просторечия // Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 204. – Самарканд. – С. 12-44.

САЛЯЕВ 1998: Саляев В.А. Лексика арготического и жаргонного происхождения в толковых словарях современного русского языка. Автореф. дис….канд.филол.наук. – Москва.

СКВОРЦОВ 1966: Скворцов Л.И. Взаимодействие литературных языков и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Москва. – 16 с.

СОЛОВЬЕВА 1961: Соловьева Т.А. Образование сленга с помощью переноса // Уч.зап. Ивановского ГПИ. - Т. 27. – Иваново. – С. 128-145.

СТРОНГИНА 1967: Стронгина А. К вопросу о словообразовании арго во французском языке // Уч. зап. высш. учебн. зав. Литов. ССР. Языкознание. – Вильнюс. – №16. – С. 133-142.

ШЕКУРОВ 1963: Шекуров Г.П. Арготизмы в современном французском языке // Вопросы романского языкознания. – Кишинев. – С. 228 – 236.

ШИНКАРЕНКО 1998: Шинкаренко Ю.В. Базарго: Жаргон уральских подростков. – Москва.

ЮМАТОВ 1971: Юматов А.Н. К вопросу о роли арго в современном французском языке // Вопросы французской литературы и преподавания языка. – Саратов. – С. 14-21.

В.Д.КАЛИУЩЕНКО

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ (ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ)

В данной работе рассматриваются отыменные глаголы (ОГ) то есть, глаголы, образованные от имён существительных типа: *жена* → *женить, гость* → *гостить* и т.д.

Глаголы данного типа исследовались на материале различных языков. Назову лишь некоторых, наиболее известных авторов, изучавших отыменные глаголы, в славянских языках: в русском – И.С. Улуханов, Н.С. Авилова, Е.А. Земская, З.М. Волоцкая и др.; в украинском – К.Г. Городенська; в белорусском – Н.С. Василевский; в болгарском – K.Herej-Szymańska; в польском – R. Grzegorczykowa, B.Ostromęska-Frączak, З.М. Волоцкая; в германских языках: в немецком – M. Kulak, H. Wellmann и др.; в английском, немецком, французском языках – H. Marchand; в тюркских языках: Э.В. Севортян; в тунгусо-манчжурских: О.П. Суник. В работах Е.Л. Гинзбурга и И.В. Недялкова описывается семантика отыменных глаголов на материале неродственных языков.

Задачей данной работы было исследование системы отыменных глаголов с привлечением широкого типологического материала (см. Kaliuščenko 2000).

Исследование носило разноаспектный характер; в нём представлена типология: а) образования ОГ; б) их семантических типов; в) мотивирующих имён; г) значения словообразовательных средств.

Одним из способов получения материала и его изучения был эксперимент, заключавшийся в следующем. Исходный материал эксперимента составил 238 русских существительных из словаря базовой лексики, предназначенного для полевых лингвистических исследований (КИБРИК 1972, 135-170). Из словарей, а также с помощью информантов были отобраны глаголы, образованные от этих существительных в русском языке и от их эквивалентов в десяти других языках: английском, болгарском, индонезийском, коми, латышском, литовском, немецком, эвенкийском, эвенском, якутском. Исходные существительные в работе (КИБРИК 1972) сгруппированы по тематическому принципу, например: 1) названия людей: а) по возрасту и полу, б) по степени родства; 2) животные: а) машние, б) звери, птицы и.т.п. 3) растительный мир и т.д. Для исследования из каждой группы отбирались прежде всего высокочастотные слова, а также имена со средней и низкой частотностью 513-136 (частотность в работе (КИБРИК 1972: 10) приводится по данным двух словарей), *крыша* – 51-9*, ограда* – 0-0. Среди имён из группы «неживая природа» у существительного *вода* частотность 263-40, *огонь* – 75-9, *железо* – 20-0*, золото* – 0-0.

Все 238 существительных принадлежат к 23 тематическим группам, это названия: 1)-3) людей по возрасту, степени родства, занятию, 4) частей тела, 5)-6) диких и домашних животных, 7) растений, 8) предметов неживой природы, 9) предметов, относящихся к жилищу, хозяйству.10) предметов домашнего обихода, 11) предметов одежды, обуви, 12) продуктов питания, 13) геометрических понятий, 14) географических объектов, 15)отрезков времени, 16) состояний природы, 17) понятий «жизнь», «смерть» и др., 18) понятий, относящихся к речи, 19) эмоциональных состояний, 20) понятий интеллектуальной деятельности, 21) наименований речевых актов, 22) различных действий, 23) инструментов.

Отдельные имена, являющиеся, по-видимому, в достаточно высокой степени пригодными для изучения производительности имён в разных языках, отсутствующие в работе (КИБРИК 1972), были включены в соответствующие группы. К ним относятся существительные *работа, охота, автомобиль, мешок, корзина..*

Естественно, в отдельных языках отсутствуют некоторые существительные из базового словаря, в том числе и включенные в исходный материал данной работы вследствие своеобразия условий жизни, культуры, носителей того или иного языка. Так, например, в индонезийском языке отсутствует существительное со значением ‘соболь’, в эвенкийском – ‘яблоко’ и др. В большинстве случаев отсутствующие понятия выражаются в словарях заимствованными именами (ср. в коми: *осел, петук* ‘петух’, *яблок* ‘яблоко’, в эвенкийском: *кот, кошка, комната* и т.д.) или передаются описательно, ср. понятие *сани* в индонезийском передаётся, как *kereta saldju*, букв. ‘повозка-снег’.

В отдельных случаях в разных языках имеется несовпадение понятий или их семантического объёма, ср., с одной стороны, рус. *брат*, и с другой стороны, эвен. *ака* ‘старший брат’, *дядя* – ‘младший брат отца, матери’, *нӯ* ‘младший брат, младшая сестра’.

Указанные отклонения от положения в русском языке затрагивают небольшое количество слов и относятся в основном к индонезийскому, эвенскому, в меньшей мере – к коми и якутскому.

Выборки ОГ, образованных от 238 русских существительных и их эквивалентов в разных языках, составили: эвенкийский – 390 единицы, якутский – 380, английский – 367, индонезийский – 347, эвенский – 269, немецкий – 246, коми – 221, русский – 182, украинский – 166, литовский – 151, болгарский – 111, латышский – 104.

С целью определения степени продуктивности отыменной глагольной деривации в определённых языках в работе был введён индекс производительности имён в отношении глаголов, определяемый как отношение числа ОГ к числу МИ, ср. в русском языке данный индекс составляет 0,76 (182: 238), в болгарском 0,47 (111: 238) и т.д. (см. табл. 1)

Как следует из данных таблицы 1, наиболее высоким индексом производительности имён существительных в отношении глаголов обладают эвенкийский (1,63 – 390: 238) и якутский (1,59 – 380: 238), далее следуют: английский (1,54), индонезийский (1,46), эвенский (1,13), немецкий (1,03), коми (0,93), русский (0,76), украинский (0,70), литовский (0,63), , болгарский (0,47), латышский (0,44).

Таким образом, на основании полученных индексов может быть выдвинуто предположение о степени производительности всего класса существительных в отношении глаголов в определённом языке, в соответствии с которыми отыменное глагольное словообразование, например, в эвенкийском, якутском, английском, индонезийском и эвенском языках выше, чем в немецком, коми, русском, украинском, литовском, болгарском, латышском (см. индексы производительности в табл. 1).

На основе выборок определялись индексы, характеризующие способы образования ОГ как в типологическом аспекте, так и в отдельных языках. При этом индексы представляют собой отношение количества ОГ, образованных определённым способом, к общему количеству ОГ в выборке из данного языка (ср. ГРИНБЕРГ 1963, 75 – 80, КАСЕВИЧ 1982, 5-6, ЯХОНТОВ 1982, 29-41).

Относительная достоверность полученных индексов подтверждается примерным соответствием индексов в немецком языке, полученных на основе: а) полной выборки немецких ОГ (3621 единица – см. KALIUŠČENKO 1988) и б) 246 глаголов, образованных от 238 существительных базового словаря, ср. распределение индексов: 1) безаффиксные ОГ наиболее продуктивны в обеих выборках (индексы составляют соответственно 1916:3621=0,53 и 165:246=0,66); 2) второе место занимают префиксные ОГ (с индексом соответственно 803: 3621= 0,22 и 52:246=0,21) – (см. KALIUŠčENKO 1988).

Данные эксперимента позволили сделать выводы о степени типологической продуктивности определённых формальных типов и способов образования ОГ. Наиболее высокой типологической продуктивностью характеризуются суффиксные ОГ, второе место по типологической продуктивности занимают безаффиксные ОГ, на третьем и четвёртом местах по типологической продуктивности находятся префиксные и конфиксные ОГ (см. табл. 1). Данные выводы позволяют сформулировать следующую вероятностную универсалию:1) если в языке имеются отыменные глаголы, то в нём есть аффиксные и безафиксные отыменные глаголы.

На материале эксперимента здесь рассматриваются некоторые вопросы производительности имён существительных в отношении глаголов.

В ходе предварительного наблюдения материала были выдвинуты следующие гипотезы: 1) производительность имён коррелирует с их частотностью, 2) имена, обозначающие родовые понятия, обладают более высокой производительностью, чем имена, называющие соотносительные видовые понятия; 3) у имён, обозначающих лиц мужского пола, производительность выше, чем у противопоставленных им по признаку «пол» существительных женского рода.

В таблице 2 представлены количественные данные о глаголах, мотивированных именами-названиями лиц, характеризующихся: а) как родовые по отношению к видовым, ср.: *человек – мужчина, женщина, юноша* и т.д.; *ребёнок – мальчик, девочка;* б) противопоставлением по признаку «пол», ср.: *мужчина – женщина, отец – мать, брат – сестра* и др.; в) обладающих различной частотой употребления. Данные таблицы 2 показывают, что наибольшее число глагольных дериватов отмечено у имён, обозначающих родовые понятия – ‘*человек*’, ‘*ребёнок*’, несмотря на то, что последнее характеризуется относительно невысокой частотностью. Это положение относится и к другим именам, обозначающим родовые понятия, ср. в разных языках количество ОГ, мотивированных именами ‘*зверь*’, ‘*рыба*’, ‘*земля*’, ‘*одежда*’, по сравнению с числом ОГ, мотивированных существительными ‘*медведь*’, ‘*волк*’, ‘*щука*’, ‘*рубаха*’, ‘*платок*’ и т. д.

Сопоставление членов семантически противопоставленных пар приводит к выводу, что более высокой производительностью характеризуются те члены оппозиции, которые обладают более высокой частотностью: *мать, брат, жена, девушка* (по сравнению с менее частотными: *отец, сестра, дочь, муж, юноша*). Исключение составляет пара «*мужчина – женщина*», в которой больше дериватов отмечено у менее частотного имени ‘*мужчина*’. Малопоказательной является пара ‘*мальчик – девочка*’, оба члена которой характеризуются примерно одинаковой частотностью и практически отсутствием глагольных дериватов.

Таким образом, на рассматриваемом материале подтверждаются две первые гипотезы: 1) производительность имён коррелирует с их частотностью, 2) имена, обозначающие родовые понятия, обладают более высокой производительностью, чем те, ко-

торые обозначают соотносительные видовые понятия. Третья гипотеза не находит подтверждения: в парах имён, противопоставленных по признаку «мужской/женский пол», признак «мужской пол» не коррелирует с производительностью, (естественно, если речь о непроизводных или равнопроизводных именах типа: *отец-мать,* но не о парах типа: *учитель – учительница)*, решающим является частотность. Повышению степени производительности имён при образовании глаголов способствует их семантика, позволяющая им выполнять семантические функции посессивного объекта, инструмента, то есть выступать в качестве МИ глаголов типологически продуктивных групп, например орнативных (или каузативных посессивных): *золото → золотить, серебро → серебрить, ограда → оградить.* По-видимому, можно говорить об иерархии признаков, влияющих на производительность: I ранг – признак «родовое понятие»; II ранг – частотность; III ранг – когнитивная значимость.

Материал эксперимента показал, что высокой типологической производительностью отличаются некоторые существительные с низкой частотностью, например '*соль', 'золото', 'ограда', 'трава', 'корень', 'земля', 'пыль'*. По-видимому, это понятия, обладающие высокой когнитивной целостностью для носителей разных языков, с ними связаны устойчивой ассоциативной связью действия, которые и выражаются отыменными глаголами, ср. глаголы, образованные в 11 языках от имени существительного 'корень': рус. *корень → корениться* 'иметь что-либо корнем, причиной', *укоренить* 'посадив, дать прижиться, укрепиться корнями', *искоренить* 'совершенно устранить', 'уничтожить', 'истребить'; болг. *корен → кореня се* 'корениться'; лтш. *sakne → sakņoties* 'корениться'; лит. *šaknis → šakniauti* 'собирать корни'; *šaknyti* 'пускать корни'; англ. *root → to root* 1) 'укореняться', 'пускать корни'; 2) 'укоренять', 'внедрять'; 3) 'рыть землю рылом', 'подрывать корни (о свиньях)'; *to outroot* 'вырывать с корнем', 'искоренять'; нем. *Wurzel → wurzeln* 'укореняться', 'пускать корни'; переносное 'корениться, иметь причину в чем-либо'; *entwurzeln* 'вырывать с корнем'; переносное 'лишать опоры'; коми: *вуж → вужйясьны* 'пускать корни', 'укореняться'; *вужйявны* 'прошить корнями (что-то берестяное)'; эвенк. *нӣнтэ → нӣнтэб-* 'быть вырванным с корнем', *нӣнтэлэ-* 'пойти за корнями'; *нӣнтэ→ нӣнтэлгэ-* 'вырвать с корнями'; *нӣнтэли* 'заготовлять корни'; якут. *силис→силистэн* 'пускать корни'.

На основе сказанного могут быть сформулированы следующие вероятностные универсалии: 1) если имя обладает высокой частотностью, то можно предположить, что оно обладает высокой типологической производительностью в отношении ОГ; 2) если имя обозначает родовое понятие, то можно предположить, что оно обладает высокой типологической производительностью в отношении ОГ.

Анализ материала свидетельствует о более широком разбросе значений ОГ, мотивированных конкретными существительными, чем абстрактными; ср. значение ОГ, мотивированных именем «*человек*» в 11 языках, рус. *человек → очеловечить* 1) 'наделить кого-, что-либо свойствами человека', 2) 'оделить человечным, гуманным', ср. то же в болгарском: *человек → вчовеча,* литовском: *žmogus → žmõginti*, но также: *žmogéti* 'делаться человеком'. От форм множественного числа образуются ОГ с иными значениями, ср.: рус. *люди → обезлюдеть, обезлюдить;* укр. *обезлюдіти, збезлюдіти;* лит. *žmõnés → žmonétis* 'общаться с людьми', 'гостить'. Ср. ОГ в других языках: нем. *Mensch → menscheln* 'проявлять человеческие слабости', *entmenschen* 'лишать челове-

ческого достоинства’, ‘делать бесчеловечным’ (в средневерхненемецком имелся и ОГ – антоним *vermenschen*‘очеловечить’), англ. *man* → *to man* 1) ‘укомплектовать людьми’, 2) ‘приручать (например птиц)’ Особенно широк разброс значений глаголов с МИ ‘человек’ в эвенкийском, эвенском, якутском, ср.: эвен. *Бэй* → *бэйик*- 1) ‘замечать человека’, 2) ‘представлять человека в своём воображении’; *бэйим* ‘пахнуть человеком’; *бэйэкэт*- ‘хвастаться’; *бэйрэбуб*- ‘привыкать к человеку’; *бэйребут*- ‘приручать (животных)’; *бэймэ*- ‘пойти к человеку’; *бэйив*- ‘оставлять на хранение что-либо определённому лицу’ и т.д.

Единообразием отличаются ОГ, мотивированные абстрактными существительными, называющими действия, эмоциональные состояния, отрезки времени, целостные ситуации (явления, состояния природы), ср. значения ОГ, образованных от имени ‘танец’ в разных языках: рус. *танце* → *танцевать* ‘исполнять какой-либо танец’; укр. *танок* → *танцювати*; болг. *танц* → *танцувам* ‘танцевать’; лтш. *deja* → *dejot* ‘танцевать’; англ. *dance* → *to dance* ‘танцевать’; нем. *Tanz* → *tanzen* ‘танцевать’; индонез. *Tari* → *menari* ‘танцевать’, ‘плясать’; *menarikan* 1) ‘исполнять танец’; 2) ‘заставлять танцевать’; эвен. *хэде* → *хэде*- ‘плясать хороводом’, ‘петь и плясать’; *хэден*- ‘плясать и петь, водить хоровод’; якут. *ункуу* → *ункуулээ*- ‘танцевать’. Таким образом, можно сделать вывод в отношении возможности предсказания значения ОГ на основе семантики МИ в отношении большинства абстрактных существительных («Если имя имеет значение X, то ОГ имеет значение Y») и о невозможности (при условии образования ОГ без участия специализированного аффикса) в отношении большинства имён с конкретным значением.

Литература:

АВИЛОВА 1964: Авилова Н.С. Развитие отыменного глагольного словообразования // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. – Москва. – С. 104-140.

ВАСИЛЕВСКИЙ 1986: Василевский Н.С. Отыменное глагольное словообразование в белорусском литературном языке: Автореф. дис… д-ра филол. наук. – Минск. – 36 с.

ВОЛОЦКАЯ 1978: Волоцкая З.М. Опыт описания деривативных значений (на материале русского и польского языков): Автореф.дис....канд филол. наук. – Москва.. – 25 с

ГИНЗБУРГ 1979: Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. – Москва. – 264 с.

ГОРОДЕНЬСКА 1981: Городенська К.Г., Кравченко М. В. Словотвірна структура слова (відіменні деривати). – Київ.

ГРИНБЕРГ 1963: Гринберг Дж. Квантативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. – Москва. – Вып. 3. – С. 75-80

ЗЕМСКАЯ 1973: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – Москва. – 304 с.

КАСЕВИЧ 1982: Касевич В.Б. Типологическое изучение языков и место в нем квантитативной типологии // Квантитативная типология языков Азии и Африки. – Ленинград. – С. 5-6.

КИБРИК 1972: Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). – Москва. – 181 с.

НЕДЯЛКОВ 1985: Недялков И.В. Отыменное глагольное словообразование в языках различных типов (Типологический подход) // Проблемы соотношения словообразования с другими языковыми уровнями в германских языках: Межвуз сб. науч. Тр. – Смоленск. – С.186-192.

СЕВОРТЯН 1962: Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования.–Москва.–643 с.

СУНИК 1962: Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. – Москва-Ленинград. – 363 с.

УЛУХАНОВ 1975: Улуханов И.С. О словообразовательной категории (на материале глаголов, мотивированных именами) // Изв. АН СССР. Сер.лит и яз. – Т. 34. – №1. – С. 27-35

ЯХОНТОВ 1982: Яхонтов С.Е. Метод исследования и определение исходных понятий // Квантитативная типология языков Азии и Африки. – Ленинград. – С. 29-41

HEREJ-SZYMAŃSKA 1978: Herej-Szymańska K. Derywacja czasowników denominalnych we Marchand współczesnym bułgarskim języky literackim: Prace slawistyczne, 5 – Wrocław etc. – 113 s.

KALIUŠčENKO 1988: Kaliuščenko, V.D. Deutsche denominale Verben. – In: *Studien zur deutschen Grammatik.* Bd. 30. – Tübingen.

KALIUŠčENKO 2000: Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. –In: Linguistische Arbeiten. Bd. 419. – Tübingen.

KULAK 1964: Kulak M. Die semantischen Kategorien der mit Nullmorphem abgeleiteten desubstantivischen Verben des heutigen Englischen únd Deutschen. – Diss. – Tübingen. – 253 s.

MARCHAND 1964: Marchand H. Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Englischen, Französischen und Deutschen // Die neueren Sprachen. – No.3. – S. 105-118.

OSTROMĘSKA-FRĄCZAK 1983: Ostromęska-Frączak B.Czasowniki Polskie z Formantem Rozdzielonym. – Acta Universitatis Lodziensis. Folia linguistica. 6 – Łòdź. – 210 s.

WELLMANN 1973: Wellmann H. Verbbildung durch Suffixe // Deutsche Wortbildung. Erster Hauptteil: Das Verb. – Schprache der Gegenwart. – Düsseldorf: Schwann. – Bd. XXIX. – S.17-140.

Таблица 1.

Типологические индексы ОГ

Язык	Производительность	Структурные типы ОГ									
		Суфф.	Преф.	конф.	без-аф.	Постф.	Суфф + постф.	Конф + постф.	Преф. + постф.	**Редуп-ликация**	Аналитические ОГ
Эвенкийский	1,63	0,84			0,16						
Якутский	1,59	0,98			0,01						0,01
Английский Ин-	1,54		0,03		0,97						
донезийский	1,46	0,24	0,54	0,16	0,01					0,05	
Эвенский	1,13	0,91			0,09						
Немецкий	1,03	0,06	0,21	0,03	0,66	0,02			0,02		
Коми	0,93	0,98			0,02						
Русский	0,76	0,5		0,39			0,08	0,03			
Украинский	0,70	0,58		0,33			0,05	0,04			
Литовский	0,63	0,85		0,03			0,12				
Болгарский	0,47	0,21	0,24	0,09	0,31	0,08	0,02	0,05	0,02		
Латышский	0,44	0,62		0,12	0,03		0,18	0,04	0,01		

Таблица 2.

Количественная характеристика глаголов, мотивированных именами-названиями лиц по полу, возрасту, степени родства.

МИ	**Я з ы к и**												**В с е г о**
	Рус.	Укр.	Болг.	Англ.	Нем.	Лтш.	Лит.	Инд.	Коми.	Євенс.	Євенк.	Якут.	
b. человек 636-205	4	2	1	3	2	-	3	-	2	10	2	5	**34**
c. ребёнок 66-60	1	-	-	1	-	1	1	3	1	5	3	5	**21**
i. мужчина 59-41	2	-	-	4	3	-	1	-	-	1	-	2	**13**
женщина 133-78	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1	2	4	**9**
ii. отец 210-54	-	-	-	4	2	-	-	2	-	2	1	2	**13**
iii. мать 247-61	-	-	-	4	1		-	4	1	2	1	3	**16**
iv. брат 129-133	1	1	3	3	2	1	1	3	-	2	1	1	**19**
v. сестра 49-46	-	1	-	2	1	-	-	2	-	1	-	-	**7**
vi. сын 130-43	1	1	1	-	-	-	1	2	-	-	-	1	**7**
vii. дочь 35-30	1	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	2	**5**
viii. муж 55-83	-	-	1	1	1	-	-	3	-	1	1	2	**10**
ix. жена 104-81	1	1	1	-	1	1	-	4	1	4	4	1	**19**
x. мальчик 279-46	-	-		-	-	-	-	1	1	-		-	**2**
xi. девочка 278-56	-	-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	**-**
xii. ноша 98-0	-	-		2	-	-	-	-	2	-	-	1	**5**
xiii. девушка 271-66	-	1	2	-	-	-	2	-	1	-	-	1	**7**

А.А. ПУЗИК

ОТАДЪЕКТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ ЭССИВНОЙ СЕМАНТИКИ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ И НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКАМИ)

- **1. Общие замечания.**

Глаголы, мотивированные именами прилагательными, значение которых определяется в рамках данного исследования как «находиться в состоянии признака/обладать признаком, названным мотивирующим прилагательным», конституируют отдельную словообразовательную категорию эссивных[1] отадъективных глаголов (далее: ОАГ). Семантика эссивных ОАГ может быть представлена в самом общем виде посредством формулы толкования (далее: ФТ): «**Субъект ситуации есть (как) мотивирующий адъектив (МА)»**, ср.:

(1) *Manche seiner Aussprüche möchte man oft wiederholen, allerdings nur manche, denn in seiner Gesamtheit krankt er doch wieder an allzu großer Leichtigkeit* (‘Большинство из его высказываний хочется повторять часто, но только большинство, поскольку в целом он все же болен тем же чрезмерным поверхностным взглядом на вещи’);

(2) *...а море радісно й ніжно блакитніє крізь світанкову імлу* (‘...а море радостно и нежно голубеет сквозь рассветный туман’);

(3) *My car equals yours in speed* (‘Моя машина ездит так же быстро, как твоя’).

Предикаты в предложениях (1) – (3) – эссивные ОАГ: укр. *блакитніти* ‘виднеться, выделяться своим голубым цветом’ ← *блакитний* ‘голубой’, нем. *kranken* (an) (уст.) ‘болеть (чем-либо), иметь недостатки’ ← *krank* ‘больной, слабый, имеющий недостатки’, англ. *equal* (брит.) ‘а) (матем.) равняться, быть равным б) быть одинаковым, тождественным (по каким-л. качествам) ← *equal* ‘равный, одинаковый; идентичный, равносильный, тождественный’.

В немецком языке эссивные ОАГ составляют 63 лексемы, в украинском языке – 138, в английском языке – 86 единиц.

Почти половина материала исследования эссивных ОАГ немецкого языка (46%) является ограниченными в употреблении как устаревшие, устаревающие, редко употребительные слова, либо ограниченные возвышенным стилем, национальными вариантами немецкого языка и диалектами. Напротив, почти все эссивные ОАГ украинского языка поданы в словарях как принадлежащие к общеупотребительной лексике (лишь 3% являются ограниченными по разным признакам), см. табл. 1. Деадъективные глаголы эссивной семантики английского языка в большей части общеупотребительны, однако значительна часть ОАГ, которые ограничены по разным признакам (20% общего количества эссивных ОАГ).

[1] Глаголы, описываемые в данной общей формуле толкования, именуются вслед за М.Н.Янценецкой (ЯНЦЕНЕЦКАЯ 1973, 15-16) и Е.Л.Гинзбургом (ГИНЗБУРГ 1979, 151-153) «эссивными» (от лат. esse ‘быть’).

Таблица 1.

Функциональная характеристика эссивных ОАГ сравниваемых языков

Степень ограниченности	Нем. язык		Англ. язык		Укр. язык	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
1. Общеупотребительные ОАГ	**34**	**54**	**69**	**80**	**134**	**97**
2. Ограниченная лексика, в том числе:	**29**	**56**	**17**	**20**	**4**	**3**
2.1. Высокое/поэтическое слово	11	17,5	-	-	-	-
2.2. Диалектное слово	-	-	-	-	1	0,8
2.3. Национальный вариант языка/региональное слово	5	7,9	4	4, 6	-	-
2.4. Сленговое слово	-	-	4	4, 6	-	-
2.5. Редкое слово	5	7,9	6	6,95	3	2,2
2.6. Устаревшее/ устаревающее слово	8	12, 7	1	1,15		
2.7. ОАГ с терминологическим значением	-	-	2	2,3	-	-
Всего:	**63**	100	**86**	100	**138**	100

2. Степень изученности ОАГ эссивного значения.

Среди категорий глаголов, мотивированных именами прилагательными, эссивные ОАГ оказались наименее изученными. Некоторые исследователи отказывают данным глаголам, вследствие их небольшого количественного представления в том, чтобы быть объединенными в цельную категорию. Так, Г.Маршан в отношении «дуративных» (‘глаголов состояния’) ОАГ в немецком, английском и французском языках отмечает, что «этот тип практически не существует ни в одном из трех исследуемых языков (в то время как в латинском языке глаголы типа *albēre* «быть белым» образуют значительную группу)» (?) (MARCHAND 1969a, 156; см. также MARCHAND 1969b).

ОАГ эссивного значения английского языка часто вообще не упоминаются (JESPERSEN 1956), или в описаниях глагольного словообразования можно найти единичные примеры глаголов со значением «быть, как обозначает прилагательное» (MARCHAND 1969a). Лишь В.Адамс описывает ОАГ английского языка, определяемые в данной работе как эссивные, объединяя глаголы «бытийного значения» с глагольными лексемами инхоативного значения в группе интранзитивных глаголов, обозначающих «быть, становиться по качеству таким, как обозначает прилагательное», и выделяет отдельную группу ОАГ со значением «способа/образа действия» («verbs expressing the manner in which an action is performed» (ADAMS 1973, 50), подразделяя последнюю на две подгруппы: интранзитивные ОАГ (*level* ‘быть откровенным с кем-либо, откровенничать’ ← *level* ‘прямой, честный’, *shy* ‘быть боязливым, пугливым, застенчивым’ ← *shy* ‘пугливый, застенчивый’) и транзитивные ОАГ (*jolly* (редк.) ‘веселиться, радоваться; развлекаться’ ← *jolly* ‘веселый, радостный; в приподнятом настроении, в хорошем расположении духа’, *brave* ‘бравировать, быть бравым; быть настойчивым’ ← *brave* ‘бравый, храбрый’).

В описаниях словообразования немецкого языка ОАГ «бытийного» значения выделяются в отдельную «словарную нишу» (WELLMANN 1973, 97; POLENZ 1968, 145) или «семантический класс» (FLEISCHER 1992, 314). Особо следует отметить, что в состав эссивных глаголов немецкого языка вошли глаголы, не рассматриваемые в описаниях на материале отдельных языков как деадъективные глаголы эссив-

ного значения. Это, прежде всего, ОАГ типа *albern* (‘дурачиться, вести себя глупо, нелепо, ребячиться’ ← *albern* ‘глупый, нелепый’), которые в имеющихся описаниях выделяются в самостоятельную словарную нишу «глаголов, характеризующих поведение или отношение» («verhaltenscharakterisierende Verben») (WELLMANN 1995; WELLMANN 1973; ERBEN 1993), или семантический класс со значением «вести себя, двигаться определенным способом» (FLEISCHER 1992, 315). Основным показателем самостоятельности ОАГ «поведения/отношения/движения» в имеющихся описаниях является адвербиальная функция МА в перифразе: «sich benehmen, sich bewegen, tun Basisadjktiv» (в отличие от «глаголов состояния» или «дуративных» ОАГ, семантика которых обычно представлена в глагольной синтагме со связочным глаголом «sein» (‘быть’), а МА выполняет функцию предикатива, (PRELL 1996; WELLMANN 1973, 32-35). В плане межъязыкового сопоставления глаголы данной семантики объединены в словообразовательной категории эссивных ОАГ, а активный компонент в значении глаголов типа *albern* позволяет рассматривать такие глагольные лексемы в одной из словообразовательных субкатегорий эссивных ОАГ – квазиэссивные отадъективные глаголы. Показательно, что именно в сопоставительной работе глаголы типа нем. *albern* объединяются с «глаголами состояния» Г.Маршаном в одной словообразовательной категории (однако дальнейший анализ не проводится). Так, Г.Маршан относит к «дуративным» не только традиционные (предикативные) ОАГ, но и «квазикопулятивные» («Quasikopula») глаголы, мотивированные именами прилагательными (MARCHAND 1969a , 156; ср. OHNHEISER 1987, 89-91).

В украинском языке ОАГ эссивного значения практически не рассматриваются. Количественная характеристика материала исследования в отношении немецкого и английского языков и особенно – украинского языка, позволяет выделить деадъективы эссивного значения в отдельную словообразовательную категорию: эссивные ОАГ немецкого языка в количественном отношении не уступают отадъективным глаголам инхоативного значения, а эссивные деадъективы английского языка представлены не «единичными образованиями» (MARCHAND 1969a , 156), но составляют хорошо обособляемую от ОАГ инхоативной и каузативной семантики группу глаголов.

Деадъективы эссивного значения немецкого языка в сопоставлении с другими языками (но не языками данного исследования), упоминаются эпизодически, а эссивные ОАГ английского и украинского языков, насколько известно, не являлись предметом сопоставительных исследований (в вышеупомянутой статье Г.Маршана (MARCHAND 1969a) ОАГ эссивного значения вообще не рассматриваются). Милош Докулил проводит сопоставительный анализ ОАГ немецкого, чешского и словацкого языков и, не углубляясь в подробности семантики и структуры, приводит ряд примеров «бытийных» («sein-Verben») глаголов и деадъективов «проявления признака» («sich zeigen-Verben»), отмечая слабое развитие состава групп ОАГ данной словообразовательной семантики в ряде «современных известных языков» (DOKULIL 1976, 121).

Следует отметить терминологическую разрозненность в обозначении глаголов, мотивированных именами прилагательными, именуемых в настоящей работе «эссивными».

В немецкоязычной литературе данные лексемы именуются «дуративными» («durative Deadjektiva»/ «Durativa») (GROSS 1963) или «глаголами (обозначающими) состояние» («Zustandsverben») (GERLING 1979). Эти термины используются в боль-

шинстве академических грамматик немецкого языка 19-го и 20-го столетий (WELLMANN 1995; WILMANNS 1930) и в наиболее значительных и авторитетных описаниях словообразовательной подсистемы немецкого языка (ERBEN 1993; FLEISCHER 1992; WELLANN 1973).

В отношении эссивных ОАГ немецкого языка используется и описательная терминология. Так, К.Эккер употребляет в своем диссертационном исследовании «Verben der Lebensregung. Ein Wortstand innerhalb der Zustandsverben des Deutschen» (ECKER 1993) два термина, которые, на его взгляд, призваны наиболее точно охарактеризовать исследуемые глагольные лексемы немецкого языка. Первый термин указывается в названии диссертации «Verben der Lebensregung» и может переводиться как «глаголы, вызывающие чувство/чувствование/ощущение жизни». Данный термин заимствован К.Эккером у Г.Аманна[1], который употребляет его шире, по отношению к глаголам состояния, как подклассу признаковых слов немецкого языка. Второй термин «Eräußerungsverben», который также призван называть ОАГ, предложен К.Эккеру Л.Вайсгербером и может быть переведен как «глаголы проявления признака» или «выразительные глаголы».

Ш.Эшенлор именует глаголы типа нем. *blauen* ((поэт.) ‘(особенно о небе) быть синим, выделяться синевой’ ← *blau* ‘синий’) – «стативными (статическими) глаголами» («stative Verben»), подчеркивая статичность или постоянство семантики последних на временной оси (ESCHENLOHR 1997, 71). Реже в специальной литературе встречается термин «курсивные глаголы» или «интрансформативные глаголы» («Kursiva»; «intransformative Verben») (HELBIG 1998, 78; FABRICIUS-HANSEN 1975).

В литературе по английскому словообразованию, как указано выше, деадъективы эссивной семантики практически не рассматриваются, и не называются какими-либо терминами, а единичные ОАГ, встречающиеся в описаниях английского словообразования, подаются с их словарным толкованием «быть + МА»: *glad* ‘be glad’ (‘быть довольным’) (MARCHAND 1969b, 371). В этом плане показательным и удачным является выделение В.Адамс отдельной группы глаголов, которые ученый называет описательно: «способа/образа действия» («verbs expressing the manner in which an action is performed») (ADAMS 1973, 50).

В украинском языке эссивные глаголы, как правило, называются описательными конструкциями, первый компонент которых указывает на их производность от имени прилагательного, а второй указывает на значение соответствующих ОАГ. Так, Л.А.Юрчук, описывая глаголы отадъективного происхождения с точки зрения их производности при участии различных суффиксов, выделяет глаголы с суффиксом *–і-*, которые «характеризуются непереходным значением и выражают ... нахождение в состоянии, обозначенном основой прилагательного», а в отношении ОАГ с суффиксами *–ува-* и *–ича-*: *свавільничати* ‘своевольничать’ (которые в рамках настоящего исследования рассматриваются как эссивные) исследователь пишет, что такие глаголы «характеризуются непереходным значением – проявлять признаки, обозначенные

[1] Г.Аманн пишет: «Даже спокойная голубизна неба, которая и есть это самое – голубой цвет, воспринимается нами как призыв к жизни, если мы говорим „Небо голубеет“ («небо голубое, виднеется голубизной») («Der Himmel blaut»)» (AUMANN 1934, 119). Глагол *blauen* – отадъективный глагол эссивного значения.

основой соответствующего прилагательного» (ЮРЧУК 1959, 42-47). Рассмотрев имя прилагательное как производящую основу в словообразовательной системе украинского языка, В.В.Грещук отмечает, что в составе глаголов с суффиксом *–і-* можно выделить ряд деадъективов со словообразовательным значением «выделяться признаком», сформированное на основе словообразовательного значения «приобретать признак» (ГРЕЩУК 1995, 101) и, при этом, совсем не рассматривает особенности семантики ОАГ, оформленных такими суффиксами как *–ува-, –ича-, -и-, -і-* отмечая, что «отадъективное глагольное словообразование осуществляется в рамках словообразовательных значений «приобретать признак» и «наделять признаком» (ГРЕЩУК 1995, 101).

- 3. Основы семантической классификации эссивных ОАГ.

Анализ материала исследования показал, что глаголы сопоставляемых языков, описываемых в ФТ «Субъект ситуации есть (как) МА», составляют семантически гетерогенную группу деадъективных глаголов, а в рамках словообразовательной категории эссивных глаголов возможно определить на уровне словообразовательной семантики единицы меньшей степени абстракции – субкатегории, семантические группы и подгруппы.

3.1. ФТ эссивных глаголов немецкого, английского и украинского языков, обладая высокой степенью абстракции, в то же время не в состоянии описать различные особенности семантики. На этапе выборки материала исследования было установлено, что в семантике эссивных ОАГ языков сопоставления воспроизводится оппозиция по признаку: «активное/неактивное состояние субъекта ситуации при выявлении признака, обозначенного МА», ср.:

(5) *Очі його ще дивилися по-селянськи наївно, на обличчі бронзовіла засмага виноградників і ланів* (‘Глаза его смотрели еще по-крестьянски наивно, на лице бронзовел загар виноградников и полей’) – *бронзовіти* ‘виднеться, выделяться своим бронзовым цветом’ ← *бронзовий* ‘бронзовый (о цвете)’;

(6) *Mich überflutete das Abendrot,*

Die Matten dunkelten so grün und rein ... (‘Меня захватил вечерний закат, горные луга темнели так чисто и свежо ...’ – *dunkeln* (поэт.) ‘быть темным, распространять темноту (о вечере, ночи)’ ← *dunkel* ‘темный’;

(7) *An infection that localizes in the ear* (‘инфекция, располагающаяся в области уха’) – *localize* ‘располагаться, находиться, относиться к определенному месту’ ← *local* ‘местный (связанный с определенным местом), локальный’;

(8) *Я багато хитрував, здобуваючи запрошення на концерт* (‘Я много хитрил, добывая приглашение на концерт’) – *хитрувати* ‘хитрить, быть хитрым, действовать неискренне’ ← *хитрий* ‘хитрый’;

(9) *Je mehr man das Wetter brüskiert, desto besser fährt man* (‘Чем больше браниться на погоду, тем легче ехать’) – *brüskieren* ‘вести себя бесцеремонно, невежливо и при этом обижать кого-то’ ← *brüsk* ‘неожиданно резкий, бесцеремонный’;

(10) *She had dulcified sufficiently with the duchess* (‘С герцогиней она разговаривала достаточно ласковым тоном’) – *dulcify* ‘говорить нежно, ласково’ ← *dulcet* ‘сладкий, приятный, нежный (о звуках)’.

Признак субъектов ситуации в примерах (5) – (7), выраженный посредством отадъективных глаголов, статичен, причем характер образования признака (путем

внутреннего изменения самого явления или каким-либо иным образом) принципиального значения не имеет. Глаголы типа укр. *бронзовіти*, нем. *dunkeln*, англ. *localize* среди эссивных ОАГ сопоставляемых языков наиболее близко расположены к их мотивирующему прилагательному в предикативном употреблении с глаголом «быть» или другими «неактивными» глаголами выявления признака. Они, называя определенную денотативную ситуацию, обнаруживают в своей семантике динамику лишь условно – в своей принадлежности к классу глаголов[1].

3.2. Исследователи по-разному определяют функциональную нагрузку в системе языка неактивных, статичных глаголов, мотивированных именами прилагательными, подчеркивая то или иное свойство таких глаголов. Так, Л.Вайсгербер, сравнивая прилагательные и образованные от них глаголы, пишет, что посредством эссивных глаголов «нам становится возможным воспринимать семантику прилагательного как качество, проецируемое не на предметы, а как что-то приподнятое, абстрактное, побуждающее к внутреннему чувствованию (ощущению) жизни» (WEISGERBER 1929, 220). Г.Бринкман относит ОАГ типа нем. *dunkeln* к глаголам состояния, в которых „жизнь проявляется как непрерывный и неизменяемый поток или покоящееся бытие“ (BRINKMANN 1950, 65-79). К. Еккеру значение „ОАГ состояния“ представляется как „продолжающаяся в нас и воздействующая на нас жизненная сила“ (ECKER 1961, 106).

Таким образом, предикаты в примерах (5) – (7) выражают не действие (а иногда даже и не состояние), а указывают на абсолютно статический характер признака, выраженного посредством ОАГ.

Еще одним, без сомнения важным и интересным свойством эссивных ОАГ, является актуальность, сиюминутность выявляемого признака и, как следствие, потенциальная, имплицитная способность к изменчивости. А.Вежбицкая, сравнивая прилагательное в качестве предикатива именного сказуемого и глагол, мотивированный этим прилагательным в позиции предиката, в частности, пишет: „даже в предикативной позиции глагол имеет тенденцию предполагать изменчивость в том смысле, в каком этого не делает, казалось бы, синонимичное прилагательное“ (ВЕЖБИЦКАЯ 1999, 119). В доказательство вышесказанного, А.Вежбицкая предлагает сравнить два предложения латинского языка: „*Rosa rubra est.*“ (‘Роза красная.’) и „*Rosa rubet.*“ (‘Роза краснеет.’): краснеет вдали, есть красная, но не становится красной. В первом предложении „прилагательное *rubra* наводит на мысль о постоянном свойстве розы, тогда как глагол *rubet* говорит о сиюминутном признаке пейзажа“ (ВЕЖБИЦКАЯ 1999 , 119-120).

Отмеченные качества эссивных ОАГ обусловили высокую степень употребительности и широкие возможности для новообразований в (немецкой) литературе экспрессионизма и импрессионизма. Особенно в лирике экспрессионизма (когда язык призван „выразить внутреннее переживание“ (DÜRSTELER 1954, 9) можно найти множество попыток образования глаголов от прилагательных, которые употребляются в дуративно-инхоативном смысле, ср: „**bösen* ‘быть/становиться злым, сердитым,

[1] В этой связи можно отметить, что активные «прилагательные-глаголы» и неактивные, статические «прилагательные-глаголы» разграничиваются в некоторых языках (например, в китайском, ряде кавказских языков) морфологически: статические «прилагательные-глаголы» имеют более бедный состав форм и в ряде отношений сближаются с именами (ЯНЦЕНЕЦКАЯ 1973, 105). Так, например, в китайском языке эквивалентами прилагательных нем. *groß* ‘большой’, *fett* ‘жирный’, *schön* ‘красивый, прекрасный’ и т.д. являются не «адъективные существительные», а «адъективные глаголы» (но не отадъективные глаголы) (VOGEL 1999).

**frechen* ‘быть/становиться наглым’, **kleinen* ‘быть/становиться маленьким, небольшим’, **müden* ‘быть/становиться усталым, вялым’, **schwarzen* ‘быть черным, виднеться черным, темным цветом’, **tiefen* ‘быть глубоким’ (ср. ОАГ украинского языка *лютувати, маліти, чорніти, глибочіти* со значением „быть (виднеться), как обозначает МА“) и др. В работе „Sprachliche Neuschöpfungen im Impressionismus.“ (‘Языковые инновации импрессионизма.’) (THON 1928) Г. Дюрстелер насчитывает 58 новообразований – ОАГ вышеуказанного типа, которые не узуализировались в языке и поэтому не представлены в современном немецком языке ни в инхоативном, ни в эссивном значениях.

2.3.3. Субъекты ситуаций, представленных в примерах (8) – (10), также обнаруживают признак. Но этот признак, выявляемый посредством ОАГ, обнаруживается в динамике, в различных действиях субъекта ситуации (эти действия могут относиться к разным временным срезам по отношению к денотируемой ситуации). Интересно отметить, что обнаруживаемый признак большого числа «динамических» эссивных ОАГ угадывается и приписывается субъекту ситуации как постоянный (постоянные черты характера, поведения и др.), что отражено и в словарных толкованиях ОАГ, а не как характеризующий его актуальное состояние (что можно проследить при реализации эссивных ОАГ в речи). То есть признак субъекта («я») «хитрий» в примере (8), выраженный посредством ОАГ *хитрувати*, можно воспринимать как постоянная черта характера субъекта (субъект для достижения определенной цели не только в данный момент, но и вообще способен „быть хитрым“). Контекст способен ослабить или, наоборот, усилить тот факт, является ли называемый ОАГ признак субъекта постоянным или актуальным, ср.:

(11) „Та все <u>скупиться</u>, та все <u>гордує</u>, і говорити з людьми не хоче.“ (‘Да жадничает, чванится/надменничает, даже говорить с людьми не хочет.’) (*скупитися* ‘быть скупым’ ← *скупий* ‘скупой’, *гордувати* ‘быть гордым; относиться с неуважением к другим, быть надменным’ ← *гордий* ‘гордый, надменный’).

Признаки субъекта ситуации „скупий“ и „гордий“ (см. прим. (11)) выявляются в динамике (жадность, высокомерие, надменность, чванство, присущие субъекту, проявляются в поступках, речи, походке, взгляде и др.). В примере (11) эти признаки приписываются субъекту и воспринимаются читателем как постоянные черты характера субъекта, что подчеркивается перечислением негативных характеристик субъекта в предложении и наличием слова „все”.

Дифференциация активного и неактивного (статического) компонента в семантике эссивных ОАГ языков сопоставления достигается в настоящем описании выделением двух словообразовательных субкатегорий ОАГ: собственно[1] эссивные и квазиэссивных ОАГ, модифицированные ФТ субкатегорий: «**Субъект ситуации пассивно выявляет признак, описываемый МА»** (собственно эссив) и «**Субъект ситуации активно выявляет признак, описываемый МА»** (квазиэссив).

[1] Разграничение «собственно» эссивных и «квази»эссивных ОАГ проводится по аналогии с разграничением собственно посессивных, собственно локативных и т.д., с одной стороны, и квазипосессивных, квазилокативных и т.д. отыменных глаголов, с другой, в типологическом исследовании В.Д. Калиущенко, что обусловлено необходимостью описания определенной модификации общей ФТ (КАЛИУЩЕНКО 1994, 43).

Собственно эссивные ОАГ являются неактивными, статическими, а квазиэссивные – это динамические, активные, но имперфективные ОАГ, активность которых, как правило, не выходит за пределы субъекта ситуации.

В рамках выделенных словообразовательных субкатегорий и на основе оппозиции определенного числа ОАГ по разным признакам, можно выделить семантические группы глаголов эссивного значения, мотивированных именами прилагательными. Так, в составе собственно эссивных ОАГ четко разграничиваются две семантические группы в зависимости от того, является ли обнаруживаемый субъектом ситуации признак обязательно визуально воспринимаемым (ср. прим. (14) и (15)) или (условно) визуально невоспринимаемым (ср. прим. (12) и (13), ср.:

(12) *His description does not* <u>*square*</u> *with reality* (‘Его описание не соответствует действительности’) – *square* ‘согласовываться, соответствовать’ ← *square* ‘правильный, ровный, точный’;

(13) *Не хочу я сигарет. Від них тільки в роті* <u>*гірчить*</u> (‘Не хочу я сигарет. От них только во рту горчит’) – *гірчити* ‘горчить’ ← *гіркий* ‘горький (на вкус)’);

(14) *Віддалік ледь помітно* <u>*тьмяніли*</u> *гори* (‘Вдалеке, едва различимы, бледнели горы’) – *тьмяніти* ‘виднеться, выделяться своей бледностью, бледным оттенком’ ← *тьмяний* ‘нечеткий, бледный, лишенный блеска, неяркий’;

(15) *Nun der Smaragd allein verdient,*

Daß er an deinem Herzen <u>*grünt*</u> *...* (‘Теперь только изумруд заслуживает того, чтобы зеленеть на твоем сердце ...’) – *grünen* (возв.) ‘быть зеленым, выделяться зеленым цветом, зеленеть (вдали)’ ← *grün* ‘зеленый’.

Глаголы типа укр. *гірчити*, нем. *geilen*, англ. *square* (см. прим. (12) – (13)) объединяются в семантической группе **интраэссивных** глаголов, ФТ: «**Субъект ситуации выявляет визуально невоспринимаемый (внутренний) признак, который обозначает МА»**.

ОАГ типа укр. *тьмяніти*, нем. *grünen* (см. прим. (14) и (15)) объединены в семантической группе **экспозитивных**[1] глаголов, ФТ: «**Субъект ситуации виднеется признаком, который обозначает МА»**.

В рамках квазиэссивных ОАГ в зависимости от того, в результате каких действий субъекта ситуации выявляется признак, можно выделить 4 нижеописываемые семантические группы: **квазиэссивные ОАГ поведения**, ФТ: “**Субъект ситуации ведет себя так, как описывает МА»**, ср.:

(16) *Наталя Павлівна* <u>*кокетувала*</u> *неприховано* (‘Наталья Павловна кокетничала, не скрывая этого.’) – *кокетувати* ‘кокетничать’ ← *кокетлива* ‘кокетливая’;

(17) *The show had already been* <u>*savaged*</u> *by critics* (‘Критики уже разгромили это шоу в пух и прах.’) - *savage* ‘жестоко обращаться, свирепо атаковать’ ← *savage* ‘жестокий, беспощадный, злой, свирепый, в ярости’;

квазиэссивные артикуляционные (произносительные) ОАГ, ФТ**: «Субъект ситуации произносит звуки так, как описывает МА»**, ср.:

[1] Термин «экспозитивные глаголы» (ср. лат. exposita ‘внешний вид’) заимствован из работы М.Н.Янценецкой (ЯНЦЕНЕЦКАЯ 1973).

(18) *Він трошки гаркавив, але його «р» з домішкою «л» звучало музично приємно* (‘Он немного картавил, но его «р» с примесью «л» звучало музыкально приятно.’) – *гаркавити* ‘быть картавым, картавить’ ← *гаркавий* ‘картавий’;

квазиэссивные ОАГ движения, ФТ**: «Субъект ситуации движется так, как описывает МА»**, ср.:

(19) *Ein Fisch schnellt aus dem Wasser; ein Pfeil schnellt in die Luft/durch die Luft; er schnellte in die Höhe* (‘Рыба взлетает и мчится из воды; стрела мчится в воздух; он поднялся стремительно в высоту.’) – *schnellen* ‘вскакивать, взлетать вверх (в определенном направлении)’ ← *schnell* ‘быстрый’;

(20) *They gradually obliqued from the direct ascent* (‘Они постепенно отклонились от линии подъема’) – *oblique* (воен.) ‘продвигаться вкось’ ← *oblique* ‘косой, наклонный, покатый, скошенный’;

квазиэссивные ОАГ зрительного восприятия, ФТ: «**Субъект ситуации смотрит так, как описывает МА»**, ср.:

(21) *Кукса підозріло косив запалі очі на вікно* (‘Кукса подозрительно косился впалыми глазами на окно.’) – *косити* ‘смотреть косо, скосить глаза’ ← *косий* ‘косой, косоглазый’.

Эссивные глаголы, как видно из формул толкования, обозначают состояние/действие, замкнутое в сфере субъекта. Они обычно непереходны, хотя некоторые из них могут обладать сильной синтаксической связью, ср.:

(22) *... Der Tor, der lahmt auf einem Bein...* (‘...Глупец, тот хромает на одну ногу...’) – *lahmen* ‘хромать, быть хромым’ ← *lahm* ‘хромой’;

(23) *The indoors basketball court doubled for dances on week-ends* (‘Баскетбольный зал по субботам использовался для танцев’) – *double* ‘(одновременно) служить для чего-л. другого; замещать; делать что-л. дополнительно, по совместительству; действовать в качестве двойного агента’ ← *double* ‘двойной’.

- 4. Собственно эссивные ОАГ.

К собственно эссивным отнесены деадъективные глаголы немецкого, английского и украинского языков, значение которых определяется как: «неактивное состояние субъекта ситуации при выявлении признака, обозначенного МА». ФТ: «**Субъект ситуации пассивно выявляет признак, обозначенный МА»** модифицируется далее в формулах толкования выделенных семантических групп. Количество глаголов описываемой субкатегории составляет в немецком языке 27, в английском языке – 30, в украинском языке – 76 единиц.

В зависимости от того, является ли выявляемый субъектом ситуации признак обязательно визуально воспринимаемым или визуально невоспринимаемым, собственно эссивные ОАГ подразделяются на две семантические группы: (соответственно) экспозитивные и интраэссивные отадъективные глаголы.

4.1. Словообразовательное значение интраэссивных («внутренне эссивных») деадъективных глаголов определяется как «быть в состоянии признака, выраженного МА, который (условно) не воспринимается визуально» (ФТ: «Субъект ситуации выявляет визуально невоспринимаемый признак, обозначенный МА»). В немецком языке данную группу составили 21 глагол, в украинском языке – 32, в английском языке – 30 ОАГ, ср.:

Der Opa krankt an Asthma (‘Дедушка болеет/страдает астмой’) – *kranken* (уст.) (an) ‘болеть (чем-либо), быть больным на потяжении длительного времени’ ← *krank* ‘больной, слабый’);

It's so nice just to laze about in the sun, doing no work for a change (‘Как хорошо для разнообразия нежится на солнышке и ничего не делать’) – *laze* (разг.) ‘бездельничать; лентяйничать’ ← *lazy* ‘ленивый; располагающий к лени’;

Олександра Іванівна кинула на мене своїми прекрасними сірими очима. Ліве око косило, але погляд був живий, пронизливий, і гарячий (‘Александра Ивановна посмотрела на меня своими прекрасными серыми глазами. Левый глаз косил, но взгляд был живой, пронзительный и горячий’) – *косити* ‘косить’ ← *косий* ‘косой, косоглазый’.

В рамках интраэссивных ОАГ семантические подгруппы не выделяются.

4.2. Экспозитивными в данной работе именуются глаголы, которые конкретизируются в частном словообразовательном значении «выделяться, виднеться, отличаться, привлекать внимание визуально воспринимаемым признаком, обозначенным мотивирующим прилагательным» (ФТ: «Субъект ситуации виднеется признаком, который обозначает МА»), ср.:

Wo die Tannen finstre Schatten werfen...

Blaut der reine Horizont (‘Там, где ели бросают темные тени ... синеет чистый горизонт’) – *blauen* (поэт.) ‘(особенно о небе) быть синим, выделяться синевой’ ← *blau* ‘синий’;

Ворона сіла на каштан, і сніг сипався з гілки вниз і ярів на сонці (‘Ворона села на каштан, снег сыпался с ветки вниз и горел/искрился на солнце’) – *яріти* ‘виднеться, выделяться своим ярким цветом/оттенком’ ← *ярий* ‘яркий’.

Следует отметить, что фактически речь идет о глаголах экспозитивной семантики украинского языка, число которых составило 44 единицы. В немецком языке обнаружены 6 экспозитивных деадъективных глаголов, которые подаются в словаре с пометой «устаревшее слово», «редкое слово» и/или «поэтическое слово»/ «возвышенный стиль» и являются скорее исключением в словообразовательной и лексико-семантической системе немецкого языка. Если эссивному (экспозитивному) ОАГ украинского языка обнаружен соответствующий на уровне лексической семантики ОАГ немецкого языка, то в переводных словарях в качестве эквивалента часто подается не глагол, а описательная конструкция, ср.: укр. з*еленіти* ‘виднеться, выделяться своим зеленым цветом’ ← *зелений* ‘зеленый’ переводится на немецкий язык описательно: “*grün, grünlich schimmern, dämmern»*: *Grünlich dämmert der Fluß, silbern die alten Alleen und die Türme der Stadt* (‘Зеленеет река, серебрятся старые аллеи и башни города’), хотя в материале исследования обнаружен ограниченный возвышенным стилем деадъектив *grünen* ‘выделяться зеленым цветом, зеленеть (вдали)’ ← *grün* ‘зеленый’.

В современном английском языке глаголы экспозитивной семантики, мотивированные именами прилагательными, не обнаружены.

4.2.1. Экспозитивное значение в семантической структуре определенного числа глаголов исследования регулярно сочетается со значением становления признака (в украинском языке речь идет о 35, в немецком языке – о 4 единицах), ср.:

Weit blaut die Seeflut (‘Широко голубеют морские воды’), *blauen* – имеет экспозитивное значение,

Der Mond steigt auf, es blaut die Nacht, erblüht im Widerschein der Fluten (‘Луна поднимается, синеет ночь (приобретает оттенок голубого цвета), расцветает в отражении волн’), *blauen* имеет инхоативное значение.

Экспозитивное значение, «на которое падает отблеск или оттенок активности» инхоативного значения (БАКИНА 1966), рассматривается многими исследователями как вторичное. При этом, как отмечает И.С.Улуханов, «глаголы со значением «выявления признака» жанрово ограничены рамками художественных описаний, а «во многих контекстах образность создается совмещением значений выявления и становления: выявление признака представлено в движении, в становлении» (УЛУХАНОВ 1977, 135).

Применительно к материалу данного исследования можно установить, что развитие экспозитивного значения нехарактерно для глаголов инхоативного значения, непосредственно не выражающих изменения во внешности субъекта ситуации (т.е. признака, воспринимаемого визуально).

В украинском языке выделимы глагольные лексемы, которые не совмещают в своей семантической структуре экспозитивное значение с инхоативным (9 единиц), ср.:

височіти ’возвышаться над чем-либо, виднеться вдали’ ← *високий* ‘высокий, возвышающийся’: *Кілька високих струнких димарів височіли над будівлями заводу* (‘Несколько высоких стройных труб-дымоходов возвышались над постройками завода’);

янтаріти ‘виднеться, выделяться своим янтарным блеском’ ← *янтарний* ‘янтарный’: *Де-не-де у вікнах світло янтаріє* (‘Кое-где в окнах янтарным блеском виднеется свет’) и др.

В немецком языке только 1 глагол не совмещает в своей семантической структуре экспозитивное значение с инхоативным, ср.:

steilen (редко) ‘выдаваться в высоту, возвышаться’ ← *steil* ‘крутой, отвесный, обрывистый’: *Die Flammen steilten knatternd zum Nachthimmel* (‘Потрескивая, пламя взмывало в ночное небо’).

Экспозитивные ОАГ составляют предсказуемый список в украинском и немецком языках, что объясняется семантическими особенностями мотивирующих прилагательных этих глаголов: семантика прилагательных ограничена значением признака, характеризующего внешний, обязательно зрительно воспринимаемый облик предмета. Лишь в единичных случаях экспозитивные глаголы мотивировали имена прилагательные, которые не предполагают визуальное восприятие, но в любом случае данный признак воспринимается визуально именно посредством глагола, ср.:

Небо і чорне, і хмарне тяжіє вгорі (‘Небо черное и облачное тяжелеет вверху’) – *тяжіти* ‘нависать над чем-либо, кем-либо, возвышаться на просторе’ ← *тяжкий* ‘тяжелый’.

Обязательное присутствие таких компонентов мотивирующей семантики имени прилагательного, как «непосредственная вычленяемость признака» и «зрительный способ его восприятия» для образования (развития) деадъективов экспозитивной семантики объясняет доминирующую позицию прилагательных-цветообозначений в плане их производительности в отношении экспозитивных ОАГ, ср.:

grauen (поэт., возв.) ‘сереть, нечетко выделяться’ ← *grau* ‘серый’:

Aus dem stillen Grunde graute

Wunderbar die Stadt (‘Из тихой долины чудно вырисовывался город’);

зеленіти, червоніти ‘виднеться, выделяться своим зеленым/красным (багровым, алым) цветом’ ← *зелений* ‘зеленый’, *червоний* ‘красный’: *На взгір’ї по косогорах червоніла та зеленіла покрівля невеликих домів, неначе приліплених до гори* (‘На взгорье по косогорам краснела и зеленела кровля небольших домов, как будто прилепленных к горе’).

Экспозитивное значение возможно (иногда только окказионально) у глаголов, не обозначающих непосредственно цвета, но так или иначе характеризующих внешний признак предмета, ср.:

кругліти ‘виднеться, выделяться своими округлыми формами, быть круглым’ ← *круглий* ‘круглый, округлый’: *Де ... гори кругліють мішків і пакунків, я сиджу з продавцем бананів* (‘Где ... круглеются горы мешков и пакетов, я сижу с продавцом бананов’);

скляніти ‘выделяться стеклянным блеском’ ← *скляний* ‘стеклянный’: *Твердо скляніють його /університету/ високі вікна* (‘Твердым стеклянным блеском виднеются его /университета/ высокие окна’).

В украинском языке носителями экспозитивного значения являются, наряду с вышеописанными, также и производные (префиксные, постфиксные и префиксно-постфиксные) глаголы, образованные от ОАГ различной словообразовательной семантики (более подробно об этом (ПУЗИК 1999).

4.2.2. Особо следует отметить, что потенциал образования инхоативных глаголов и, на их базе, экспозитивных деадъективов реализован в украинском языке не полностью. Так, в языке имеются прилагательные-цветообозначения (преимущественно прилагательные, мотивированные именами существительными), которые не образовали глаголов: *абрикосовий* ‘цвета абрикоса, абрикосовый’, *бірюзовий* ‘бирюзовый’, *вишневий* ‘вишневый’, *кремовий* ‘кремовый’, *малиновий* ‘малиновый’, *рубіновий* ‘цвета рубина, рубиновый’, *фіолетовий* ‘фиолетовый’, *перламутровий* ‘перламутровый (о цвете)’ и др. Если сравнить их производность и ´большую морфологическую сложность с соответствующими показателями МА экспозитивных глаголов (см. (ПУЗИК 1999), то эти факторы могли стать препятствием для образования от них глаголов, но такие многосложные производные прилагательные как *русявий, золотавий, бронзовий* выступили в качестве мотивирующих для глаголов экспозитивной семантики. Поэтому основной причиной того, что вышеперечисленные прилагательные не образовали глаголы, является, по-видимому, их невысокая степень употребительности в языке по сравнению с более “популярными цветами”, что подтверждают данные частотного словаря украинского языка (Частотний словник української художньої прози). При этом представляется возможным образование таких глагольных лексем со значениями “становиться таким, как обозначает мотивирующее прилагательное“ и „выделяться, виднеться таким, как описывает МА” как: **абрикосовіти* ‘становиться цвета абрикоса’ и ‘выделяться, виднеться абрикосовым цветом’, **вишневіти* ‘становиться вишневым (по цвету)’ и ‘выделяться, виднеться вишневым цветом’, **фіолетовіти* ‘становиться фиолетовым’ и ‘выделяться, виднеться фиолетовым цветом’, **малиновіти* ‘становиться малиновым (по цвету)’ и ‘выделяться, виднеться малиновым цветом’, **бірюзовіти* ‘становиться бирюзовым (по цвету)’ и ‘выделяться,

виднеться бирюзовым цветом’ и др., которые в соответствующих контекстах легко понимаются носителями языка, но воспринимаются как окказиональные образования инхоативной семантики.

- 5. Квазиэссивные ОАГ.

Субкатегориальное значение квазиэссивных ОАГ определяется как «совершать действие, свойственное тому/чему, кто/что имеет признак или имеет отношение к признаку, выраженному мотивирующим прилагательным». ФТ: «**Субъект ситуации активно проявляет признак, который описывает МА».**

Основным отличием квазиэссивных глгаолов от собственно эссивных является их активность, динамичность. Квазиэссивные деадъективы могут быть описаны в общекатегориальной ФТ, которая, хотя и не содержит указания на активный компонент их семантики, является достаточной для передачи основного элемента значения таких глаголов – нахождения в состоянии признака, описанного мотивирующим прилагательным. Количественное наполнение данной словообразовательной субкатегории: немецкий язык – 36, английский язык – 56, украинский язык – 60 единиц.

5.1. Квазиэссивные ОАГ поведения в немецком, английском и украинском языках воспроизводят значение “вести себя так, как описывает МА”. ФТ: “**Субъект ситуации ведет себя так, как описывает МА»**, ср.:

Was zagt ihr, tapfre Franken!

Auf den Feind! (‘Что вы робеете, храбрые франки! Вперед на врага!’) – *zagen* (возв.) ‘робеть, колебаться, быть нерешительным’ ← *zag* ‘боязливый, робкий, нерешительный’;

Я тобі, Григорію, раджу: не свавільничай. Від беззаконня пора відвикати (‘Я тебе, Григорий, советую: не своевольствуй. От беззакония пора отвыкать’) – *свавільничати* (разг.) ‘своевольствовать’ ← *свавільний* ‘своевольный’.

В немецком языке вышеуказанное значение обнаружили 28, в украинском языке – 53, в английском языке – 47 глаголов.

В рамках данной семантической группы можно выделить подгруппы, но большинство квазиэссивных ОАГ поведения не могут быть однозначно отнесены к той или иной семантической подгруппе, поскольку они не характеризуются наличием доминирующего, четко идентифицируемого компонента значения, но содержат несколько дополнительных семантических компонентов одновременно. Семантические подгруппы могут составить:

1) Глаголы, которые, наряду с субкатегориальным значением, содержат в немотивирующей части своего значения компонент «неодобрение», ср.:

editorialize (амер.) ‘тенденциозно излагать/интерпретировать сообщения (в газете)’ ← *editorial* ‘редакторский, редакционный’, *sentimentalize* ‘сентиментальничать’ ← *sentimental* ‘сентиментальный, чувствительный’, *subtilize* ‘мудрить’ ← *subtle* ‘тонкий, проницательный, умный’.

Интересно отметить, что мотивирующие прилагательные вышеперечисленных квазиэссивных глаголов поведения «неодобрения» не содержат отрицательной оценки. Признак, обозначаемый МА, приобретает отрицательную оценку в составе глагола. Другими словами, «компонент неодобрения» входит в состав словообразовательного значения и закреплен в украинском языке за суффиксом *–ича-* (ср. *офіційничати, сентиментальничати*) , в английском языке – за суффиксом *–ize*.

2) Семантику ряда глаголов сопоставляемых языков можно описать в ФТ «Субъект ситуации стремится представить себя обладающим признаком, который обозначает МА» [8, 124], ср.:

klügeln (редко, уст.) ‘умничать, мудрить’ ← *klug* ‘умный, мудрый, осмысленный’: *Siehst du, man ist nicht klug, wenn man nur klügelt* (‘Видишь ли, неумен тот, кто только умничает’);

geistreicheln (негативно) ‘стараться показаться другим эрудированным и остроумным’ ← *geistreich* ‘остроумный, эрудированный’: *In Gesellschaft geistreichelt er gerne* (‘В обществе/присутствии посторонних он с удовольствием остроумничает’).

3) Некоторые квазиэссивные ОАГ сравниваемых языков обнаруживают дополнительный семантический компонент «обнаруживать признак посредством речи/оформлять свою речь, как обозначает МА», то есть такие глаголы могут обозначать речевой акт, в результате которого выявляется признак субъекта ситуации, или обозначать признак самого речевого акта, когда субъект ситуации таким признаком объективно не обладает, ср.:

blödeln ‘нести чушь’ ← *blöd* ‘глупый, нелепый’;

open ‘высказываться (о чем-л.)’ ← *open* ‘открытый, откровенный; искренний’: *Finally he opened freely on the subject* (‘Наконец он открыто высказался по этому вопросу’);

старувати ‘говорить, рассуждать как пожилой человек (о молодых людях или детях)’ ← *старий* ‘старый, пожилой’: *– Що мені та школа – хліба дасть? – старує десь у куточку Василько ...* (‘– Что мне эта школа – хлеба даст? – рассуждал Василек как старик где-то в уголке ...’).

Особенно много таких глаголов обнаружено в материале исследования английского языка: *dizzy* ‘говорить глупости, чепуху’ ← *dizzy* ‘глупый, недалекий’, *dulcify* ‘говорить нежно, ласково’ ← *dulcet* ‘сладкий, приятный, нежный (о звуках)’, *provincialize* ‘говорить или писать на диалекте’ ← *provincial* ‘провинциальный; периферийный; местный’ и др.

5.2. Квазиэссивные произносительные ОАГ со значением «произносить так, как описывает МА» составили 4 единицы украинского языка и 2 глагола английского языка. ФТ: «**Субъект ситуации говорит так, как описывает МА»**, ср.:

шепелявити ‘шепелявить’ ← *шепелявий* ‘шепелявый’: *Шепелявлю я, дорогі мої, а то б розказав* (‘Шепелявлю я, дорогие мои, а так бы я рассказал’);

nasalize ‘гнусавить, говорить в нос’ ← *nasal* ‘в нос’, *shrill* ‘пронзительно кричать, визжать’ ← *shrill* ‘пронзительный, резкий; визгливый’.

5.3. Квазиэссивные ОАГ движения со значением «передвигаться в пространстве так, как описывает МА» составили в украинском и немецком языках 4 глагольных лексемы, в английском языке обнаружены 7 отадъективных глаголов. ФТ: «**Субъект ситуации передвигается в пространстве так, как описывает МА»**, ср.:

schnellen ‘вскакивать, взлетать вверх (в определенном направлении)’ ← *schnell* ‘быстрый’;

brisk (about) ‘быстро двигаться’ ← *brisk* ‘резкий, быстрый’, *hasty* ‘спешить, торопиться’ ← *hasty* ‘быстрый, стремительный’, *oblique* (воен.) ‘продвигаться вкось’ ←

oblique ‘косой, наклонный, покатый, скошенный’, *round* ‘ходить кругами, кружить’ ← *round* ‘круглый’;

кривати ‘передвигаться хромая, хромать’ ← *кривий* ‘хромой’: *Криваючи, він випряг коней, повів до воза та наклав перед них сіна* (‘Хромая, он распряг коней, повел их к повозке и положил перед ними сено’).

5.4. Квазиэссивные ОАГ зрительного восприятия со значением «смотреть, как описывает мотивирующее прилагательное» в количественном отношении наименее представлены среди выделенных семантических групп эссивных глаголов сопоставляемых языков. В украинском языке можно выделить лишь 1 глагол описываемой семантики: *косити* ‘смотреть косо, скосить глаза’ ← *косий* ‘косой, косоглазый’.

В немецком языке обнаружены 3 квазиэссивных ОАГ зрительного восприятия :

starren (auf) ‘уставиться (на кого-либо, что-либо)) ← *starr* ‘неподвижный, застывший’, *schielen* ‘косить, смотреть отвлеченным взглядом, (разг.) выслеживать, следить’ ← *scheel* ‘(разг.) выражающий отрицательные эмоции, унижающий (в средненижненемецком „schel“: косоглазый), *stieren* ‘смотреть застывшими, неповижными, ничего невыражающими глазами’ ← *stier* ‘неподвижный, ничего невыражающий (о взгляде)’.

6. Выводы.

6.1. На межъязыковом уровне эссивные ОАГ украинского языка почти в 2 раза превышают соответствующие категории немецкого и английского языков. Основной причиной такого расхождения в количестве эссивных ОАГ украинского языка, с одной стороны, и немецкого и английского языков, с другой, является аналитизм строя германских языков сопоставления (в сравнении с флективным строем украинского языка): значение «обладание признаком/нахождение в состоянии, обозначенном прилагательным» передается в немецком и английском языках описательно – преимущественно с помощью синтаксических конструкций типа «прилагательное + глагол». Установлено, что ОАГ эссивной семантики на современном этапе развития немецкого и английского языков являются реликтом продуктивной в древневерхненемецкий, древнеанглийский и средневерхненемецкий, среднеанглийский периоды истории этих языков группы отадъективных глаголов.

6.2. ОАГ эссивной семантики сравниваемых языков отличаются в плане их функциональной нагрузки. Почти половина эссивных глаголов немецкого языка (46%) являются ограниченными в употреблении как устаревшие, устаревающие, редкоупотребительные слова либо ограниченные рамками возвышенного стиля, поэзии, национальными вариантами немецкого языка и диалектов. Напротив, почти все эссивные деадъективы украинского языка принадлежат к общеупотребительной лексике (лишь 3% являются ограниченными по разным признакам). Отадъективные глаголы эссивной семантики английского языка в большей части общеупотребительны, однако значительна часть глаголов, которые ограничены по разным признакам (20% общего количества эссивных ОАГ английского языка).

6.3. В семантической структуре эссивных ОАГ немецкого, английского и украинского языков воспроизводится оппозиция по признаку: «активное/неактивное состояние субъекта ситуации при выявлении признака, обозначенного мотивирующим прилагательным». По данному признаку эссивные глаголы сопоставляемых языков подразделены на две словообразовательные субкатегории: собственно эссивные («не-

активное состояние субъекта при выявлении признака») и квазиэссивные ОАГ («активное состояние субъекта при выявлении признака»).

6.4. В плане межъязыкового сопоставления следует отметить количественное превосходство обеих субкатегорий эссивных ОАГ украинского языка над соответствующими субкатегориями немецкого и английского языков, тогда как при внутриязыковом сопоставлении оказывается, что количественные соотношения выделенных субкатегорий в сопоставляемых языках различны: в украинском языке субкатегория собственно эссивных ОАГ превосходит субкатегорию квазиэссивных, а в немецком и английском языках квазиэссивные ОАГ в количественном отношении превосходят субкатегорию собственно эссивных деадъективов (в немецком языке количественное расхождение незначительно (9 единиц), в английском языке квазиэссивных ОАГ почти вдвое больше).

6.5. В рамках выделенных словообразовательных субкатегорий языков сопоставления и на основе наличия/отсутствия и характера определенных дополнительных семантических компонентов в семантике эссивных ОАГ выделены семантические группы. Так, в составе собственно эссивных ОАГ четко разграничиваются две семантические группы в зависимости от того, является ли обнаруживаемый субъектом ситуации признак обязательно визуально воспринимаемым (экспозитивные) или визуально невоспринимаемым (интраэссивные). Экспозитивные ОАГ украинского языка превосходят соответствующую семантическую группу немецкого языка в 8 раз, в английском языке деадъективы экспозитивной семантики не обнаружены. Словообразовательную субкатегорию квазиэссивных ОАГ составили в украинском и английском языках 4, а в немецком языке 3 семантических группы: поведения, произносительные (ОАГ такой семантики не обнаружены в немецком языке), движения и зрительного восприятия.

Литература:

АРТЕМОВ 1972: Артемов А.М. Семантическая соотносительность производящих имен прилагательных и производных от них глаголов на -ичать в современном русском языке // Русское словообразование. – Самарканд. – С.118-127.

БАКИНА 1966: Бакина М.А. Имена прилагательные как производящие основы современного словообразования// Развитие словообразования современного русского языка. – Москва – С. 55-73.

ВЕЖБИЦКАЯ 1999: Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – Москва. – 780 с.

ГИНЗБУРГ 1979: Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. – Москва. – 264 с.

ГРЕЩУК 1995: Грещук В.В. Український відприкметниковий словотвір. – Івано-Франківськ. – 208 с.

КАЛИУЩЕНКО 1994: Калиущенко В.Д. Типология отыменных глаголов. – Донецк. – 422 с.

ПУЗИК 1999: Пузик А.А. Эссивные отадъективные глаголы в немецком и украинском языках. // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. Вип. 2. Зб. наук. праць. – Донецьк. – С. 31-50.

УЛУХАНОВ 1977: Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – Москва. – 256 с.

ЮРЧУК 1959: Юрчук Л.А. Питання суфіксального словотворення дієслів сучасної української мови. – Київ. – 100 с.

ЯНЦЕНЕЦКАЯ 1973: Янценецкая М.Н. Семантическая соотносительность глаголов на -еть и мотивирующих прилагательных // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. ст. – Новосибирск. – С. 8-18.

ЯРЦЕВА 1990: Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва. – 682 с.
ADAMS 1973: Adams V. An introduction to Modern English Word-formation. – London. – 230 p.
AUMANN 1934: Aumann E. Denominative e-Verben im Altgermanischen. – Leipzig. – 265 s.
BRINKMANN 1950: Brinkmann H. Die Wortarten im Deutschen// Wirkendes Wort. – 1950. – № 1. – S. 65-79.
DOKULIL 1976: Dokulil M. Die von Adjektiven abgeleiteten Verben in der tschechischen Gegenwartssprache im Vergleich mit dem Deutschen// Beiträge zur konfrontierenden Sprachwissenschaft. – Halle-Salle. – S. 112-127.
DÜRSTELER 1954: Dürsteler H.P. Sprachliche Neuschöpfungen im Imperssionismus. – Thun. – 85 s.
ECKER 1963: Ecker K.H. Die Eräußerungsverben des Deutschen// Muttersprache. – Lüneburg. – S. 104-107.
ECKER 1961: Ecker K.H. Verben der Lebensregung. Ein Wortstand innerhalb der Zustandsverben des Deutschen. – Bonn. – 204 s.
ERBEN 1993: Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. – Berlin. – 182 s.
ESCHENLOHR 1997: Eschenlohr S. Vom Nomen zum Verb: Konversion, Präfigierung und Rückbildung. – Berlin. – 220 s.
FABRICIUS-HANSEN 1975: Fabricius-Hansen C. Transformative, intransformative und kursive Verben. –Tübingen. – 220 s.
FLEISCHER 1992: Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen. – 370 s.
GERLING 1979: Gerling M., Orthen N. Deutsche Zustands- und Bewegungsverben: eine Untersuchung zu ihrer semantischen Struktur und Valenz. – Tübingen. – 309 s.
GROSSE 1963: Grosse S. Durative Verben und präfigierte Perfektiva im Deutschen// Der Deutschunterricht. – 1963. – № 15. – S. 95-105.
HELBIGT 1998: Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – Leipzig. – 736 s.
JESPERSEN 1956: Jespersen O. A modern English grammar on historical principles. – London. – Part VI. Morphology. – 469 p.
MARCHAND 1969a: Marchand H. Die Ableitung deadjektivischer Verben im Deutschen, Englischen und Französischen// Indogermanische Forschungen. – № 74. – S. 155-173.
MARCHAND 1969b: Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. – München. – 545 s.
OHNHEISER 1987: Ohnheiser I. Wortbildung im Sprachvergleich: Russisch-Deutsch. – Leipzig. – 154 s.
POLENZ 1968: Polenz P. Ableitungsstrukturen deutscher Verben// Zeitschrift für deutsche Sprache. – l968. – № 24. – S. 129-160.
PRELL 1996: Prell H.P., Schebben-Schmidt M. Die Verbableitung im Frühneuhochdeutschen. – Berlin. – 424 s.
THON 1928: Thon L. Die Sprache des deutschen Impressionismus. – München. – 174 s.
VOGEL 1999: Vogel P.M. Wortarten und Wortartenwechsel. Zu Konversion und verwandten Erscheinungen im Deutschen und anderen Sprachen. – Berlin, New York. – 311 s.
WEISGERBER 1929: Weisgerber L. Adjektivische und verbale Auffassungen der Gesichtsempfindungen// Wörter und Sachen. – № 12. – S. 218-227.
WELLMANN 1995: Wellmann H. Die Wortbildung// Duden "Grammatik der deutschen Gegenwartssprache". – Mannheim. – S. 408-557.
WELLMANN 1973: Wellmann H. Verbbildung durch Suffixe // Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Erster Hauptteil: Das Verb. Eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache. – Düsseldorf. – S. 17-140.
WILMANNS 1930: Wilmanns W. Deutsche Grammatik, zweite Abteilung: Wortbildung. – Berlin. – 432 s.

І.Г. ДОДА

СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ЛСГ ДЗЕЯСЛОВАЎ СА ЗНАЧЭННЕМ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ Ў БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОВАХ

Слоўнікавы склад любой мовы ўяўляе сабой складаную ў структурным плане сістэму ўзаемазвязаных лексічных адзінак, што ўпарадкаваны паводле прыналежнасці да пэўных груповак (класаў) слоў, розных па аб'ёму і характару семантычных сувязей паміж састаўнымі кампанентамі, і якія ў сваю чаргу могуць перасякацца на аснове тых ці іншых крытэрыяў. Таму адной з найбольш важных і актуальных праблем лінгвістычнай навукі да сённяшняга часу застаецца праблема тыпалогіі, у тым ліку і семантычнай, розных класаў лексічных намінатыўных адзінак. Больш таго, гэтая традыцыйная лінгвістычная праблема ў апошні час атрымлівае сваё развіццё ў святле новых навуковых падыходаў, новых навуковых парадыгм, напрыклад, з пазіцый кагнітыўнай лінгвістыкі. На думку даследчыкаў, слоўнікавы склад мовы можа быць падзелены на розныя класы ці групоўкі на аснове наяўнасці ў іх складзе тых ці іншых характарыстык. Пры гэтым характарыстыкі або параметры класіфікацыі могуць быць вельмі рознымі: фармальныя і семантычныя, сістэмныя і функцыянальныя, парадыгматычныя і сінтагматычныя, унутраныя (уласна лінгвістычныя) і знешнія (паняційныя або кагнітыўныя ці сацыялінгвістычныя). Такім чынам, тэарэтычна можна дапусціць, што кожнае слова ўваходзіць у столькі тыпаў класаў (групіровак), колькі выдзелена крытэрыяў класіфікацыі слоўнікавага складу мовы з радам аднатыпных характарыстык. Таму кожнае слова, як пэўная намінатыўная адзінка, якая адлюстроўвае пэўны фрагмент аб'ектыўнай рэчаіснасці, можа разглядацца як кампанент таго ці іншага класа і як пункт перасячэння розных класаў слоў. На гэтым акцэнтуецца ўвага і аўтараў калектыўнай манаграфіі "Русская глагольная лексика: денотативное пространство", якія ўдакладняюць: "Кампанентамі семантычнай сістэмы мовы з'яўляюцца семантычныя палі, групы слоў, якія ў сваёй сукупнасці і з улікам культурных і нацыянальных своеасаблівасцей канкрэтнай мовы ўвасабляюць сабой моўную карціну свету" (РГЛ 1999, 19).

Найбольш інтэнсіўна ў айчынным мовазнаўстве даследаванне сістэмных адносін у лексіцы ажыццяўляецца з пазіцый лексіка-семантычных груп (ЛСГ). ЛСГ разглядаецца як найбольш тыповае аб'яднанне слоў, у якім сістэмныя сувязі праяўляюцца найбольш выразна, і характарызуеца як "адносна стабільная на сінхронным зрэзе сукупнасць лексічных адзінак, якія належаць да адной часціны мовы і характарызуецца аднароднасцю і супастаўляльнасцю значэнняў на падставе агульнасці аднаго з кампанентаў (сем, семантычных множнікаў) гэтых значэнняў" (ЛУКАШАНЕЦ 1980, 122). Даследаванне сістэмнай арганізацыі ЛСГ можа праводзіцца на падставе роз-

ных крытэрыяў, аднак да сённяшняга часу зусім недастактова ўдзялялася ўвагі словаўтваральным аспектам структуры канкрэтных ЛСГ у беларускай і рускай мовах. У дадзеным артыкуле якраз і даецца агульная характарыстыка ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах з пункту погляду суадносін матываванай і нематываванай лексікі ў іх складзе, а таксама суадносін матываваных дзеясловаў з матывавальнай базай.

Названая лексіка-семантычная група дзеясловаў у беларускай і рускай мовах вызначаецца шматпланавасцю і з пункту погляду словаўтваральных асаблівасцей[1]. Такая многааспектнасць несумненная і заканамерная, паколькі само паняцце "інтэлектуальная дзейнасць" з'яўляецца вельмі шырокім і можа выражацца адзінкамі розных часцін мовы. Таму пэўную цікавасць уяўляе паслядоўны аналіз беларускіх і рускіх дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці з пункту погляду іх словаўтваральнай структуры і суадноснасці матываваных дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці з матывавальнымі розных часцін мовы.

Дзеясловы інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах могуць быць невытворнымі або вытворнымі. Да першай групы адносяцца лексемы: ***бел.*** *– ведаць, меркаваць, помніць, думаць, рашаць, знаць, казаць, памятаць, інфармаваць, рэдагаваць, каменціраваць, кампіляваць, марыць, гаварыць, мысліць, разважаць, лічыць, кеміць, вучыць, інтэрпрэтаваць, сцвярджаць, рэпеціраваць, тварыць, тлумачыць, фіксаваць, чытаць, трактаваць, карэкціраваць* і інш. і ***рус.*** *– говорить, читать, молвить, решать, учить, мечтать, думать, информировать, критиковать, знать, считать, аннотировать, редактировать, помнить, аттестовать, координировать, консультировать, видеть, гадать, глядеть, сличать, брать, делить, судить, представить, мерить, понять, черпать, посвятить, трактовать, править, пробовать* і інш. Дзеясловы, якія адносяцца да гэтай групы, у абедзвюх мовах з'яўляюцца параўнальна нешматлікімі, аднак значэнне інтэлектуальнай дзейнасці ў іх выражана найбольш яскрава. Такія дзеясловы з'яўляюцца ідэнтыфікатарамі дадзенай лексіка-семантычнай групы і складаюць яе ядро.

Другую найбольш шматлікую па колькасці частку, якая запаўняе асноўную прастору ЛСГ дзеясловаў інтэлектуальнай дзейнасці, складаюць матываваныя (вытворныя) адзінкі. У гэтую групу ўваходзяць самыя розныя структурныя тыпы дзеяслоўных адзінак. Паводле суадноснасці з матывавальнай базай яны падзяляюцца на ўтвораныя ад дзеясловаў, назоўнікаў і прыметнікаў. Найбольш значную па колькасці частку вытворных дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці складаюць матываваныя ад дзеясловаў: ***бел.*** *– думаць → абдумаць, крытыкаваць → пакрытыкаваць, знаць → пазнаць, вучыць → завучыць, кампіляваць → скампіляваць, помніць → запомніць, канстатаваць → канстатавацца, марыць → марыцца, рэдагаваць →*

[1] У склад ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ўключаны з лексікаграфічных крыніц 3512 беларускіх і 3517 рускіх дзеясловаў паводле інтэгральнай семы «інтэлектуальная дзейнасць. У якасці асноўнага крытэрыя ўключэння дзеяслоўных лексем у склад ЛСГ ўзяты слоўнікавыя дэфініцыі (ТСБМ 1977 – 1984; РБС 2002; СРЯ 1999)

адрэдагаваць, інфармаваць → праінфармаваць, разважаць → паразважаць, мысліць → абмысліць, гаварыць → нагаварыць, лічыць → улічыць, казаць → расказаць, ведаць → даведацца, рашыць → вырашыць і інш. і ***рус.*** *– учить → переучить, думать → подумать, аттестовать → переаттестовать, говорить → поговорить, читать → недочитать, помнить → напомнить, редактировать → отредактировать, знать → узнать, решить → вырешить, помнить → вспомнить, молвить → промолвить, информировать → проинформировать, критиковать → раскритиковать, знать → познать* і інш.

Бел.: **абдумаць** *зак.* – Папярэдне ў думках разгледзець усе магчымыя акалічнасці, дэталі чаго-н.; усебакова ўзважыць; падумаўшы, вырашыць. ← **думаць** *незак.* – 1. Аддавацца роздуму; раздумваць, мысліць. 2. Лічыць, меркаваць // Мець падазрэнне, лічыць вінаватым у чым-н. 3. Мець намер, збірацца што-н. рабіць. 4. Клапаціцца, турбавацца[1];

запомніць *зак.* – Захаваць, утрымаць у памяці. ← **помніць** *незак.* – Трымаць у памяці, не забываць;

пакрытыкаваць *зак.* – 1. Адзначыць недахопы, навесці крытыку на каго-н., што-н. 2. Крытыкаваць некаторы час. ← **крытыкаваць** *незак.* – 1. Наводзіць крытыку. 2. Займацца крытыкай;

скампіляваць *зак.* – Зрабіць што-н. шляхам кампіляцыі. ← **кампіляваць** *незак.* – Займацца кампіляцыяй;

Рус.: **вспомнить** *сов.* – 1. Восстановить в сознании что-л. забытое, необходимое в настоящий момент. 2. Восстановить в сознании, в памяти события, обстоятельства, образы и т.п., относящиеся к прошлому. ← **помнить** *несов.* – 1. Удерживать в памяти, не забывать. 2. Иметь ввиду, учитывать;

проинформировать *сов.* – Дать информацию; осведомить. ← **информировать** *сов. и несов.* – Дать (давать) информацию, сообщать нужные сведения; осведомлять;

переучить *сов.* – 1. Обучить многих. 2. Обучить заново. 3. Выучить, заучить заново. 4. Заучить многое. 5. С излишней старательностью заучить что-н. или в излишней степени обучить чему-н. ← **учить** *несов.* – 1. Сообщать кому-л. какие-л. знания, передавать какие-л. умения, навыки // Заставлять усваивать что-л., оказывать влияние на кого-л. в нужном направлении; наставлять. 2. Быть профессиональным учителем или учительницей. 3. Высказывать определённое мнение, развивать ту или иную мысль, доказывать определённое положение. 4. Усваивать, стараться воспринять и запомнить. 5. Дрессировать // *перен. Разг.* Бить, сечь, наказывая;

подумать *сов.* – 1. Прийти к какой-л. мысли, сделать умозаключение // Составить какое-л. мнение о ком-л., чем-л. 2. Направить мысли на кого-л., что-л.; проявить интерес, внимание к кому-л., чему-л. 3. Прийти к мысли о чём-л., решиться что-л. сделать. 4. Провести некоторое время, думая, размышляя // *Разг.* Задумать, обдумать что-л., не высказывая. ← **думать** *несов.* –

[1] Прыведзеныя ў якасці прыкладаў разгорнутыя дэфініцыі матываваных дзеясловаў і іх утваральных паказваюць семантычную і словаўтваральную суадноснасць нематываваных і матываваных адзінак у складзе ЛСГ.

1. Размышлять, предаваться раздумию // Иметь какое-л. мнение. 2. Полагать, считать, предполагать // *Разг.* Подозревать, считать виновным в чём-л. 3. Намереваться, собираться делать что-л. 4. Заботиться, беспокоиться;

Значна меншую частку лексіка-семантычнай групы складаюць матываваныя ад назоўнікаў: ***бел.*** *– акцэнтаваць, фантазіраваць, палемізаваць, аргументаваць, рыфмаваць, аналізаваць, дыскусіраваць, рэзюмаваць, мазгаваць, матываваць* і інш. і ***рус.*** *– фантазировать, мыслить, рецензировать, программировать, морализировать, грезить, интересовать, акцентировать, гармонировать, экзаменовать, умствовать, классифицировать, аналогизировать, философствовать* і інш., напрыклад:

Бел.: **акцэнтаваць** *зак. і незак.* – 1. Паставіць (ставіць) акцэнт. 2. *перан.* Асабліва вылучыць (вылучаць), падкрэсліць (падкрэсліваць) пэўную думку ў выказванні ← **акцэнт** – 1. Націск у слове // Знак націску. 2. Своеасаблівае вымаўленне, уласцівае для тых, хто гаворыць на чужой мове // Адметнасць вымаўлення ў той ці іншай мясцовай гаворцы або мове;

аналізаваць *незак.* – Рабіць аналіз чаго-н. ← **аналіз** – 1. Метад навуковага даследавання, які заключаецца ў расчляненні цэлага на састаўныя часткі // Разбор, разгляд чаго-н. 2. Вызначэнне саставу і ўласцівасцей рэчыва;

рыфмаваць *незак.* – 1. *Разм.* Быць сугучным, уяўляць сабой рыфму. 2. Падбіраць словы, радкі для атрымання рыфмы. ← **рыфма** – Сугучнасць у канцы вершаваных радкоў;

фантазіраваць *незак.* – 1. Аддавацца фантазіі; марыць // Выдумляць што-н. непраўдападобнае. 2. Імправізаваць, іграючы на музыкальным інструменце. ← **фантазія** – 1. Творчае ўяўленне // Выдумка, вынаходлівасць. 2. Прадукт чыйго-н. уяўлення; мара // Нешта неверагоднае, глупства. 3. *Разм.* Нечаканы, незразумелы ўчынак; дзівацтва. 4. Музычны твор свабоднай формы, імправізацыйнага характару. 5. Літаратурны твор фантастычнага зместу // Літаратурны твор, які з'яўляецца творчай перапрацоўкай якіх-н. твораў;

Рус.: **акцентировать** *сов. и несов.* – 1. Произносить с ударением слово, слог и т.п. // Ставить знак (знаки) ударения. 2. В музыке – выделять, подчеркивать какой-л. Звук или аккорд путем его усиления. 3. *перен.* Выделять, подчеркивать то, что представляется важным. ← **акцент** – 1. *Спец.* Ударение в слове, а так же знак ударения. 2. *перен. Книжн.* Подчёркивание какого-н. положения, мысли. 3. Особенности выговора, свойственного говору не на родном языке;

гармонировать *несов.* – Соответствовать чему-л.; согласовываться, сочетаться. ← **гармония** – 1. Выразительные средства музыки, связанные с объединением тонов в созвучия и с композицией созвучий, а также соответствующий раздел в теории музыки. 2. Согласованность, стройность в сочетании чего-н.;

умствовать *несов.* – Размышлять, пускаясь в слишком отвлечённые или ненужные рассуждения. ← **ум** – 1. Способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни. 2. Такая способность, развитая в высокой

степени, высокое развитие интеллекта. 3. *Перен.* О человеке как носителе интеллекта;

морализировать *несов.* – Проповедовать строгую мораль, нравственность. ← **мораль** – 1. Нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность. 2. Логический, поучительный вывод из чего-н. 3. *Разг.* Нравоучение, наставление;

Яшчэ меншую частку ЛСГ складаюць матываваныя ад прыметнікаў: ***бел.*** *– абагульніць, выявіць, мудрыць, індывідуалізаваць, прыпадобніць, усвядоміць, узнавіць, абстрагаваць, канкрэтызаваць, яснець* і інш. і ***рус.*** *– идентифицировать, совершенствовать, возвеличить, пояснить, объединить, конкретизировать, усложнить, активизировать* і інш., напрыклад:

Бел.: **абагульніць** *незак.* – 1. Знаходзіць агульнае ў розных думках, фактах, выказваннях і на падставе гэтага рабіць вывад // Знаходзіць што-н. вартае пераймання ў дзейнасці розных людзей, прадпрыемстваў, устаноў і рабіць гэта здабыткам усіх // Пераносіць рысы адной з'явы на ўсе падобныя ёй. 2. Назіраючы за пэўнай катэгорыяй людзей, знаходзіць характэрнае і на падставе гэтага стварацъ мастацкі вобраз; тыпізаваць. 3. Аб'ядноўваць, злучаць у нешта адзінае. ← **агульны** – 1. Які ажыццяўляецца ўсімі, у якім усе ўдзельнічаюць. 2. Які належыць усім (пэўнай групе, калектыву); калектыўны // Прызначаны для сумеснага карыстання. 3. Які аб'ядноўвае ўсіх у якую-н. групу, калектыў; сабраны ў адно цэлае. 4. Аднолькавы, уласцівы каму-н. адначасова з іншым (іншымі); той самы для аднаго і другога (другіх). 5. Які ахоплівае ўсіх і ўсё, пашыраецца на ўсіх і на ўсё навокал // Які распаўсюджваецца на ўвесь арганізм. 6. Які не мае спецыяльнага прызначэння. 7. Увесь, у поўным аб'ёме, сукупны. 8. Які датычыцца асноў чаго-н. 9. Які ўспрымаецца ў цэлым, без уліку дэталей, дробязей // Галоўны, вызначальны, асноўны. 10. Схематычны, павярхоўны, неканкрэтны;

абстрагаваць *зак. і незак. – Кніжн.* Выдзеліць (выдзяляць) найбольш істотныя, заканамерныя прыметы і сувязі прадмета шляхам мысленнага аддзялення ад мноства іншых, неістотных яго ўласцівасцей, якасцей, сувязей. ← **абстрактны** – 1. Адцягнены, атрыманы шляхам абстракцыі. 2. Заснаваны на абстракцыі; такі, які карыстаецца абстракцыяй;

канкрэтызаваць *зак. і незак.* – Даць (даваць) канкрэтнае выражэнне чаму-н.; удакладніць (удакладняць). ← **канкрэтны** – Які рэальна існуе, дакладны, прадметна акрэслены;

яснець *незак.* – 1. Станавіцца больш лагічным, дакладным. 2. Вылучацца сярод чаго-н.; віднецца. ← **ясны** – 1. Яркі, светлы. 2. Бязвоблачны, бясхмарны, чысты // *перан.* Нічым не засмучаны; ціхамірны. 3. *перан.* Які не патрабуе дадатковага тлумачэння; зразумелы, просты. 4. Акрэслены, добра бачны, выразна ўспрымальны. 5. Лагічны, пераканаўчы, дакладны // Здольны лагічна мысліць;

Рус.: **идентифицировать** *сов. и несов.* – Установить (устанавливать) идентичность чего-л. чему-л. ← **идентичный** – Тождественный, полностью совпадающий;

совершенствовать *несов.* – Делать лучше, совершеннее. ← совершенный – 1. Являющийся совершенством, превосходный. 2. Полный, несомненный;

усложнить *сов.* – 1. Сделать более сложным по строению, форме, характеру составляющих частей. 2. Сделать более трудным, требующим больших усилий для осуществления, исполнения, понимания и т.п. 3. Сделать более напряжённым, затруднительным. ← **сложный** – 1. Состоящий из нескольких частей, многообразный по составу частей и связей между ними. 2. Трудный, запутанный;

конкретизировать *сов. и несов.* – Давать конкретное выражение чему-л., уточнять что-л. ← **конкретный** – Реально существующий, вполне точный и вещественно определённый, в отличие от обстрактного, отвлечённого.

Зусім нязначную частку складаюць матываваныя ад прыслоўяў, займеннікаў і складаных слоў: ***бел.*** *– падтакнуць, перайначыць, засвоіць, вастрасловіць, відазмяняць* і інш. і ***рус.*** *– усвоить, взаимопроникать видоизменять* і інш.

Паводле словаўтваральнага сродку сярод матываваных дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці выдзяляюцца:

– прэфіксальныя (***бел.:*** *думаць → па-думаць, вучыць → за-вучыць, рэдагаваць → ад-рэдагаваць, рашыць → вы-рашыць;* ***рус.:*** *читать → по-читать, помнить → на-помнить, знать → у-знать* і інш.);

– суфіксальныя (***бел.:*** *распазнаць → распазна-ва-ць, выведаць → выведва-ць, выдумаць → выдум-ва-ць, пагаварыць → пагавар-ва-ць;* ***рус.:*** *надумать → надум-ыва-ть, выучить → выуч-ива-ть, вырешить → выреш-а-ть, дочитать → дочит-ыва-ть* і інш.);

– постфіксальныя (***бел.:*** *вучыць → вучыц-ца, думаць → думац-ца, крытыкаваць → крытыкавац-ца, лічыць → лічыц-ца;* ***рус.:*** *читать → читать-ся, помнить → помнить-ся, знать → знать-ся* і інш.).

Такім чынам, лексіка-семантычная група дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах аб’ядноўвае ў сваім складзе невытворныя і вытворныя лексемы. Невытворныя дзеясловы складаюць ядро дадзенай ЛСГ, аднак яны з’яўляюцца нешматлікімі. Вытворныя ж дзеясловы ў групе займаюць значна большае ў колькасных адносінах месца, многія з якіх з’яўляюцца аднакарэннымі і, як паказваюць прыведзеныя вышэй прыклады, суадносныя па сваёй семантыцы з невытворнымі (зыходнымі). Невялікую частку вытворных таксама складаюць матываваныя ад назоўнікаў, прыметнікаў і іншых часцін мовы. Колькасны склад нематываваных і матываваных дзеясловаў лексіка-семантычнай групы інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай мове адлюстроўвае табл. 1.

Табліца 1

Удзельная вага невытворных і вытворных дзеясловаў

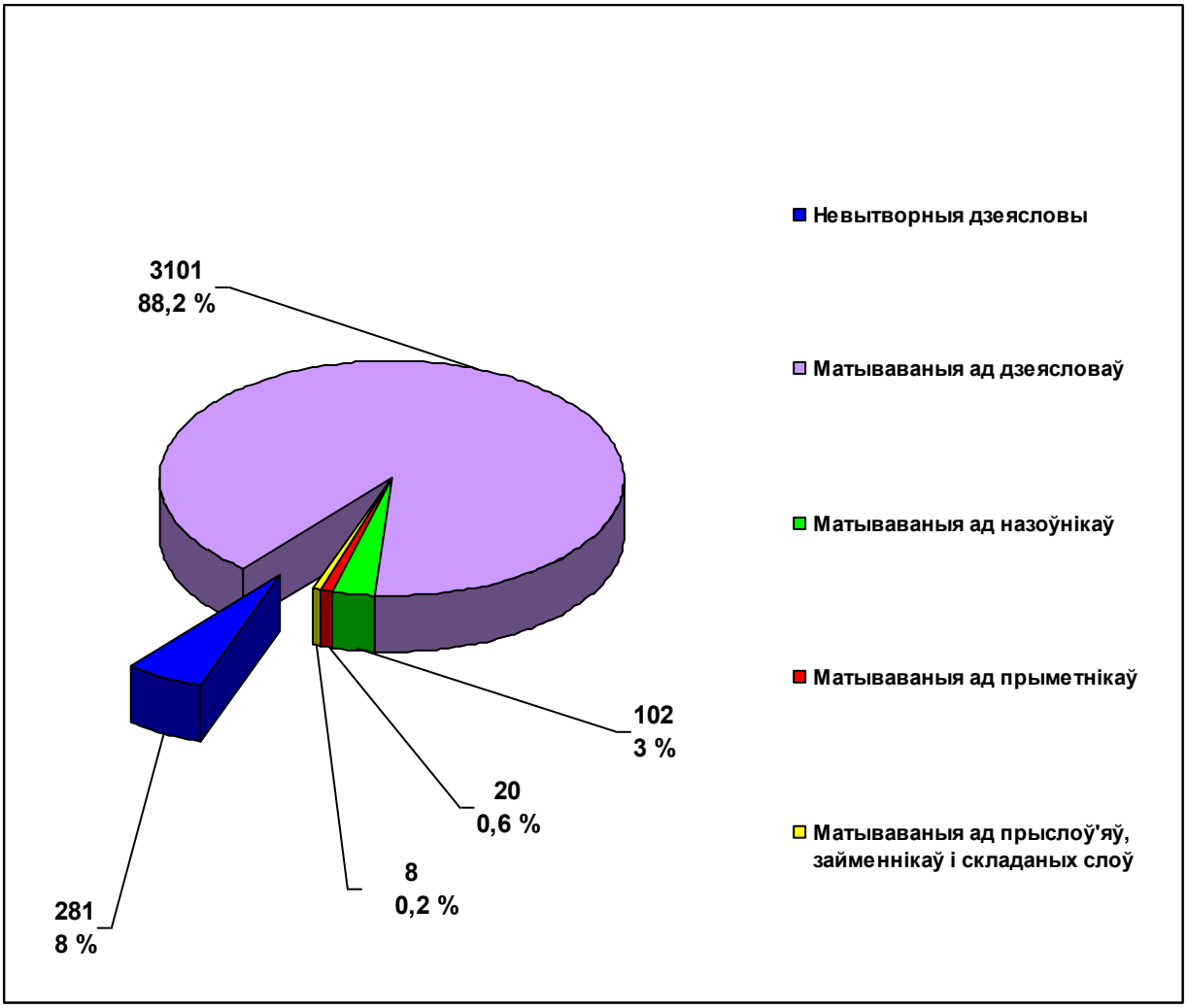
у ЛСГ інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай мове

УСЯГО:	З іх невыт-ворныя	Удзельная вага невыт-ворных	Вытворныя дзея-словы, у тым ліку і ад іншых часцін мовы	Удзельная вага вы-творных
3512	281	8 %	3101	92 %

Для нагляднасці прадэманструем у выглядзе сектараў дыяграмы суадноснасць беларускіх невытворных дзеясловаў і вытворных, у прыватнасці, матываваных ад дзеясловаў, назоўнікаў, прыметнікаў і іншых часцін мовы (гл. дыяграму 1)

Для рускай мовы колькасны склад нематываваных дзеясловаў і матываваных адзінак лексіка-семантычнай групы інтэлектуальнай дзейнасці ў рускай мове адлюстроўвае табл. 2.

У рускай мове суадноснасць невытворных дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці і матываваных паказана на дыяграме 2. Прыведзеныя для беларускай і рускай моў дыяграмы ў цэлым суадносяцца паміж сабой, таму што большасць асноўных (базавых) ядзерных лексем ЛСГ у абедзвюх мовах маюць агульныя карані і суадносяцца па сваіх лексічных значэннях, што абумоўлівае іх аднолькавыя словаўтваральныя магчымасці.

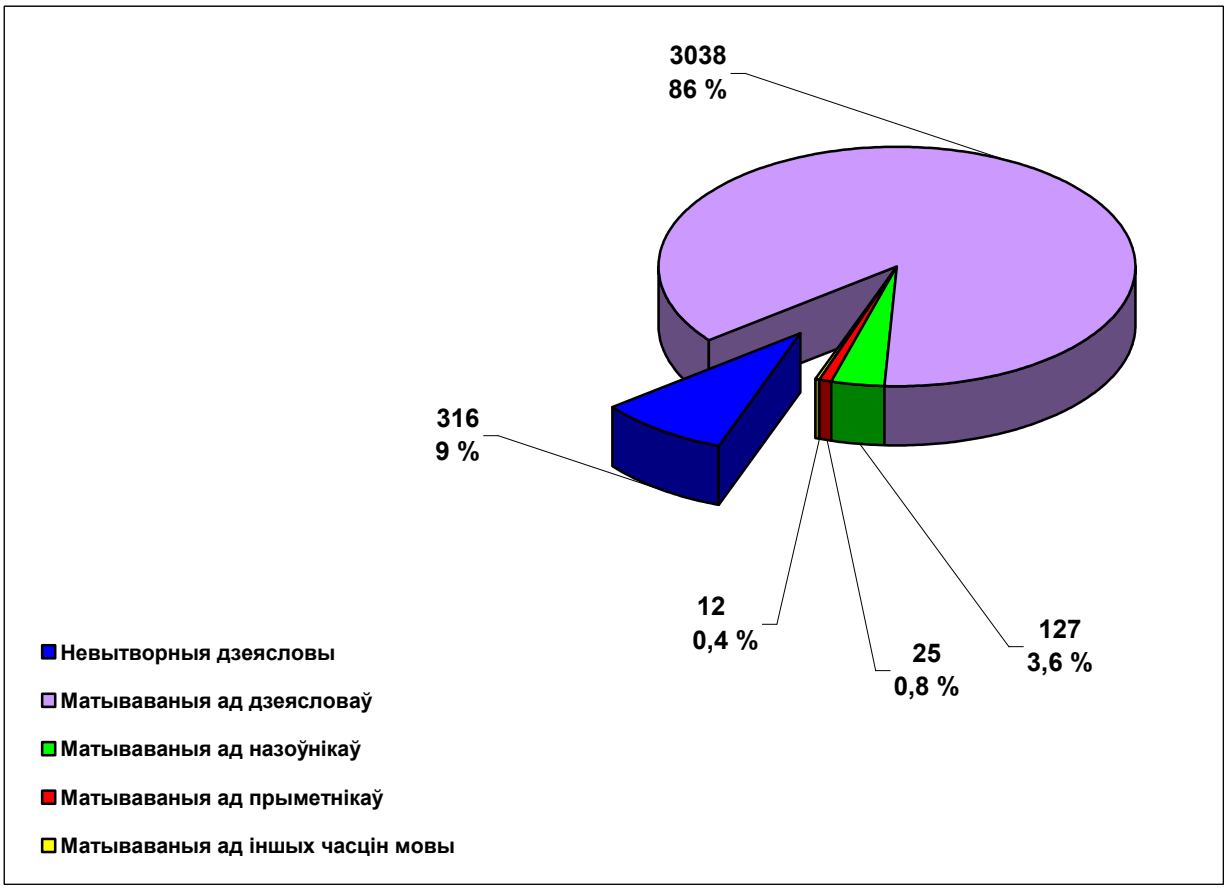


Дыяграма 1. Састаў і словаўтваральная характарыстыка ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай мове

Табліца 2

Удзельная вага невытворных і вытворных дзеясловаў у ЛСГ інтэлектуальнай дзейнасці ў рускай мове

УСЯГО:	З іх невытворныя	Удзельная вага невыт-ворных	Вытворныя дзеясловы, у тым ліку і ад іншых часцін мовы	Удзельная вага вытворных
3517	316	9 %	3038	91 %



Дыяграма 2. Састаў і словаўтваральная характарыстыка ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў рускай мове

Найбольш тыповым праяўленнем сістэмнасці лексічнага ўзроўню мовы, як адзначалася вышэй, з'яўляецца магчымасць размеркавання слоўнікавага складу мовы па ЛСГ. Таму структурная арганізацыя самой ЛСГ у пэўнай ступені адлюстроўвае і характар сістэмных семантыка-матывацыйных адносін усяго лексічнага ўзроўню мовы. Так, семантыка-словаўтваральная структура ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах можа быць умоўна прадстаўлена ў трохмернай сістэме каардынат у выглядзе ступеньчатага цыліндра (гл. схему).

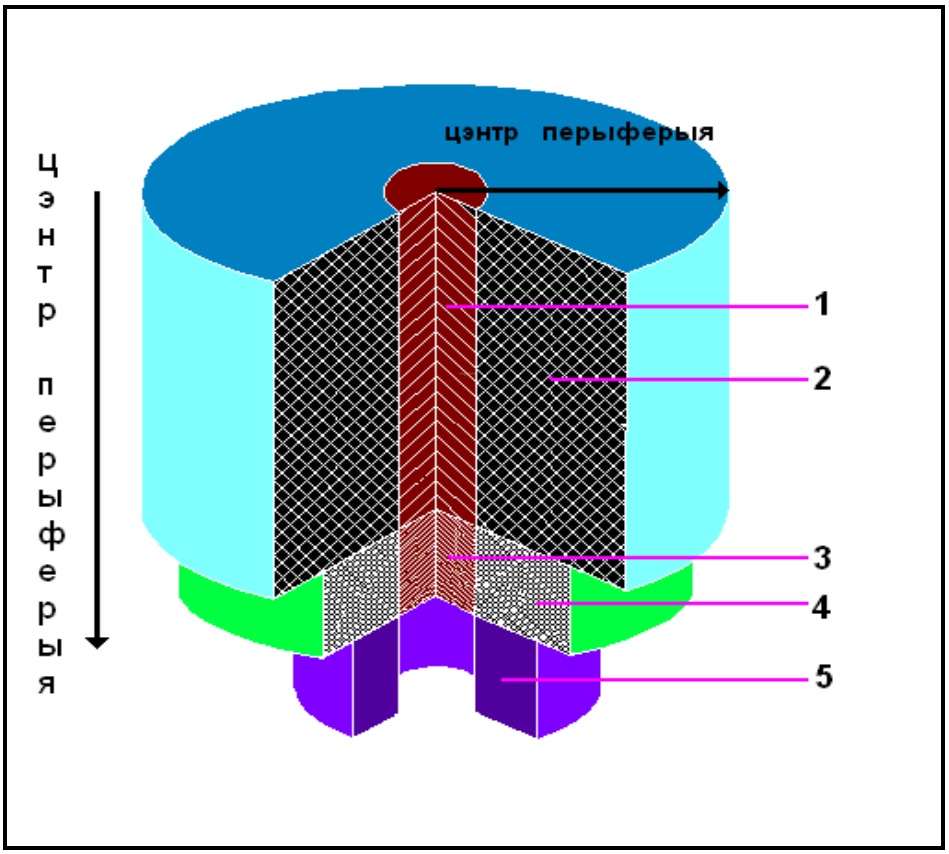


Схема. Семантыка-словаўтваральная структура ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах:

1 – невытворныя дзеясловы з прамымі значэннямі;

2 – матываваныя дзеясловы, утвораныя ад дзеясловаў з прамымі значэннямі;

3 – невытворныя дзеясловы з пераноснымі і стылістычна маркіраванымі значэннямі;

4 – матываваныя дзеясловы, утвораныя ад дзеясловаў з пераноснымі і стылістычна маркіраванымі значэннямі;

5 – матываваныя дзеясловы, утвораныя ад слоў іншых часцін мовы.

З аднаго боку, у склад ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах уключаюцца дзеясловы нейтральнай, стылістычна маркіраванай і пераноснай лексікі (вертыкальнае разгортванне ЛСГ), з другога – ядро дадзенай групы складаюць нематываваныя дзеясловы, асноўную прастору запаўняюць матываваныя аддзеяслоўныя адзінкі і на перыферыі знаходзяцца матываваныя дзеясловы, утвораныя ад іншых часцін мовы (гарызантальнае разгортванне ЛСГ).

Структуру дадзенай ЛСГ, такім чынам, утвараюць розныя паводле сваёй семантыкі, ужывальнасці, стылістычнай афарбоўкі і словаўтваральнай структуры пласты лексікі. Цэнтр групы, яе ядро складаюць нематываваныя дзеясловы з прамымі намінатыўнымі значэннямі (на схеме паказаны лічбай 1), перыферыйную частку ядра ЛСГ складаюць нематываваныя дзеясловы інтэлектуальнай лексікі з пераноснымі і стылістычна маркіраванымі значэннямі (на схеме – лічба 3). Бліжэй да цэнтральнай часткі ядра ЛСГ знаходзіцца матываваная аддзеяслоўная агульнаўжывальная лексіка, якая запаўняе асноўную прастору цэнтральнага пласта ЛСГ (на схеме пазначаны лічбай 2), далей ад цэнтра размяшчаюцца матываваныя дзеясловы, утвораныя ад дзеясловаў са стылістычна маркіраванымі і пераноснымі значэннямі (лічба 4 на схеме). Нарэшце, на самай дальняй перыферыі знаходзяцца матываваныя дзеясловы, утвораныя ад слоў іншых часцін мовы (лічба 5). Зразумела, што такі падзел з’яўляецца ў значнай ступені ўмоўным і схематычным, аднак ён добра паказвае характар і састаў ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах.

Літаратура:

ЛУКАШАНЕЦ 1980: Лукашанец А.А. Дзеясловы пераўтваральнага ўздзеяння ў рускай і беларускай мовах // Весці АН БССР. Серыя гуманітарных навук. – №4. – Мінск. – С. 120 – 127.

РБС 2002: Русско-белорусский словарь: В 3-х т. – 8-е изд. – Минск.

РГЛ 1999: Русская глагольная лексика: денотативное пространство: Монография / Под. общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург. – 460 с.

СРЯ 1999: Словарь русского языка: В 4-х т. – 4-е изд. – Москва. ТСБМ 1977 – 1984: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5-ці тт., 6-ці кн. – Мінск.

ЗМЕСТ

Ад рэдактараў 5

У памяць аб Юраю Фурдзіку (17.8.1935 – 7.8.2002 гг.) 6

Прафесар доктар Багўслаў-Юзэф Крэя (17 сакавіка 1931 – 26 снежня 2002) 9

И.С.Улуханов Некоторые вопросы теории исторического словообразования 11

Е.С. Кубрякова О ключевых проблемах теории словообразования 22

Alicja Nagórko Ujęcie funkcji formantów słowotwórczych w pracach językoznawczych XX wieku 32

Krystyna Waszakowa Wpływ najnowszych zapożyczeń na repertuar i funkcje środków słowotwórczych współczesnej polszczyzny 39

О.П. Ермакова Активные тенденции изменений семантической структуры производных имён лиц 52

Е.И. Коряковцева Тенденции развития русских и польских nomina actionis с изофонными формантами 63

Е.В. Петрухина Словообразовательная семантика в системе языковых значений 76

Г.П. Нещименко О некоторых тенденциях в развитии современного славянского словообразования 85

Светлана Менгель Процессы специализации и взаимодействия на уровне словообразования в языковом континууме восточнославянской письменности XI–XVII веков 98

Krystyna Kleszczowa Faktografia we wnioskowaniu o ewolucji systemu słowotwórczego 110

В.Н. Виноградова Полимотивированность как фактор эволюции словообразовательной системы 117

И.Г. Милославский Словообразовательная семантическая модификация в активной грамматике русского языка 123

Бранко Тошович Словообразовательный корреляционал: категориальные отношения 130

Г.А.Николаев СИНКРЕТИЗМ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ 156

Марсель Ферран ОБ ОДНОМ РАЗНОГЛАСИИ МЕЖДУ Г.О. ВИНОКУРОМ И В.В. ВИНОГРАДОВЫМ 164

А.В.Никитевич Производное слово и словосочетание: взаимодействие дериватов с общим корнем 166

З.А. Харитончик О сохранении мотивированности аббревиатур 176

А.А. Лукашанец ДА ПРАБЛЕМЫ ІНВЕНТАРЫЗАЦЫІ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫХ СРОДКАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ 185

Рубен С. Манучарян НУЛЕВЫЕ КОРНИ 194

Jerzy Sierociuk Niektóre aspekty leksykalizacji słowotwórczej 198

Людвиг Селимски Nomina actionis / acti в белоруския и българския език. Нерегулярни образувания 203

Нам-Син Чо Сопоставительное изучение Словообразовательного процесса в русском и корейском языках 213

Т.Г. Трофимович ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВОДНОГО НАИМЕНОВАНИЯ И ТИПОЛОГИЯ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ 223

Е.Г. Лукашанец ПРОБЛЕМЫ ДЕРИВАЦИИ В СОЦИОЛЕКТЕ 231

В.Д.Калиущенко Словообразовательные универсалии (типологический эксперимент) 241

А.А. Пузик ОТАДЪЕКТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ ЭССИВНОЙ СЕМАНТИКИ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ И НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКАМИ) 248

І.Г. Дода Словаўтваральныя асаблівасці ЛСГ дзеясловаў са значэннем інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай і рускай мовах 265

Навуковае выданне

ПРАБЛЕМЫ ТЭОРЫІ І ГІСТОРЫІ СЛАВЯНСКАГА СЛОВАЎТВАРЭННЯ

Даклады Шостай Міжнароднай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск / Беларусь 2 – 6 сакавіка 2003 г.

Тэхн. рэдактар В.Р.Гаўрыленка

Падпісана да друку 5.03.2004. Фармат 60Х84/16. Папера афсетная.
Ум. друк. арк. 17,5. Ул. выд. арк. 17,6. Наклад 100.
ВТАА "Права і эканоміка". Ліцэнзія ЛВ № 464 ад 15.09.2000 г.
220072 Мінск, вул. Сурганава 1, корп. 2.
УП «КНІГА» ЛП 47 от 11.10.2000 Мінск В.Харужай, 31а.

ISBN 985-442-092-2

9 789854 420920